

ЧЕКИСТЫ рассказывают

ЧЕКИСТЫ рассказывают

Книга 8

Москва
«Советская Россия»
1991

Составитель В. Листов

Художник Е. Воронцов

Чекисты рассказывают: Кн. 8/Сост. В. Листов. — Ч-37 М.: Сов. Россия, 1991. — 352 с.

Первый сборник «Чекисты рассказывают» увидел свет двадцать лет назад. Очередная, восьмая, книга посвящена труду чекистов в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Все повести написаны на документальной основе. Их авторы — чекисты А. Куварзин, А. Афанасьев, В. Тимофеев, писатели В. Аграновский, Т. Гладков, В. Гайдаенко. Читатель познакомится с деятельностью выдающихся советских разведчиков Р. Абеля и К. Молодого, работой органов государственной безопасности по разоблачению происков иностранных спецслужб.

Ч 4702010204—008 142—90
М-105(03)91

P2

ISBN 5—268—00895—1

© Издательство «Советская Россия», 1991 г

По следам «Волка»

Кто мог пережить, тот должен помнить.

А. И. Герцен

Как бы далеко ни уносило от нас неумолимое время годы страшного лихолетья, мы должны помнить это: «Молодая женщина с грудным ребенком на руках чуть вышла из строя в сторону, — свидетельствует на Нюрнбергском процессе узник Саласпилсского концлагеря Станислав Розанов. — Солдат, шедший рядом, тут же вонзил ей штык в спину. Женщина упала, обливаясь кровью, но ребенка из рук не выпускала. Солдат за ножки вырвал его из рук умирающей матери и отбросил в сторону. Другой охранник тут же попытался натравить на ребенка собаку, но собака подбежала, понюхала и отошла прочь. Взбешенный гитлеровец хлестнул собаку плетью и выстрелил в ребенка».

Сколько их, застреленных, повешенных, заживо сожженных?! И за каждым именем, известным и неизвестным, живая боль, живая память — они соединяют времена: прошлое, настоящее, грядущее.

В этой истории нет ни единого слова вымысла.

Лет тридцать с лишним назад органы государственной безопасности завершили сложную розыскную операцию и смогли, наконец, передать в руки правосудия долго заметавшего кровавый след фашистского прислужника Данилевского, за непостижимую лютость свою прозванного жителями Поднепровья «Волком». Волчья кличка довольно точно выражала кровавый его промысел в годы гитлеровского нашествия и неожиданно для искавших его чекистов оказалась в психологической связи с самим ходом розыскной операции «ВОЛК»...

1

Осень 41-го. После ожесточенных многодневных боев наши войска оставляли Херсон, крупный портовый город на юге Украины, отходили за Днепр. Переполненные гос-

питали, мобилизация, эвакуация населения под разрывы бомб и обстрел с воздуха — все это было там, наверху, как будто в другой, совсем иной жизни, от которой второй день скрывался в бревенчатом погребе на своем дворе причисленный к арьергардной воинской части бывший речной машинист Николай Данилевский. Часть отходила его улицей к порту, он отпросился забежать «до дому — за табачком», уже зная, что в суматохе переправы никто его ни ждать, ни искать не станет. Решение отстать, спрятаться, переждать пришло не сразу. Сначала был страх, овладевший всем его существом еще в часы первых вражеских бомбежек и обстрела и заставлявший думать только об одном — как выжить...

Уроженец здешних мест, Данилевский рано ушел из деревни в город, получил специальность судового машиниста, плавал на самоходных баржах и пароходах по Днепру, ничем не выделяясь среди массы речников. После какой-то кулачной истории был списан на берег и последние года три работал в промысловой артели сопровождающим грузы, прирабатывая одновременно на сезонных перепадах цен на иные товары. И может, прожил бы так всю жизнь, если бы не война.

Вечером того дня в город вошли немцы. Страх перед смертью цепко держал Данилевского на пути к примирению с ними, с тем «новым порядком», который утверждался фашистами на оккупированных территориях. «Немцев нам не одолеть. Красная Армия везде отступает. Уже столько народов под их властью! Не всех же они перестреляли. Значит, надо как-то ужиться с ними. К чему загадывать, что ждет? Там видно будет, а теперь — вылезай и иди!..»

Яркий дневной свет бил в глаза. Кругом стояла настоженная тишина. Ветер со стороны порта тянул удушливой пороховой гарью, далеко за рекой глухо и с большими промежутками громыхало.

Город казался вымершим. Сходившиеся к порту улицы, некогда пестрые от множества народу, опустели, и холодный ветер гонял по пыльным тротуарам и мостовым обрывки бумаг и тряпок. Со стен полуразрушенных зданий кричали на немецком и русском языках приказы военных властей, требуя всеобщего повиновения германскому командованию и предупреждая: «За малейшееслушание — расстрел и повешение». В одном из скверов на осветительных фонарях раскачивались тревожимые

налетавшими порывами ветра тела повешенных. Проходя мимо них, Данилевский устранился взглянуть на лица и еще быстрее зашагал в комендатуру, которая согласно расклеенным по городу приказам-извещениям о регистрации «всех мужчин и евреев» размещалась вблизи порта. Ближе к реке, у переправы, слышалось гудение моторов, скрежетание и лязг танков, холодок пробежал по спине от раздававшегося в той стороне время от времени треска автоматов. Там была сила, и кто мог устоять перед ней, а тем более повернуть ее вспять? Не веря в это, не желая думать о том, что может произойти с ним завтра или позже, он решительно переступил порог.

В коридорах военной комендатуры сновали молодые парни, по виду напоминающие сельских механизаторов, но с нарукавными повязками, на которых читалось написанное по-немецки слово «зельбшютц».

— Да, мы русские немцы, — пояснил один из них, подтверждая догадку Данилевского, — мы есть зельбшютц, самооборона от Советов, большевиков и евреев. — Работавший до войны в охране порта, он признал бывшего машиниста и охотно указал нужную дверь.

Двери комендатуры то и дело открывались, и парни с повязками на рукаве входили в них, толкая впереди себя наспех одетых, а то и в одном нижнем белье жителей города. С выкриками «Коммунист!», «Депуртирте!», «Юде!» доставленных передавали немецким солдатам, а те группами загоняли безмолвных, перепуганных насмерть людей через глухой дворик в подвал, служивший ранее хозяйственным целям.

Какое-то время Данилевский в оцепенении стоял в коридоре, словно решая, сюда ли он пришел и надо ли идти в ту дверь, на которую показал бывший охранник порта. Сидя в темном, глухом погребе, он и предположить не смел, что дела наверху зашли так далеко. Тревожно подумалось, почему он тут один, уж не опоздал ли с приходом на регистрацию? И вдруг словно жаром обдало, даже ладони взмокли: из той двери солдат, упирая в живот приклад автомата, вытолкал в коридор знакомого еще по работе на судах старого моряка Василия Горевого, известного в городе тем, что в годы борьбы с белогвардейщиной он служил комендантом в уездной ЧК. Горовой едва держался на ногах. Данилевскому показалось, что, взглянув на него, Горовой презрительно сжал спекшиеся в крови губы. «Узнал... понял, зачем я здесь...» — заме-

талось в голове Данилевского, тут же вспомнились виселицы в сквере, а на дворике дважды коротко прострочил автомат. Это вывело его из неподвижности: «Не опоздать!» — тревога бросила его к той двери, откуда минуты назад был выведен старый моряк.

Комендант был озадачен приходом странного посетителя с мутными, ничего не выражающими глазами и неправдоподобно толстыми губами, заявляющего о своей готовности работать «где-нибудь при машинах». Справка при нем свидетельствовала о прохождении краткосрочных курсов по судовой механике.

— Но, черт возьми, где гарантия, что он не подослан большевистским НКВД? — высказал комендант свои опасения переводчику.

Немцы колебались. Данилевский чувствовал это по тону разговора, по их взглядам и вопросам. И тогда он решился: торопясь и сбиваясь, не сводя глаз с коменданта, он рассказал все, что знал о бывшем коменданте уездной ЧК. Оpozнание Горевого среди других обреченных, согнанных в подвал, было формальностью и не заняло много времени...

К исходу третьего дня с момента захвата Херсона рядом с военной комендатурой разместился 1-й (главный в городе) район полиции. Место помощника начальника района занял «господин Данилевский». Утверждая его назначение, комендант сказал офицеру СД: «Как говорят русские, его голова не есть наполненная палата. Это очень хорошо. Помните, Фариноччи сказал на съезде нашей партии: «Мы остерегаемся большой эрудиции и интеллектуально развитых людей. Потому что многие так называемые интеллектуалы — враги режима...»

В подчинении Данилевского оказалось полтора десятка полицейских: отпрыск немца-колониста, осужденного перед войной за поджог колхозной фермы, сбежавший из эшелона дезертир, просидевший трое суток в запущенном колодце, два брата-уголовника, исчезнувшие с этапа во время бомбежки, один бывший раскулаченный, остальные также имели свои счеты с властью народа. С ними он помогал немцам установить в городе «новый порядок». Каждому выдали винтовку и желто-голубую нарукавную повязку, расписали по зонам патрулирования. Сам он преобразился неузнаваемо — ходил в кителе с чужого плеча, перетянутый ремнями, с наганом и нагайкой, в сапогах иностранного покроя со шпорами. Видом своим немало пе-

репугал жену, когда забежал домой, чтобы сказать:

— С новой властью и жить по-новому будем. Ищи прислугу! Только не вой, не вой — видишь, живой я...

По вступлении в должность Данилевский доносил в СД рапортом, что первым делом «немедленно и по собственной инициативе занялся изъятием у населения излишков вещей и продовольствия и выселением из квартир подозрительных лиц. У бывшего моряка Потапова Н. забрана шинель и новая клеенка, сверх того застрелена свинья на 8 пудов и изъята выловленная рыба, а чтобы не шибко расходился, выстрелил по-над головой и применил нагайку. У Знахуренко И. изъят бушлат и четыре простыни...» Потом он научится составлять донесения «по правилам», и будет в них только кровь, кровь и кровь. А сведения о его злодеяниях будут просачиваться неизвестными для врага путями за Днепр, через линию фронта. В них и появится кличка «Волк».

К началу зимы Данилевский был назначен начальником полиции 1-го района, имел в подчинении 28 полицейских, набранных из уголовных и прочих подонков. Под руководством офицеров СД и вермахта команда «Волка» вылавливала и уничтожала советский и партийный актив, чинила расправу над мирными жителями города, ранеными и больными в госпиталях и больницах.

Опричники с желто-голубыми повязками на рукавах, возглавляемые офицерами из особых команд, устраивали облавы, десятками и сотнями сгоняли ни в чем не повинных людей в городскую тюрьму и подвалы полицейских районов, откуда дорога была только одна. Первую группу вывезли из тюрьмы среди дня. Распоряжался убийством лично начальник района. Тела всех восемнадцати человек, расстрелянных только за то, что они не принадлежали к арийско-нордической расе, были сброшены в глубокую промоину у берегового обрыва. Снятую с жертв одежду побросали в грузовик.

Все вместе потом запивали содеянное у яра шнапсом и самогоном. При этом Данилевский похвалился перед немцами, что может прошить двоих с одного выстрела, а если у кого на руках киндер, то есть малолеток, то — и троих. Старший из немцев, одобрительно похлопывая его по плечу, сказал, указывая на приколотую к стене журнальную фотографию Геринга:

— Он говорит и я повторяю за ним: «У меня нет совести, мою совесть зовут Адольф Гитлер, я должен лишь

уничтожать и истреблять и ничего более!» Это есть приказ — так?!— Он вопросительно посмотрел на присмиривших полицаев и, ничего больше не сказав, засобиравшись к себе, за ним заспешил переводчик.

Через несколько дней пожилой полицай привел с Козьего мыса подростка Зелинского, сбежавшего с немецкой дорожной повинности. Оборванный и почти босой мальчик при поимке был избит, но Данилевский, даже не взглянув на него, швырнул на пол и стал хлестать литым резиновым жгутом со свинцовым наконечником. Бил по извивающемуся телу подростка с таким остервенением, что глядевший на это полицейский не выдержал:

— Посовестился бы, малый ведь...

— Мою и твою совесть теперь по-другому зовут. Слышал небось?

Избитого в беспамятстве вытащили во двор, бросив лицом в снег.

2

На пороге стоял сорок второй год. По оккупированной врагом земле тайно шла весть о разгроме фашистов под Москвой.

«А... не взяли Москву», — зло выругался про себя Данилевский, услышав разговор коменданта с командиром следовавшей на фронт маршевой части. Хотя думать и размышлять было не в натуре Данилевского, но и он понял, что есть какая-то связь между не состоявшимся вступлением немцев в Москву и провалом вчерашней операции в пригородной Касперовке. Сам он сделал все, что мог — лично задержал и допрашивал подозреваемых в связи с партизанами Тимофея Сазонова и Ивана Волощука. Ставил к стене, стрелял по-над головами, но те упорно молчали. Тогда с полицейскими вывел их в огород за хатой, заставил копать могилу. Волощук и Сазонов взялись за брошенные к ногам лопаты, но тут от жилья донесся истошный крик «Пожар!» и взметнулись языки пламени. Горели пристроенные к дому старосты амбары с зерном для отправки в Германию. В поднявшемся переполохе задержанные скрылись.

Власти не усмотрели в случившемся недостатка энергии в действиях Данилевского, а только негибкость, вызывающую нежелательную реакцию со стороны населения. На время его перевели в полицию порта, считая, что

там, в сравнительно узкой оперативной зоне, его деятельность не будет столь чревата опасными ответными акциями сил сопротивления.

Расчет СД не оправдался. Полиция в порту зверствовала, но оказалась бессильна подавить деятельность патриотов, отвечавших на каждое злодеяние «Волка» и его хозяев. Тогда было решено Данилевского убрать «с глаз возбужденных жителей города», переведя в один из уездов. Так Данилевский, к тому времени прочно закрепивший за собой волчью кличку, на исходе зимы оказался в уездном селе Белозерка.

Заметно поредело за месяцы оккупации население большого и когда-то цветущего села. С появлением «Волка» люди стали еще плотнее закрывать ставни и двери.

На второй или третьей неделе по приезду в Белозерку Данилевский доносил немецкой администрации в Херсоне о выполнении приказа, лично полученного при отъезде из города от старшего офицера СД.

Каратели, предводительствуемые Данилевским, выехали в Лупаревку, где располагался дом инвалидов, еще засветло. Ехали на трех подводах, кроме оружия прихватили полуведерную канистру самогона, на полпути «погрелись». В сумерки были на месте. Жили здесь в основном престарелые люди-калеки. Никто из них не подозревал о близкой беде. Внезапно вечернюю тишину разорвали выстрелы: на подворье Данилевский наткнулся на увечных старика и женщину, собравшихся выйти за усадьбу, и обоих застрелил в упор. Это послужило сигналом, и тихий до тех пор приют наполнился стонами и проклятиями.

Ходячих полицейские выводили во двор, по одному ставили у открытого погреба живой мишенью для «Волка». Потом он со своей командой обходил комнаты и с порога пристреливал тех, кто был не в состоянии передвигаться самостоятельно...

В административном флигельке, куда были загнаны и заперты заведующий домом Яновский и завхоз Перевутченко, был составлен акт в трех экземплярах. Убитые, двадцать семь человек, в нем перечислялись пофамильно как принятые уполномоченными от полиции «на основании распоряжения германских властей для отправления к новому месту жительства при надлежащем сопровождении». Завхоза заставили принести хлеба и огурцов. Рук не мыли, после трапезы и самогона обошли вместе

с потерявшимися от страха заведующим и завхозом жили помещения, сверяли жертвы с актом и лицевой книгой. Экземпляр акта, уезжая, оставили заведующему и завхозу, которых подпиской обязали утром свезти все трупы к ближним скирдам соломы и сжечь.

На другой день посланные на место с проверкой полицейские Кеш и Черкез вернулись из разоренной накануне Лупаревки с закоченевшим на холоде стариком евреем, которого обнаружили недалеко от смрадных костров в скирде соломы. Данилевский и его помощник Кудрявченко тут же пристрелили несчастного.

«Хуже бешеного волка лютует», — говорили в народе про то, как выслуживается перед захватчиками их земляк из херсонского степного села Копани, где живет теперь его мать совсем одна. Вырастила она детей, и, как обычно в жизни бывает, разлетелись они из родного гнезда. В горькую военную годину делила мать со всеми горе потерь, вся тяготы житья под чужой властью. Когда поползли по селу слухи о сыне — не верила поначалу, думала, не он, другой кто назвался его именем, в молитвах себя убеждала, гнала прочь эти страшные слухи. Всем сердцем желала она детям своим честной судьбы и счастья. Но мысли о сыне точили и жгли ее сердце и душу. Для того ли носила она его под своим сердцем, вскармливала материнским молоком, радовалась первым его шагам? Разве не для добрых дел пестовала, не раз коротала ночи у кровати заболевшего сына?

Услыхала она от односельчан и про то, как не успел еще развеяться над Лупаревкой тошнотворный дым от сожженных человеческих тел, а тот, кого называли «Волком», с дружками своими окружили у села Киселевка десять цыганских подвод, загнали их в лощину и там всех — и женщин, и детей, и стариков — порешили. Сколько при этом было загублено человеческих жизней — никто точно не знал, только был разговор о том, как появившиеся в тот год в степях волки довершили разыгравшуюся в ночи у Киселевки трагедию, а поземка замела следы зверей...

«Да если это он, мой Николай, лучше бы еще в детстве сразу своими руками...» — думала мать бессонными ночами. Не плакала — свалившееся горе выпило все слезы. Подолгу просиживала у окна, глядела на дорогу — может, придет, рассеет ее мучительные сомнения, и тогда она сможет открыто смотреть в глаза людям.

Сын приехал. Ночью, когда село погрузилось в тре-

вожный сон. Крадучись, бесшумно вошел в хату, где с детства знал все закутки. Привернул фитиль в лампе, глухо сказал матери: «Здравствуй...» — подошел к кадке с водой, напился, сел к столу, на то место, где, кажется, так недавно принимал из рук матери печеную горячую картошку. По-домашнему прислонился к стене, вытянув ноги вперед. И на мгновение ощутил, что отпустил и пропал страх — в родных стенах ничто не угрожало его жизни. Проговорил, не глядя на мать:

— Что в мешке — носи, не одевано. Сало и что там еще — из пайка, не наше, не брезгуй. И не смотри так... теперь по-другому нельзя, если хочешь выжить...

Он хотел еще что-то добавить, но мать не дала. Она сидела все так же неподвижно у окна, напоминая в полутьме изваяние из камня. Она почти не слушала его, потому что сразу все поняла, когда он входил в дом чужими, крадущимися шагами. Тяжело поднялась мать и сказала, как выдохнула:

— Прочь из хаты... Нет больше у меня сына, нет...

Уже светало, когда по разбитой, промерзшей дороге, уходившей в степь, брела одинокая старая женщина в стеганке, в поношенном, повязанном крест-накрест на груди платке, с тяжело опущенными руками. Разве есть на свете горе матери, сильнее того, которое гонит ее из родного дома?

3

Ни родные стены отчего дома, ни страшные слова матери — ничто не коснулось души «Волка», не пробудило в нем человека. Белозерка не успевала пережить одну беду, как наваливалась новая. За отказ пойти на службу в агрокомендатуру начальник уездной полиции избил и затем пристрелил эвакуировавшегося из западных областей агронома, оставшегося здесь из-за болезни. Началась «весенняя» отправка молодежи в Германию. По пути на железнодорожную станцию один юноша пытался бежать и был убит возглавлявшим конвой Данилевским. Следом за этими событиями разыгралась трагедия у заброшенного скотомогильника в полукилометре от Белозерки.

В распространяемых патриотами листовках, передаваемых изустно сводках Совинформбюро сообщалось о наступательных операциях Красной Армии. Эсэсовские

ищейки, зельбшютц и полицаи повсюду искали «партизан», хватали первых попадавшихся под руку и чинили расправу.

Так в руки полиции в апреле попали не сумевшие эвакуироваться активист сельсовета Ефим Царюченко, работник милиции Михаил Федощенко и старый колхозник, староста сельской общины Михаил Скороход — все коммунисты. Арестовал их самолично Данилевский со своими подручными. Обвиняли в принадлежности к партизанам. Допросы производились с участием офицеров СД, сопровождалась избиением, допрашиваемых раздевали догола и инсценировали расстрел. На их глазах расстреляли двух патриотов из окрестных сел.

Скорохода, Федощенко и Царюченко, не признавшихся ни в чем, расстреляли на окраине Белозерки, у скотомогильника. Расстрелом распоряжались и сами в нем непосредственно участвовали офицер из СД и «Волк». Первым немец-офицер выстрелил в Федощенко, и тот упал в яму. Царюченко успел крикнуть, повернувшись к стоявшему рядом на коленях Скороходу: «Попомнят нас гады!» Тот тоже пытался что-то сказать, но только смог пошевелить разбитыми губами. Раздались выстрелы — все было кончено. Потом начал накрапывать дождь.

Палачи наскоро забросали убитых землей. Земля еще не отволгла и поддавалась трудно, могло показаться, что она противится преступникам в их усилиях сокрыть содеянное зло. Потом, когда они, вернувшись в село, привычно принялись править кровавую тризну, дождь разошелся и кого-то из них взяло сомнение: надежно ли те, в яме скотомогильника, засыпаны землей? Данилевский первый взял винтовку, и вся команда с лопатами отправилась за село. Когда подошли к скотомогильнику, из ямы послышался слабый стон.

— Это Царюченко еще пулю просит, сейчас я его протяну, посвети-ка, Матасов. — Данилевский раз за разом трижды выстрелил в яму, и стон прекратился.

Над ямой вырос новый бугорок намокшей земли, после чего все, ругаясь по поводу прерванной попойки, вернулись в село. А спустя два-три дня в Белозерке прошел слух: будто кто-то из расстрелянных бесследно исчез из этой страшной могилы...

Прослышав про это, «Волк» с Матасовым в ночь ходили к месту расстрела. Обнаружили нечто невероятное: земля была разбросана, в яме лежали тела Скорохода и

Федощенко, третьего — Царюченко, расстрелянного лично Данилевским и им же потом добитого тремя выстрелами из винтовки, там не оказалось. В мрачном исступлении, со страхом представляя себе разгневанное немецкое начальство, перевернули все в доме родных Царюченко, наутро сделали «прочес» окраин, обшарили кладбище, нигде не найдя следов исчезнувшего. В конце концов слухи о случившемся заглохли, а «Волк» со своими подручными продолжал свирепо кружить по уезду в поисках, как того требовали директивы немецких военных властей, «партизан и других опасных для нового режима элементов». Один из таких рейдов пополнил список его жертв советским летчиком, подбитым в ночном бою и спустившимся с парашютом в море недалеко от опустевшего к осени рыбацкого стана.

Подобрал раненого летчика сторож, привел на стан, укрыл в дощатом лабазе, за смотанными, пропахшими рыбой сетями. Бывший смотритель маяка говорил молодому командиру, что по ночам ждет с моря своих, ждет в погоду и в непогоду, потому и его над морем увидал, и еще — что он чем-то напоминает ему внука, который ушел на фронт вместе с отцом в первые дни войны. Поправка шла быстро, и уже оба стали говорить о переправе к своим, строили разные планы, когда неожиданно пришла беда.

Однажды на рассвете в поселке раздались выстрелы. Старик в этот час обычно выходил в море, где еще продолжал ставить переметы. Через оконце лабаза летчик видел подводы и вооруженных людей, в которых нетрудно было узнать полицейских — были они при винтовках, в характерной разномастной амуниции и в нарукавных повязках. Один из них направлялся к стану, перезаряжая на ходу револьвер. Летчик, видимо, предположил, что ищут его и потому, не видя другого выхода, решив достойно встретить смерть, вышел из своего укрытия навстречу полицая. В летной форме, с орденом, сиявшем на солнце, он шел навстречу противнику и, пока тот соображал, что происходит, вскинул тяжелый пистолет, нажал на гашетку... осечка... Еще раз... и снова услышал только тупой щелчок. Может быть, он успел еще взглянуть на шумевшее море — там далеко от берега выгребала рыбацкая лодка.

Он не мог знать, что команда «Волка», совершая очередную «рейд», случайно свернула с дороги к рыбацкому

стану и на всякий случай решила его «прочесать».

«Волк» снял с убитого орден. Документы летчика забрали вызванные с ближайшего жандармского поста мотоциклисты. Дощатые строения разрушили, облили бензином и подожгли.

Данилевский из уезда был вызван в Херсон, там ему дали медаль и поставили верховодить отрядом железнодорожной полиции. После Сталинграда немецкая армия на всех фронтах подавалась вспять, и железные дороги приобретали для оккупантов особое значение.

4

В третью военную осень началось освобождение Херсонской области. В ноябре советские войска вышли к Днепру у Херсона. После освобождения города разведчики передали командованию собранные подпольщиками и населением Поднепровья сведения об активных пособниках, карателях, фашистских палачах, в том числе о «Волке» и его своре. Одни значились бежавшими, другие, брошенные хозяевами, где-то попрятались. Сам «Волк» ни в числе ушедших с немцами, ни среди виденных кем-либо в городе не фигурировал, и никто не мог определенно сказать, когда и при каких обстоятельствах он исчез.

Чекистские оперативные группы тщательно расследовали злодеяния фашистских варваров. Немало предателей было поймано и понесло достойное наказание, но среди настигнутых карой не было «Волка». Розыск вели местные чекисты-водники в Одессе. На пятом году безуспешного поиска дело «Волка» под одноименным названием принял лейтенант госбезопасности Федор Козырев. Глядя на этого человека, никак нельзя было предположить, что связан он с работой, которая требует большого мужества, сопряжена с постоянным риском. Был он среднего роста, плечистый, с открытым взглядом и улыбчивым лицом, нетороплив и мягок в движениях и больше всего напоминал сельского учителя, да, собственно, им и был до самого того дня, когда война подошла к родному Краснополью на Могилевщине, заставив двадцатитрехлетнего завуча взять винтовку. Работавшие с ним по розыску государственных преступников говорили, что даже слова «Руки вверх!», которые не один десяток раз приходилось ему произносить, он выговаривал совсем не повышая голоса, а чаще можно было услышать: «А вот и мы...»

Козырев изучал материалы дела, когда в комнату зашел подполковник Северов, присел на стул у стола.

— Вижу, Федор Федорович, «Волка» изучаете. Как думаете действовать?

— Да, вот прочитал... Накривавил это «Волк» немало, прямого следа здесь ожидать не приходится, — сдержанно ответил Козырев. — Поищем, думаю, найдем, хотя и трудно, чувствуя, придется.

— Потому-то и решили вам поручить, что трудно, — заметил подполковник. — Заяц и тот — как петляет, по своему охотничьему опыту знаю. А этот зверюга от гестапо повадки усвоил, который год след замечает. Но и у вас в боезапасе не пусто: опыт фронтовой разведки — раз, на чекистском счету полсотни разысканных вражеских агентов, карателей и изменников, это — два. А главное, не найти нам «Волка», если, конечно, на Запад не ушел, — никак нельзя, права такого нет, честью чекистов обязаны перед всеми... перед живыми и мертвыми...

Помолчали, подумали, будто оба представили, какой нелегкий путь предстоит одному из них, сколько разбитых войной дорог придется одолеть лейтенанту и сколько бессонных ночей ожидает обоих.

После визита подполковника Козырев попробовал отобрать наиболее существенные данные, пытаясь мысленно соединять их в единую нить, которая должна была привести его к цели. Известно было — когда еще шли бои у Херсона, разведка подпольщиков зафиксировала Данилевского в Одессе в обществе германского агента-провокатора, формировавшего группу для диверсий и шпионажа в тылу наступающих советских войск. Через месяцы след обнаружился в Молдавии, повел на север и надолго потерялся на западе Украины. В районе Каменец-Подольского отыскиались родные, но рассчитывать на правду с их стороны не приходилось...

Беспокоили розыскника, однако, не пять лет, прошедшие с тех пор, как был утерян след. Из центра сообщали, что тот самый германский агент нашел приют, как и многие военные преступники, в одной из стран-союзниц на Западе. Не удалось ли уйти за границу и «Волку»? Только поиск, активный и глубокий поиск на своей земле может дать ответ на этот вопрос.

Версии, версии, версии. Они ложились на бумагу, исчезали, возникали другие. Часами обдумывалась какая-то деталь плана, взвешивался каждый предполагаемый шаг.

Поиск пошел по местам «не столь отдаленным», где могли отбывать наказание прислужники оккупантов, совершившие преступления на херсонской земле. Один из них, Унтилов, опознал «Волка» по присланной фотографии и показал: «Осенью 1944 года видел Данилевского в городе Бар Винницкой области, но из-за боязни в разговор не вступал... был он в форме сержанта и с орденом». Козырев не сразу успокоился, взволнованный этой вестью. Словно камень свалился у него с души: «Значит, не ушел с немцами за границу «Волк»! Выбросили они его, как мусор, на помойку». И хотя немало времени прошло с осени сорок четвертого, Козырев решил выехать в Бар, сделав его отправной точкой дальнейших поисков. Опыт и интуиция подсказывали лейтенанту, что поездка не будет безрезультатной. Но тогда, в сорок девятом году, ни Северов, ни Козырев, ни товарищи их по работе, которым было отлично известно, какое это трудное дело — государственный розыск, когда совершивший тяжкие преступления злодей бежит от неотвратимой кары, — еще не могли знать, какие отчаянные петли станет метать почуявший за собой погоню «Волк».

5

Козырев приехал в Бар после того, как побывал в Виннице в органах госбезопасности и милиции, учреждениях государственного и военно-учетного архивов, трудоустройства и собесов. В районном городке обошел со своей неизменной полевой сумкой, где среди прочих документов находились довоенная фотография разыскиваемого, описание примет, образцы почерка, все надлежащие учреждения, людные места, повидал нужных людей. Данилевский значился в секретных списках разыскиваемых опасных государственных преступников, но дополнительных сведений о нем ни в областном центре, ни в районе не имелось. Козырев уже собрался вернуться в Винницу, чтобы оттуда согласовать с Одессой поездку в другие районы и, возможно, в смежные области. Ему в Баре оставалось только зайти к райвоенкому.

Козырев застал военкома за беседой с немолодым фронтовиком, по виду бывшим танкистом. Ныне он трудился в качестве разъездного механика на МТС и намеревался вместе с семьей переезжать к себе на Волгу, откуда ушел

на войну. Семейой обзавелся здесь, как вышел из госпиталя, с людьми сошелся, но тянуло на родину.

— Просто беда с этими примакими, — сказал безо всякой обиды капитан. — В работе народ надежный, на украинской земле обжился, в крестьянское дело врос — и вот на тебе: «Снимай, товарищ военком, с учета...»

Козырев поинтересовался, много ли в районе их... примаким-то, уже вина себя за то, что едва не прошел мимо такого обычного для села слоя, усилившегося там, где бушевала война, разоряя семьи и села, оставляя за собой госпитали с десятками и сотнями комиссованных. Не новый обычай, женившись, «приписаться» к дому жены, иногда сменяя фамилию, — отчего бы иному скрывающемуся не пойти этой удобной дорожкой? Выяснилось, что примаким, конечно, никто не учитывает, а в районе их могло набраться, по словам военкома, десятка три-четыре, может и больше.

Несколькими часами позже в руках у Козырева оказалась учетная карточка сержанта Данилова с именем и отчеством «Волка», но этот — шестью годами моложе и уроженец Иркутска. Еще не уверенный в удаче, с волнением лейтенант читал: «Призван в армию в 39-м году в Сибири... Под Проскуровом при освобождении города ранен в голень и контужен... Госпитали в Баре и Виннице... Орден Отечественной войны... На учет взят по селу Гормаки... Зачислен в сельсовет секретарем и уполномоченным по сельхоззаготовкам...» Сделанная на карте «особая отметка» означала выбытие из района без снятия с воинского учета два года назад. К карте была подколота фотография в четвертую долю конверта, полевая, выцветшая и вымокшая, как все фронтовые документы. Хорошо различимы были лишь сержантские погоны и военный орден над правым карманом гимнастерки. Для опознания без восстановления в лаборатории она не годилась.

До села Гормаки пришлось добираться проселками, на попутных полуторках, которые то и дело увязали в глубоких колеях и колдобинах. К тряской дороге, от которой болело все тело, прибавлялась горечь на душе от того, что едва не прошел мимо «следа» «Волка». Было досадно за свой промах, за то, что не додумал, не все варианты просчитал.

Не зная, чем встретят Гормаки, Козырев заручился у майора от райотдела рекомендацией к местному леснику и остановился у того как фронтовой товарищ Данилова.

О сержанте лесник знал немного: прихрамывал, после госпиталя приписался к солдатской вдове Брикульской, на которую имел серьезные виды, работал в сельсовете, там по слухам, получил военные документы и паспорт взамен утерянных. В том, что Данилов и есть человек на довоенной фотографии, показанной приезжим лейтенантом, лесник не был уверен, но какое-то сходство нашел.

— Года два тому, — рассказывал лесник, — между вдовой и сержантом что-то произошло, слух прошел, будто лесных людей, то есть бандитов, испугался и вдову и дела в сельсовете оставил, а в ту ночь, когда ушел, в ее хату бандиты вломились, его искали и, не найдя, надругательство над ней учинили.

При содействии лесника Козырев встретился с пострадавшей от бандитов вдовой. Постепенно в беседе выявились такие штрихи в характере поведения бывшего постояльца Брикульской, как она его представила, которые все более укрепляли Козырева в мнении, что ее постоялец ли, примак ли вероятнее всего и был «Волк». В повествовании вдовы о бандитах было много такого, что «не вписывалось» в реальность, настораживало. В данном случае не могло быть и речи о полной откровенности с этой женщиной.

Из Винницы лейтенант позвонил в Одессу. Оттуда передали, что на «прочищенной» специалистами фотографии с военно-учетной карты жители Белозерки и Унтилов опознали бывшего начальника уездной и железнодорожной полиции. В Винницу вылетел подполковник, чтобы вместе с Козыревым обстоятельно опросить Брикульскую.

Вдову под благовидным предлогом вызвали в район и оттуда в областной центр. Здесь от чекистов она узнала всю страшную правду об исчезнувшем сожителе и долго плакала, а когда успокоилась, как на духу повинилась во всем, что скрывала от людей. На вышедшего из госпиталя сержанта с орденом вдова действительно имела серьезные виды: «Мужик одинокий, в силе, ранен не тяжело — малость прихрамывает, выпивает не так чтобы уж очень; чего еще надо, мужики нынче, после войны-то, вон в какой цене...» Но вдруг вроде и ни с чего начал он сильно пить, по ночам несуразицу плел — про расстрелы какие-то. С этого у них разлад пошел, и разговор про пьяный его бред был, а еще как-то она пересказала ему, что у сельпо водитель из района говорил — будто началь-

ника полицаев по селам ищут. После того он про бандитов придумал: собрался совсем уходить, потому, мол, что угроза ему есть за работу в сельсовете, и для нее лучше будет, если соседи узнают, будто бандиты ей за него отплатили. На прощание обещал через некоторое время навеститься, ее же для видимости рушником связал...

— Ну а с тех пор Данилов не напоминал о себе?

— Погодите-ка, был один случай,— припомнила вдова.— Примерно год назад приходила ко мне незнакомая женщина городского вида, молодая. Сказала, что работает медсестрой в Каменец-Подольске и приехала в наш район родителей навестить. Спрашивала она про Данилова Николая. Говорила, будто лежал он у них в госпитале, потом снова лечился в Баре. Две его сестры, ее соседи, слышали, что она собирается в Винницкую область, и попросили узнать, куда устроился после выписки брат, почему-то давно писем не получают,— так вот, говорит, и узнала про Гормаки, в сельсовет заходила.

Приход этой женщины показался Брикульской странным, даже испугал, потому и ответила она незнакомке только, что жил у нее Данилов да вскоре съехал, а куда — не знает...

Лейтенант вместе с подполковником вернулись в Одессу, где им надлежало выработать новый план действий, заново скрупулезно рассмотреть и проанализировать все, что удалось собрать по делу за все годы. В результате поездки сужалась зона активного розыска, четче вырисовывались ее границы. Однако Северов не был настроен оптимистично, два обстоятельства беспокоили его. Встречу с Унтиловым можно считать случайностью, однако она заставила «Волка» почувствовать опасность. Но бегство из Гормаков... Оказалось, что оно последовало вскоре за розыскным циркуляром, посланным во все органы госбезопасности. Не о том ли свидетельствовали «разговоры у сельпо», что где-то кто-то действовал неумело, раструбил во все трубы?

— Останется он в наследженных местах? — спрашивали себя Северов и лейтенант. — Или, имея паспорт с иркутским местом рождения, подастся в Сибирь, на восток, как это делали многие фашистские прихвостни, «забытые» бежавшими немцами? Будет ли проживать по документам Данилова, ведь, работая в сельсовете, он мог запастись другими документами?

Вопросов возникало бесконечно много. Отвергнув мно-

гие версии, остановились на необходимости сосредоточить розыск на Украине, в ее западных районах, и прежде всего «закрыть» те территории, которых, по собранным данным, держался разыскиваемый в известные уже пять послевоенных лет. Восток пока исключили, считая, что туда «Волк» вряд ли подастся, опасаясь встреч с кем-нибудь из своих кровавых сообщников, потому как они наверняка заложат его, спасая собственную шкуру. Кроме того, на Украине затеряться было сравнительно нетрудно, поскольку еще не улеглось движение больших людских масс, вызванное демобилизацией, возвращением из фашистского плена, из Германии, из эвакуации. Общим было мнение и о том, что спугнувшие «Волка» в Гормаках разговоры были о каком-то другом полицае. Заметить за собой наблюдение Данилевский не мог — его не было. Брикульская же молчала, в этом он мог убедиться через сестру жены, приходившую к вдове. Чекисты установили ее в Каменец-Подольске. Кстати, визит этой женщины навел одесских розыскников на мысль о госпиталях, в которых время от времени мог отлеживаться «сержант-фронтовик», что и подтвердилось впоследствии.

6

Второй месяц лейтенант Козырев объезжал по намеченному плану города в западных областях Украины, устанавливал контакты с местными органами безопасности и внутренних дел, под разным видом появлялся на стройках, в учреждениях, на сельских базарах, в домах для приезжих. После Бара и Гормаков не забывал расспрашивать о примаках. Случалось, что заглядывал в дома переселенцев, в те осиротевшие в военное лихолетье семьи, в которых когда-то кто-то появлялся в качестве временного постояльца либо насовсем приписался в последние год-два тоже осиротевший в войну бывший фронтовик. На ночлеге в одном из таких домов и услышал лейтенант историю про орден.

Гостившая у хозяев родственница с Тернопольщины, поддерживая разговор о вдовах, примаках и прочем, рассказала, что был у них случай, когда ветеран-инвалид оставил старухе в уплату за постой свою награду, ушел и не вернулся. Было это с год назад в небольшом тернопольском городке Чорткове. Городок этот значился в планах Козырева — до недавнего времени в том районе, в одном из бывших фольварков, функционировал госпи-

таль для инвалидов войны. Что ж, случай подкорректировал план, и Чортков стал на первое место в длинном списке других городов и селений, в которых следовало побывать лейтенанту.

В Чорткове Козыреву пришлось изрядно «попотеть», чтобы найти старую одинокую женщину. При встрече та рассказала, что около года назад явился к ней с запиской от сестры, санитарки госпиталя для инвалидов войны, некий Данилевченко, выписавшийся из госпиталя и сказавшийся человеком без родных и без дома. Сестра просила приютить Данилевченко на какое-то время. Пожил он с полгода, работая при хлебопекарне. А тут вдруг собрался в Тернополь и на работе расчета не взял, сказал, что там друг с войны отыскался, просил спешно приехать хоть ненадолго, провести. Шли дни, Данилевченко все не возвращался, тогда решили заявить в милицию. При осмотре пожитков инвалида и увидели гимнастерку с военным орденом. По фотографии из Барского военкомата старушка и работники пекарни признали в Данилове Данилевченко. Из особых примет указали только на хромоту. Номер ордена сошелся с тем, которым был награжден погибший под Херсоном летчик...

Все, что узнал Козырев в Чорткове, дало ценные материалы для дальнейшего поиска. А главное, стало ясно, что все точно рассчитали чекисты: не ушел «Волк» никуда, а петляет по Украине и перебежки его становятся все короче.

В области и районы была дана новая ориентировка о Данилевском—Данилове—Данилевченко. Козырев выехал в Тернополь, и здесь его догнало сообщение из Галича, припятое центром. Со ссылкой на одесскую ориентировку, в нем говорилось, что некто Данилев, уроженец Иркутска, инвалид войны, лечившийся в госпитале, принят на пенсионный учет в их городке. «Сведения уточняются»—эти слова в сообщении могли обернуться и Гормаками, Чортковым, поэтому лейтенант настоял на немедленном выезде на место, почти уверенный в том, что дело близко к завершению.

То, что ожидало его в Галиче, могло привести только в отчаяние. Никакого Данилева, согласно документам по учету и местожительству горожан, в городе не значилось. Действительно, месяца два назад в райсобес приходил инвалид, справлялся о документах на пенсию, которые якобы должны поступить из больницы в городе

Виннице. Показывал справку о выписке из нее с выездом к месту временного жительства в город Галич. Адреса не оставил и больше не появлялся, никаких документов из Винницы не поступало. Разговаривала с ним инспектор, она же кассир, через окошечко, посетителя помнит с усами и при костылях, а вел он себя не совсем естественно: в ответах на обычные в таких случаях вопросы о месте жительства, прописке и тому подобном тушевался, когда она спросила, откуда он родом и почему решил выписываться в Галич, далекий от Сибири, посетитель вдруг заторопился. Взглянув на фотографию из Бара, женщина задумчиво протянула: «Что-то общее есть... но утверждать, что это тот, на костылях, не могу...»

Однако Козырев был убежден, что приходивший в кассу человек и есть разыскиваемый Данилевский. Видно, не случайно он держится западноукраинских, прикарпатских мест: где-то здесь, судя по всему, есть у него надежные связи. Но главным, хотя след опять оборвался, было все крепнущее у розыскников чувство уверенности в скорой встрече с «Волком».

За ночь Козырев вместе с сотрудником милиции обошли места, где работали постоянные или сезонные сторожа. Следы Данилева отыскиались на небольшой стройплощадке, там он проработал сторожем две недели, но откуда появился, где проживал — никто не знал. Видевших его в лицо искать не стали, потому что на почте среди выставленной за стеклом не востребовавшей корреспонденции оказалась открытка «Данилеву Николаю Андреевичу. До востребования», с почтовым штемпелем города Бучача, Тернопольской области. Отправитель детским почерком извещал «дядя Колю» о том, что тетя Вера и тетя Маруся живы и здоровы, бабушку встречать будут в Пышковцах. Открытка определенно имела тайный смысл, потому ее оставили на месте — вдруг получатель явится. Козырев же, не теряя времени, выехал в Тернополь, а оттуда с двумя оперработниками отправился в Бучач.

Как бы ни был уверен Федор Козырев, что розыск идет по верному пути, все же точил его червячок сомнения — мало ли невероятного бывает на свете, вполне может слу-

читься, что Данилев из Бучач не тот, кто им нужен. Выяснить это можно только при дополнительной проверке «на личность». Но такая проверка исключается, слишком велик риск спугнуть «Волка». А что Данилев был им, Козырев все более убеждался, перебирая в памяти по дороге в городок те скудные сведения, что смог сообщить милиционер, наводивший справки на месте работы Данилева.

Выяснилось, что Данилев, инвалид войны, бывший сержант, переведен директором рынка после непродолжительной работы заведующим буфетом. В документах оформления его на эту должность прошлые места работы не упоминались, семья — тоже. И еще — называют между собой своего нового начальника «усатый» и «колченогий».

Посоветовавшись с товарищами, Козырев решил провести операцию по опознанию и в случае подтверждения — по захвату. Легенду и план действий разработали применительно к обстановке: в милицию поступило заявление о рыночной краже, оперативному наряду требуется содействие администрации рынка, с этим руководитель опергруппы заходит в конторку, предъявляет удостоверение сотрудника милиции. На опознание — полторы-две минуты, минута «на выдержку», и если по истечении их Козырев не выходит, тогда в контору заходят местный старшина милиции и тернопольский чекист под видом обворованного; другой чекист из Тернополя с местным товарищем подстраховывают неподалеку от двери.

В конторе, куда вошел Козырев, — помещении с одним оконцем и затоптанным полом, за фанерным столом сидел изрядно потертый с виду, но еще крепкий усатый мужчина с отталкивающим выражением лица и пустым взглядом. Характерные выпяченные губы скрадывались усами. Глаза их на мгновение встретились. И Козырев почувствовал, как тошнота подкатила под сердце — человек с такими глазами способен на все.

Справившись с собой, лейтенант начал было говорить свое: «А вот и мы...» — но в этот момент усатый грузно поднялся из-за стола ему навстречу, стукнув о пол деревянным протезом, заменявшим отнятую по колено ногу. Козырев быстро достал из планшетки милицейское удостоверение и подал инвалиду со словами: «...и мы за помощью к вам». Тот подержал в руке знакомую всем

книжку и, не раскрывая, молча вернул. Своим молчанием и внешней безучастностью он мешал лейтенанту окончательно увериться, что ошибки нет — перед ним «Волк», и принять решение.

В этот момент в дверях показались старшина милиции и «потерпевший».

— Товарищ старшина, — резко обернулся Козырев к вошедшим, — выясните у директора рынка общую обстановку с кражами, потерпевший пройдет со мной на место... Мне не всё ясно... Потом мы вернемся сюда. Вы поняли?

— Так точно! — подтвердил старшина, хотя понял только одно: раз офицеры оставляют его здесь, значит, так надо, и он привычно раскрыл планшетку, вынул бумаги, предложил сесть «товарищу директору», стоявшему словно в каком-то оцепенении.

Выйдя из конторы, Козырев глотнул свежего воздуха, устало присел на валявшийся в стороне ящик и вдруг отчетливо осознал, что сейчас он разговаривал с Данилевским. Ему представилась во всей реальности опасность, которая угрожала старшине, которого он оставил, ни о чем не предупредив, наедине с «Волком». Тот не будет терять времени. Козырев в волнении поднялся.

— Будем брать! Подгоните, пожалуйста, машину. — И уже совсем спокойно добавил: — Вопросы потом.

7

Следствие по делу Данилевского поручили вести лейтенанту Ивану Никитину, за год до этого закончившему юридический факультет университета. Молодой следователь зарекомендовал себя человеком большой выдержки, взвешивающим каждое свое слово. Даже новый подследственный, с маниакальным упрямством «отрицающий себя», не мог вывести его из состояния равновесия.

Данилевский на допросах твердил одно: его с кем-то путают, он — сибиряк Данилов, фронтовик-сержант, контужен и ранен, немало повалялся в госпиталях, там и фамилию искажали по небрежности, и боевые награды утеряли. Оружие, изъятое при аресте, — не его, однополчанин заезжал, оставил... Следователь терпеливо предъявлял документы из Херсона, Копаней, Белозерки, проводил очные ставки с земляками, родными его жертв, осужденными соучастниками в злодействе, но «Волк»

вопреки здравому смыслу твердил все то же, надеясь спасти свою жизнь. Верхов безрассудства было его поведение и на очной ставке с родной сестрой, приехавшей из Сибири, где она жила с довоенного времени и о злодеяниях брата узнала только теперь. Увидев его, женщина заплакала и все повторяла: «Как же это ты мог, Николай... Была бы жива наша мама!..» Равнодушный к слезам, глядя в сторону, Данилевский твердил: «Нет у меня сестры... Не знаю, что ей от меня надо...»

Во время очередного вызова следователь, предупредив допрашиваемого об очной ставке, по внутреннему телефону попросил дежурного направить к нему ожидающего свидетеля. По какому-то внутреннему побуждению Данилевский поднялся с табурета и обернулся к двери. Вошедший был не стар, но совершенно сед, по-военному подтянут. Остановившись у двери, он некоторое время смотрел то на следователя, то на арестанта, зрочки которого вдруг стали расширяться. Наконец, поправив ремень гимнастерки с выделявшейся на ней планкой боевых наград, свидетель обратился к Никитину как принято у военных:

— Товарищ лейтенант государственной безопасности, офицер запаса Царюченко явился по вашему вызову...

Данилевский взмахнул руками и стал оседать на пол. С ним сделалась истерика. Очную ставку пришлось отложить.

8

Долго искали чекисты Ефима Царюченко, одного из расстрелянных у белозерского скотомогильника.

Старый житель села Климентий Свищев, родственник другого расстрелянного — Михаила Федощенко, рассказал, что вечером того страшного дня, возвращаясь с поля и проходя мимо скотомогильника, услышал доносившийся из ямы стон. По голосу узнал Ефима Царюченко, вытащил его и спрятал в сарае, потом помог уйти к своим.

После войны искали Ефима чекисты долго и упорно по всей стране, наконец, нашли в госпитале под Калугой незадолго до ареста Данилевского. Он рассказал, что знал, о зверствах Данилевского и о том, как сам он и его товарищи стали жертвами карателей. При этом оказалось, что земляк его Свищев покривил душой...

В пачале войны Царюченко, Федощенко и Скороход вступили в истребительный батальон, участвовали в боях под Херсоном, попали в окружение и, не сумев прорваться к своим, вернувшись в село, стали искать связи с подпольем. Дважды их арестовывали и били. «Обрабатывали» всегда немцы, «помогали» им Данилевский, Матасов и другие полицаи. После третьего ареста, в апреле, участь их была решена... Первым расстреляли Федощенко, потом — его. Он слышал, как передернули затвором, досылая патрон в патронник, ощутил удар и ожог в затылок, еще услышал выстрелы, рядом упал Скороход — и потерял сознание. Сколько он так пролежал — неизвестно. Очнулся от жгучей боли во всем теле Царюченко ощутил себя лежащим в мокрой земле. Был уже вечер, шел дождь. Превозмогая боль, со стоном, он стал разгребать землю, в этот момент сверху замелькал свет и послышался голос Данилевского, говорившего кому-то: «Смотри, Царюченко еще ворочается...» Выстрелы, один за другим, обожгли оба плеча. Усилием воли Ефим заставил себя подавить стон... Совсем стемнело, когда он, снова придя в себя, стал освобождаться от накиданной земли, и вот тогда к яме подошел Свищев. Узнав Царюченко, сказал, что помочь не может, но пообещал оповестить родных. Прошли ночь и день — никто не пришел. В яме оказался подкоп в сторону, вроде большой вымоины. Ефим забрался в него и лежал до следующей ночи. Днем снова услышал голоса Данилевского и Матасова, которые ругались, обнаружив только двоих. Данилевский говорил, что сам стрелял и уверен, что Царюченко убит, а труп надо искать у родственников или на кладбище... С наступлением темноты Ефим выполз из вымоины, с огромным трудом выбрался из ямы, дополз до сарая и зарылся в сено. Собравшись с силами, перебрался на чердак своего дома. Как потеплело, ушел в Херсон, дождался своих. Воевал, дошел до Берлина, получив на фронте еще одну — пятую фашистскую пулю.

После очной ставки с Царюченко Данилевский «признал себя» и стал давать показания, подтверждая то, что невозможно было отрицать. Цепляясь за жизнь, он хитрил и изворачивался как мог. Но никакие уловки не помогали,

и постепенно все полнее становилась картина его жизни после войны. Объяснилась и его «колченовость», доставившая так много хлопот чекистам. Данилевский рассказал, что где-то под Винницей он оступился, сходя с поезда, упал и разбередил рану голени, полученную на фронте, а врачи вместо лечения отмахнули полноги. Но при этом он путал даты, «не помнил» название станции, разное говорил о лечебнице, где ему сделали операцию, называя то госпиталь, то больницу.

В Виннице при проверке версия обвиняемого лопнула. Больницам города и области Данилевский или Данилев не был известен. Но следы его обнаружились в одном из госпиталей, куда «инвалид войны быв. сержант Данилев» был переведен на долечивание из больницы железнодорожников. На железной дороге выяснились такие подробности увечья Данилевского, из которых складывалась картина совершенно невероятная: выходило, что «Волк», отчаянно сиюсь замести след, сам лишил себя ноги, чтобы стать неузнаваемым и тем самым спастись.

Пострадавший в результате наезда маневрового локомотива, как следовало из истории болезни, поступил в больницу ночью 18 сентября 1951 года с открытым переломом берцовой кости выше щиколотки, при отсеченной стопе. Больной объяснил случившееся своей неосторожностью и невнимательностью машиниста локомотива. Машинист и его помощник на месте показали, что в ту ночь заметили на путях откуда-то вдруг появившегося человека, успели дать сигнал и замедлили ход, но человек тот так им показалось — вместо того, чтобы отпрянуть в сторону, резко присел к паровозу, потом вскрикнул... Когда они поняли, что случилось, тут же приняли меры к отправке его в больницу и тогда же высказывали недоумение, как вообще его нога могла оказаться под колесом.

Работники больницы и госпиталя опознали больного Данилева на тюремной фотографии Данилевского. Выяснилось, что документы на имя Данилева он получил на основании устного заявления, подкрепленного имевшимся при нем письмом на имя Данилева Николая Андреевича из города Чорткова. Как выяснилось позже, он не раз писал сам себе письма и использовал этот прием не однажды.

Все годы после бегства с Херсонщины, рассказывал

обвиняемый, он жил под страхом ожидающей расплаты. Из Гормаков ушел, напуганный рассказами вдовы, и, выдавая себя за инвалида войны, лег в провинциальный госпиталь, что делал и раньше. В действительности легкую контузию и ранение голени получил при отступлении немцев. В Чортков Данилевский приехал со справкой на имя Данилевченко, полученной тем же способом, что и позднее в Виннице в больнице, а затем в госпитале. Важные для себя новости — где кого ищут или схватили — узнавал на базаре. Там, в Чорткове, он встретил однажды Хедько из Касперовки. Бывший староста сказал, что отсидел срок в лагере и самовольно ушел с поселения, просил помочь ему. Но Данилевский заподозрил другое: подослан, а если и в бегах, то ради своей корысти может явиться к властям и его запросто выдать. От Хедько он отделался, сославшись на срочный отъезд, но успел узнать, что Матасов и многие другие давно пойманы и его, Данилевского, ищут: еще в лагере старосту допрашивал какой-то въедливый в расспросах приезжий. Ходит он с полевой сумкой, взамен «Здравствуйте» говорит «А вот и мы...» В лагерь привез «этот въедливый» разные фотографии, в том числе и его — с орденом. При упоминании карточки с орденом в сердце толкнуло так, что Данилевский едва устоял, а придя домой, первым делом переоделся, гимнастерку с орденом завернул в сверток с бельем, думал позже зайти взять. На работе Данилевский отпросился на два-три дня в Тернополь, приятеля в госпитале проведать. Когда шел за вещами, показалось — человек в проулок юркнул. Не заходя домой, он повернул к вокзалу, первым поездом уехал из Чорткова и через несколько дней оказался в отделении хирургии больницы винницких железнодорожников. Из госпиталя Данилевский выписался в Галич. Места прикарпатские он знал — скрывался в первые годы после войны. Там, в пригороде Бучача, проживали у родственников жена и ее сестра, они и дали знать условной открыткой, что он может, не боясь, переезжать к ним, но открытка в Галиче его не застала. Теперь Данилевский жалел, что поторопился с переездом. И даже после ареста он отчаянно надеялся, что «вывернется». Это и заставило его твердить «я — не я», пока не явился живой Царюченко...

В начале сентября 1952 года преступник предстал в Херсоне перед судом Военного трибунала.

Подсудимый яростно изворачивался, лгал, сваливал вину на сообщников и своих хозяев-фашистов. Под конец он пытался разжалобить свидетелей и судей заявлениями о больных почках и язве желудка, нагло утверждая, будто бы расстроил здоровье в дни ополчения.

Военный трибунал приговорил Данилевского к высшей мере наказания — расстрелу.

Одесса, 1988

Тупик с незапертой дверью

1

«Тойота» темно-синего цвета, мягко притормозив, свернула на площадь перед аэропортом «Шереметьево» и остановилась. Водитель не спеша открыл дверцу автомашины и бросил взгляд в зеркало заднего вида — дорога была пустынна. Удовлетворенно хмыкнув, он вышел, закрыл ключом дверцу. Закурил и неторопливо направился ко входу в аэропорт.

Было раннее утро. Большой холл аэропорта, залитый лучами солнца, наполовину пустой и от этого казавшийся сонным, жил размеренной жизнью. Пассажиры покупали свежие газеты, рассматривали стенды с моделями самолетов, безразлично созерцали витрину ларька сувениров сидели в буфете, потягивая кофе и лимонад, и внимательно прислушивались к металлическому голосу диктора, то и дело сообщавшего о прибывших и отбывающих лайнерах. Слева у входа в таможенный зал красивая девушка в форме Аэрофлота неохотно разговаривала с молодым сержантом милиции.

Человек из «тойоты» медленно прошелся по холлу, бросил взгляд на огромное табло расписания, покосился на часы и уселся в кресло. Достал из кармана свернутую газету и стал читать, изредка поглядывая по сторонам, явно не зная, как убить время.

Прошло полчаса, и диктор объявил:

— В аэропорту «Шереметьево» совершил посадку авиалайнер компании «Эрфранс», совершающий рейс Париж — Москва — Токио...

Человек сложил газету, небрежно сунул ее в карман и неторопливо направился к выходу из таможенного зала. Минут через пятнадцать показались первые пассажиры только что прибывшего самолета. Они подходили к высоким столикам, заполняли декларации и, выхватив

Печатается с сокращением.

свои вещи с ленты конвейера, направлялись к турникетам для таможенного досмотра.

Взгляд человека из «тойоты» остановился на невысокой девушке в модных очках. Тонкая, стройная фигурка, чуть удлиненное лицо, короткая стрижка делали ее похожей на подростка. Девушка прошла досмотр и, перекинув через плечо кожаную сумку, подняла чемодан, направляясь к выходу из зала. Пройдя двери, она остановилась, в упор посмотрела на встречавшего ее человека. Тот слегка ей поклонился.

— Мисс Ирэн Горд?

— Мистер Травински? — вопросом на вопрос ответила молоденькая пассажирка.

— Вот и познакомились. — Человек мягко пожал ее руку и взялся за чемодан. — Прошу...

Перебрасываясь ничего не значащими фразами, они вышли из здания аэропорта. Подойдя к машине, Травински положил чемодан мисс Ирэн в багажник, сел за руль. Машина мягко тронулась с места.

Мисс Ирэн с любопытством рассматривала проносившиеся за окном поля и небольшие рощицы, а Травински наблюдал за ней в зеркало.

— Как долетели? — нарушил он молчание.

— Прекрасно, — быстро повернулась к нему Ирэн. — Правда, долго ждали вылета из Парижа... Туман.

— Удивительно! Июнь месяц — и туман в Париже... — Травински покачал головой. — Как поживает старик Donovan? Все так же брюзжит и жалуется на печень?

Ирэн звонко расхохоталась, ее собеседник очень точно передал голос вечного брюзги — главного редактора журнала.

— О, мистер Травински, по-моему, он стал еще большим брюзгой. После того как Билла выслали из Чехословакии, старик рассвирепел и не находит себе места. Недавно запретил всем сотрудникам появляться в редакции без галстуков... И это летом! Представляете, мистер Травински?

Травински кивнул и, не глядя на собеседницу, негромко спросил:

— А что там Билл натворил? Московская пресса ничего об этом не писала.

Ирэн удивленно посмотрела на полноватое лицо с аккуратными усиками.

— А вы разве не знаете?.. — Она запнулась. — Ему

предъявили обвинение в умышленном искажении фактов и в деятельности, не соответствующей статусу журналиста дружественной страны...

Травински презрительно фыркнул:

— Билл всегда отличался большими размерами пиджака и маленькими размерами шляпы...

Ирэн засмеялась, улыбнулся и Травински, довольный, что его острога пришлась девушке по вкусу.

Машина затормозила около высотного дома.

— Вот, дорогая мисс Ирэн, мы и приехали, — сказал своей спутнице Травински. — Это ваш дом.

Они поднялись на лифте на восьмой этаж. Травински своим ключом открыл дверь и пропустил Ирэн вперед.

Ирэн с любопытством огляделась. Небольшая однокомнатная квартира с нишей, в которой стояла широкая тахта; маленькая кухня, лоджия, ванна...

— Конечно, это не Париж, но... жить можно, — улыбнулся Травински. — Располагайтесь, а я съезжу по делам. Через два часа, — он посмотрел на часы, — буду. Тогда и поговорим.

Травински первым делом заехал на Международный почтамт и дал телеграмму главному редактору о том, что его секретарь и помощник — мисс Ирэн Горд долетела благополучно. Он внимательно перечитал заполненный бланк, поморщился и взял другой. Снова переписал. Текст был такой же, как и в первой телеграмме, но с припиской: «Ирэн долетела благополучно тчк встретил в аэропорту тчк чувствую себя хорошо зпт приступаю к работе тчк».

Приписка о самочувствии говорила о том, что службы наблюдения за собой на всем пути от дома до аэропорта и обратно Травински не обнаружил. Это его обрадовало — значит, он пока работает предельно точно, как его и просил шеф.

Травински усмехнулся. Он представил себе Донова — высокого, широкоплечего, в мешковатом костюме с неглаженными брюками, на коленях засыпанными пеплом от сигарет; его длинное лицо с ежиком волос над торчащими ушами, мохнатые брови, нависающие над всегда недовольными и сверлящими собеседника глазами...

— Гарри, мальчик, будь умницей, — рокотал Донован Травински перед отлетом того в Москву, — я на тебя надеюсь... Мне эти сосунки из закрытых колледжей надоели до черта! Им денег девать некуда, так играют в разведчиков. А приедут в страну пребывания и сопли пускают:

то им контрразведка на каждом шагу мерещится, то сыпятся на контрабанде и еще на чем-нибудь...

Гарри молчал, потягивая джин с тоником. Старик был не прав: многих ребят Гарри знал, и то, что они «сыпятся на контрабанде», старик явно привирал. Парни были что надо, но судьба разведчика зависит подчас не от его ума, а от ума его людей... и людей, работающих против него.

— Гарри, ты работай и плюнь на этих пижонов из писак, — орал старик, взбудораженный доброй порцией джина. — А будут мешать — дай знать, я им быстренько промывание мозгов устрою.

Старик перегибал палку. Гарри прекрасно понимал, что, работая под «крышей» корреспондента, он так или иначе должен будет сотрудничать с коллегами, аккредитованными в Москве. Знал он также, что эти ребята не здорово относятся к людям его профессии и, догадавшись о ней, тут же прекращают всякие контакты с так называемыми «жареными» литераторами, хотя хороший журналист — это почти всегда своеобразный разведчик...

— Гарри, — Донован неожиданно успокоился и посмотрел на Травински так, что тому стало не по себе, — не повторяй ошибок некоторых твоих друзей, не пытайся отсидеться на вырезках из газет! Мне нужна достоверная и полная информация об уровне науки в Союзе. Мне нужны имена и фамилии ученых, работающих во всех областях... Мне нужна общая картина. Не строй надежд на всякую блевотину из околonaучных кругов! Этим поганцам грош цена, и они нужны пропаганде, а не нам...

Гарри слушал внимательно, понимая, что сейчас последует конкретное задание.

— «Компанию» интересуется филиал Академии наук в Бротине, что недавно открылся... Там, кстати, работают наши знакомцы, — Донован поморщился, — академики Мездриковский и Водолагин. К обоим ты делал подходы — и неудачно.

— Шеф, — попытался возразить Травински, — не каждый идет на контакт... Вы сами понимаете....

— Не в этом суть. Мы допускали неудачи... Но чем черт не шутит! Помнишь Пеньковского? То-то же... Сейчас они работают в этом филиале. Переехали из Москвы и, очевидно, крепко там обосновались. Наши аналитики внимательно изучили все публикации этого института и пришли к мнению, что занимается институт чрезвычайно перспективными разработками в области физики твердого

тела. Но, помня, что и Мездриковский и Водолагин в свое время работали на оборону, «компания» решила прощупать фирму, в которой они работают.

Травински не перебивал и ничего не спрашивал, зная, что все необходимое шеф скажет сам.

— На связь даю тебе нашего агента «Сэма». Работает переводчиком в «Интуристе». Завербован в Швейцарии. Жаден, хитер, на вербовку пошел быстро, позже стал изображать из себя «идейного борца с коммунизмом». Способен на решительные действия, спасая свою жизнь. Умен, работает с охотой. Уверен, что после выполнения нескольких заданий мы вывезем его на Запад.

2

Первого секретаря посольства Юджина Макдональда Гарри Травински не любил. Дело не в том, что Макдональд занимал на служебной лесенке «компаний», так называли ЦРУ за глаза ее сотрудники, очень высокое положение. Травински терпеть не мог «выскочек» — всех, кто обладал состоянием, которого Гарри не имел, связями, которых тоже у него было не густо, и, конечно же, положением в обществе.

Вот и сейчас, подъезжая к посольству и представляя разговор с Юджином, Травински состроил кислую физиономию и тяжело вздохнул. Он наверное знал, что Макдональд тоже его не любит и в кругу себе подобных называет «молодым жеребчиком». А это было обиднее всего: стариком себя Гарри не считал.

Травински припарковал машину на обочине тротуара и направился ко входу в посольство. Дежурил еще один его недруг — Том Спиркс, сержант морской пехоты. И хотя тот знал Травински давно, каждый раз внимательно рассматривал его паспорт, словно намекая, что Травински стареет и необходимо на паспорте поменять фотографию. Еле сдерживая раздражение, Гарри поднялся на четвертый этаж, нажал кнопку у двери. Через мгновение в глазке загорелся свет, и дверь распахнулась.

— Мистер Травински, шеф ждет...

«Шеф! — иронически подумал Травински. — Слово «вербовка» путает со словом «водка»! Сопляк, маленький сынок. Тебе бы сидеть в Алабаме у папы на ферме и жрать виски, так нет, решил в разведчики поиграть».

— Хэлло, Гарри,— пророкотал Макдональд, не вставая из-за стола,— проходи, старина. Садись.

Макдональд дружелюбно улыбался, но его серые глаза цепко всматривались в подчиненного. Высокого роста, с крупными, резкими чертами лица, загорелый, он словно только что вернулся с юга.

— Добрый день, мистер Макдональд,— степенно поздоровался Травински, усаживаясь напротив.— Как поживаете?

— Прекрасно.— Макдональд перебросил через стол коробку сигар.— Кури. Так вот, пришла телеграмма из «компании», хотел посоветоваться с тобой. Ты что-нибудь слышал об институте физики твердого тела в академгородке, который недавно открылся под Москвой?

Гарри состроил мину, которая могла означать, что он много знает, но предпочитает начальника не перебивать.

— «Компания» сильно заинтересовалась этой фирмой... Чем русские там занимаются?

— Судя по сообщениям печати, это научно-исследовательский институт Академии наук СССР, который работает над проблемами сверхчистых материалов.

— Оборона? Космос?

— Как сказать...— Травински с удовольствием взглянул на голубой дымок сигары.— В принципе — чистая наука, а в прикладном варианте — что хотите. И оборона, и космос, электроника, новое поколение компьютеров...

— У тебя там есть кто-нибудь на примете?

— Нет. Институт расположен в районе, который не рекомендован иностранцам для посещения, мистер Макдональд.

— Так...— Юджин разглядывал малахитовый письменный набор.— Значит, все усилия направляешь ныне на этот институт. Нужна четкая и ясная картина, чем там занимаются, кто занимается и с какими предприятиями они связаны. Есть сведения, что часть этого института будет разрабатывать новую технологию получения сверхчистых материалов. Сведения точные, получены из надежного источника.

— А мое руководство поставлено об этом в известность?— обронил, не глядя на Макдональда, Травински.— Мы как бы из разных ведомств, мистер Макдональд...

— Не строй из себя девочку,— грубо отрезал Юджин.— Если я приказываю тебе что-то, значит, так надо «компании».

Несколько минут оба молчали. Травински сглатывал обиду, как слюну, и никак не мог заставить себя поднять глаза на шефа. А тот, некоторое время полюбовавшись растерянностью Гарри, встал, достал из бара бутылку виски и два фужера.

— Ладно, Гарри, не сердись,— он поставил перед ним фужер и легко прикоснулся к нему своим,— нам не надо ссориться. Вот еще что: там,— он показал большим пальцем на потолок,— просили оказать тебе помощь, а то ты, бедняга, год просидел, а ни одной вербовки не провел,— уколол Юджин Травински.— Ладно, ладно, свои люди...

Травински слушал невнимательно. Он понимал, что если Макдональд «делится» с ним своей агентурой, то задание «компании» серьезное, и это его настораживало. Обычно такие команды он получал от непосредственного своего начальника Донована, с которым проработал много лет и знал его слабости, силу и даже привычки.

— Так вот,— продолжал Макдональд,— дам тебе одного «помощника»... Впрочем, он пока еще не агент,— неожиданно Макдональд усмехнулся,— а, так сказать, кандидат, но вербовка будет простая. Он привлек наше внимание на валютных операциях. Успешно сотрудничает с несколькими африканскими дипломатами и студентами. Работает таксистом в академгородке.

— В том самом? — не поверил Травински.

— В том самом. Вербовку проведешь лично, предварительно пусть с ним поработает «Сэм».

— Хорошо... Сколько времени мне дается?

— Нисколько! — Макдональд решительно ткнул окурок в пепельницу.— Это мы должны были знать вчера!

— Но простите, мистер Макдональд,— возмутился Травински.— Это же разведка, а не ограбление почикагски!

— Надо будет,— Макдональд лениво смахнул со стола пепел,— наденешь маску и исполнишь вариант «почикагски». Не те времена, мой мальчик, чтобы заниматься сантиментами...

* * *

— Ты в Киеве когда-нибудь был? — Полковник Росляков смотрел на Андрея поверх очков и улыбался.

Андрей молча качнул головой. Перед очередным заданием Росляков всегда начинал издали, словно про-

веряя, в какой готовности находится его подчиненный.

— Нет, Владимир Иванович, не был.

— Собирайся, боец... на пару недель.

Андрей вопросительно посмотрел на начальника.

— Международный симпозиум по физике твердого тела... — Росляков посмотрел на приглашенный билет. — Названия, я тебе скажу, физики придумывают. — Он покачал головой: — «Физика твердого тела».

— Ученые в душе всегда поэты.

— Зато мы прозаики. — Полковник серьезно и грустно улыбнулся. — Есть сведения, что этим симпозиумом заинтересовалось ЦРУ. Коллеги из центрального аппарата внимательно изучили гостей симпозиума из капиталистических стран. Внимание привлекли несколько аккредитованных корреспондентов. Вот смотри, — он пододвинул Андрею конверт с фотографиями, — корреспондент журнала «Сайенс энд Сосайэти», «Наука и общество». Гарри Травински...

На Андрея с фотографии смотрело полноватое лицо с чуть опущенными в иронической улыбке уголками рта. Безупречный пробор, холеные усики.

— Шельмец опытный. — Владимир Иванович удовлетворенно хмыкнул, словно был донельзя рад тому, что противник не новичок. — На выставке в Москве дважды уходил от бригады наблюдения. Прекрасно владеет русским. По рождению русский, отец — Генрих Травинский, белоэмигрант. Служил у Деникина в контрразведке. После революции долго ошивался в Европе, потом перебрался в Америку. Там женился. В двадцать пятом году родился наш «приятель». Жена Травинского скоро умерла, а папаша... дал сынку «образование» сам.

Андрей внимательно слушал полковника, разглядывал фотографию. На миг ему показалось, что человек на фото ехидно ему подмигнул.

— Так вот, Травински-младший окончил Мичиганский университет. По образованию инженер-физик, бакалавр наук. Стажировался в Парижском университете. Это в пятьдесят пятом. Несколько раз приезжал в Будапешт как молодой ученый... и почему-то перед событиями 1956 года быстро выехал оттуда. А папаша его тем временем перебрался в русскую редакцию «Свободной Европы». Консультантом по России. В конце шестидесятых годов Гарри Травински бросает работу в лаборатории, которая, кстати, неизвестно чем занималась, но на-

звание имела громкое: «Лаборатория анализа современных исследований и разработок», и переходит в журнал «Наука и общество». Как потом стало известно, — продолжал Росляков, — и лаборатория, и журнал кормят ся на денежки ЦРУ. Так сказать, дочерние предприятия... Понял, Андрей, какой журналист аккредитован на симпозиум?

Андрей оторвал глаза от фотографии:

— Материал по его визитам в Союз можно посмотреть?

— Нужно.

— Хорошо, Владимир Иванович. Когда можно будет доложить план задания?

— Как пригодишься, так и заходи.

Андрей встал:

— Разрешите идти?

— Давай, боец, дерзай...

Андрей сидел над материалами — читал и перечитывал короткие сообщения, справки, отчеты. И вот постепенно пришло понимание скрытого смысла поведения Травински, и он, составив план командировки, снова засел над документами.

Андрей появился у Рослякова через два дня.

— Докладывай. — Полковник поудобнее уселся в кресло.

— Все визиты «журналиста»...

— Уже окрестил? — усмехнулся Росляков.

— Псевдоним сам просится. Так вот, все визиты «журналиста», а их было шесть, приурочены только к выставкам и симпозиумам. Причем, все эти симпозиумы и выставки, как правило, проводились или в Москве, или в Киеве. Во-вторых, постоянно отмечалась необыкновенная активность «журналиста» при встречах с молодыми учеными и инженерами. В-третьих, вопросы «журналиста» обычно касались личности интервьюируемого, а не его специальности. В-четвертых, статьи, опубликованные в его журнале, отличаются от подобных им подозрительной доброжелательностью по отношению к молодой советской науке и «искренними» сожалениями по поводу слабых контактов советских молодых ученых с молодыми учеными США. В-пятых, в материалах отмечается стремление «журналиста» встретиться с кем-то из участников,

как он выражается, «в свободной от официальности» обстановке... Правда, никто не клюнул на его «приглашения».

Росляков медленно чертил на листе бумаги завитушки.

— Ну и в-шестых,— Андрей бросил взгляд на молчавшего начальника,— «журналист» был на всех последних симпозиумах по физике твердого тела, на которых присутствовали ученые филиала Академии наук Водолагин и Мездриковский. В журнале Травински опубликовал большое интервью с Водолагиным, которое называется «Проблемы современной физики и размышления академика Водолагина». Речь идет в основном о последней монографии ученого, вышедшей в Швеции. Все.

Росляков положил карандаш и задумчиво посмотрел на чуть подрагивавшую на ветру штору:

— Мысли, выводы?

— «Журналист» явно ищет подходы к нашему ученому миру. Отсюда его статьи, его «доброжелательность».

— Это ясно. Водолагина и Мездриковского я знаю лично. Это люди, имеющие большой вес в науке. Правда, их школы разнятся подходами к некоторым проблемам физики, но так, как говорится, и должно быть. Разные подходы, споры и дают толчок новой мысли.

Кудряшов с удивлением смотрел на Рослякова. «Сколько знаю — столько удивляюсь. Таким неучем прикинется, а на самом деле вникает в суть намного глубже, чем иной ученый».

— Может, «журналист» хочет сыграть на этих «разногласиях», чтобы выудить что-то интересное для себя. Как думаешь?

Андрей неопределенно пожал плечами:

— Работы Водолагина и Мездриковского не содержат секретной информации, они совершенно открыты. Регулярно публикуются в Реферативном журнале Академии наук. Что же может интересовать «журналиста»?

— Применение результатов.— Росляков резко встал и подошел к окну.— Применение... Уровень научных изысканий в Союзе и уровень технологии... Ладно, Андрей, спасибо. По плану поговорим позже.

— Здорово, Серега! Еле тебя догнал.— Валерий Кушпир, высокий, стройный парень с круглым лицом и ярко-

синими глазами, хлопнул собеседника по плечу и засмеялся. — Ну и видик у тебя!.. Серый, как осиновый пенек. Что ты? Заработался?

Гиляров устало махнул рукой и чуть замедлил шаг. Оглянулся, словно боясь, что кто-то их услышит.

— А... С Татьяной поругался.

— Что такое?

— Да ну... старая история. Опять у тещеньки дорогой засиделась и вернулась под утро...

— Ну-ну...

Парни шли молча. Кушнир изредка поглядывал на насупившегося приятеля и думал о том, как странно складываются жизни людей. Он знал Сергея давно, почти два года они жили в одной комнате в общежитии, работали, правда, в разных лабораториях, но виделись каждый день. Валерию всегда казалось, что Сергей женился рано, не сделав главного, по его мнению, — кандидатской диссертации. Он много раз ему это говорил еще до свадьбы, но...

— Серега, — Кушнир решил перевести разговор на другую тему, — новость хочешь?

— Ну?

— В Киеве симпозиум будет. Мой шеф сегодня меня уже озадачил: хочет, чтобы доклад делал я.

— Тоже новость!.. Григорий Александрович и меня сегодня вызывал. Я буду делать сообщение по нашей теме.

— Да? — Кушнир покачал головой. — Интересно, что же это получится? Наши шефы в науке — как собака с кошкой живут, а мы, значит, вроде рупоров их идей будем?.. Интересно.

— Валер, неужели ты никак не поймешь, что ваша идея получения сверхчистых материалов настолько сыра, что о ней говорить серьезно нельзя? Вы кроме теории ничего не даете, кстати, и теория, то есть ее математический аппарат, запутана.

— Ну, поехал!.. Слушай, Серега, кончай свои водолагинские штучки. Мездриковский прав: надо рисковать, а не годами копать в давно известных экспериментах.

— Чушь. — Гиляров остановился и взял Кушнина за руку. — А если ваша технология невероятно сложна и ни одно производство не освоит ее, что тогда? Вы же с Мездриковским не хотите с нами даже разговаривать, не хотите наши соображения выслушать. Не каждое пред-

приятие может освоить такую технологию. А если по правде — ни одно не возьмется! Сложно очень...

— А нас это не касается! — Кушнир постучал пальцем по лбу. — Идея родилась, мы ее просчитали, выдали приблизительную схему технологии, и, будьте любезны, пашите, голуби милые! В конце концов мы академический институт, а не научно-исследовательский, и опытно-конструкторские работы не производим! Усек?

— Ох и нахалы вы! — в сердцах бросил Гиляров. — Ей-богу, нахалы! Вам только бы скинуть тему и отрапортовать, что все сделано, а как дальше — наплевать!

— Ну уж и нахалы! — Валерий фыркнул. — Просто мой шеф умеет жить, Серега. Ну да что мы с тобой спорим? Время покажет. Вот на симпозиуме и посмотрим, кто прав, а кто виноват. Лады?

— Я думаю, Евгений Павлович, — Кушнир сделал паузу, взглядываясь в продолговатое лицо Мездриковского, — доклад построить на контрастах.

Чуть выпуклые глаза смотрели на Кушнира выжидательно, оценивающе. Евгений Павлович сидел, откинувшись на спинку кресла, чуть в стороне от своего большого письменного стола и медленно поглаживал небольшую седоватую бородку, придававшую ему легкомысленный вид.

— Интересно, интересно...

— Я бы хотел, конечно, с вашего разрешения, Евгений Павлович, провести сравнительную оценку подходов к энергетике атомной структуры кристаллов вашей, — голос Кушнира чуть дрогнул, — и Водолагинской школы. Чтобы показать некоторые недочеты работ Водолагина... Я имею в виду математический аппарат.

Веки Мездриковского дрогнули, но он не произнес ни слова, а только придвинулся ближе к столу и изящным движением руки открыл пачку «Марльборо». Щелкнула зажигалка.

Кушнир раскрыл свою папку, которую держал все время на коленях, и достал доклад. Положил на стол и немного пододвинул его к руке Мездриковского, пальцы которой наигрывали на столе непонятную мелодию. Евгений Павлович медленно взял доклад, быстро пробежал его глазами. Положил на стол. Снова откинулся на спинку кресла.

— Интересно, — грассируя, произнес Мездриковский и нажал кнопку звонка. — Людочка, будьте любезны, нам кофе. Так почему вы, Валерий Борисович, решили построить доклад именно так?

В кабинет неслышно вошла секретарь и поставила на стол две чашечки кофе, нарезанный лимон, сахар.

— Спасибо, Людочка... и... я занят буду около часа. Не соединяйте меня ни с кем, если, конечно, не позвонит... — Мездриковский выразительно кивнул на красный телефон. — Так, я вас слушаю, любезный Валерий Борисович.

Кушнир внутренне сжался, словно ему предстояло сдавать важный экзамен:

— Видите ли, Евгений Павлович, я давно работаю под вашим непосредственным руководством и считаю себя, если позволите, вашим учеником. Школа же Водолагина, на мой взгляд, трактует некоторые аспекты энергетического распределения неправильно.

Кушнир бил наверняка. Основной спор между двумя учеными шел как раз по этому поводу. Мездриковский, докторская работа которого отстаивала и математически обосновывала более размытые энергетические уровни атомарного строения кристалла, была встречена среди физиков скептически. Но он защитился. Водолагин подходил к этому вопросу более критично, его математическая модель была четче, но, к сожалению, экспериментально пока не подтверждалась.

Академик задумчиво всматривался в кристалл кварца. Он понимал, что его аспирант лезет из кожи вон, чтобы поскорее защититься. Евгений Павлович был твердо уверен в правильности своей позиции, тем более, что эксперименты если и не полностью подтверждали его идею, то и не отрицали. Он взглянул на Валерия, пившего кофе.

— Любезный Валерий Борисович, — Кушнир быстро поставил чашечку на стол, — а откуда у вас экспериментальные данные из лаборатории Водолагина?

— Я читал доклад Гилярова, с которым он должен был выступать на симпозиуме.

— И он сам вам дал доклад?

— Да. — Валерий поднял глаза на Мездриковского. — А что тут такого? Мы с ним товарищи.

«Надо же, какая невинная синь!» — подумал академик, а вслух произнес:

— Мне кажется, Валерий Борисович, — он несколько

мгновений смотрел на красный телефон, — что использовать данные лаборатории Водолагина несколько неэтично... Пусть даже ваш товарищ и познакомил вас с ними. Конечно, — он улыбнулся, — это было бы очень эффектно, но дать оппонентам повод упрекать нас в нечистоплотности я не могу. Мне кажется, что доклад надо строить только на наших данных и в таком виде представить его на утверждение ученого совета института.

Кушнир положил на стол несколько листов бумаги:

— Посмотрите вот это, Евгений Павлович.

Мездриковский нехотя протянул руку.

— Это другое дело, — сказал он несколько мгновений спустя. — Правильно по существу и не задевает чести мундира Григория Александровича и его лаборатории. Поймите, любезный Валерий Борисович, мы делаем одно дело. Мы ученые, а не шулера. И в нашей колоде все карты должны быть чистые.

— Я хотел только на экспериментальных примерах показать несостоятельность модели школы Водолагина... — Кушнир смотрел на Мездриковского спокойно и выжидающе. — Григорий Александрович крупный ученый, и я его очень уважаю...

Мездриковский вдруг понял, что Валерий говорит его словами, теми самыми, какие он недавно произносил на ученом совете. Даже на мгновение показалось, что они поменялись местами и за его столом сидит не он, академик Мездриковский, а Кушнир в сереньком костюмчике, застиранной рубашке и со скрытым апломбом рассуждает о путях развития физики твердого тела.

— Григорий Александрович внес в науку неоценимый вклад, — услышал он голос Кушнира, — и его заслуг никто не умаляет, но истина дороже...

— Я не сомневался в этом, — прервал его Мездриковский и понимающе улыбнулся. — Поэтому я и не подержал ваш первый вариант доклада. Так выступать нельзя. Другое дело, если разгорятся споры на симпозиуме или в рабочей секции возникнет этот вопрос.

«Ну... пошло-поехало, — пронеслось в голове Валерия. — Сам черт не разберет этих титанов. То чуть ли не в драку с кулаками лезут, а то на открытое обсуждение не идут. «Неэтично данные лаборатории Водолагина использовать!» Да ты сам их на ученом совете приводил! Поосторожней надо с ним, а то греха не оберешься!»

— Так вот, любезный Валерий Борисович, — Мездри-

ковский встал из-за стола, — остановимся на втором варианте вашего доклада и с ним будем выходить на ученый совет института... Всего вам хорошего.

Кушнир, выйдя из кабинета, еще долго стоял в коридоре. Не то чтобы его задела слова Мездриковского. Нет, все было правильно. Надо согласиться, что первый доклад был немного скандальный и похож на научное «сведение счетов», а не на объективное исследование проблем. «Черт с ним, — решил Валерий, — как хочет, так и будет».

Он закурил, двинулся в сторону лифта и вдруг остановился. «Стоп! А что это он говорил о дискуссиях? О спорах?»

4

Перед входом в гостиницу «Украина» в Киеве, где поселились участники международного симпозиума, на высоких древках лениво полоскались флаги стран-участниц. Со стороны казалось, что перед гостиницей вырос диковинный лес с яркими и пестрыми кронами.

Водолагин и Мездриковский получили номера «люкс» на втором этаже, Валерий и Сергей — одноместные номера на седьмом. Быстро побрившись и приняв душ, Валерий вышел в огромный холл гостиницы. Там царила деловая суета: члены оргкомитета встречали иностранных ученых и размещали по номерам. В правом углу холла работало справочное бюро симпозиума, рядом регистрировали приезжающих. Валерий не спеша предъявил удостоверение участника и получил целую кипу программ, билеты на концерты и в театры. Сев в мягкое кресло около журнального столика, он начал их внимательно просматривать, делая на полях программы пометки, что надо послушать и в каких секциях побывать. Доклад Кушнира был в первый день работы симпозиума, сразу же после торжественного открытия. На второй день в своей секции Валерий и Сергей делали более подробные сообщения, и это для Валерия было самым главным.

Вернувшись в свой номер, Валерий позвонил по телефону Мездриковскому, но никто не отвечал. Тогда он набрал номер телефона Водолагина:

— Григорий Александрович, это Кушнир. Я вам не нужен?

— Нет, Валерий Борисович, — голос Водолагина звучал устало: он плохо переносил поездку, — нет...

— А Евгений Павлович не у вас?

- У меня. Дать трубку?
- Если можно.
- Мездриковский, — пророкотал бархатный баритон. Это Валерий. Я не нужен вам, Евгений Павлович?
- Нет, нет, Валерий. Отдыхайте.

Кушнир осторожно повесил трубку и задумался. Отдыхать ему не хотелось, он прекрасно выспался в поезде. Валерий снял пиджак, галстук. Повесил в шкафу на плечики темный костюм, две белые рубашки, разложил на тумбочке около зеркала разную мелочь и вышел из номера. Спустившись в лифте в кафетерий на пятом этаже, взял несколько бутербродов, чашку кофе. Огляделся и направился с подносом к свободному столику.

— Вы не будете возражать? — Около столика остановился невысокий мужчина в серых брюках и рубашке с короткими рукавами.

— Пожалуйста. — Кушнир передвинул к себе тарелочку с бутербродами.

Мужчина, не торопясь, поставил на стол сковородку с яичницей, кофе, салат из помидоров, отнес поднос. Сел, доброжелательно глядя на Кушнира:

— Приятного аппетита.

Валерий с набитым ртом благодарно закивал головой.

Ели молча, и только когда принялись за кофе, мужчина спросил:

— Вы участник симпозиума?

— Да, а вы?

— Гость... Вообще-то я в несколько другой области физики работаю, приехал познакомиться, так сказать... Кудряшов... Андрей.

— Кушнир.

С симпатией разглядывая спокойное, широкоскулое лицо нового знакомого, его плотную фигуру, Валерий подумал, что где-то видел его, но уточнять было неудобно.

— Извините, у меня дела. — Кудряшов поднялся. — Встретимся завтра на открытии...

— Приходите слушать мой доклад, — неожиданно для самого себя сказал Валерий, — я выступаю первым.

— С удовольствием. — Андрей пожал руку и заторопился.

У Кудряшова действительно было немало дел. Он зашел в КГБ Украины, представился начальству, коротко рассказал о своем задании. Высокий пожилой человек в

синем костюме, полковник Костенко Богдан Кондратьевич крепко пожал ему руку.

— Как устроились?

— В «Украине». Номер на пятом этаже с видом на Крещатик... Богдан Кондратьевич, ничего нет по нашему «знакомому»?

— Пока все спокойно... Остановился в «Интуристе». Отметился в генконсульстве. Бродит по городу, фотографирует, покупает украинские сувениры. Ты, Андрей, не беспокойся: если что-то новое будет, мы тебя в известность сразу же поставим.

— Хорошо.— Кудряшов встал.— Тогда разрешите быть свободным.

— Конечно, иди гуляй пока. И дай бог, чтобы у тебя работы не было...

* * *

Начало симпозиума было коротким и деловым. Представитель Академии наук СССР поздравил участников, с ответной речью выступил Мездриковский.

Когда объявили выступление Кушнера, зал равнодушно гудел. Этого имени никто не знал, да и званий у него не было. Валерий быстро прошел на кафедру, взял в руки мел. Откашлялся.

— Товарищи, дамы и господа,— голос его немного дрожал, но Валерий быстро взял себя в руки,— на каком языке делать доклад?

Мездриковский с усмешкой поднял голову, но тут же быстро повернулся к залу. Шум стих.

— Тогда,— Валерий оглядел амфитеатр,— я буду докладывать на русском, на вопросы готов отвечать на английском...

Доклад был подготовлен у Валерия хорошо. Еще в общезнании он отренетировал его перед зеркалом, выверяя интонацию, жесты и движения перед мнимой доской. Он говорил не торопясь, четко и громко, изредка подходил к доске и несколько небрежно писал необходимые формулы. Он чувствовал, что зал слушает его, и от этого в груди у Валерия поднималось какое-то новое, неизведанное чувство легкости и уверенности в себе. Когда он закончил, раздались аплодисменты. Некоторое время Валерий стирал с доски написанное и терпеливо ждал, когда начнут задавать вопросы. Но их не было. Валерий

разочарованно пожал плечами и спустился в зал. Потом выступили еще несколько человек, но Валерий их не слушал. Наконец объявили перерыв. Кушнир спустился в буфет и взял чашку кофе. Присел на полукруглый диван. Закурил.

— Разрешите?— Около него остановился человек с аккуратно подбритыми усами. Через плечо на ремешке был перекинут «Никон».— Корреспондент журнала «Сайенс энд Сосайэти» Гарри Травински...

— Пожалуйста.— Валерий жестом пригласил Травински садиться.

— Я бы хотел выразить вам свою признательность,— церемонно начал говорить Травински,— за столь полный и интересный доклад. Честно говоря, я поражен: столь молодой ученый и уже выступает на таком представительном симпозиуме. Это обнадеживает. Разрешите несколько вопросов?

Кушнир молча кивнул головой, чувствуя, как у него в душе закипает неумная радость.

— Вы кандидат наук?

— Скоро, наверное, буду.

— О... Надеюсь, вы защититесь с блеском, Валерий Борисович,— с уважением покачал головой Травински.— На мой взгляд, у вас есть все необходимые для ученого качества: уверенность, смелость... У вас своя лаборатория?

— Нет... пока. Я работаю у Евгения Павловича Мездриковского.

— Это очень известное имя.— Травински отпил кофе.— Несколько лет назад я был представлен вашему учителю и имел с ним большую беседу. Его имя хорошо знают наши читатели, а наш журнал читают даже лауреаты Нобелевской премии. Я вам завидую, Валерий, разрешите вас так называть?

— Пожалуйста.— Кушнир глотнул остывший кофе и с интересом посмотрел на собеседника. «Откуда он так хорошо знает русский язык? И ведет себя так, словно мы давным-давно знакомы... Одет отлично... Что он хочет?»

— Так вот, Валерий,— Травински закурил,— я откровенно завидую вам. Общаться каждый день с таким видным ученым, наблюдать его непосредственно в работе не каждому дано. Наверное, Евгений Павлович делает для вас многое?

— Конечно. Если бы не он, я бы и на симпозиум не попал.

Ответ вырвался как-то неожиданно и быстро, и Валерий заметил, что корреспондент с пониманием кивнул, словно был в этом уверен.

— Приходите завтра на секцию, я там с докладом выступаю. Знаете, в физике твердого тела много белых пятен,— Валерий улыбнулся,— и я завтра постараюсь раскрыть на некоторые проблемы точку зрения школы Мездриковского.

— О! Это, конечно, будет интересно... Я обязательно приду...

Раздался звонок. Травински встал, извинился и заторопился в зал.

«На кой черт я ему брякнул о точке зрения?— подумал Валерий, провожая взглядом Травински.— Придется завтра покрутиться, как на сковородке. Да черт с ним!»

— Здравствуй!— Кудряшов протянул Валерию руку.— Здорово ты выступал. Жаль, вопросов не было, но это обычное дело. Первые доклады слушают невнимательно. Зато на рабочей секции дадут жару. А так — хорошо.

— Спасибо.— Кушнир улыбнулся.— А я уж думал, что из пушки по воробьям бабахнул.

— Брось, все нормально. Кстати, несколько человек у меня расспрашивали, кто ты и что.

— Да?— радостно удивился Кушнир.— А впрочем, вот и американец тоже интересовался.

— Какой американец?— равнодушно бросил Кудряшов.

— А вот сейчас со мной сидел. С усами. По-русски говорит лучше нас с тобой. Журнал «Сайенс энд со-сайэнти»...

— А что он от тебя хотел?— удивился Андрей.

— А черт его знает!— Валерий пожал плечами.— Подошел, представился, завел разговор о том о сем. Спросил, есть ли у меня лаборатория. Я ему: дескать, откуда, когда я без году неделя как университет окончил. А, трепло, одним словом.

— Бывает,— Андрей хлопнул Кушнира по плечу,— не расстраивайся. Ты лучше к выступлению на секций как следует подготовься, а то забьют вопросами.

— Меня не забьют,— самоуверенно произнес Кушнир.— Я сам кого хочешь забью.

— Не скажи...— Андрей покачал головой.— Насколько

я понял из твоего доклада, эксперименты у вас не совсем чистые были.

— Это почему? — взвился Валерий.

— Статистики маловато.

— Но для подтверждения теории...

— Для подтверждения теории нужно провести большое количество экспериментов. Не так ли?

— Ты математик?

— Что-то вроде этого, — Андрей пошевелил пальцами в воздухе, — парапсихолог. — И, засмеявшись, он под толкнул Кушника к дверям зала. — Идем, а то пропустим все доклады.

* * *

Заседание секции проходило в небольшой аудитории Киевского университета. Председательствовал Григорий Александрович Водолагин. Обстановка была обычная. В аудиторию входили, выходили, не обращая внимания на докладчика. Многие курили. Дым от сигарет поднимался к высокому резному потолку и терялся среди замысловатых лепных украшений. Валерий выступал пятым. Он развесил листы ватмана с экспериментальными данными, таблицы. Повернулся к залу и сразу же заметил в первом ряду Травински. Тот сидел, держа на коленях раскрытый «Никон» и диктофон. Кушник повернулся к Водолагину, словно спрашивая разрешения начинать, и после того, как тот чуть заметно кивнул, начал говорить. Говорил он положенные десять минут. Закончив, внимательно посмотрел в зал... Андрей оказался прав: вопросы посыпались как из рога изобилия. Особенно старались представители Уральского отделения Академии наук.

Он бросил взгляд на Водолагина. Григорий Александрович сидел за столом, что-то неторопливо записывал в блокнот.

Кушник начал отвечать на вопросы. Говорил отрывисто, но аргументированно — о том, что часть экспериментов была перенесена на этот год и что в скором будущем необходимая статистика будет набрана, что для разработки технологии для промышленности более точная математическая модель не нужна, и многое другое, стараясь при этом быть предельно выдержанным и не «заводиться». Аудитория реагировала по-разному. Скоро спор стал общим, про Кушника все как будто забыли.

Первым на трибуну выскочил взъерошенный парень и, захлебываясь, «раздраконил» доклад Валерия в пух и прах. Кушнир слушал молча, упрямо стиснув зубы. Он посмотрел на Травински. Тот держал диктофон над головой и задумчиво рассматривал Водолагина. Лохматый парень сел. Тогда снова заговорил Кушнир... Григорий Александрович дал всем высказаться и подвел итоги. Он сказал, что некоторые положения следует еще раз проверить экспериментально, но что, по его мнению, работы Кушнира заслуживают всяческого одобрения.

Валерий слушал Водолагина, стараясь сдержать в себе все нарастающее раздражение.

«Подумаешь — миротворец! — Валерий даже вспотел от возмущения. — Я и так знаю, что мои работы сделаны на отличном уровне! Посмотрим, что вы через месяц запоете, когда эксперименты начнутся!»

После завершения работы секции Валерий вышел из здания университета и медленно направился к Крещатику.

— Валерий, — вдруг услышал он голос, — Валерий, подождите... — Его догонял улыбающийся Травински.

— Здравствуйте, Валерий. — Он протянул ему руку и какое-то время тряс ее, весело улыбаясь. — Вы — молодец. Такой бой выдержали! Мездриковский будет вами доволен.

— Эх, будь Евгений Павлович на заседании, от этих крикунов камня на камне не осталось бы! — раздраженно выпалил Кушнир. — Жаль, что его не было!

— Ничего. Вы и так с честью отстояли позицию школы уважаемого Евгения Павловича. Вы сейчас куда, Валерий?

— Сам не знаю. Хочется просто пройтись.

— Разрешите я с вами... пройдуся?

— Пожалуйста.

Они спустились на Крещатик и долго шли молча. Неожиданно Травински придержал Кушнира за руку:

— Присядем, Валерий...

Кушнир покорно опустил на широкую скамейку и закурил.

— Знаете... — Травински задумчиво ковырял прутиком землю. — Мне кажется, что Евгения Павловича Мездриковского не очень поддерживает определенная категория ученых...

— Это просто зависть и происки! — Кушнир повернул-

ся к собеседнику. — «Чистота эксперимента... неточность модели...» — Он передразнил взъерошенного парня. — Пустобрехи! Ума ни грамма, а Водолагин их за уши тащит, лишь бы «ученики» были... Зла не хватает! Взять хотя бы Гилярова, который выступал после меня, — хороший парень, а дальше своего носа не видит...

Травински с интересом посмóтрел на красное от злости лицо Кушнира, чуть улыбнулся:

— Это ваша обида говорит.

— Да при чем тут обида! Просто противно становится...

— А вы знаете, — голос Травински вдруг стал тихим, и он задумчиво помолчал, — я бы мог вам помочь.

— Как? — удивился Валерий.

— Хотите, наш журнал опубликует ваш доклад на симпозиуме? Это поддержит ваши позиции.

Кушнир вопросительно посмотрел на Травински. Тот спокойно выдержал взгляд и положил руку на его плечо.

— Свое научное кредо надо учиться защищать, юноша. — Травински покровительственно улыбнулся. — Ну так как? Согласны? По глазам вижу, что согласны. Вот и отлично. Скажу вам больше: я еще вчера связался с редакцией по телефону, и мой шеф просил вас заказать статью!

— Так мне ее надо будет писать?

— Зачем? Дайте мне ваш доклад, а я его отредактирую. С вашим портретом пойдет. В рубрике: «Молодые ученые размышляют». Кстати, это вас поддержит и материально: у нас большие гонорары.

Кушнир невольно посмотрел на свой костюм и перевел взгляд на темно-серую тройку Травински.

— Это я в Париже покупал. — Травински устало потер виски. — Никак не могу акклиматизироваться. Старею. Да, Валерий, а что это за молодой человек к вам подходил, когда я вчера от вас отошел?

— Какой человек? — недоумевающе переспросил Кушнир, стараясь сосредоточиться после заманчивого предложения.

— В светлом костюме, плотный такой.

— А... Это ученый, он тоже участник симпозиума, только по другой секции. На пятом этаже живет в «Украине». Я на седьмом, а он на пятом. Мы с ним как-то завтракали вместе в кафетерии. Хороший мужик.

— Ах, вот как. — Травински вздохнул. Открыл фотоаппарат. — Вы не возражаете, если я вас для журнала

сфотографирую? Примите какую-нибудь нетривиальную позу.

Валерий положил ногу на ногу и, расстегнув пиджак, замер, подперев левой рукой голову...

Прощаясь, Травински чуть придержал руку Кушнира в своей:

— Да, Валерий, вы не говорите вашему знакомому, что мы с вами встречались и... договорились кое о чем. Знаете, я один, а желающих напечататься в нашем журнале очень много.

— Да что вы,— Кушнир вспыхнул,— конечно, не скажу.

— Вот и отлично. Ну, до завтра.

Кушнир вошел в холл гостиницы и сразу же увидел Андрея, который покупал в киоске газеты.

— Ну, как прошла секция?— поинтересовался Кудряшов, просматривая «Правду».— «Бой быков» был?

— Еще какой! Но я стоял насмерть.

— Мне говорили ребята из Уральского центра. Последнее слово за тобой осталось.

— Еще бы,— фыркнул Кушнир,— говорить можно много, а вот аргументировать может далеко не каждый.

— Что ж, с тебя причитается.— Андрей весело посмотрел на Кушнира.

— А я и не отказываюсь. Пойдем по молочному коктейлю вмажем?

— Пойдем,— Андрей сложил газету.— Для аппетита. Андрей глотнул приятный, пахнущий холодом напиток.

— А этот американец-то тоже был на заседании?

Кушнир с интересом посмотрел на Кудряшова:

— Слушай, вы что, сговорились? Ты про него спрашиваешь, а он про тебя.

— Про меня?— Андрей поставил бокал на стойку.— Ты шутишь?

— Что я, ненормальный? Прямо так и спросил: «Что за молодой человек?» Ну а я ему и говорю: сосед и тоже участник, только в другой секции работает. Ты, кстати, на кристаллографии, что ли?

— Что ему от меня надо?— Андрей, не отвечая, пожал плечами.— Псих какой-то... Ну да черт с ним.

Вечером Кушнир долго не мог заснуть. Он ворочался в постели, несколько раз вставал и выходил на балкон. Под его ногами лежал пустынный Крещатик, стаями светлячков пролетали по широкому проспекту машины.

А он стоял и думал о предложении Травински и о том, что, наверное, Мездриковский будет доволен, а он, Кушнир, утрет нос Гилярову и его компании...

5

Дверь Сергею открыла Оля, дочь Водолагина.

— Простите, а Григорий Александрович дома?

— Дома, Сережа. — Ольга улыбнулась. — Уже спрашивал о вас. Проходите. Он нездоров, вы уж, пожалуйста, недолго.

Григорий Александрович в войлочной куртке и шлепанцах полулежал в широком кресле с высокой спинкой.

— Здравствуй, Сергей. Как дела в лаборатории?

Сергей заулыбался, но молчал, и Водолагин вдруг посерьезнел и с плохо скрываемым волнением посмотрел на Гилярова:

— Неужели?

— Ага... — Сергей открыл папку и протянул ему пачку фотографий, сделанных «ПолярOIDом» с дисплея осциллографа. — Вот посмотрите... Обсчеты машины. — Гиляров достал гармошку из широкой ленты, которая обычно стоит в печатающем устройстве ЭВМ.

Григорий Александрович быстро пробежал глазами фотографии, полистал гармошку, еще раз просмотрел фотографии и поднял глаза на улыбающегося Сергея.

— Вот это подарок! — Он встал с кресла и прошелся по комнате. — Вот это подарок! — Постучал кулаком по левой ладони. — Ну, теперь мы на коне. Сколько проведено экспериментов?

— Около двухсот. Но положительный результат зарегистрирован только в пятидесяти.

— Значит, так, с завтрашнего дня переходим к серии экспериментов по программе, в которой получены результаты. — Водолагин вдруг остановился и быстро взглядел на Гилярова: — Постой, а как ты успел за две недели столько сделать?

— А мы в две смены работали и по субботам, и по воскресеньям.

И тут только Водолагин заметил, как осунулся Сергей. Под глазами появились мешки, ссутулился. Лицо землистое, глаза лихорадочно поблескивали. Ему стало до боли жаль своего аспиранта и захотелось сказать что-

то теплое, доброе. Он подошел к Сергею и положил ему руки на плечи.

— А вот это никуда не годится. Приду на работу, поговорю с вами очень круто. Черт знает что: не успел уехать, как он «будни Сизифа» устраивает. Что еще нового?

— Форвакуумный насос накрылся.

— Это почему?

— Обмотка у мотора сгорела. Мы отдали перематывать на опытное производство, наверное, послезавтра сделают.

— Орлы... А второй насос?

— Чирикает потихонечку.

— Ну ладно, об этом после... Сергей, — Водолагин достал из стола папку, — я внимательно прочитал черновик твоей кандидатской, на полях замечания.

Гиляров вопросительно посмотрел на Григория Александровича. Подумав, тот произнес:

— Боюсь, что тебе заново придется переделывать экспериментальную часть. В связи с последними данными...

— Знаю. — Сергей согласно кивнул головой. — И уже почти переделал. Но хочу провести еще одну, контрольную серию экспериментов, чтобы...

— Я тебя понял. Ну, все. А теперь — давай пить чай.

— Да, Григорий Александрович, — сказал, блаженствуя за чаем с вареньем, Гиляров, — мы тут дружным коллективом пару статей написали. Я, Надя Надеина, Медведев и еще кое-кто... Посмотрите на досуге, нужна ваша подпись... — Он достал из портфеля несколько отпечатанных листов с выписанными от руки тушью формулами. — Вот это по последним экспериментам.

— Хорошо, — просто сказал Водолагин, — а ты отдавай-ка пока черновик диссертации в перепечатку.

Сергей попрощался. В коридоре надел старенькую нейлоновую куртку и лыжную шапочку. Оля молча смотрела, как он одевается.

— До свидания, — буркнул Сергей. Он всегда смущался пристального взгляда Ольги.

— До свидания, Сережа. — Оля протянула ему руку.

Сергей вышел на улицу. Ярко светило солнце, но деревья стояли еще голые и сумрачные, хотя уже явно чувствовалось, что очень скоро появятся первые листочки. В самом воздухе было что-то неуловимо радостное, от че-

го хотелось промчаться бегом и смеяться, радуясь и весне и удаче, которая две недели шла рядом.

Домой иди не хотелось, а в лаборатории никого не было: воскресенье. И тогда Сергей свернул с асфальтовой дорожки на тропинку вдоль речки и, загребая ногами пожухлую прошлогоднюю листву, бездумно пошел по берегу, глядя на темную, быстро несущуюся воду.

* * *

Когда Росляков надевал очки и, читая документы, как-то странно их опускал на кончик носа, то становился похож на старого бухгалтера, изучающего финансовый отчет.

— Ты покури пока, — он глянул поверх роговой оправы на Андрея, — я сейчас...

Кудряшов прямо с поезда направился в управление. Оттуда позвонил жене. А потом его вызвал Росляков, и теперь Андрей сидел перед ним и крутил в руках незажженную сигарету. Наконец полковник дочитал сводку.

— Ну как съездил, боец? — Странная улыбка скользнула по его губам.

— Докладывать или отчет написать?

— Давай пока на словах. — И снова улыбка скользнула по его губам. — Было что-нибудь интересное?

Кудряшов задумался.

— Наш «подопечный» вел себя спокойно. Встреч, которые бы вызвали наше любопытство, у него не было... Обычная журналистская работа. По вечерам сидел в номере гостиницы, один раз был в оперном театре. И, пожалуй, все...

— Так уж и все? — переспросил полковник.

— Вообще-то в его поведении были довольно интересные моменты, но я бы хотел их осмыслить...

— А может, вдвоем осмыслим? — лукаво прищурился Росляков. — Ну ладно, не хочешь говорить, не надо. Одно только поясни: ты сам почувствовал, что попал в поле зрения этого «журналиста»?

Андрей кивнул головой.

— Он мною интересовался у одного молодого ученого — Кушнера Валерия Борисовича... И не только у него. — Кудряшов потер виски. — Беседовал с горничной этажа, на котором я жил, в оргкомитете пытался навести справки о том, где я работаю. А самое главное, в управ-

ление кадров Академии наук был из Киева звонок с просьбой сообщить мое ученое звание и перечень опубликованных работ якобы для включения в общую монографию.

— Я тебя предупреждал: он профессионал. Вот так, Андрюша. Ну а твое личное мнение о нем?

— Мне показалось, что конкретного задания у него не было... Скорее, он делал подходы к молодым. Все встречи и интервью, которые он брал, зафиксированы. В том числе и с парнем, у которого он интересовался мною. Кстати, он работает у Мездриковского в институте...

Помолчали. Росляков старательно сложил документы в папку и протянул ее Андрею:

— По распоряжению руководства будешь вести «журналиста». Внимательно проанализируй деятельность Травински. Я попросил выписать для тебя из библиотеки подшивку его журнала за последние три года. Пролистай, может, что-нибудь и заинтересует нас. На сегодня свободен. Отдыхай, завтра со своими соображениями заходи без звонка.

* * *

Макдональд слушал Травински, не перебивая. Когда Гарри окончил доклад, долго молчал и, наконец, произнес:

— Подведем итог. Есть две школы физики, руководители которых не ладят между собой. Есть молодой ученый, некто Кушнир Валерий, представитель одной из школ. Кушнир самолюбивый, талантливый физик, который спит и видит себя ученым с мировым именем... Так?

— Так.

— Кроме того, надо учесть, что Кушнир нуждается в средствах и это переживает. Как у тебя дела с «таксистом»?

— В ближайшие дни выхожу на контакт. «Сэм» поработал с ним на славу, теперь моя очередь. Думаю, что вербовка пройдет удачно.

— Торопись, Гарри, «таксист» должен нам помочь.

6

Валерий собирался в командировку в Москву. Комната, в которой они раньше жили вместе с Сергеем, благодаря стараниям Мездриковского, стала его собственной. Валерий «пробил» себе городской телефон, сделал ремонт,

купил кое-что из мебели, и комната сразу приобрела вид постоянного жилья. От общежития остался только громкоговоритель на стене. Кушнир мечтал купить приемник и телевизор, но денег не было, а одалживать не хотелось.

Командировка была вынужденной. По возвращении из Киева Валерий с головой ушел в работу над кандидатской. Не хватало литературы, и Евгений Павлович разрешил съездить в Москву в Ленинку. Была еще одна причина, о которой Валерий своему руководителю не сказал: после окончания симпозиума Травински попросил его через месяц-другой позвонить в его корпункт в Москве и узнать, как дела со статьями в журнале.

Поезд пришел на вокзал вечером. Валерий, устроившись в гостинице, утром поехал в библиотеку. Проработал там до обеда, а в три часа из автомата позвонил в корпункт. Трубку долго никто не поднимал, потом послышался щелчок и женский голос с легким акцентом произнес:

— Алло?

— Господина Травински, пожалуйста.

Через минуту Кушнир услышал Травински:

— Здравствуйте, Валерий, очень рад вас слышать. Как поживаете?

— Все хорошо, Гарри Генрихович, вот случайно оказался в Москве и решил вам позвонить, как договаривались.

— Вы очень вовремя позвонили, Валерий. — Травински засмеялся. — Вчера пришла почта, и для вас есть приятная новость. Ваша статья опубликована, поздравляю.

— Большое спасибо. — Валерий взволнованно переложил трубку в другую руку. — А можно получить хотя бы один номер журнала?

— Почему один? — пророкотал Травински. — Мы авторам даем по пять экземпляров. Вы в какой гостинице остановились?

— В «Заре». Это около выставки.

— Я вечером разыщу вас. До свидания.

Выйдя из кабины автомата, Кушнир радостно потер руки. «Отлично! Теперь я кое-кому утру нос. Так, надо еще посидеть в библиотеке, чтобы за три дня все необходимые материалы изучить и успеть заказать копии с некоторых статей».

Вечером Валерий купил бутылку коньяка, фрукты и стал ждать Травински. Номер у него был одноместный. Кровать, письменный стол, шкаф, телевизор и городской телефон. Глядя на экран телевизора, Валерий все время

оборачивался к телефону и прислушивался к шагам в коридоре. Около восьми часов раздался звонок.

— Валерий Борисович? — послышался знакомый женский голос.

— Слушаю вас, — повторил Кушнир.

— Валерий Борисович, я по поручению вашего знакомого. Дело в том, что он не сможет подъехать к вам и просит вас встретиться с ним в девять часов вечера на Чистых прудах. Если смотреть в сторону кафе, то с правой стороны вторая скамейка от трамвайного круга.

— Хорошо. — Кушнир удивленно пожал плечами. — Раз нужно, я буду там.

До встречи оставалось чуть больше часа, и Валерий заторопился. Он успел вовремя, но Травински не было. Валерий сел на скамейку и, развернув газету, начал читать ее, но, не дочитав, сунул ее в карман. Рассудив, что его знакомец наверное приедет на метро, Валерий медленно пошел по направлению к двухэтажному кафе на бульваре. Там его и догнал Травински.

— Валерий, — сказал он торопливо, — напротив стоят синие «Жигули», садитесь в них, я сейчас...

Травински быстро зашел в кафе, а Валерий, перейдя улицу и увидев машину, сел в нее рядом с водителем. Почти тут же в нее уселся Травински, и машина сорвалась с места.

— Простите, Валерий, я даже с вами не поздоровался. Здравствуйте!

— Добрый вечер.

— Ну как ваши дела? — улыбнулся Травински. — Когда защита?

— Думаю, что ближе к осени, Гарри Генрихович.

— Очень хорошо, Валерий. Желаю удачи.

«Жигули» остановились около светофора. Травински тронул Валерия за рукав:

— Позади вас кейс, откройте его — там ваши экземпляры журнала.

Кушнир перегнулся через спинку сиденья, взял в руки кейс, достал из него журнал и стал его быстро листать. Травински с улыбкой подсказал:

— На десятой странице...

Под крупно набранным заголовком «Талант принадлежит человечеству» со страницы журнала на Валерия смотрел он сам. Великолепная цветная фотография, сделанная Травински на набережной Днепра в Киеве. Дальше

шел текст доклада Валерия на симпозиуме и комментарии редакции.

«...Молодой талантливый ученый из Советского Союза Валерий Кушнир, с едва сдерживаемым волнением читал Валерий, — не ищет легких путей в науке. Его крепко — смелость и принципиальность. Блестящий математик, с отличием окончивший Московский университет, работает под руководством одного из самых талантливых физиков нашего времени — действительного члена Академии наук СССР, профессора Мездриковского, с трудами которого мы в свое время знакомили наших читателей...»

Кушнир не заметил, что автомобиль остановился около многоэтажного дома на Кутузовском проспекте и что Травински внимательно наблюдает за ним. Он перечитывал волнующие строки и думал о том, как все-таки удачно складывается его жизнь.

— Возьмите в кейсе ваш гонорар. Вон в том, крайнем отделении, — сказал Травински.

Валерий достал большой конверт из глянцевої бумаги с фирменным знаком журнала в правом верхнем углу, открыл его — там лежала пачка десятков. Не считая их, сунул в карман и смущенно поблагодарил Травински.

— Я здесь ни при чем. — Травински дружески похлопал молодого человека по плечу. — Это за ваш талант, за ваш ум.

Валерий покраснел от удовольствия. В душе у него все пело.

— Гарри Генрихович, вы меня простите... где-то надо расписаться? Все же деньги...

— А как же! Бухгалтерия при капитализме точно такая же, как и при социализме. — Травински весело засмеялся. — Но это мы сделаем в другом месте. Кстати, и отметим это событие. Выходите, Валерий, мы приехали. Здесь я живу.

Квартира Травински была на седьмом этаже. Он открыл ключом дверь и вежливо пропустил Кушнира вперед. Навстречу вышла молодая женщина с короткой, почти мальчишеской стрижкой. Лицо чуть удлинненное, красивые карие глаза, яркие полные губы. На ней было серое шерстяное платье с большим, как у свитера, воротником и широкими рукавами, которые не скрывали красивых рук с длинными, словно у музыканта, пальцами.

«Хороша! — невольно отметил Валерий, с любопытст-

вом разглядывая женщину.— Прямо как с рекламного проспекта».

— Мисс Ирэн, хочу вам представить талантливого молодого физика Валерия Кушнера.— Травински церемонно поклонился.— Мисс Ирэн, моя помощница и, как вы заметили, очень красивая женщина.— И он загадочно улыбнулся.

Валерий галантно поцеловал протянутую ему женскую руку.

— Мне очень много о вас говорил мой шеф.— Ирэн мягко улыбнулась.— Проходите, Валерий.

Они вошли в большую комнату. На полу лежал розовый мягкий ковер, гармонирующий с темной мебелью.

— Мисс Ирэн, приготовьте нам что-нибудь перекусить, а мы с Валерием пока займемся делами.— Травински подошел к письменному столу, достал папку.— Валерий, вот здесь распишитесь.

«Гонорар от редакции журнала «Сайенс энд Сосайети» в размере пятисот рублей получил полностью»,— прочитал по-английски Валерий и размашисто расписался.

— Валерий,— Травински улыбнулся,— у нашей редакции есть правило: каждому новому автору делать небольшие подарки. Примите и вы от нас сувенир.— И он протянул Кушнеру коробку.— Здесь магнитофон, который очень пригодится вам при работе.

«Нэшнл Панасоник» — мельком прочитал Кушнер. Он неуверенно принял из рук Травински коробку и, не зная, куда ее деть, посмотрел по сторонам.

— Спасибо, Гарри Генрихович.— Кушнер чувствовал себя не в своей тарелке. «Гонорар, а теперь еще и магнитофон... за один доклад»,— мелькнуло в голове.

— Ирэн, у вас все готово?— крикнул Травински, словно не замечая растерянного вида Валерия.— Мы проголодались.

Из кухни показалась Ирэн с подносом в руках. Она ловко стала накрывать журнальный столик. Коньяк, виски, несколько бутылок с содовой, шампанское. Поставила хрустальные фужеры, вышла и тут же появилась снова с подносом. Валерий неловко бросился помогать.

— Спасибо, Валерий.— Ирэн так взглянула, что у него перехватило дыхание.— Я сама...

— Прошу,— произнес Травински и наполнил бокалы шампанским.— За вашу, Валерий, удачу на поприще

науки и с пожеланиями, чтобы наше сотрудничество продолжалось столь же успешно, как началось.

Постепенно Кушнир освоился, развеселился, стал рассказывать истории из своей жизни. Пили помалу, но часто. Нечаянно Валерий взглянул на настенные часы: было около часа ночи.

— Ой, мне пора... — испуганно заторопился он, с трудом приподнимаясь с дивана.

Ирэн, взглянув на часы, тоже встала:

— Мистер Травински, мы засиделись... Что подумают соседи о незамужней женщине, которая приходит домой после полуночи?

Травински трагически развел руками:

— С таким приятным собеседником я и сам не заметил что поздно... Сейчас вызову такси. — Он подошел к телефону и набрал номер. Быстро договорившись с диспетчером, он положил трубку. — Сейчас такси придет, а мы, как говорят в России, выпьем еще на дорожку...

Незаметно прикончили еще одну бутылку коньяка и с шутками вышли на площадку. Спустились вниз. Машина уже стояла у подъезда.

— Спасибо, Гарри Генрихович, за все, — с чувством произнес Кушнир, пытаясь твердо стоять на ногах. — Не было бы вас, что бы я делал... Спасибо.

Они пожали друг другу руки. Ирэн уже сидела в машине. Валерий плюхнулся рядом и хотел закрыть дверь, когда Травински нагнулся и сказал:

— Да, я могу часто отъезжать в командировки, так что вы созванивайтесь с Ирэн — она даст домашний телефон. До свидания.

Машина тронулась. Какое-то время ехали молча. Неожиданно Ирэн взяла Валерия под руку и нежно прижалась к нему. У Валерия замерло сердце, и он тихо ответил пожатием локтя. Ирэн положила голову на его плечо, чуть слышно коснувшись губами щеки.

— Куда едем? — Голос водителя ворвался, будто из другого мира.

— Ленинский проспект... а там покажу, куда, — сказала Ирэн и еще раз поцеловала Валерия.

...Проснулся Валерий от того, что кто-то нежно его гладил. Он открыл глаза: над ним склонилась Ирэн.

— Мой нежный и ласковый рыцарь, — прошептала она, закрывая его губы поцелуем, — ты чудо...

Кушнир привлёк к себе такое легкое и гибкое тело, и все вокруг словно отдалилось, словно ушло на второй план...

* * *

Кудряшов открыл сейф и, разложив бумаги, закурил. Странное дело, чем больше он вникал в дело «журналиста», тем яснее ему становилось, что в Киеве и он, и его коллеги что-то не доработали. Не мог такой опытный разведчик, как Травински, не сделать ни одной попытки подхода к советским ученым. Обиднее всего Андрею было, что Травински так быстро и легко его расшифровал. Таких проколов у Андрея еще не было. Он с досадой посмотрел на фотографию Травински, сделанную в Киеве: та же ироническая улыбка, те же усики и пристальный взгляд над газетой, которую тот держит в руках. Казалось, Травински знал, что его фотографируют, и принял соответствующую позу. Андрей положил фотографию в папку и задумался.

Дверь открылась, и на пороге показался Росляков:
— Андрей Петрович, зайти-ка ко мне.

Они вошли в просторный кабинет Рослякова, и Андрей терпеливо ждал, пока тот откроет окно, распахнет шторы, вытрет фланелькой стол. Владимир Иванович делал все не спеша, поглядывая на Кудряшова и ухмыляясь, наконец он сел за стол и вытер лоб платком.

— Жарковато сегодня... Так, говоришь, не было подхода у Травински в Киеве?

— Вроде так.

— Ладно, тогда, как у Штирлица: информация к размышлению. — Полковник передал Кудряшову журнал. — Ну-ка, почитай вслух, по-русски, разумеется.

Андрей развернул знакомый журнал на странице, где была закладка, и тут же увидел фотографию Кушнира.

— Ба! Валерий... И его доклад на симпозиуме... Интересно, Владимир Иванович, но это ни о чем не говорит. Доклад его был распространен ротаторной копией, и Травински мог его перепечатать в своем журнале без ведома автора.

— Может быть, — согласно кивнул головой Росляков. — Но может быть и по-другому: Кушнир сам передал доклад при встрече с Травински. Этот журнал платит большие гонорары, намного больше, чем любой научный журнал, и то, как и где этот гонорар получал Кушнир, не-

безынтересно. Во всяком случае, по почте перевода ему не было.

Андрей внимательно слушал полковника, следя за ходом его размышлений.

— Ты вот что,— продолжал нетерпеливо Росляков,— съезди-ка в научный городок и пообщайся с этим парнем. Прощупай его, так сказать. Дело в том, что Травински последнее время никуда со своего корпункта в Москве не отлучался. Эти сведения точные. Кстати, посмотри, его сотрудница.— Росляков протянул Андрею фотографию.— Ирэн Горд. Машинистка, секретарь и правая его рука. Деловая и очень... интересная особа.— Росляков усмехнулся.— Даже слишком.

Полковник подошел к окну, поставил на подоконник вентилятор и включил его, подставляя грудь под прохладную струю воздуха.

— Понял, Владимир Иванович, можно быть свободным?

— Давай, боец, и повнимательней поработай в научном городке.

* * *

— Милая Ирэн,— сказал, входя в комнату и галантно протягивая ей букетик цветов, Травински.— Вы, как всегда, в работе. Благодарю вас.

Ирэн подняла голову от пишущей машинки и удивленно уставилась на шефа: цветов он ей не дарил никогда.

— Оставьте машинку, давайте немного отдохнем.— Травински сел в кресло около маленького столика и закурил.

Ирэн неслышно подошла к бару и поставила на стол бутылку джина, тоник, бокалы. Проходя, включила quadro-систему. Травински выписал ее из Японии. Мощная quadro-система фирмы «Дживиси» с четырьмя напольными и одной подвесной колонками. Кассету ставили всегда одну — с записью какого-то африканского ансамбля. Там постоянно под звуки тамтамов шумел океанский прибой. Травински панически боялся подслушивающих устройств и старался все делать так, как советовали специалисты.

Ирэн плеснула в бокалы джин, разбавила тоником и выжидающе посмотрела на шефа. Тот загадочно улыбался.

— Мисс Ирэн, по-моему, нам не мешает немного встряхнуться от этой проклятой работы. Есть предложе-

ние. Через две недели Министерство иностранных дел организует поездку дипломатов и корреспондентов, аккредитованных в Москве, в Троице-Сергиеву лавру. В стороне от дороги, по которой мы будем проезжать, есть небольшой научный городок, где работает наш знакомый...

Ирэн внимательно слушала. На последней фразе ее уши чуть порозовели. Она сделала глоток из бокала и закурила, стряхивая пепел в большую пепельницу из цветного стекла.

— Так вот, милая Ирэн, — Травински лукаво прищурился, — мне почему-то кажется, что вы очень хотите повидаться с нашим другом Валерием. Я бы тоже с удовольствием поболтал с ним, но думаю, что ему приятней будет увидеть вас...

Ирэн молчала. Она уже давно привыкла к тому, что Травински никогда ей не приказывал, но и не рассказывал о своих планах. Задания всегда давались ей будто невзначай, но с подробным инструктажем, как сделать то или другое. И еще Ирэн знала, шеф страшно не любит, когда его перебивают, задают вопросы и... делают что-то по-своему. Именно поэтому в прошлом году из Москвы неожиданно уехала его секретарь Маргарет Уайдер, якобы в связи с аллергическим заболеванием. Коллеги Травински, слушая его объяснения, качали головами. Они терпеть не могли этого, как они его называли, «жареного» корреспондента и его журнал, который неизвестно кому принадлежал и неизвестно чем занимался.

— Так вот, — мягко продолжал Травински, потягивая джин из бокала, — это сделать лучше вам, милая Ирэн... А сделать надо так, чтобы не привлекать лишнего внимания к молодому талантливому ученому. Это может повредить его карьере. Мы выедем из Москвы автобусами... Вот здесь, — Травински достал из кармана и развернул на столе карту Московской области, — вам станет плохо... Автобус придется остановить, и вы пойдете на железнодорожную станцию, чтобы вернуться в Москву... На станции возьмете билет до Москвы и доедете вот до этой остановки. Там в автоматической камере хранения вы найдете спортивную сумку со своими вещами и на электричке доберетесь до научного городка... Туда вы должны приехать вечером, чтобы вас никто не видел. Валерий вас встретит... Теперь о вашей беседе. Ни в коем случае о деле сразу не говорить. Соскучилась и так далее...

Ирэн кивнула и вдруг подумала, что она и в самом де-

ле не раз вспоминала о Валерии, и ей стало его жаль.

— Ваша задача заключается в следующем...— Травински помолчал, словно еще раз прикидывая в уме план предстоящей встречи.— Вы должны предложить ему написать еще одну статью... научную, естественно, но,— он снова помолчал,— с уклоном на борьбу двух школ в современной физике твердого тела. Необходимо сыграть на его самолюбии, Ирэн. Он честолюбивый мальчик, который прямо-таки видит себя в мировой научной элите. Пусть напишет, как думает, а думает он,— Травински мягко улыбнулся,— несколько неординарно для молодого советского ученого... Мы приветствуем таких «вольнодумцев».

Раздался щелчок: на магнитофоне кончилась кассета, и автоматическое устройство его отключило. Ирэн повернулась к поблескивавшему никелем комбайну, перевернула кассету и нажала кнопку. Снова раздалось шуршание волн и перестук тамтамов, только теперь к ним присоединился хрипловатый тенор, который негромко сетовал по-французски на свою неудачную любовь.

— Да, мисс Ирэн,— как-то буднично и устало продолжал Травински,— а так как у нашего молодого друга с деньгами туговато, вы дадите ему аванс,— он протянул ей конверт,— здесь пятьдесят долларов. Невзначай намекайте, что, если доллары ему не нужны, он может их продать одному человеку, который живет в этом же городке. Вот его имя... Этот человек совершил уже больше десятка валютных операций со студентами одного из африканских государств. Он обслуживает «Интурист». Пусть наш друг скажет, что он по рекомендации «Сэма», этого будет достаточно. Вот такое мое небольшое поручение, вернее, просьба...

Ирэн обхватила руками плечи, словно ей стало холодно, и поежилась.

7

Была суббота, и Кушнир позволил себе проспать до десяти дня, а проснувшись, долго смотрел в потолок. Вставать не хотелось, хотя Валерий запланировал на сегодня очень многое. «Черт, сколько раз давал слово вставать с будильником,— лениво размышлял Валерий, выпуская очередной столб дыма вверх,— прибраться надо, полы вымыть... Договориться бы с уборщицей, чтобы она при-

бирала, да денег нет. А грязиза!.. Как там Ирэн поживает?— Кушнир усмехнулся.— Хороша, ничего не скажешь! Вот бы такую себе жену найти... Надо бы ей позвонить. А может, статью подбросить для Гарри? О чем только?..»

Валерий решительно встал и начал делать зарядку, предварительно включив магнитофон.

Резко зазвонил телефон, и Валерий, приготовившийся бриться, вздрогнул.

— Доброе утро, Валери!— проворковал в трубке знакомый голос.

Кушнир похолодел.

— Ирэн! Ты?

— Я. Здравствуй, дорогой!

— Ирочка, ты откуда?

— Со станции. Хочу тебя видеть. Можно?

Кушнир лихорадочно соображал.

— Стой около станции, я мигом.

Он быстро оглядел комнату, словно прикидывая, стоит ли прибираться, но, махнув рукой, натянул джинсы, рубашку и выскочил за дверь.

Понимая, что автобус ждать бесполезно, Валерий кинул взгляд на шоссе: в ста метрах стояло такси. И Валерий бросился к машине.

— Шеф, выручи, — задыхаясь, попросил он. — Подбрось до станции и обратно.

Водитель оценивающим взглядом смерил его с ног до головы и небрежно бросил.

— Трояк.

— Поехали.— Валерий плюхнулся на переднее сиденье и нервно закурил.

Машина с ходу набрала скорость.

Ирэн в светло-коричневом платье «сафари» и с большой кожаной сумкой через плечо стояла около пригородных касс электричек. Увидев Кушнира, она радостно помахала рукой. Валерий, смущенно улыбаясь, подошел к ней.

— Здравствуй, Валери.— Ирэн нежно поцеловала его в щеку.— Я рада...

— Как доехала?— невпопад спросил Кушнир и взял из ее рук сумку.— Поехали?

Они сели в такси, и машина помчалась по неширокому шоссе обратно. Ирэн счастливыми глазами смотрела на Валерию и осторожно гладила его руку, затем чуть при-

жалась к его плечу. Валерий нежно пожал узкую и теплую ладошку женщины. Возле общежития Кушнир расплатился с водителем и извинился перед Ирэн:

— Я никого не ждал, у меня не убрано...

Он пропустил гостью в комнату, затем вошел в нее сам.

— Располагайся, Ирэн, я сейчас... Вот тут душ, в общем, все сама найдешь... — еще больше смутился Кушнир и вышел.

«Нужно срочно найти четвертак, — подумал он. — У кого бы одолжить? У Надьки Надеевой? Нет... Может, у Гилярова?» И побежал к Сергею.

— Старик, не выручишь? Рублей тридцать надо. Родственница приехала...

Гиляров молча кивнул и подошел к письменному столу:

— Полста хватит? На костюм откладываю, так что не спеши отдавать.

— Спасибо... Выручил! — радостно сказал Валерий.

Когда он вошел в свою комнату, то ошеломился: полы вымыты, все прибрано и на письменном столе был наведен порядок, а рукопись диссертации аккуратно сложена в папку. А на тахте сидела Ирэн и виновато улыбалась:

— Прости, Валери, я немного похозяйничала.

— Ну зачем же?

— Ничего, милый. Я в офисе прибираюсь сама.

Кушнир поставил на столик бутылку коньяка, фужеры и рюмки.

— Валери, я привезла немного вкусенького. — Ирэн открыла холодильник и вынула из него несколько тарелочек с бутербродами.

Валерий подошел к ней и поцеловал. Ирэн вздохнула и, забросив руки ему на шею, прошептала:

— Я соскучилась... Мне даже по ночам ты снишься, дорогой.

Потом они слушали музыку, пили коньяк, без умолку щебетала Ирэн. Валерий слушал, боясь пошелохнуться и потревожить голову женщины, что лежала у него на груди. Ему казалось, что стал явью какой-то его детский сон и он летит, не касаясь земли, которая скрыта прозрачной полосой тумана.

— Да, Валери, а у меня к тебе деловое предложение. — Ирэн приподнялась на тахте, внимательно посмотрела на Кушнира. — Шеф просит у тебя статью...

«Так, значит, она по делу приехала, — эта мысль неприятно обожгла Кушнира, — а я-то думал...»

Он будто очнулся и вопросительно поглядел на свою подругу.

— Гарри хочет опубликовать продолжение той статьи. Читателям будет приятно узнать, как идут дела у молодого ученого.

— Это невозможно, — покачал головой Валерий и потянулся к пачке сигарет. — Мне и так досталось за статью... Еще не знаю, чем все кончится. Э, да тебе не понять.

— Бедненький мальчик. — Ирэн поцеловала его в щеку. — Да, совсем забыла — шеф сказал, что может дать тебе аванс за статью... пятьдесят долларов.

Она вскочила и, вытащив из сумки конверт, протянула Кушниру. Тот нерешительно взял и, достав деньги, с любопытством стал их рассматривать. Затем сложил деньги, засунул их в конверт и с сожалением возвратил Ирэн:

— Куда я их дену и что на них куплю? У нас в магазинах доллары не берут...

— Так ты их поменяй на советские, — наивно сказала Ирэн.

— Ты что, милая! — вспыхнул Валерий. — Это же валютная операция! А я за решетку не хочу... Садись за стол, и забудем все дела.

Вечером Валерий и Ирэн вышли на улицу. Кушнир специально ждал, пока стемнеет: ему не хотелось, чтобы его видели на улице вместе с Ирэн. Шли молча.

— Почему ты такой, — Ирэн запнулась, подбирая слова, — такой... молчаливый? О чем ты думаешь, Валери?

— О нас, — задумчиво сказал Кушнир. — Все это как-то нереально, неестественно... Зачем все это? — Он вдруг остановился и пристально посмотрел на Ирэн. И от этого взгляда она вдруг похолодела.

— Сейчас пусть будет так, — прошептала она, — а потом... Я завтра рано утром должна уехать.

Кушнир согласно кивнул.

Проснулся Валерий в восьмом часу, и первое, что бросилось ему в глаза, — не было Ирэн. На журнальном столике лежала записка, конверт с долларами и листок кле-на, который сорвала Ирэн вчера вечером.

* * *

Мездриковский встретил Валерия около проходной института и, вяло пожав ему руку, попросил зайти.

— Так вот, любезный Валерий Борисович,— сказал он, войдя в кабинет и усаживаясь за свой стол.— Внимательно прочитал черновик вашей кандидатской.— Мездриковский вынул из папки рукопись.— У меня есть несколько незначительных замечаний, которые вы быстро исправите... А в общих чертах все хорошо. Но есть одно маленькое «но».— Мездриковский озабоченно поправил очки.— Лаборатория Григория Александровича провела ряд очень удачных экспериментов, которые подтверждают их теоретические изыскания...

Кушнир встревоженно и удивленно посмотрел на Евгения Павловича.

— Да, да...— Мездриковский покачал головой.— Где-то мы были неадекватны... У Гилярова и его группы есть совершенно неожиданные аномалии в результатах, которые объяснить не можем пока ни мы, ни они... Надо бы провести серию экспериментов на их установке...

— Но, Евгений Павлович,— привстал Кушнир,— у меня же защита на носу!

— Знаю, знаю... Но пока мы не сумеем объяснить этот феномен, а желательно, чтобы мы объяснили его,— подчеркнул Мездриковский,— на защиту выходить рано. Тем более, что защита двух кандидатских на одну тему восторга у ученого совета не вызовет. Гиляров защищается через месяц,— сухо обрезал Мездриковский и снова потрогал бороду.— Ученый совет срок защиты утвердил...

Мездриковский с непонятым вниманием разглядывал опустившего голову Кушнира. Неожиданно он подошел к нему:

— Ну ладно, не расстраивайтесь, любезный Валерий Борисович. Хоть разговор и был не из приятных, не все так плохо... Надо срочно провести серию экспериментов и доказать, что аномалия необъяснима по несостоятельности математической модели Водолагина, что теоретический расчет был неточен... Авторы не смогли предсказать возможные результаты...— Евгений Павлович задумчиво смотрел на собеседника.— В науке, как и в жизни, побеждает тот, кто не боится... трудностей.

«Так вот куда подвел, любезный!— Валерий хмуро усмехнулся про себя.— А... он, кстати, прав! Победителя не судят!»

— Так как же все-таки с моей защитой?— тихо спросил Валерий, понимая, что Мездриковский ждал этого

вопроса именно сейчас, когда немного приоткрыл свои мысли.

— Ну... если Гилярова допустят к защите, то посмотрим, чем она окончится...— Мездриковский бросил быстрый взгляд на Кушнира, отдавая должное его догадливости.— Защита диссертации — вопрос не только научный, но и... так сказать, общественный момент... Лицо диссертанта рассматривается, любезный Валерий Борисович, и с общественной точки зрения.— Голос Мездриковского звучал ровно, назидательно, словно он читал курс общественных наук.— Нашей науке не безразлично, кто приходит в нее...

* * *

Утром Андрей пришел в управление около восьми. Росляков был уже на месте и просматривал бумаги.

— Ну, выкладывай...— сказал Росляков.— Дай только, Геннадию Михайловичу позвоню.

Когда пришел Петров, Андрей стал рассказывать, что ему удалось выяснить за неделю. Помолчали.

— Значит, ты считаешь, что у этого парня был контакт с «журналистом»?— спросил Росляков.

— Считаю. Кроме того, Кушнир одну ночь не ночевал в гостинице.

— Но он мог и у приятеля остаться,— возразил Петров.

— Мог,— Андрей кивнул головой,— а если он у Травински остался?

— Вряд ли... Эта хитрая bestия на такое не пойдет. Если у него и был контакт с Кушниром, то на «нейтральной» территории, так сказать. Может, у секретарши его?

— Может, и так,— согласился Петров.

— Не нравится мне возня Травински.— Росляков поморщился.— Недаром он вокруг парня закрутился... Недаром.

— Может, побеседовать с Кушниром?— спросил Андрей.

— Можно-то можно, да как бы не спугнуть этого «журналиста». Он, кстати, тут ездил в Троице-Сергиеву лавру...

— Причем одно интересное обстоятельство.— Петров подошел к карте области.— Вот здесь с его секретарем стало плохо, она вышла из автобуса и вернулась в Москву, но... через сутки. Непонятное исчезновение.

— Да... — Росляков посмотрел на часы. — Что-то мне, бойцы, эта мистика не нравится. Андрей, когда ты был в научном городке, ничего не слышал подозрительного? Не могла там появиться сия особа? К примеру, у Кушнира?.. Ты бы проверил все-таки.

— Хорошо, Владимир Иванович.

— Ну, бойцы, мне пора двигать. — Росляков встал, собрал бумаги на столе и протянул Петрову: — Оформи через секретариат. И вот что... вы мне позванивайте.

Петров и Кудряшов переглянулись, и по их виду полковник понял, что звонков не будет.

8

«Старикашка» Донован появился у Травински неожиданно.

Гарри встал рано. По привычке просмотрел центральные газеты и отработанные рулоны телетайпов. Широко распахнул окна. В комнату ворвался довольно прохладный утренний ветерок. Зашелестели бумаги на массивном письменном столе, из пепельницы взлетело серое облачко. Травински задумчиво наблюдал, как по полированной крышке стола толчками катится катышек пепла, оставляя за собой темный пунктирный след. Гарри устал. Под глазами появились мешки, и даже массаж и компресс из льда не помогали.

Гарри думал о том, что годы все больше дают себя знать, что все чаще он чувствует какую-то неуверенность и, поймав себя на этом, начинает беспричинно волноваться. Сейчас его беспокоило непонятное молчание Донована. Полугодовой отчет, который Гарри передал по дипломатическим каналам, остался без ответа. И Травински подспудно чувствовал, что в Центре идут какие-то сложные «игры». «Старикашка» Донован был на коне, и подводные течения его не касались. Но у противников Донована были рычаги в нынешнем руководстве ЦРУ, которые могли испортить настроение даже ему. Гарри закурил и сел за письменный стол. Задумчиво потрогал пишущую машинку, поправил стопку бумаги.

Резкий звонок заставил Травински подняться и направиться к двери.

На пороге стоял... «старикашка».

— Привет, Гарри! — бодро рывкнул Донован и, отстранив ошеломленного хозяина, вошел в квартиру.

— Добрый день, шеф. Что же вы не сообщили, я бы вас встретил.

Донован с ходу плюхнулся в широченное кресло в углу около торшера.

— Я ценю время моих сотрудников, а потом — я приехал в Союз с группой туристов.

И тут только Травински заметил, как одет шеф. На нем были выгоревшие джинсы, коротенькая курточка из белой материи, какая-то клетчатая рубашка, кепочка с длинным козырьком. Словом, отошедший на старости лет от дел фермер, решивший немного попутешествовать. Из-под козырька кепи на Травински смотрели холодные бесцветные глаза, в правой руке шефа дымила сигарета, на конце которой рос столбик пепла.

— Как живешь, старина?

— О'кэй, шеф... Виски, джин?

— Джин с тоником и кофе.

Травински колдовал на кухне, пытаюсь догадаться, зачем Донован предпринял такой вояж. «Скорее всего, облетает точки, — думал Гарри, засыпая кофе в кофейник. — А может, по отчету? Старый черт... мог бы и предупредить. Ирэн опаздывает... Что-то случилось, видно».

Он вкатил в комнату кухонную тележку, переставил все на журнальный столик и уселся в кресло напротив:

— Слушаю, шеф.

— Сначала давай джин. — Донован пригубил бокал и, заметив, что Гарри посматривает на часы, небрежно бросил: — Ирэн не будет, я ей звонил и сказал, что она сегодня свободна...

Гарри кивнул, не выразив особого удивления: манеру шефа он знал хорошо — любил старик ошарашивать неожиданными выходками.

Донован с наслаждением чередовал джин с кофе и дымил сигаретой.

— Ты неплохо устроился, милый...

— Стараюсь, шеф, — односложно бросил Травински, ожидая начала настоящего разговора.

Донован притушил сигарету и встал. Подошел к окну и долго рассматривал панораму Москвы, потом неожиданно резко повернулся и хлопнул по плечу стоявшего рядом Травински:

— Ты неплохо поработал, Гарри. Отчет одобрен... Были, конечно, небольшие интриги, но это неважно. Я приехал сюда, чтобы не писать длинных писем и поговорить

с тобой наедине. Как ты думаешь, созрел твой мальчик для беседы?

— Нет, шеф, — Травински покачал головой, — еще рано.

— Он не догадывается, зачем он нам нужен?

— Думаю, что нет. — Травински посмотрел на шефа и усмехнулся. — У него роман с мисс Ирэн, и я думаю, вернее, хочу, чтобы он успешно развивался.

— Кстати, ты уверен, что он не связан с контрразведкой?

— Да, шеф. У меня есть свой человек в академгородке. Он сообщил, что у «аспиранта» неприятности по работе. По комсомольской линии (он вовремя не уплатил взносы, укрыл сумму полученного у нас гонорара) и по производственной. Его обскакал его же товарищ — раньше защитил кандидатскую: Мездриковский им недоволен... В общем, все складывается как нельзя лучше и... не надо торопить события.

— Видишь ли, — Донован закурил новую сигарету и стал рассказывать по комнате, оставляя темные следы на ковре, — у нас есть сведения, что скоро в этот институт приедут специалисты с предприятия, которое будет производить сверхчистые материалы. Думаю, что и лаборатория Водолагина, и лаборатория Мездриковского переключатся на разработку новой технологии. Нам необходимо эту технологию получить. Необходимо.

— Как скоро это будет, шеф?

— Информация расплывчатая. Но в течение полугода — точно. Успеешь ты провести решающую фазу вербовки?

Гарри молчал. Он не любил конкретных вопросов, а жизнь научила его не торопиться.

— Постараюсь, шеф. Здесь многое зависит от Ирэн.

— Ирэн справится. — Донован остановился и пристально посмотрел на собеседника. — Должна справиться, и это — твоя забота.

Травински неопределенно улыбнулся, словно давая понять, что ценит доверие шефа.

Донован вдруг цепко посмотрел на Травински:

— Как ты себя чувствуешь? Вид у тебя усталый...

— Отлично, — соврал Гарри, — просто вчера поздно лег.

— Что, русская красавица? — добродушно пробасил

«старикашка», подмигивая. — А? Сознавайся, Гарри...

— Шеф! — Травински укоризненно покачал головой. — Как вы могли подумать?

— Ах, да, — Донован сделал серьезную мину, — ты у нас, как говорят русские, морально устойчив. — И он громко захохотал.

Гарри вдруг показалось, что главного разговора не было и что шеф только прощупывает его, только готовится сказать что-то очень важное.

Но Донован так ничего и не сказал. Просидев у Травински больше часа, он неожиданно заторопился, пообещав на неделе найти время и заглянуть к Травински еще раз.

Гарри остался один в каком-то странном и необычном для него состоянии духа. Он никак не мог объяснить визит шефа и от этого чувствовал себя неуверенно, словно на него надвигалась какая-то беда, но что за беда и откуда, было непонятно.

Вечером Травински поехал к Ирэн. Она была дома.

— Что случилось? — всполошилась секретарь, увидев шефа. — На вас лица нет.

— Приехал Донован, — тяжело выдохнул Травински, опускаясь в кресло.

— Я знаю. Утром он мне позвонил и сказал, что я сегодня свободна. Так что же стряслось? — с тревогой повторила она. — Неприятности?

— В том-то и дело, что нет. Приехал, посидел, выпил два бокала джина, кофе и, ничего не сообщив, укатил. Никогда такого не было...

Ирэн молчала, осторожно помешивая ложечкой в чашке с кофе. На Травински она не смотрела, и тому вдруг показалось, что его помощница что-то знает, но молчит. Он хотел спросить, но сдержался, вспомнив, что в принципе Ирэн может выполнять какое-то задание, о котором ему знать не положено.

Он простился с Ирэн и вышел на улицу. И, только поворачивая ключ зажигания своей машины, вдруг решил, что надо беречь здоровье и не думать о будущих неприятностях.

Позвонив по телефону, Росляков пригласил к себе Андрея.

— Новость хочешь? — произнес он, едва тот появился на пороге кабинета.

— Хорошую — да.

— На Ирэн сведения пришли. Интересная особа эта девица.

Андрей вопросительно посмотрел на полковника.

— Во-первых, она русская. Отец эмигрировал в двадцатых годах в Канаду. — Полковник говорил не спеша, с остановками, то и дело поглядывая на Андрея. — Женился он во время войны, а после войны родилась Ирэн. Окончила гимназию, а потом... Потом начинается самое интересное. Она уезжает в Европу учиться. Где она училась, правда, не удалось установить, но думаю, что где-то в одной из небольших стран. Потом работала в одной фирме секретарем-переводчиком. Фирма имеет тесные контакты с Внешторгом. Два года назад Ирэн приезжала в Ленинград по делам фирмы, ничего предосудительного замечено не было... Вот такие дела, Андрей Петрович.

— Все это очень хорошо, Владимир Иванович, — Андрей помолчал, — но какое это имеет отношение к нашему делу?

— Видишь ли, в Москву прикатил так называемый главный редактор журнала, в котором работает мистер Травински. Приехал в качестве туриста в группе, которая следует по Золотому кольцу.

— Вы думаете, что это ревизия?

— Точно! — Полковник хлопнул по столу ладонью. — Уверен, что там у них что-то случилось. А что? Одному богу известно.

* * *

Валерий проспал. Он лежал на тахте, пытаясь сонюга сообразить, почему ему не по себе, и, только взглянув на часы, понял: весь тщательно разработанный план на субботу полетел. Он легко вскочил, стал делать зарядку, одновременно думая, за что приняться сразу, с утра. Умылся, наскоро приготовил завтрак и сел за письменный стол. Предстояло вычитать две последние главы диссертации, а времени не было, и поэтому Валерий решил сидеть «до последнего».

Вчера у него состоялся долгий разговор с Мездриковским, который наконец прочитал последний вариант диссертации и долго высказывал Кушниру свои соображения, рисуя радужные перспективы. Валерий слушал молча. Он понял, что лучше с «шефом» не связываться,

а прикидываться «шлангом», изредка многозначительно кивая головой. Под конец Мездриковский сказал:

— А в целом, любезный Валерий Борисович, работа у вас получилась вполне диссертательная. Поздравляю.

— Спасибо,— Валерий улыбнулся.— Вам большое спасибо, Евгений Павлович...

— Ну, ну...— На лице Мездриковского расплылась улыбка, он снисходительно положил тонкую кисть на руку Кушнера.— Это мой долг, Валерий Борисович. Впрочем, долго каждого ученого помогать молодежи становиться на ноги.

«Выполнил бы ты свой долг,— неожиданно зло подумал Кушнер, глядя на своего научного руководителя,— если бы ученый совет не одобрил диссертацию.»

Ученый совет был в пятницу, и на него, кроме множества основных вопросов, вынесли и обсуждение двух диссертаций: Гилярова, который уже прошел предварительную защиту и готовился выходить на основную, и Кушнера.

В шесть часов вечера здание института быстро опустело. Валерий, устав от непрерывного хождения, присел к журнальному столику и стал читать «Комсомольскую правду».

— Валера, здорово!— протянул ему руку Гиляров.

— Привет, Серега.— Кушнер обрадовался, что теперь будет не один.— Ты тоже не выдержал мук ожидания?

— Конечно,— просто ответил Сергей и улыбнулся.— Валера, ты читал мой реферат?

— Читал...— Кушнер хотел соврать, но, глядя в озабоченное лицо Гилярова, не смог.— Читал.

— Твое мнение?

— Знаешь,— Кушнер опять хотел покривить душой и опять не смог,— по-моему, здорово. Коротко и ясно. Отзывы собрал?

— Ну.

— Не боишься черных шаров?

Сергей вздохнул и развел руками: странный вопрос, кто же не боится черных шаров при голосовании?

— Когда защита?

— Сегодня решат.— Сергей вздохнул.— Скорее бы... издергался, как шнурок.

За двустворчатыми дверями послышался шум, хлопанье стульев. Парни мигом отошли в угол коридора. Распахнулись двери, и из конференц-зала стали выходить

члены ученого совета, громко переговариваясь и что-то обсуждая. Первым появился Володя Медведев — начальник Серегоиной лаборатории. Он быстро шел, размахивая папкой и что-то бормоча под нос, словно доканчивая какую-то фразу. Увидев Кушнира и Сергея, он остановился и весело на них посмотрел.

— Ну что, молодая поросль? Трясутся поджилки?

— Володя, не тяни резину! — взмолился Валерий. — Что решили?

— Ну, по Сереге без нареканий... защита через месяц. А вот по тебе, юный гений, был бой... Валерий, отойдем на минутку. — Медведев взял Кушнира под руку и отвел к окну. — Извини, Сергей, на два слова...

— Пока, мужики, я пошел потихонечку.

Заворачивая к лестнице, Сергей обернулся: Кушнир и Медведев оживленно говорили, вернее, говорил Володя, а Кушнир стоял, опустив голову.

— Валера, — начал Медведев, — как у тебя взаимоотношения с Евгением Павловичем?

Кушнир непонимающе приподнял плечи.

— Я вот к чему... Мездриковский не хотел тебя выпускать на предварительную защиту. Мотивирует тем, что работа еще недостаточно отшлифована.

— Да он что, с ума сошел — пятый раз переделываю! — в сердцах выкрикнул Кушнир. — Были бы замечания путевые, а то — по стилю, по расположению материала...

— Вот и мне показалось, что он излишне придирчив, — задумчиво обронил Медведев. — Я был оппонентом по твоей диссертации... Правда, некоторые выводы можно оспаривать, но то, что мысли в работе есть и мысли свежие, — неоспоримо. Я так и сказал.

— А Мездриковский?

— Демагог. Ты меня извини, но большие вы мастаки словесами бросаться! Это касается всей вашей лаборатории. Слово скажешь, а в ответ — поток, захлебнуться можно.

Медведев замолчал, вспоминая перепалку при обсуждении диссертации Кушнира. Молчал и Валерий, ожидавший чего угодно, но только не такого поворота.

— Не дрейфь, — Володя улыбнулся, — выпускают тебя на предварительную защиту в конце месяца. Скажи спасибо Григорию Александровичу: он тебя отстоял. — И Медведев направился к лестнице.

Постепенно Травински успокоился. Донован не звонил и не приезжал. В посольстве Гарри узнал, что туристическая группа, в которой прибыл шеф, уехала в Ростов Великий, потом в Кижи, Ленинград и, наконец, улетела в Европу. Травински долго пытался понять, чем все-таки был вызван приезд Донована в Москву, но ничего толкового так и не придумал. Одно утешало: Макдональд стал беспокоить меньше, но еженедельные доклады не отменил.

Задание, о котором говорил шеф, не давало покоя. Необходима была встреча с «аспирантом», но как ее организовать? Посылать Ирэн он не хотел: еще не было ясно, остался ли ее визит незамеченным. И он решил позвонить Валерию домой.

Гарри не хотел рисковать. Он привык полагаться только на себя, на свои интуицию, опыт.

После обеда он выехал на машине и сначала долго колёсил по центру, останавливался около продовольственных магазинов, выходил, делал покупки. Несколько раз неожиданно сворачивал в переулки, которыми так богата старая Москва, тут же разворачивался и выезжал снова на основную магистраль, меняя ряды движения, стараясь определить, если ли за ним наблюдение, но обнаружить ничего не смог. Около шести вечера Гарри быстро подъехал к почтовому отделению в районе Южного Измайлова, нырнул под арку большого дома, сделал огромный полукруг и наконец припарковал машину около подъезда.

В почтовом отделении никого не было. Гарри купил несколько открыток, не спеша их заполнил. Потом, словно что-то вспомнив, хлопнул себя по лбу и вошел в кабину междугородного телефона-автомата. Опустив несколько монет, быстро набрал код и номер телефона Кушнера:

— Алло, Валерий... Здравствуй. Не узнал?

— Здравствуйте, Гарри Генрихович. Конечно, узнал...

— Как поживаешь? Тыщу лет не видел.

Спасибо.

— Валерий, как наше предложение? Сможешь ты сделать такой материал?

Кушнер молчал, слышно было лишь его дыхание. Травински вдруг ясно увидел лицо Валерия с капель

ками пота на нем. В эту минуту Валерий решал все. Гарри улыбнулся, как охотник, увидавший свою добычу и представивший ее уже у себя на поясе.

— Ну как, Валерий? — мягко, но настойчиво спросил Травински. — Меня редакция теребит...

— Сейчас много работы, Гарри Генрихович. У меня защита на носу...

— Так это прекрасно. Давайте статью по материалам диссертации. Это, кстати, и вас поддержит.

Опять молчание.

— Алло, Валерий, так как?

— Да я не против, Гарри Генрихович, но, повторяю, времени нет абсолютно.

— Ох, Валерий, Валерий... — Голос Травински вдруг стал отечески добрым и задушевым. — Не мое бы к вам участие — не знаю, что бы было... Пришлите мне реферат диссертации, я сам статью напишу.

— Вы добры ко мне, Гарри Генрихович, даже не знаю, как вас благодарить. Я вышлю реферат.

— Прекрасно. Высылайте на Главпочтамт, до востребования на имя Ирэн. Кстати, она шлет вам огромный привет... Так когда ждать реферат?

— Сегодня высылаю...

Травински осторожно положил трубку и вышел из кабины. Дверь почтового отделения за ним закрылась. Гарри закурил и, не спеша, двинулся к машине. Настроение у него было прекрасное.

«Курочка по зернышку клюет, — размышлял Гарри, осторожно обходя лужи на асфальте. — Ничего... Пусть «старикашка» потерпит... Лучше, чтобы «аспирант» поглубже живца заглотил. Недовольство надо у него вызывать, недовольство. И скомпрометировать. Надо просить Центр, чтобы кто-нибудь из наших «яйцеголовых» написал на работы Кушнера рецензию в солидный журнал. Пусть потешится мальчик. И еще что-то надо... такое... такое, чтобы все от него отвернулось!»

Неожиданно он остановился: около его «Жигулей» стоял милиционер и старательно записывал номер машины. Ноги у Гарри отяжелели, и он, с трудом отрывая подошвы от асфальта, пошел вперед.

— Здравствуйте, лейтенант. Судя по тому, как вы рассматриваете автомобиль, я совершил какое-то злодеяние? — Травински обаятельно улыбнулся. — Заранее сдаюсь.

— Здравствуйте, товарищ водитель. Лейтенант Поляков, сто двенадцатое отделение госавтоинспекции Москвы. Нарушаете, товарищ водитель.— Широкое мальчишеское лицо с мелкой россыпью веснушек и аккуратными рыжими усиками сделалось серьезным, лейтенант козырнул.— На каком расстоянии от жилых домов можно парковать машины во дворах, товарищ водитель?

Гарри изумленно развел руками.

— На каком, лейтенант?

— Не ближе пятнадцати метров. Будем наказывать, товарищ водитель.— Голос лейтенанта стал торжественным и назидательным.— Меру наказания выберите сами: штраф или посещение лекции в воскресенье...

Гарри пожал плечами и еще раз обаятельно улыбнулся:

— Если не возражаете, лейтенант, то штраф.

Лейтенант открыл полевую сумку, выписал квитанцию и после назидания удалился.

Выруливая из двора, Травински заметил около парапета желтый мотоцикл и облегченно вздохнул — ни одной машины рядом не было. И все-таки какое-то чувство тревоги не покидало Гарри всю дорогу, пока он ехал домой. Он выполнил все манипуляции «отхода от объекта» по инструкции до конца. Снова петлял, менял ряды, крутился на площади, неожиданно сворачивал в переулки и даже дважды проскочил на красный свет светофора. В зеркале заднего вида не было ничего подозрительного, и Травински, облегченно закурив, поехал в Староконюшенный переулок, где стояла его «тойота». Поставив «Жигули» и закрыв дверцу, Гарри позвонил из телефонной будки владельцу «Жигулей» — «Сэму», милому и симпатичному переводчику из «Интуриста».

— Привет еще раз — Гарри... Машину я поставил, спасибо тебе большое. Да, починили мою «тойоту»... Выручил меня... с меня причитается.

* * *

Сергей Гиляров сидел за пишущей машинкой и одним пальцем печатал статью для стенгазеты. За этой работой его и застал Кушнир, который ворвался в комнату, по своему обыкновению, без стука.

— Серега, — начал он без предисловия, — у меня к тебе есть вопрос и предложение.

— Да?

— Как ты помнишь, я тебе полста рублей должен?

— Помню,— улыбнулся Гиляров.— Вопрос есть, а предложение?

— Дай еще полста, чтобы я тебе сотню был должен. Гиляров засмеялся и покачал головой:

— Нет, Валера. Ты же знаешь, что у меня защита через две недели. Костюм надо купить.

Валерий шлепнул себя ладонью по лбу:

— Черт! Как я мог забыть! Слушай, а у кого можно перехватить на месяц? Машинистке надо через неделю платить... а тугриков нет.

— Даже не знаю.— Сергей наморщил лоб.— У Володьки нет — из отпуска приехал, у Нади...

— Нет у нее. Вчера на работе спрашивал. Говорит, шубу купила...

— Да, положеньице... Но, Валера, сам понимаешь, ничем не могу помочь.

— Понимаю,— вздохнул Кушнир.— Ладно, придумаю что-нибудь... Неделя в запасе есть.

Кушнир не спеша вышел на улицу. Конечно, он и не надеялся перехватить у Сергея.

— Эй, мужик,— раздался резкий, с хрипотцой голос,— помоги чуток.

Валерий оглянулся. Возле тротуара стояло такси с поднятым капотом, около которого возился водитель с засученными рукавами рубашки. Кушнир узнал того парня, который вез их с Ирэн.

— Что случилось?

— Черт его знает. Не заводится проклятая. Крутани ручкой, а?

Валерий крутанул. Двигатель чихнул, заворчал и тут же заглох.

— Может, зажигание сбилось?— неуверенно предположил Валерий.

— Смотрел. Все в порядке... Крутани-ка еще разок.

Несколько секунд Валерий крутил рукоятку, но даже намек на запуск не было. Он внимательно посмотрел на водителя:

— Тебя как зовут?

— Игорь, а что... теперь заведется?— съехидничал водитель.

— Меня — Валерием,— не обращая внимания на издевку, сказал Кушнир.— Так вот что, Игорь, у тебя одно

из двух: или свечи забило, или аккумулятор сел. Проверь, дорогой.

Водитель недоверчиво посмотрел на него, но полез под капот.

— Слушай,— послышалось оттуда,— а ты прав... Ну-ка попробуем.— Игорь быстро сел в кабину и повернул ключ зажигания.

Двигатель ровно и негромко заработал.

— Слов нет!— Водитель развел руками.— Клемма болталась на аккумуляторе... Прошу, такси свободно.

— Денег нет.

— Обижаешь! Давай, давай, подброшу тебя.

Валерий сел в машину, и она плавно тронулась. Какое-то время молчали, потом Игорь посмотрел на Кушника и улыбнулся:

— А я тебя помню. Со станции вез с такой еще сногшибательной чмарой. Хороша девка...

Кушник молчал, говорить с ним об Ирэн не хотелось.

— Да,— Игорь со злостью ударил обеими руками по баранке,— с этой заразой верный заработок упустил!

— Нагонишь!

— Как бы не так! Я по субботам и воскресеньям в «Интуристе» катаюсь, инострань вожу в Троице-Сергиеву лавру. Они иной раз и валютой подкидывают. На чай, как говорится.

Кушник заинтересованно посмотрел на аккуратный прибор Игоря:

— А куда ты ее сплавляешь? Сдаешь?

— Ага,— водитель хитро подмигнул,— есть один человек, который принимает. И ржавыми расплачивается.

— Какими «ржавыми»?— не понял Валерий.

— Ну, нашими... рыжими или ржавыми. Вспомни, какого цвета рубль?

Кушник почувствовал легкое волнение и закурил. Он лихорадочно думал о пятидесяти долларах, что оставила Ирэн, уезжая в Москву. «Опасно... А кто узнает? Да никто. Сбыл с рук, и все... Игорь вроде мужик не из трепливых, сам болтать не будет — в его же интересах! А, чем черт не шутит!»

— Сколько же за зеленые дает твой человечек?

— Есть на продажу?— вглядываясь в дорогу, спросил тот.— Тюльку не гонишь?

— Есть полста...

— Хочешь загнать?

— Можно...

— Вот что... с тем человечком тебе встречаться не резон. Я сам у тебя возьму... Далеко ехать?

— Направо, теперь к красному дому... Сейчас выйду. — Кушнир быстро скрылся в подъезде и через минуту уже снова сидел в машине. — Поехали.

Игорь внимательно посмотрел купюры:

— Идет. Вот что, Валерий, сейчас у меня денег нет с собой. Хочешь — подскочим к моему дому, хочешь — вечером встретимся...

— Нет, давай сразу все сделаем, а встречаться вечером у меня есть с кем и без тебя. Гони, ямщик.

9

Как только собрался ученый совет, Евгений Павлович предоставил слово Водолагину:

— Товарищи, — начал он, — правительство возложило на наш институт разработку новой технологии производства сверхчистых материалов... Руководить разработкой поручено мне. Насколько серьезна эта задача, можете судить сами: технология должна быть готова к... — Григорий Александрович назвал срок, и по залу прошел шелест изумления: срок был минимальным. — Потребуется мобилизация всех наших сил. Очевидно, в институте произойдет реорганизация на период разработки технологии. Согласие Академии наук СССР имеется. Прошу всех серьезно подумать и через два дня высказать свои предложения... мне. Хочу сразу предупредить, разработка будет засекречена, почему — по-моему, ясно всем. Вопросы есть?

Члены ученого совета понимали, что Григорий Александрович не будет излишне усложнять проблему: почти все работали с ним не один год и верили ему безоговорочно.

— Если вопросов нет, прошу быть свободными. — Водолагин закрыл папку и прошел на свое место рядом с Мездриковским.

— А Евгений Павлович, — раздался с места голос Медведева, — участник разработки?

— Евгений Павлович, — поднялся с места Водолагин, — решением Академии наук назначен ее главным научным консультантом.

Росляков стоял у открытого окна и курил сигарету. В дверь постучали. Вошел Андрей Кудряшов.

— Ну садись, боец. Что там у нас?

Кудряшов раскрыл папку:

— Последние сообщения, так сказать. Был контакт Кушнира и водителя такси. Кроме того, мистер Травински звонил в академгородок Кушнису. Просил выслать реферат диссертации для публикации. Оштрафован на пять рублей сотрудником госавтоинспекции за нарушение правил паркования автомобиля вблизи жилых зданий.

— Он не догадался?

— Судя по поведению, нет, Владимир Иванович.

— Всыпать бы надо этому «автоинспектору». Сказали же, чтобы не лез с самодеятельностью!

— Геннадий Михайлович говорит, что всыпал.

— Ладно, твои предложения?

— Мне кажется, за «таксистом» необходимо продолжать наблюдение.

— Ладно, трогать пока не будем. Ты, Андрей, переговоры с милицией, чтобы они его не спугнули. Ну а как тебе живется в академгородке?

— Прекрасно. Пацаны мои с удочками на речке целый день. Наталья по хозяйству хлопочет. Перезнакомилась со всеми. Мы рядом с Григорием Александровичем Водолагиным живем. В гостях уже были. Приглашал еще заходить.

— Институт начал подготовку к новой работе?

— Начал.

— Видишь, Андрей, а мы полгода назад голову ломали, зачем Травински вокруг нашего академгородка круги начал давать. Знал что-то, наверняка знал. Надо бы еще раз его связи перетряхнуть... Где-то есть утечка!

— Будет сделано, товарищ полковник.

Ирэн плакала. Взахлеб, по-детски. Прошло две недели после отъезда Донована из Москвы, а она до сих пор успокоиться не могла. Ирэн не сказала Травински, что шеф был у нее.

Появился он неожиданно. Ирэн приехала с работы и стала готовить ужин, как вдруг раздался звонок. Запах-

пув халатик, она открыла дверь: на пороге стоял «старикашка» с букетиком гвоздик.

— Здравствуй, милочка!— Он сунул ей цветы и, отстранив, прошел в комнату.

— Я сейчас, мистер Донован,— заторопилась Ирэн,— я мигом...

Она сорвала со спинки кресла платье и выскочила в коридор. Через минуту она вернулась. «Старикашка» сидел в кресле, дымил сигаретой. Не глядя на Ирэн, бросил:

— Могла бы и не переодеваться.— Он строго посмотрел на нее.— Чем вы тут занимаетесь? Я что тебя, по мужеям ходить посылал? В теннис играть?

Ирэн ошеломленно молчала: она всегда терялась от грубости и знала, что шеф специально разговаривает с ней так — грубо, с неприкрытым презрением.

— А этот старый жеребец?— Донован невнятно выругался.— Год сидит и думает, что я даром деньги плачу?— Он раздраженно встал и подошел к «стенке», похозяйски открыл бар, вытащил бутылку коньяку, налил себе полбокала и залпом выпил.— Тебе налить?

Ирэн отрицательно поморщилась.

— Как идут дела с «аспирантом»?

— Я ездила к нему,— испуганно прошептала Ирэн.— Была у него, утром уехала в Москву.

— Ты уже забралась к нему в постель?

Ирэн закрыла лицо руками.

— Да ты, никак, застеснялась?— И с угрозой добавил:— Ты разведчица. А женщина-разведчица должна быть готова на все! Поняла?

Ирэн сидела ни жива ни мертва. Никогда еще шеф не говорил с ней так цинично и откровенно:

— Ты что, думала, здесь романтика, приключения? Так, что ли, тебе говорили в нашем богоугодном заведении? Чушь! Ты должна добывать сведения любыми путями. Кстати, тебя учить этому не надо...

Своих родителей Ирэн Горд не помнила. Умерли они почти одновременно, и в памяти маленькой девочки остались только вытянутые, в блестящем ореоле с продолговатыми глазами, лики святых, запах ладана и какие-то люди, что стояли в большой комнате. Ей грозил приют, но ее удочерила бездетная семья их соседей Григоренко, таких же эмигрантов из России, как и ее родители. Григоренки быстро продали ферму, механизмы, скот и

уехали в Соединенные Штаты, надеясь, что Ирэн станет им настоящей дочерью, о которой они мечтали. Ирэн росла девочкой решительной, ловкой, хорошо училась в гимназии и радовала стариков. В гимназии Ирэн увлеклась русским языком. Язык давался легко, а сердобольные Григоренки не могли ей отказать и дома разговаривали только на русском. В гимназии к ней неожиданно стал присматриваться пожилой высокий человек — преподаватель украинского и русского языка — Пошелюжный. Гимназия, в которой училась Ирэн, существовала на деньги украинского землячества, но истинным владельцем была организация украинских националистов.

Перед окончанием гимназии с ней долго беседовал сухой, как перестоявший лето ковыль, старик в расшитой украинской рубашке и седыми казацкими «вусами». Он нудно и длинно говорил о задачах «истинных патриотов Вкраины», говорил запутанно, и Ирэн никак не могла понять, что он от нее хочет.

Тот неожиданно прослезился, сказав «що вона суща донька неньки Вкраины», но болтать о «вольной и независимой Родине» перестал, а тут же предложил Ирэн «на кошт самостийних українців» поехать учиться в Женеву. Ирэн пришла в восторг: еще бы, учиться бесплатно, да еще в Женеве! Она дала согласие. Приемные родители, узнав об этом, переполошились и побежали в гимназию. Оттуда они вернулись чуть живыми и белее снега: оуновцы шутить не любили.

Учеба в закрытом колледже в Женеве прошла для Ирэн как прекрасный и счастливый сон. Она овладела тайнописью, работой с «корреспондентами», так преподаватели лирично называли агентуру, ей вдалбливали в голову методы вербовки, учили, как вести себя в «стране пребывания», уходить от наблюдения, закладывать тайники. Ирэн нравилось все, особенно уроки так называемой киноподготовки. Курсантам показывали детективные киноленты почти со всего мира, вплоть до китайских. После просмотра начинался их разбор: предлагалось оценить поведение разведчиков и контрразведчиков в только что просмотренном фильме.

После окончания колледжа Ирэн стала работать секретарем-переводчиком в одной фирме, имевшей заказы из Советского Союза. Она дважды ездила с главой фирмы в Ленинград. Заданий ей не давали, и только после двух годичной «стажировки» Ирэн было предложено поехать в

Москву секретарем собственного корреспондента журнала «Наука и общество» Гарри Травински.

Ирэн ехала в Москву с радостью.

И вот знакомство с русским парнем — ученым, который покорила ее с первого взгляда. Она понимала, что они не могут быть вместе, и от этого ей хотелось плакать.

Приезд Донована открыл ей глаза на многое. И самое главное, она поняла, что за судьба ей уготована и кто она есть на самом деле.

* * *

Гилярова неожиданно вызвали к комитет комсомола. Звонил секретарь комитета Демидов. На вопрос, зачем, ответил уклончиво, попросил не задерживаться и не тянуть.

Сергей шел по территории института в прекрасном настроении. Минуту назад Володя Медведев сообщил ему, что его, как и Кушнера, включили в группу по разработке новой технологии.

В комитет комсомола Гиляров вошел размашисто, пожал руку Демидову и сел рядом.

— Здорово, Юра! Ты чего такой хмурый?

Демидов отвел взгляд от Серегиного лица, долго копался в своем столе, словно что-то искал и никак не мог найти.

— Демидов, ты что? Зачем вызывал? — не выдержал Сергей. — Давай не тяни, у меня времени в обрез.

— Поговорить надо. — Юрий нахмурил веснушчатый лоб. — Как у тебя в семье?

— А что такое?

— Вот я тебя и спрашиваю: живешь ты с женой или нет?

— Сейчас не живу — поругались... Она у матери обретается. А что такое?

— Ну а какие у тебя отношения с Олей Водолагиной?

— А твое какое дело! — взорвался Гиляров. — Почему я тебе отчет должен давать? Кто ты — отец, мать?

— Не ори! Дело серьезное... Вот почитай, анонимка пришла на имя директора.

Сергей взял в руки лист, отпечатанный через один интервал, и начал вслух читать:

«Уважаемая дирекция института. В нашей организации работает Сергей Гиляров, собирающийся в ско-

ром времени защищать кандидатскую диссертацию. Этот человек не может носить высокое звание советского ученого. Он бросил жену и выгнал ее из дома, ведет разгульный образ жизни и почти в открытую сожительствует с дочерью своего научного руководителя академика Водолагина, который поэтому всячески ему благоволит. В результате этого покровительства Гиляров получил вне всякой очереди комнату в общежитии для семейных, в которой проживает один, т. к. его жена живет сейчас у матери, больной женщины... Гиляров, пользуясь попустительством своего покровителя Водолагина, защищает кандидатскую диссертацию раньше талантливого молодого ученого Валерия Кушнира, который имеет намного больше заслуг, чем Гиляров, но не подхалим, не подлец, а потому, по мнению Водолагина, карьерист и непорядочный человек. Мы, группа сотрудников института, не можем открыть свои фамилии, т. к. боимся мести со стороны академика Водолагина, но, если потребуется, готовы свои фамилии назвать...»

В комнате воцарилась тишина, и только откуда-то доносился далекий стук пишущей машинки, да за закрытым окном слышны были чьи-то голоса. Сергей еще раз медленно перечитал написанное про себя, и чувство гадливости заставило его брезгливо отбросить письмо от себя.

— Что скажешь? — глухо спросил Демидов, и тут только Сергей заметил, что Юрию не менее противно, чем ему.

— Не знаю...

— Может... — Демидов покраснел, — это твоя Татьяна накатала?

Сергей смущенно поднял ладонь и отрицательно покачал головой.

— Слушай, Серега, а ты... что у тебя с Ольгой Водолагиной?

Сергей удивленно посмотрел на Юрия и вдруг понял, что бы он сейчас ни сказал, все будет против него. Он пожал плечами и промолчал.

— Ну, может, ты того... влюбился в нее?

Гиляров медленно потер ладонью грудь, где толчками, с щемящей медлительностью билось сердце. Он почувствовал себя маленьким мальчиком, заблудившимся в огромном страшном лесу. Внезапно пришла мысль, что все это станет известно Оле, Водолагину... всем, всем, и чувство безнадежности охватило его.

— Что ты молчишь?— издалека донесся голос Юрия.— Так что у вас с Ольгой было?

— Ничего...— выдавил из себя через силу Гиляров.— Хочешь верь, хочешь не верь — ничего... Да, бывал я дома у Григория Александровича. Ольга мне перепечатывала диссертацию... И все.

— Все?— Демидов, не поднимая головы, старательно раскручивал телефонный шнур.

— Все.

— По городу ты с ней гулял?

— Гулять не гулял, а вместе ходили. А что тут такого?

— Да как ты не понимаешь!— взорвался Демидов.— Тебя грязью облили. Да не только тебя — Водолагина, комитет комсомола, вообще весь институт...

Сергей молчал, и только на его лице блуждала странная горькая улыбка, да изредка он пожимал плечами, словно вел сам с собой какой-то непростой разговор и сам перед собой не мог оправдаться.

— Серега!— Демидов вдруг замер, пораженный неожиданной догадкой.— Может, у тебя враги есть? Может, кто-то завидует тебе? Подумай.

— Какие враги?— обронил Гиляров.— Кому я нужен?

— Кому, кому!.. А может, кто-то до смерти не хочет, чтобы ты защитился? А? Может, кто-то хочет обскакать тебя?

— Да кто?— не выдержал Сергей.— Кому может помешать моя защита? Чушь какая-то...

— Да не чушь! Не чушь! Ладно, разберемся...— Демидов встал и неожиданно стукнул кулаком по столу.— Не знаю, кто писал эту гадость, но попал он в самую десятку! Время делом заниматься, а весь институт будет разгребать грязь лопатой... Да как бы еще это по Григория Александровичу не ударило рикошетом!

— А он при чем?

— При том... Да ты что — совсем дурак? Разве тут только под тебя копают? Тут, в основном, под него копают, Серега!

И теперь до Гилярова дошел весь ужас положения.

— Так Григория Александровича могут отстранить от руководства разработкой?

— Не только... Хотя мне кажется, что до этого не дойдет.

Демидов прошел по кабинету, пыхтя сигаретой, и вдруг, остановившись, сказал:

— В общем, так: все отрицай! С женой ты живешь, к Ольге ничего не имеешь... Комитет комсомола за тебя горой встанет. Отпишемся... А эту сволочь,— голос Юрия задрожал,— я сам найду и — плохо этому гаду станет!

— Так ты кого-то подозреваешь? — Гиляров привстал.

— Подозреваю... Вот паразит! Не думал, что он до такой мерзости опуститься может!

Гиляров встал и, растерянно посмотрев на Демидова, протянул ему руку:

— Пошел я, Юра... Спасибо тебе.

— За что? Ты не мне, ты другому человеку спасибо говори,— невесело пошутил Демидов и, проводив Сергея взглядом, опустил на стул и задумался.

* * *

Кудряшов столкнулся с Кушником, выходя из магазина. Валерий ошеломленно остановился в дверях:

— Андрей Петрович!

— Привет, Валерий.— Кудряшов крепко пожал ему руку.— Как живешь?

— Нормально... А вы в командировку приехали?

— Почти,— засмеялся Андрей.— В отпуске... отдыхаю у вас. Вон в том домике живу.— Он показал рукой на коттедж.

— У Водолагина?

— Нет... рядом.

— Заходите в гости. Я обитаю в общежитии, камера 217...

— Так уж и камера?

— Почти,— в тон ему шутливо ответил Кушник,— даже глазок в дверях есть. Заходите, посидим, поговорим.

— Спасибо, Валерий, сегодня не могу, а завтра с удовольствием.

— Завтра меня не будет,— с сожалением обронил Кушник.— В Москву уезжаю. Срочно послали в... одну фирму.

Ну так приедешь, и встретимся...

— Договорились. Ну я помчался,— заторопился Кушник,— на работу опаздываю...

Кудряшов развел руками, подождав немного, сел в «Жигули» и с места рванул в сторону шоссе — тоже то-ропился на работу.

* * *

Не успел Кушнир войти к себе, как раздался звонок: секретарь Мездриковского вызвала его в приемную.

В чем дело, Леночка? — спросил Кушнир. — Чая глоток не успел сделать... Что случилось?

— Не знаю, Валера, — пожала плечами та. — Евгений Павлович еще вчера распорядился тебя пригласить...

— Здравствуйте, Евгений Павлович. — Кушнир при-крыл дверь кабинета. — Вызывали?

Мездриковский кивнул и показал взглядом на кресло.

— Слушаю вас, Евгений Павлович.

— Валерий Борисович, вы уже получили задание на командировку?

— Да... С Григорием Александровичем беседовал. Он меня, так сказать, озадачил.

Мездриковский внимательно смотрел на Кушнира, словно ожидая от него какого-то признания.

— Надолго у вас командировка, Валерий Борисович?

— На неделю... Я же на заводе никогда не был, потом Григорий Александрович просил в Академию наук зайти и взять одну монографию в библиотеке. А что?

— Да так... — неопределенно произнес Мездриковский. — Читал вашу работу диссертационную... перепечатанную на машинке... Кстати, вы сами печатали?

— Какое это имеет значение? Ну, предположим, что сам. — Валерий с вызовом посмотрел на Мездриковского. После ученого совета, на котором научный руководитель не хотел выпускать его на защиту, Валерий относился к Мездриковскому настороженно. Старался не давать повода к каким-то замечаниям с его стороны, с вопросами почти не обращался, ждал одного — защиты. Кушнир обрадовался, что его включили в общую группу разработки к Григорию Александровичу Водолагину. Работая в его лаборатории, он сблизился с его учениками и работу в другом направлении не представлял. Ему нравились и задиристо-насмешливое общение в лаборатории, иронический тон обсуждений результатов, ненавязчивая готовность

прийти на помощь друг другу и что-то еще, неошутимое, витавшее в лаборатории, что делало работу там необыкновенно притягательной для Валерия.

— Я к тому,— Мездриковский снял очки,— что написана работа почти без ошибок. Вы хорошо печатаете, Валерий Борисович, можно сказать, классно... Вы ничего не хотите мне сказать?— неожиданно спросил он и в упор посмотрел на Кушнира.

Валерий непонимающе пожал плечами:

— Вроде ничего... А что-то случилось?

Теперь уже Мездриковский удивленно посмотрел на него. И даже покачал головой.

— Да нет, Валерий Борисович, как вы говорите, вроде ничего... особенного.

У Валерия стало накапливаться раздражение от этого загадочного тона, от полунамеков на что-то, чего он не знал. Захотелось встать и, хлопнув дверь, выскочить из кабинета, но он понимал, что может сразу же лишиться научного руководителя, а тогда прощай диссертация, а возможно, и институт.

— Можно идти, Евгений Павлович?— нерешительно произнес он, стараясь не выдать себя тоном.

— Да, пожалуйста, Валерий Борисович,— Мездриковский, не протягивая ему руки, кивнул и углубился в бумаги.

Кушнир вышел в приемную раздосадованный и злой. Подошел к столу Лены:

— Он что, со вчерашнего дня такой?

— Ага.— Лена сняла руки с клавиатуры пишущей машинки и, оглянувшись, зашептала:— Что-то случилось... Вчера утром его вызвали в райком партии, и он вернулся злой, как черт, вызвал Демидова, и они о чем-то долго говорили. Потом он уехал, а вернулся еще злей. Даже с Москвой разговаривал по телефону...

Раздался резкий звонок, и Лена впорхнула в кабинет Мездриковского.

Валерий решил заглянуть к Гилярову. Сергея он нашел в коридоре лаборатории, где тот старательно вписывал в таблицу футбольного чемпионата страны результаты последнего тура.

— Привет, Серега.

— Здорово.— Гиляров протянул руку.— Ты чего такой злой?

— А ну его к черту...— в сердцах выругался Кушнир

и уселся в кресло около журнального столика с подшивкой «Правды». — Вызвал сейчас Мездриковский и полчаса какие-то загадки загадывал.

Гиляров быстро посмотрел на него и снова отвернулся к таблице.

— Ничего он не сказал? — спросил Сергей, не оборачиваясь.

— Да в том-то и дело... Сидел, сверлил меня глазами, как удав кролика. Спрашивал, зачем еду в Москву да насколько...

— Это... наверное, насчет меня он тебя вызывал, — произнес нехотя Гиляров.

— Не понял.

— Влип я, Валерка, как кур в ощип!

— Что такое?

— Да бумага на меня пришла...

— Из милиции?

— Если бы... Анонимка... Написал кто-то, что я-де бросил жену, выгнал ее из дома... Живу с Водолагиной Ольгой, а потому, дескать, Водолагин оказывает мне различные знаки внимания, вплоть до внеочередной защиты...

— Шутишь?

— Какие уж тут шутки! — Гиляров потер виски. — Поверишь, как узнал, ночь не спал. Ребята говорят, что могут отстранить от работы в группе и отодвинуть защиту.

Кушнир ошарашенно молчал. Молчал и Сергей, задумчиво вертя в пальцах коробку спичек.

10

Кушнир собирался недолго. Сунул в сумку несколько рубашек, тренировочный костюм, бритвенный прибор и полотенце. Сел на тахту и задумался о том, что еще надо взять, но мысли крутились около Гилярова. Что-то мешало ему сосредоточиться, и он никак не мог понять что. Перед глазами стояло лицо Мездриковского с мефистофелевской бородкой и цепким, но безразличным взглядом.

Позвонили в дверь, и Валерий пошел открывать.

— Ну показывай, как ты живешь? — Кудряшов решительно шагнул на порог. — О, братец, да ты прямо буржуй! Ишь хоромы...

— Да какие хоромы! — Кушнир поморщился. — Конечно, один, но есть ребята и получше устроились...

— Ну, ну,— засмеялся Андрей,— не зарывайся... Ты когда в Москву едешь?

— Да вот соберусь и пойду.— Валерий посмотрел на часы.

— А со мной не хочешь прокатиться? Я на машине сейчас еду. Дня на два-три. А?

— Слов нет,— Кушнир развел руками,— ты как добрый волшебник.

— Тогда выходи к подъезду.— Кудряшов потрогал магнитофон.— Хороша техника у тебя, Валера. Сколько отдал?

— Да ничего. Травински подарил. Помнишь, америкоса на симпозиуме в Киеве?

— Да ну?— удивился Андрей.— Ничего подарочек, тысячи на полторы тянет...

— Неужели так много?

— А ты что, не знал?— Андрей повертел в руках кассету.— Зайди в Москве на Садовую-Кудринскую в коммиссионный и посмотри...

До Москвы Кудряшов и Кушнир доехали без приключений, поселились в «Заре». Андрей, сказав, что ему надо в библиотеку, уехал, а Валерий помчался на завод и пришел в гостиницу поздно вечером, уставший и голодный. Кудряшов спал, а на столе под полотенцем Кушнир нашел тарелку с бутербродами и остывший чай в стакане. Наскоро поев, улегся в кровать, но потом встал и нерешительно подошел к телефону.

— Алло... Ирэн? Здравствуй!

— Валери...— Голос в трубке дрогнул.— Ты откуда говоришь?

— Из гостиницы. Вчера приехал, но не смог позвонить — дела были, а сегодня только сейчас освободился. Как ты живешь?

— Валери...— Трубка помолчала, и вдруг Кушнир услышал шепот: — Валери, я люблю тебя... Мне очень плохо без тебя, Валери...

До слуха молодого человека долетало прерывистое дыхание девушки, а думал он о другом.

— Валери, ты меня слышишь, Валери?— И тут только он понял, что Ирэн кричит в трубку.— Ты меня слышишь?

— Да...

— Я хочу тебя увидеть. Милый, ты можешь приехать сейчас?

— Уже поздно, я очень устал.
— Тогда завтра. Позвони утром. Завтра суббота, и я не работаю. Ты позвонишь?
— Конечно.
— Мне надо много сказать тебе, милый... Ты меня слышишь?— Вдруг в трубке послышался тихий и очень счастливый смех.— Я сегодня не засну, Валери. Совсем не засну. До завтра, милый. Спокойной ночи...

Кушнир осторожно положил трубку и повернулся. Кудряшов спал, сладко посапывая. Негромко лилась музыка из репродуктора, что висел над кроватью Валерия, и ему вдруг подумалось, что все-таки хорошо, когда есть человек, который ждет, и что он сделал правильно, позвонив Ирэн.

Валерий погасил свет, улегся на кровать и тут же словно провалился. А на другом конце города, зарывшись головой в подушку, плакала Ирэн Горд.

Травински позвонил Ирэн утром. Поздоровавшись, он начал расспрашивать, что собирается делать его секретарь. Ирэн отвечала осторожно, мучительно соображая, говорить или не говорить Гарри о приезде и звонке Валерия.

— Так, значит, мисс Ирэн, вы не знаете?— Травински помолчал, словно обдумывая, что предложить ей сегодня.— Да, Ирэн, а как поживает наш общий знакомый?

Сердце Ирэн сжалось, и она переложила трубку в другую руку, как будто это могло ее успокоить.

— Не знаю, шеф...

— Валерий в Москве, — коротко обронил Травински и снова помолчал.— Он позавчера сюда приехал. Не звонил?

Ирэн, не зная, что ответить, молчала, а Травински, думая, что он ее удивил, с ласковой интонацией в голосе продолжал:

— Не переживайте, Ирэн. Очевидно, у него было много работы и он позвонит сегодня.

— Что мне надо делать?— выдавила из себя Ирэн.

— Я думаю, встретиться.— Голос Травински стал жестче.— Не захочет, настаивайте.

— Мистер Травински.— Ирэн села и снова перехватила трубку.— А что потом?

— Я сейчас буду у вас, и мы вместе подумаем, как нам быть с нашим дорогим мальчиком.— Гарри помолчал.— Пора с ним поговорить откровенно.

Раздались короткие гудки в трубке, а Ирэн еще долго не могла положить ее на рычаг и смотрела на нее ненавидящим взглядом, как на ядовитую змею. Чувство неотвратимой беды все больше заполняло ее.

«В конце концов, кто этот Валерий мне, — думала она, нервно вышагивая по комнате. — Я же знала, на что иду. Я разведчица, и это моя работа. Так и Донован, и Травински говорили. Но почему я должна делать гадость человеку, которого люблю? Почему?»

Ирэн со страхом и ожиданием смотрела на телефонный аппарат, думая о том, что скажет, если позвонит Валерий. Позвать его на встречу с Травински? Ирэн чувствовала, что Травински наконец получил какую-то необходимую ему информацию о Кушнере и готовится выйти на вербовку. Она вдруг на секунду представила себе эту сцену и холодную, иезуитскую улыбку Травински, чувствующего, что его жертве некуда деться, и ей снова стало страшно.

Телефонный звонок заставил ее очнуться, Ирэн быстро взяла трубку:

— Алло.

— Я тебя целую, моя ласточка...

По щеке Ирэн побежала быстрая слезинка, и она, обмякнув, опустилась на тахту. Как во сне, промелькнули перед ней какие-то полустертые временем картины: милое женское лицо, сильные руки мужчины, подбрасывающие ее к потолку, и голос, забытый, ласковый: «Лети, моя ласточка, лети...»

Ирэн судорожно вытерла кулачком щеку и, захлебываясь, сказала:

— Милый, у меня нет времени... Я тебя очень люблю, Валери. Ничего не спрашивай, слушай. Сейчас придет Травински, и я не хочу, чтобы он слышал наш разговор. Он откуда-то знает, что ты в Москве. Не перебивай... Так вот, я ему не сказала, что ты мне звонил. Он хочет тебя видеть. Ты не должен с ним встречаться. Понял? Я тебя буду ждать, — она посмотрела на часы, — сегодня в семь около ресторана «Ласточка», что на Таганке. Понял?

— Ирэн... — Голос Валерия удивленно замер. — Конечно, тебе видней, но что тут такого, если Травински хочет со мной встретиться?

— Я тебе все расскажу потом.

— Ну ладно.

— До вечера.— Ирэн услышала звонок в дверь и бросила трубку на рычаг.

Травински протянул ей букет гвоздик и галантно поцеловал руку.

— Мисс Ирэн, вы, как всегда, неотразимы.— Он улыбнулся, но про себя подметил припухшие глаза и лихорадочное состояние своего секретаря.— Где у вас вазочка?

Ирэн прошла на кухню и поставила цветы в вазу. Когда она возвратилась в комнату, Травински курил, рассматривая журнал.

— Не звонил Валерий?

— Нет,— односложно ответила Ирэн.

— Ирэн,— Травински посмотрел на секретаря и затушил сигарету в пепельнице,— поговорим откровенно. Мне не нравится ваше настроение. После приезда Донована вы резко изменились, и мне кажется, что это неспроста. Что с вами случилось? Мы так здорово начинали работать, и теперь, когда работа подходит к самому важному моменту, вы стали совершенно другой. Что произошло?

Ирэн вдруг интуитивно поняла, как надо действовать. Она догадалась, что тревожит Травински, и нашла то единственное решение, которое только было возможно сейчас.

— Вы правы, мистер Травински, я действительно изменилась. Я не привыкла так работать. Я привыкла во всем подчиняться и доверять своему шефу, в данном случае вам, мистер Травински,— голос Ирэн задрожал,— а так...

— Я так и думал!— со злостью воскликнул Травински.— Эта старая, выжившая из ума лошадь — Донован решил проверить мою благонадежность. Проклятый «старикашка»!— стараясь сдержаться, процедил Гарри сквозь зубы.— Надо же быть таким ослом — проверять меня! Тридцать лет бок о бок работаем, и он все не доверяет.

— Вы меня правильно поняли, мистер Травински.— Голос Ирэн окреп.— Действительно Донован приказал мне наблюдать за вами. Больше того, он страшно недоволен нашей работой. Он сказал, что «аспиранта» давно пора прощупать и выходить на заключительную беседу.

— Кретин! Как он не может понять, что русские — это же совсем другие люди! На вербовку советского человека надо выходить с полным карманом компроматериалов. Что касается денег, то я уже зацепил нашего «аспиранта»

так, что при первом же нажмие он с радостью станет работать на меня и еще будет упрашивать, чтобы я не рассказывал никому о его маленьких тайнах.

Ирэн со страхом следила за побагровевшим Травински и хотела только одного — чтобы тот скорее ушел.

— Вот смотрите, Ирэн. — Травински вытащил из внутреннего кармана пиджака пачку фотографий. — Смотрите... Куда он денется от меня? — Однако фотографии Гарри не показал, а тут же спрятал в карман и, внезапно успокоившись, тихо добавил:

— Встречу назначайте на сегодня. Я буду ждать Кушнира около Белорусского вокзала. Если все спокойно, пусть пройдет к кассам-автоматам пригородных поездов, затем спустится к камерам хранения и ждет меня около автомата номер 1417. Понятно?

Ирэн кивнула. Травински легонечко дотронулся до ее плеча и мягко сказал:

— И не обращайтесь внимания на «старикашку». Нам работать с вами еще долго, мисс Ирэн.

Кушнир был удивлен разговором с Ирэн. Он растерянно посмотрел на Андрея, молча сметавшего крошки со стола после завтрака, и уселся на кровать.

— Ты что расстроился? — спросил Андрей.

— Да так... Позвонил одной приятельнице, хотел встретиться, а она какую-то чушь понесла... Ничего не понял.

— Может, замуж вышла? Это бывает. Я помню, в институте учился, встречался с одной девицей. Любовь была — не рассказать. Потом уехал на преддипломную практику на три месяца. Приезжаю, конечно, тут же звоню: дескать, давай встретимся, а она крутит, вертит. Потом не выдержала и объявила, что вышла замуж. Так-то, друг.

— Да нет, моя замуж не вышла. Понимаешь, у нас есть общий знакомый, и он хотел встретиться со мной, а она уперлась, и все: нельзя, мол, с ним встречаться. Просила в семь вечера подойти к ресторану «Ласточка» на Таганке.

— Так подойди. Выясни все до конца и поставь точку, если носом крутит. Слушай, Валерий, а может, тут замешан этот знакомый? Чем черт не шутит.

— Да нет, Андрей. — Кушнир махнул рукой. — Он ста-

рик. Лет за шестьдесят уже стукнуло. И потом... там сложное дело. Я тебе не могу все рассказать сейчас, а позже как-нибудь расскажу.

— Да что мне в твою личную жизнь лезть, — засмеялся Кудряшов, — своих проблем хоть отбавляй.

— У меня и по работе не гладко, — вздохнул Кушнир. — Был на фирме, а поговорить толком ни с кем не сумел. То главного инженера нет, то зама по науке. Два дня потерял без толку. Честно говоря, я хотел завтра в академгородок махнуть и доложить Водолагину, чтобы он позвонил да всыпал кое-кому. Звонить отсюда нельзя, сам понимаешь, по телефону много не скажешь.

— Так какие проблемы? — удивился Андрей. — Собирайся, и поехали. Мне тоже неохота субботу и воскресенье в Москве сидеть.

— Да я все-таки хотел с этой девушкой встретиться, — покраснел Кушнир, — поговорить. Что-то на сердце неспокойно. А потом уж поехать домой.

— Значит, так, — Андрей посмотрел на часы, — сейчас два. Я сметаюсь в «Детский мир» и ГУМ, вернусь к шести. Заедем к твоей подруге. Тебе полчаса на разговор хватит?

— Думаю, хватит...

— Отлично. Едем в академгородок, отдыхаем, а в понедельник часиков в двенадцать снова в Москву махнем. Идет?

* * *

Кудряшов нашел Геннадия Михайловича Петрова не сразу. Он долго звонил домой, но никто не отвечал. Наконец он решил позвонить дежурному по Комитету госбезопасности, и тот, через минуту, ответил, что Петров должен через полчаса появиться. Андрей купил газеты, сигарет. Прошел в «Детский мир» в отдел игрушек. Долго любовался замысловатыми самоходными танками, луноходами, потом купил сыновьям по подарку и, не торопясь, вышел на звенящую от массы машин и людей площадь Дзержинского. Снова позвонил и с радостью услышал ясный и сочный баритон Петрова.

— Геннадий Михайлович, Кудряшов приветствует...

— Андрей, — обрадовался Геннадий Михайлович, — какими судьбами? Ты ко мне?

— Так точно. Посоветоваться надо, Геннадий Михайлович.

— Заходи, я сейчас позвоню дежурному.

Через пятнадцать минут Андрей шел по знакомому коридору и, на секунду задержавшись перед массивной дубовой дверью, постучал.

Петров поднялся из-за стола и с радостью пожал Кудряшову руку:

— Хорош гусь... Мог бы и почаще заходить... Как дела?

— Пашем...

— Оно и видно — вон какой худой! — Петров усадил Андрея напротив себя. — Ну, рассказывай, с чем пришел?

— По «журналисту».

— Так. — Петров хитро посмотрел на него и подмигнул. — Что, хочешь новости из первых рук получить?

— Да. Меня интересует, в частности, Ирэн Горд, его секретарь.

— Хитер брат. — Геннадий Михайлович достал из папки листки бумаги и протянул Кудряшову. — Читай.

«...Ирэн Горд, урожденная Ирина Гордеева, дочь эмигранта из России... Родилась в Квебеке в семье преуспевающего адвоката Джона Горда, Ивана Николаевича Гордеева в 1950 году. В 1953 году скоростижно скончалась ее мать, Мария Васильевна Гордеева, урожденная Казанцева, дочь профессора Петербургского университета...»

— Вот так да! — Кудряшов посмотрел на улыбавшегося Петрова и покачал головой. — Происхождение, однако...

— Ты дальше читай.

«...Отец Ирины Гордеевой, Иван Николаевич Гордеев, до начала Великой Отечественной войны тесно примыкал к правому крылу эмигрантской организации «Союз белых офицеров». Занимался адвокатской деятельностью, несколько громких выигранных дел принесли ему успех — появилась богатая клиентура. 22 июня 1941 года бывший русский офицер Иван Гордеев обратился в Советское посольство в Америке с просьбой помочь ему уехать в Советский Союз, чтобы на стороне Красной Армии принять участие в боях с фашистами. На что посол СССР тов. Уманский К. А. заявил, что он принесет больше пользы в Соединенных Штатах, освещая положение на фронтах. Иван Николаевич Гордеев становится активным участником русско-американского клуба «Победа», передает

в фонд обороны СССР крупную сумму личных сбережений. После Великой Отечественной войны Иван Николаевич Гордеев продолжает жить в Канаде. В 1953 году после смерти жены он пишет заявление в Генконсульство СССР в Соединенных Штатах и просит помочь возвратиться на Родину. Вскоре он получает советское гражданство, но... погибает в автомобильной катастрофе. Его дочь Ирину удочерили соседи по Квебеку — семья Григоренко, которые и дали ей образование...»

— Ну как? — поинтересовался Петров, когда Андрей перевернул последнюю страницу.

— Да... судьба человеческая! Геннадий Михайлович, а не известно, при каких обстоятельствах погиб Иван Николаевич Гордеев?

— Немного известно. — Петров достал из сейфа новую папку и протянул ее Кудряшову: — Почитай. Это подлинные материалы ФБР, которое расследовало гибель Гордеева.

Кудряшов с интересом стал просматривать бумаги.

— Обрати внимание, — сказал Петров, — что ярым противником Гордеева выступает все тот же «Союз белых офицеров». — Петров быстро пролистал несколько страниц и ткнул пальцем в строчку. — В руководстве стоит Генрих Травинский, отец нашего «журналиста». Позже членом правления «Союза» становится и его сын. Потом, когда уже дело было практически окончено и вина «Союза» в смерти доказана, дело закрывается «за недостаточностью улик» и упрятывается в архив... Следовательно, который вел дело, в знак протеста подал в отставку и в 1958 году в Лондоне издал книгу воспоминаний. Но через неделю она была конфискована, все экземпляры уничтожены, а набор рассыпан...

— Геннадий Михайлович, можно получить копии документов?

— Ты что задумал?

— Пока ничего, — улыбнулся Кудряшов, — буду думать...

— Смотри, Андрей, — погрозил пальцем Петров, — никакой самодеятельности.

— Не мальчик... Кстати, Геннадий Михайлович, сегодня у Кушнира встреча с Ирэн... Я хочу тоже подъехать, и предлог есть: вместе едем в академгородок. Как вы на это смотрите?

— Она тебя никогда не видела?

— Никогда. Представляюсь как друг Кушнира.

Ты помнишь, что в Киеве Травински тебя расколол?

— Помню.— Андрей поморщился.— Между прочим, Ирэн почему-то не хочет, чтобы Валерий встречался с Травински, который, как я понял, настаивает на встрече. Кроме того, Травински знает, что Кушнир в Москве.

— Откуда?

— Вот цепочка последних событий, Геннадий Михайлович: приезд Ирэн в академгородок, валютная операция с «таксистом», который был явно выведен на Кушнира, и, наконец, информация о приезде в Москву. Мне кажется, что «таксист» работает в паре с Травински.

— Нет,— с сомнением покачал головой Петров.— Травински с ним напрямую не связан... Скорее, он использует его втемную через сотрудников того африканского посольства, которые с ним контактируют. Травински не малоопытный разведчик, чтобы самому пойти на личную встречу. И вот еще что: на некоего Гилярова, сотрудника рабочей группы, что будет разрабатывать новую технологию, пришла анонимка.

— Я знаю Гилярова.— Кудряшов удивленно поднял брови.— Очень хорошее впечатление парень оставил. Собранный, серьезный. А в чем автор обвиняет его?

— Обвиняет автор скорее не его, а... Водолагина Григория Александровича. Написано там, что Гиляров не живет с женой, а живет с дочкой Водолагина, за что тот ему будто бы делает всякие поблажки.

— Чепуха!— улыбнулся Андрей.— Неужели такой ерунде придадут значение?

— Ей-то не придадут,— Петров загадочно помолчал,— а вот автору... придется расстаться с мечтой о диссертации и, наверное, с комсомолом.

— Что такое? Кто автор?

— Анонимка написана,— Петров протянул Андрею два листа бумаги,— на машинке «Эрика», которая принадлежит... Кушниру.

— Как?

— Смотри... Вот это — первый лист его автореферата, а это — анонимка. Сама диссертация отпечатана на машинке «Оптим»... Видно, отдавал машинистке. Что скажешь?

— Ну и дела...— протянул Андрей, всматриваясь в машинописный текст.— А не кажется вам, что эта анонимка одно из звеньев психологической обработки Куш-

мира Травински? Скорее всего, он незаметно его подвел к этому. Или другой вариант, который мне представляется более вероятным: Кушнир не знает ничего, анонимку отпечатали на его машинке в его отсутствие, скажем, когда он был на работе. Но зачем? Ведь тогда Кушнир вылетит из рабочей группы и все задумки Травински обречены на провал.

— Вот это как раз и непонятно, Андрей... Травински надо лишать информации об академгородке.

— Брать «таксиста»?

— Пусть его возьмет милиция, тем более что он у них уже готов, как говорится.

— Вы думаете, что Травински встревожится?

— Думаю, что да. — Петров задумчиво смотрел на вращающийся диск вентилятора. — Мне кажется, что «журналист» начнет форсировать вербовку Кушнира. Кстати, а что у него за взаимоотношения с Ирэн? Серьезные?

— Геннадий Михайлович, — Кудряшов не спеша встал и подошел к окну, — судя по всему, Ирэн любит Кушнира. Поэтому и не желает, чтобы состоялась встреча Валерия с Травински. Она, конечно, знает, что Гарри собирается провести заключительный аккорд операции по вербовке, и старается Кушнира обезопасить. Кушнир ведет себя по отношению к ней вполне лояльно. Ирэн занимает в его жизни какое-то место, но, насколько это серьезно, не знаю. Думаю, что сегодня выясню. А самое главное, Геннадий Михайлович, мне нужна встреча с Ирэн.

— Ты хочешь провести контрудар? Думаешь, Ирэн согласится на свидание?

— Не знаю. Хотим вместе с Росляковым предложить руководству план операции, которую, по обыкновению, уже и озаглавили, — засмеялся Кудряшов. — Будет она называться «Свадьба».

— Я поддерживаю тебя, — сказал Петров. — Поддержу... Но учти, в случае утверждения операции поступишь в полное мое распоряжение.

— Готов, Геннадий Михайлович.

— Все у тебя?

— Все. Да, Геннадий Михайлович, нельзя ли Ирэн провести от дома до Таганки? Боюсь, как бы Травински на хвост не сел.

— Это сделаем. Позвонишь мне где-нибудь по дороге. Добро?

— Договорились.

Ирэн вышла из дома часа за два. Почему-то она была уверена, что Травински ее в покое не оставит и постарается выяснить, куда она направляется. Перед уходом она позвонила ему, сказав, что Валерий назначил ей встречу около Курского вокзала. Почему она так поступила — не могла объяснить. Ей почему-то показалось, что отныне она не может доверять шефу и Травински не должен знать и о разговорах с Валерием.

«Я ему больше ничего не скажу, — думала она, спускаясь в лифте, — просто посоветую уехать куда-нибудь. И все. Пускай он для меня будет потерян, но... и для Травински тоже. Милый дурачок, как он не понимает, что висит на волоске! А что он знает о нас, обо мне? Да если узнает, кто я...»

Выйдя из дома, Ирэн оглянулась: улица была пустынна. Она села в машину и, выехав из двора, бросила взгляд в зеркало заднего вида. Все по-прежнему было спокойно. На всякий случай она несколько раз меняла рядность и обратила внимание на красные «Жигули», которые так же охотно, как она, перестраивались. Водителя она не могла рассмотреть, но решила на всякий случай оторваться. Долго крутила по центру, то неожиданно останавливаясь, то резко сворачивая в переулки. Наконец, когда красные «Жигули» на мгновение отстали у светофора, она свернула в Лялин переулок и тут же въехала под арку. Быстро припарковав машину, проходными дворами выбежала на Садовое кольцо. Ей повезло: к остановке подъезжал автобус. Ирэн почти на ходу вскочила в него и через десять минут была на Таганке.

Валерия она увидела издалека и быстро подошла к нему. Кушнир протянул девушке букет, взял ее под руку. Валерию бросилось в глаза, как изменилась Ирэн: под глазами легли тени, лицо осунулось.

— Валери, милый, — заговорила Ирэн, — тебе надо уехать куда-нибудь. Немедленно, тебе грозит большая, страшная неприятность. Я не могу ничего сказать, но... уезжай. — Она не выдержала и всхлипнула. — Слышишь? Уезжай...

— Да что случилось? — Кушнир решительно повернул ее к себе, заглянул в заплаканные глаза. — В чем дело, Ирэн?

— Не спрашивай, милый.

— Ничего не понимаю, — Кушнир растерянно посмотрел в сторону машины, за рулем которой сидел Кудряшов. — Ну не плачь, Ирочка, не плачь...

Но неожиданно Ирэн разрыдалась и уткнулась в плечо Кушнира. Валерий растерянно оглядывался на редких прохожих, которые с явным неодобрением смотрели на странную пару. Ирэн показалась Валерию такой беззащитной, одинокой, что у него сжалось сердце и перехватило дыхание. Он поцеловал ее и повел к машине.

— Ирэн, это мой друг. Познакомься, Андрей, Ирочка...

— Добрый день, Ира. — Кудряшов помог ей сесть на заднее сиденье. — Ну не надо плакать.

Он плавно тронул машину с места и, набирая скорость, поехал по набережной.

Наконец Ирэн успокоилась и, достав пудреницу, стала приводить себя в порядок. Андрей, слегка повернувшись к молодым людям, спросил:

— Вы не хотите мороженого?

— О, я бы с удовольствием, — равнодушно произнесла Ирэн и снова прижалась к плечу Кушнира. — Андрей, а вы давно знаете Валерия? — вдруг спросила она.

— Не так давно, но и не вчера познакомились. Мы с ним встретились в Киеве на международном симпозиуме. Так, кажется, Валера?

— Точно. Завтракали вместе, — ответил Кушнир, обращаясь к Ирэн. — Андрей здесь в отпуске находится.

— Да, Ирочка, приехал всем семейством поближе к Москве. Отдых отдыхом, а Ленинская библиотека нужна. Так что совместил приятное с полезным! А вот и кафе-мороженое. — Он притормозил около небольшого кафе. Ирэн совсем успокоилась, но на шутки Андрея не отвечала и только все время посматривала на Кушнира, словно пытаясь угадать, что он думает. Мороженое было вкусным, и Андрей, посмотрев на своих соседей, вдруг решительно встал и направился к буфету.

— Не могу не согрешить, — объявил он, ставя на стол еще три порции мороженого и бутылку нарзана. — Познакомиться с такой девушкой и не угостить как следует мороженым — не таков я!

Он ловко открыл бутылку и разлил пузырящуюся воду по фужерам.

— Вы, Ирочка, построже с Валерием, а то он у нас в холостяках разболтался.

Андрей разошелся совсем: рассказывал веселые исто-

рии, шутил, подтрунивал над несколько смущенным Кушником и вовсю ухаживал за Ирэн. Сначала сидевшая насупленной, она немного отошла, стала отвечать на шутки Андрея, улыбаться. Она неожиданно подумала, что ни разу в своей жизни вот так не сидела, без тревожных мыслей, чтобы не нужно было что-то выяснять, контролировать каждое движение, каждое слово.

Неожиданно под Кушником затрещал стул, и он чуть не свалился на пол, но тут же перевернул стул и двумя легкими ударами кулака привел его в нормальное состояние.

— Ну, ты мастер,— удивился Кудряшов и, подмигнув Ирэн, добавил:— Такой парень пропадает!

— Ладно, ладно,— шутливо заметил Валерий.— Отец мой все-таки мастеровой, так что и у меня руки на месте.

— Старик еще работает?— спросил Андрей.

— Бригадиром.— Кушник задумался.— Тысячу лет у них не был. Ничего, вот защищусь, отпуск возьму и съезжу. А у тебя, Андрей, отец работает?

— Нет, на пенсии. Он инвалид. После войны зрения лишился, ранение тяжелое под Прагой получил...

Ирэн во все глаза смотрела на Кудряшова. Ей всегда казалось, что война — это что-то очень далекое, да и людей, которых бы война коснулась непосредственно, она не встречала.

Ирэн вдруг почувствовала, что, в сущности, она здесь совершенно чужая, не имеющая никакого отношения ни к этой стране, ни к этим людям, и она неожиданно для себя вдруг сказала:

— А я своего папу не помню. Он умер, когда я была маленькая совсем.— Она помолчала и вдруг невпопад тихо добавила:— Он у меня русским был...

— А ты что, не русская?— спокойно спросил Кудряшов.— Марсианка?

Ирэн растерянно посмотрела на Валерия, потом на Кудряшова и снова на Валерия.

— Видишь ли, Андрей, Ира работает в журнале «Наука и общество», секретарем мистера Травински. Мы с ней познакомились, когда у меня статья выходила.

— Да?— Андрей улыбнулся и как-то застенчиво посмотрел на Ирэн.— А говорите вы по-русски здорово. Я сразу даже не понял, что вы иностранка.

— Спасибо,— негромко поблагодарила Ирэн.— Мне приятно, что вы... не встали сразу же и не ушли. Ведь вам

запрещается общаться с иностранными подданными, не так ли?

Андрей фыркнул и, откинувшись на стуле, с иронией посмотрел на девушку:

— С чего вы взяли?

— Ну, так... говорят.

— И Валерий так говорит?

— Нет, он вообще ничего на эту тему не говорил.

— Значит, не считал нужным. Как, Валера, запрещают тебе встречаться с иностранцами?

— Что за чушь!.. Если бы запрещали, мы бы ни в одном симпозиуме не участвовали, за границу не ездили. Чушь!

— Да? А вот мог бы ты жениться на, скажем, французской подданной и уехать во Францию?

— Жениться бы мог, а уехать — нет. Тут моя Родина, тут все мне знакомо, все родное... Мне незачем уезжать отсюда.

«А где моя родина? — с грустью подумала Ирэн. — Канада? Америка... или Швейцария? Где мои родные, близкие? Почему Григоренки так старательно учили меня русскому языку, сердились, когда я не читала русских книг? Что они хотели?»

Кудряшов заметил, как погрустнела Ирэн, как замолчал Кушнир, и отрешенно посмотрел на часы. Он встал и, подойдя к стойке, расплатился. Повернулся к столику:

— Я в машине буду, ребята, подходите.

Ирэн проводила его взглядом и положила ладонь на руку Валерия:

— Хороший он. Ты с ним дружи, Валери.

— Посмотрим, — пожал плечами Кушнир. — Так почему ты не хочешь, чтобы я с Гарри встречался?

— Валери, — Ирэн сжала его руку, — не спрашивай...

— И все-таки непонятно... Я приеду в понедельник в Москву и зайду к тебе, хорошо?

Рука Ирэн дрогнула.

— Только позвони сначала...

Они встали и направились к выходу. В маленьком и узком коридорчике Ирэн быстро оглянулась и, встав на цыпочки, поцеловала Валерия.

* * *

Не успел Сергей переступить порог своей комнаты, как кто-то постучал в дверь. В комнату вошел бледный Кушнир и молча протянул руку.

— Привет, Валера! Ты чего... такой? — удивился Сергей.

— Серега, сейчас я видел Ольгу Водолагину, и она мне сказала... — Кушнир потер рукой горло. — Она сказала, что Мездриковский сказал... В общем, все думают, что анонимку на тебя написал я! — Валерий схватил Сергея за руку и заглянул в глаза. — Клянусь, что я не писал! Конечно, я не сахар, но чтобы пойти на подлость... Я завидовал тебе, считал, что ты виноват в том, что моя защита немного позднее твоей, но такое...

— Ты с ума сошел! — Гиляров обхватил Валерия за плечи и усадил в кресло. — Мне никто не говорил, что подозревают тебя, а если бы кто и сказал... Да я бы морду такому... Мы же с тобой друг друга знаем не один год! Как ты только мог подумать?!

Кушнир уронил голову на руки и замер.

— Кому это нужно? Почему меня подставили?.. Говорят, что анонимка написана на моей машинке... Но я не писал! Не писал! И машинка у меня месяц как в ремонте находится... Не мог я на ней писать... — возбужденно говорил Кушнир, и по его бледному лицу пробегали судороги. — Кому это надо, чтобы подумали на меня?

* * *

Макдональд вызвал Травински в посольство поздно вечером. Гарри попытался отшутиться, что, дескать, в такое время он ездит только к женщинам. Юджин слушать не стал, а просто положил трубку. Гарри ничего не оставалось делать, как завести машину и приехать на Садовое кольцо.

Макдональд был не один. Рядом с ним сидел... Donovan. Он помахал рукой Травински, словно тот только что с ним виделся, а потом вернулся, забыв сказать что-то важное.

— Гарри, «компания» настойчиво требует форсировать операцию «Аспирант».

— Шеф, есть русская поговорка, гласящая, что поспешность нужна только при ловле блох.

— Мистер Травински, — вмешался Макдональд, — вы не понимаете хорошего отношения к вам. И если вы сидели почти полтора года и посылали в «компанию» вырезки из

газет, то это не значит, что вами довольны. Работать надо, Гарри!

— Да, Гарри, руководство считает, что вы непозволительно медлительны с «аспирантом», — попытался смягчить резкость коллеги Донован. — Меня просили передать, что вам пора действовать. Пора!

Гарри вдруг почувствовал себя песчинкой, затерянной среди миллионов подобных ему. Он еще раз убедился, что никакие его прошлые заслуги и удачи не могут поставить его, Гарри Травински, в один ряд с Донованом, Макдональдом и другими, которых он искренне презирал, считая дилетантами в разведке, но которым не мог возразить.

Макдональд наблюдал за Гарри с неприкрытой усмешкой. Он давно взял за правило разговаривать с Травински грубо, на грани откровенного хамства, зная, что этого Гарри не переносит и всегда теряется.

«Задумались, — со злостью размышлял Макдональд, переводя взгляд с Травински на Донована и обратно. — Думайте, думайте, а делать будете так, как прикажут, интеллигенты паршивые... Ничего... Ты у меня, Гарри, еще попляшешь! Привык чужими руками жар загребать... — Макдональд не мог простить Травински передачу «Сэма». — Ты у меня сам все тайники снимать будешь, лично поработаешь с агентом, лично...»

— Хорошо, — наконец произнес Гарри. — Я буду форсировать работу с «аспирантом». Я бы хотел провести еще одну акцию по отношению к «аспиранту», чтобы... как бы это сказать, подготовить его соответствующее настроение...

— Что за акция?

— Хочу несколько дискредитировать его в глазах сослуживцев...

— Каким образом? — перебил Макдональд.

— На его друга придет анонимка в дирекцию института, в которой...

— Какая еще анонимка? — вскочил Макдональд и выразительно постучал пальцем по лбу. — Ты... соображаешь, что делаешь? Кандидат на вербовку должен быть идеально чист в глазах окружающих!

— Но чисто психологически его это подтолкнет на сотрудничество с нами... — попытался возразить Травински, искренне сожалея, что заикнулся об этом «деликатном» деле.

— Я запрещаю! — хлопнул ладонью Юджин. — Все... Идите, Гарри, и знайте, что «компания» ждет результатов...

— Да, да... — поддакнул Донован. — Мы надеемся на тебя, Гарри, очень надеемся...

«Проклятый «старикашка», — подумал Гарри, направляясь к двери. — Тоже боится Макдональда как огня. Даже слова в мою защиту не сказал. Хоть бы кончилось все это быстрее!.. Купить бы бар на Юге и... послать, «компанию» ко всем чертям. Хорошо еще, у меня ума хватило не сказать, что анонимка уже пошла... Тогда бы Макдональд в случае провала все мог свалить на меня!»

11

Шофер такси Игорь Николенко, взглянув на часы, выехал на шоссе. Времени было в обрез. Именно сегодня на старом месте — на 47-м километре — его ждал «клиент».

Игорь уже и сам забыл, когда и как он познакомился с этим лощеным мужчиной, большим любителем «бизнеса». Началось с того, что как-то раз группа, которую Николенко вез в монастырь, расплатилась с ним долларами. Он взял их без задней мысли. Просто было интересно, какие они, эти доллары. Недели через две он снова вез иностранцев и на сей раз сам предложил расплатиться «зелеными», в душе сознавая, что встает на скользкую дорожку. Прошло месяца два, а Игорь все не знал, куда девать эти деньги. Однажды, когда около монастыря к нему подсел какой-то тип в прекрасном костюме и со спортивной сумкой через плечо, он решился. Поинтересовался, откуда сам пассажир, ненавязчиво перевел разговор на валюту и сдержанно сказал, что мог бы продать доллары, неизвестно как к нему попавшие. Человек настороженно на него посмотрел, помолчал и ответил, что не знает, но если «шеф» хочет, то может узнать. И закрутилось. Одна операция сменяла другую: доллары, фунты... Потом пошли джинсы и кассеты видеомагнитофона, на которых Николенко неожиданно заработал сразу на «Жигули».

Как-то раз знакомец Игоря, который позже отрекомендовался «Сэмом», попросил его узнать кое-что о двух-трех людях из академгородка, невнятно объяснив, что это надо одному знакомому журналисту. Игорь знал этих людей и потому сразу спросил:

— Сколько?

— Что сколько? — не понял «Сэм».

Николенко выразительно потер пальцы.

— Сто.

А за вредность? — нагло ухмыляясь, спросил теперь тертый Игорь. — Знаешь, как это называется?

«Сэм» накинул полста рублей, подумав, что паренек «мужает» на глазах. Игорь тут же выложил все, что знал, его собеседник только успевал записывать. А знал Николенко много. Жил он в академгородке, когда-то работал в академическом институте шофером, часто возил сотрудников и невольно слышал их разговоры, а те особо не стеснялись при своем парне перемывать косточки своих начальников и товарищей.

Через неделю «Сэм» познакомил Николенко с пожилым веселым человеком, который представился Георгием Георгиевичем и, немного с ним поговорив, предложил поехать куда-нибудь в лесок, обмыть знакомство.

Они свернули с дороги и через час были на поляне. Выпили армянского коньяка, закусили бутербродами. Посидели, покурили. Игорь развеселился и начал сыпать анекдотами, Георгий Георгиевич залиvisto хохотал и, вытирая слезы, клялся, что никогда таких не слышал. Выпили еще, тут «Сэм» встал и, пошатываясь, отправился в березовую рощу. Георгий Георгиевич налил еще по одной и негромко произнес:

— Хочется сказать вам, Игорь, большое спасибо от имени... разведки одной из, как у вас говорят, капиталистических стран...

Николенко поперхнулся коньяком и побледнел. Хотел подняться, но жесткая ладонь припечатала его к траве.

— А вы что, не догадывались, что делаете? — резко спросил Георгий Георгиевич. — Сведения, которые мне передал ваш друг, представляют ценность не только для нас, но и для вашей страны. Это называется просто — шпионаж. Кстати, за валютные операции, которые вы совершили... — Он помолчал и тихо, почти ласково добавил: — Лет пятнадцать грозит, а то и больше...

Николенко сопел, прекрасно понимая, что деваться ему некуда.

— Впрочем, Игорь, или, как я вас теперь буду звать, «таксист», — продолжал Георгий Георгиевич, — я сюда приехал по делу, а не затем, чтобы вас уговаривать... Вы

сами давно понимаете, чем занимаетесь и что вас ждет за это. Я хотел договориться, как мы с вами будем встречаться, вернее, не встречаться, а где вы будете получать от меня задания. Их вам будет передавать «Сэм». По пятницам, скажем, по нечетным пятницам он будет ждать вас на сорок седьмом километре. А предварительно вам придет телеграмма из Москвы от девушки. Примерно такого содержания: «Дома все хорошо, готовлюсь поступать в институт». Если в телеграмме будет что-нибудь об институте, значит, «Сэм» вас ждет в условленном месте. Поняли?

Николенко кивнул. К нему постепенно возвращались привычное нахальство и уверенность в себе.

— Сколько? — Игорь изобразил подобие улыбки и потянулся за стаканчиком. Даром только листья падают

И вот Николенко ехал на очередную встречу с «клиентом».

«Анонимку я состряпал. Теперь этот Кушнир по уши завяз, — думал он злорадно. — «Сэм», наверное, подкинет... А Георгий Георгиевич что-то не показывается... Ну да шут с ним, лишь бы бабки передавал!»

Он ни разу серьезно не думал о том, чем это когда-нибудь может кончиться. А когда на душе становилось тревожно, он всегда повторял про себя слова Георгия Георгиевича. «Если вы будете тихонечко сидеть и выполнять наши небольшие просьбы, все будет хорошо. Самое главное, не волноваться. У вас есть друзья, которые всегда о вас позаботятся!»

Игорь заметил «Сэма» издалека. Около километрового столба стоял грибник в поношенной куртке, старых брюках, резиновых сапогах и с большой корзиной на лямке. Он изредка голосовал, но, когда машины останавливались, говорил водителю что-то, и машины трогались с места, а он оставался. Игорь притормозил и, приоткрыв окошечко, спросил:

— Куда, грибничок?

— До станции, шеф. — «Сэм» подошел поближе и шепотом продолжил: — Торгуйся. Видишь, рядом «Запорожец» стоит. — И громко: — Подбрось, шеф, накину.

— Да мне в другую сторону. До станции верст пятьнадцать да обратно... А я по вызову работаю.

— Шеф, накину.

— Нет, парень, топай пешком.

— Червонец дам, ноги не ходят.

— А, черт с тобой, садись. Только копыта вытри, а то весь салон измажешь сапожищами.

«Грибничок» сел в машину, и они тронулись. Какое-то время «Сэм» напряженно вглядывался в стоявший на обочине «Запорожец». Из-под капота торчала спина в клетчатой рубашке.

Ну, давай быстро, на словах.— «Сэм» явно нервничал.

Николенко пересказал сделанное, а потом добавил:

А правильно ты говорил в тот раз. Получили в институте задание на новую секретную технологию. Кстати, наш общий друг включен в эту группу. Так и передай Георгию Георгиевичу!

«Сэм» внимательно посмотрел на шофера и произнес в раздумье:

— Гляжу я на тебя и удивляюсь. То ли так ты быстро к новой роли привык, то ли... на кого-то еще работаешь...

Руль у Игоря вильнул:

— Ты... с ума сошел! Сам же, сука, меня втравил в это дело, теперь коришь!

Шучу, шучу...— произнес «Сэм» и снова взглянул в зеркальце заднего вида. Что-то мне этот «Москвичок» не нравится. Вот уже два поворота не отстают. А ну прибавь!

«Москвич» стал быстро удаляться, и «Сэм» удовлетворенно кивнул головой. Затем он потянул носом и спросил:

— Ты что, принял уже с утра?

— Сто коньячку... для храбрости.

— А милиция?! Враз прав лишишься.

— А...— беззаботно протянул Игорь,— тут у меня все знакомые стоят, а других не бывает.

— Смотри.

Они с полчаса ехали молча. Мелькали за окнами рощи и поляны — Игорь вел машину по лесной дороге, которую знал давно и на которой никогда не было постов ГАИ. Около одного поворота «Сэм» неожиданно тронул его за рукав:

Останови, я здесь выйду...

Так ведь далеко же до станции.

Я пешком пройду.

Он вышел из машины, накиннул лямку на плечо и сделал два шага в сторону леса. Потом остановился:

Игорь, возьми на всякий случай.— Он порылся в

кармане и достал маленькую коробочку. — Последняя осталась, для себя берег. Я ведь тоже иногда под мухой за рулем бываю, — он протянул коробочку, — японская. Отбивает запах намертво.

Слышал, — обрадовался Николенко, — а вот никогда не видел. Ух ты, малюсенькая какая и пахнет, — он понюхал, как-то хорошо. Чем это?

Ванилью. Как увидишь пост, так под язык сразу. Ну пока. Встретимся, как всегда, в пятницу...

Игорь дождался, пока высокая фигура «Сэма» скроется в лесу, и, осторожно развернувшись, поехал в сторону шоссе. Через полчаса он уже подъезжал к знакомой развилке. Сбавил скорость: могли быть орудовцы. И тут же увидел «Жигули», стоявших рядом милиционеров.

«А, черт! Накаркал, проклятый», — мысленно выругался Игорь.

Он притормозил и, одной рукой достав коробочку, стряхнул в рот таблетку. Через секунду Николенко вдруг почувствовал, что ему стало трудно дышать, в глазах потемнело. Руки на баранке судорожно сжались, и машина на полном ходу врезалась в столб, несколько раз перевернулась, вылетела на встречную полосу и попала под удар отчаянно тормозившего грузовика. Салатовая «Волга» с шашечками на боку вспыхнула.

Когда к ней подскочили сотрудники милиции и шофер грузовика, спасать было уже некого.

* * *

Узнав о гибели Николенко, Владимир Иванович, ничего не сказав, уселся за стол и стал зачем-то передвигать чернильницу, подставку с календарем. Раскрыл какую-то папку и стал читать. Наконец, он поднял глаза на Кудряшова, который по-прежнему стоял около дверей, и буркнул:

Чего стоишь? В ногах правды нет...

Андрей прошел к столу и опустился в кресло.

Пока Росляков знакомился с материалами судебно-медицинской экспертизы, Андрей старательно рассматривал кончик своей сигареты.

— Упустили! — сказал вдруг Росляков и посмотрел на Кудряшова, словно он был виноват в гибели Николенко. — Нужно было самим его вести... Наверняка, Ни

коленко стал опасным для Травински и компания..

— Или стал не нужен.

— Или стал не нужен, — повторил Росляков. — Я удивляюсь одному: как мог такой опытный разведчик, как Травински, пойти на убийство агента да еще в чужой стране?

— Владимир Иванович, — Андрей встал и начал неторопливо ходить по кабинету, — а что, если они подозревали Николенко в связях с нами? Тогда убийство агента для них оправдано. Я смотрел некоторые дела Травински. В Венгрии он действовал именно таким образом.

— Помню. Мне кажется, что грибник, который подсел к Николенко, не простой попутчик или пассажир. У нас есть фотографии грибника?

Андрей молча разложил на письменном столе несколько больших фотографий.

— Да... Личность заурядная. А что коллеги из милиции говорят?

— Он у них не проходит.

— Поинтересуйся у Петрова. Вдруг этот «грибник» у них каким-то образом фигурирует...

— Хорошо, Владимир Иванович.

— А что ты думаешь насчет «Свадьбы»?

— Я подобрал кое-какие документы. — Кудряшов достал из папки несколько ксерокопий. — Посмотрите.

— Значит, — сказал полковник после раздумья, — ты хочешь провести беседу в таком ключе... Кстати, разрешение на операцию от руководства Комитета есть.

* * *

Андрей заехал за Кушником около двенадцати часов. Тот был уже готов и ждал его у подъезда общежития.

— Ну что, едем?

— Если не возражаешь, — Андрей распахнул дверцу машины, — вперед.

Дорога была пустынная, и Андрей гнал «Жигули», что называется, «на всю катушку». Валерий неожиданно для себя задремал, и Кудряшов, заметив это, выключил радиоприемник. «Пусть поспит, — подумал он, — сегодня у него трудный день. Очень трудный. Гарри предпримет попытку вербовки. Как-то Валерий себя поведет? Мальчишка, да вдобавок куча неприятностей. Хорошо еще, что с анонимкой разобрались и к нему претензий нет. Но кто же мог

ее написать? Если учесть, что пишущая машинка находилась на ремонте, кто мог на ней нашлепать это злополучное письмо? Скорее всего, «таксист». Оказалось, в мастерской у него работает закадычный приятель. Хотя тот и отрицает, но рано или поздно признается. Как быть с Ирэн? Может, воспользоваться тем, что Гарри будет занят, и выйти на нее?.. Интересно, с кем Гарри будет вести вербовку?»

Валерий проснулся, когда подъезжали к Москве. Он сладко потянулся, посмотрел в окно.

— Это же сколько я спал? Часа три?

— Около этого.

— Ничего себе... Вроде и ночью не просыпался, и не трудился, а вишь, как сморило.

— Ты сейчас куда?— Андрей внимательно всматривался в шоссе.— На завод?

— Да. А потом... к приятелю одному надо зайти, он телефон оборвал. Так что ты меня в гостинице не жди и ужинай сам. Договорились?

— Добро. Если будешь задерживаться, позвони, я тогда дверь не буду закрывать.

Валерий вышел на площади Революции. Посмотрел на часы. На завод идти было поздно, и он, помня давнее обещание передать Гарри реферат диссертации, решил ему позвонить. Телефон офиса долго не отвечал, и Валерий зашел в кафе, наскоро перекусил и стал снова накручивать диск телефона-автомата.

— Алло,— услышал он наконец голос Гарри.

— Гарри Генрихович, это Валерий.

— Здравствуй, милый друг. Ты откуда звонишь?

— Из автомата. На площади Революции. Можно мне вам реферат отдать?

— Значит, так, стой там... Сейчас за тобой подъедет один мой друг...— Гарри продиктовал номер машины.— А зовут его Сэмом. Жди.— В трубке послышались гудки отбоя.

Валерий ждал минут тридцать. Наконец около него притормозили красные «Жигули». Кушнир посмотрел на номер и подошел к водителю. За рулем со скучающим видом сидел прилизанный довольно молодой человек в темных очках. Он лениво крутил ручку настройки приемника и стряхивал пепел от сигареты в открытое окно.

— Здравствуйте. Вы за мной?— Валерий не знал, как обратиться к водителю.— Вы не от Гарри?

— Садитесь,— перебил его водитель. Машина резко тронулась с места и полетела в сторону Театрального проезда. Потом они проехали по Сретенке и дальше на проспект Мира.

— А куда мы едем?

— Туда, где вас ждут,— лениво процедил «Сэм». — Гарри не смог встретиться в офисе. У него какие-то дела в районе ВДНХ.

Валерий успокоился. Минут через тридцать «Сэм» притормозил около высокого и длинного дома в одном из переулков, что расходятся в разные стороны от проспекта Мира.

— Приехали,— коротко бросил он и, подождя, пока Кушнир выйдет из машины, нажал кнопку замка дверцы. Вышел сам и кивком пригласил Валерия следовать за собой. Поднялись на шестой этаж. «Сэм» открыл дверь:

— Встречайте гостей, Гарри Генрихович.

— Здравствуй, Валерий!— Гарри быстро подошел к нему и обнял за плечи.— Ты прекрасно выглядишь. Как твои дела? Я слышал, у тебя были неприятности?

«Откуда?» — мелькнуло у Кушнира в голове, но он ничего не сказал, только неопределенно пожал плечами.

Они прошли в другую комнату и сели за накрытый стол. Фрукты, нарезанный лимон, бутылка коньяка, сыр, зелень. Валерий незаметно огляделся. Комната обставлена просто, но чувствовалось, что человек, который здесь живет, часто бывает за границей и только недавно оттуда приехал.

Здесь живет мой большой друг и коллега,— негромко произнес Гарри, заметив, что Валерий осматривается.— Так как все-таки ваши дела, Валерий?

— Да так,— с досадой произнес Кушнир, чувствуя себя неловко в незнакомой квартире.— Я вам принес то, что обещал.— Кушнир раскрыл атташе-кейс и достал откатанный на ротаторе реферат диссертации.— Вот.

— Спасибо.— Гарри взял реферат и, не глядя, положил на край стола.— Сначала давайте немного закусим, а уж потом и поговорим — о вас, вашей дальнейшей работе и о нас, благоверных.

«Сэм» хмыкнул, продолжая все так же пристально рассматривать Кушнира. Валерий на него покосился, и снова ему стало не по себе, и он, чтобы успокоиться, глотнул из фужера. Слегка отпил и Гарри и загадочно посмотрел

на «Сэма». Тот вышел и тут же вернулся с пакетом из вощеной бумаги.

— Вот полюбопытствуйте, Валерий Борисович. Гарри протянул ему пакет и улыбнулся.— Интересные фотографии.

Кушнир взял конверт, нехотя вытащил пачку фотографий... и замер. Вот он с Ирэн в тот самый вечер, когда впервые у нее остался; вот он передает пачку долларов таксисту; вот его обнимает Гарри, а вот он с пачкой рублей в руках расписывается на листе бумаги. А вот и сам этот лист: «Получил гонорар в размере пятисот рублей...»

Внутри у Кушнира похолодело. Он уже начал понимать, зачем это все Травински, но не мог поверить.

— Ну как, Валерий, нравятся фотографии?— Голос Гарри звучал жестко и глухо.

— Гарри Генрихович, зачем это все вам? Зачем?— лепетал Валерий, отирая со лба холодный пот.

— Эти фотографии, Валерий Борисович,— Гарри взял у него из рук пачку,— означают... Вот эта, в Киеве — вы сидите и мило беседуете с офицером ЦРУ...

Валерий даже отшатнулся, побледнел еще больше: руки, державшие рюмку с коньяком, затряслись, и на скатерть упало несколько капель. Ему вдруг показалось, что в комнате повисла мертвая тишина. «Пропал»,— эта мысль била в виски Валерия.

—...Вот на этой фотографии,— как сквозь вату, донеслось до него,— вы получаете деньги за первое задание, здесь — дорогой подарок, здесь расписываетесь за свой, так сказать, гонорар, здесь — в интимной связи тоже с кадровой разведчицей ЦРУ и моим секретарем Ирэн Горд... А сейчас вы выполнили новое задание ЦРУ принесли мне реферат института физики твердого тела и за это получили уже аванс — 50 долларов, которые вы преступно продали известному валютчику... Он, по моему, уже арестован и наверняка, если я не замолвлю словечко, даст показания против вас...

Валерий умоляюще посмотрел сначала на Гарри, потом на «Сэма», хотел что-то сказать, но помертвевшие губы не шевелились.

Так вот, Валерий Борисович,— голос Травински потеплел и стал задушевым,— конечно, я вас напугал... У вас только одна дорога — сотрудничать с нами. Взрывать институт вас никто не заставит, кидать яд в котел столовой тоже. Нас интересуют некоторые тонкости, я повторяю,

некоторые тонкости ваших работ, ваши впечатления об отдельных сотрудниках общественных организаций... Ну как?

Валерий широко раскрытыми глазами смотрел на Травински, а в голове билась только одна мысль: «Попался, попался... Что делать? Что?..»

— ...В противном случае, — Травински улыбнулся, — эти документы окажутся на столе компетентных органов. Вы понимаете, о чем я говорю. И тогда... — Травински сделал выразительный жест рукой по горлу, — вас никто не спасет. Так что будем делать?

— Мне надо подумать, — пролепетал ничего не сообщавший Кушнир.

— Нет, милый дружок, сначала вы ответите мне, — Гарри жестко и властно повысил тон, — а потом пойдете думать и... работать.

— А если, — Валерий еле выдавил из себя, — а если...

— Не бойтесь, — Травински дружески потрепал по плечу, — если вы будете точно и старательно выполнять наши указания, ничего с вами не случится. Мы бережем наших помощников. Ну?

— Хорошо, Гарри Генрихович. — Кушнир опустил глаза. — Только ничего такого... секретного я вам делать не буду...

— О чем вы говорите, Валерий? — Травински возмущенно всплеснул руками. — О чем вы говорите? Совершенно пустячные вещи типа вашего реферата. Он что, секретный? Нет. Так что, по рукам?

Кушнир с усилием кивнул.

— Вот и хорошо. А сейчас некоторые формальности. — Гарри достал из кармана несколько небольших бланков. — Заполните их... Это только для бухгалтерии, не волнуйтесь, Валерий...

Кушнир дрожащей рукой быстро заполнил бланки, подписался.

— А теперь, Валерий, пройдем курс «молодого бойца». — Гарри засмеялся, довольный шуткой.

Он долго объяснял Кушниру, как пользоваться чернилами для тайнописи, как ставить тайник и предупреждающие знаки о том, что тайник «заряжен», как пользоваться микрофотоаппаратом. Достал несколько небольших листочков:

— Вот это ваше главное оружие. На этих листках вы будете писать мне сообщения. Их достоинство в том, что

при опасности они мгновенно растворяются в воде...

Неожиданно раздался звонок в дверь, потом еще. Гарри побледнел и мгновенно сунул листки в бокал с коньяком, там образовалась мутная каша. Потом он кивнул «Сэму». Тот пошел открывать. Некоторое время он с кем-то разговаривал, потом вернулся.

— Соседка приходила, — пояснил он. — Просила по телефону позвонить, а я ответил, что не работает...

— Гарри Генрихович, — Валерий встал, — а что требуется от меня?

— Для начала, — Гарри сделал вид, что задумался, — информация о последних работах института по физике твердого тела. Хотя бы в общих чертах...

— Но это же... — Кушнир вскочил. — Это же... много страниц.

— Вы переснимете на микроплёнку, а кассету заложите. — Гарри достал из портфеля половинку кирпича, раскрыл ее. — Теперь договоримся, где вы положите «кирпичик». Вы часто бываете в Москве?

— Нет, только в командировках.

— Тогда на шоссе, которое ведет в Москву, скажем у столба со знаком «47 километр»... Перед этим позвоните по телефону. — Он написал на листке телефон. — Запомнили. Отлично. — Гарри достал спичку и сжег лист. — Скажете: «Семен, доехал благополучно». Это будет знаком. В этот же день «кирпичик» возьмут. Там же и в таком же контейнере будете получать наши просьбы.

Валерий вышел на улицу. Ему вдруг показалось, что стало холодно, промозгло, хотя светило солнце, а некоторые прохожие даже сняли пиджаки и шли в одних рубашках...

«Но почему Ирэн заодно с ними? — думал Валерий, бредя по улице. — Почему? Неужели Гарри не соврал и она тоже! Боже мой!» На минуту ему показалось, что снится какой-то дикий короткий сон, и в то же время в глубине души он понимал, что это была и была страшная.

В гостиницу Кушнир пришел засветло, но Андрея не было, и тогда Валерий, не раздеваясь, бросился на кровать и долго лежал, с содроганием вспоминая события последних часов.

Андрей вернулся около часа ночи. Зажег бра над своей кроватью и окликнул:

— Валерий, ты спишь? Спит...

Не спеша разделся, достал из ящика стола батон и бу-

тылку кефира. Ел, то и дело посматривая на спящего Кушнира, строя догадки, как же прошла его встреча с Травински. А так как Валерий спал беспокойно, дергаясь и вскрикивая во сне, Андрей понял, что встреча состоялась и прошла, очевидно, очень тяжело. Ему от души стало жаль парня. Он прикрыл съжившегося Кушнира своим одеялом, а сам лег на кровать, закурил и стал вспоминать свою встречу с Ирэн.

12

Он позвонил Ирэн сразу же после приезда.

— Алло,— послышался мягкий голос.

— Мисс Ирэн?— спросил Андрей и, услышав ответ, продолжил:— С вами говорит Андрей, товарищ Валерия,— помните, мы с вами еще мороженое ели в кафе?

— О, конечно, Андрей. А что случилось?— Голос Ирэн дрогнул.— Что-то с Валерием?

— Нет, нет, все в порядке, просто мне Валерий поручил передать вам букет цветов, что я и хочу сделать с превеликим удовольствием.

О... спасибо!— Чувствовалось, что Ирэн радостно улыбнулась.

— У меня мало времени, а я на машине. Скажите, куда привезти.

Ирэн несколько помялась, потом назвала адрес. Андрей вел машину не торопясь, обдумывая схему предстоящего разговора. И, хотя все было продумано, проверено и перепроверено, он мысленно представлял себе Ирэн и то, как она должна вести себя и как реагировать.

Около дома на Ленинском проспекте он затормозил, взял с заднего сиденья огромный букет роз. Дверь открыла Ирэн быстро. На ней было зеленое платье, на правой руке серебряный браслет с бирюзой.

— Проходите, Андре, пожалуйста... О, какой букет!— восхищенно всплеснула она руками.— Какой милый мой Валери!

Кудряшов присел в кресло, оглядел квартиру, отметив про себя, что все здесь было в идеальном порядке и сверкало чистотой. Ирэн принесла кофе.

— Как там Валери?— неожиданно тихо и смущенно спросила Ирэн и виновато улыбнулась, словно стеснялась задавать этот вопрос.

— Нормально, но сейчас у него очень напряженные дни.

Андрей внимательно посмотрел на Ирэн, и ей вдруг показалось, что Андрей все знает. Чашка в руках ее дрогнула.

— Андрей, — начала Ирэн, — это правда, что у Валерия были какие-то неприятности?

— Были. Но прошли, а сейчас начались новые...

— Какие?

— Он мне не говорит.

Ирэн поежилась, вновь бросила быстрый взгляд на Андрея. Достала сигарету, прикурила и вдруг решительно заявила:

— Андрей, вы друг Валери?

— Да, — коротко ответил Андрей, настораживаясь.

— Я хочу, чтобы вы сказали ему... нет, запретили ему... нет, подсказали ему, чтобы он больше не встречался с Травински и вообще уехал куда-нибудь на время из академгородка.

Этого Кудряшов не ожидал. Такое начало не укладывалось в вариант беседы, построенный Андреем.

— Ирэн, я вас не понимаю. Валерия и вашего шефа связывают какие-то деловые отношения, и мне лезть в них... ну, прямо скажем, неловко... И потом, мне непонятно, чем это вызвано с вашей стороны.

— Я не могу вам сказать, но очень прошу подсказать ему мою просьбу. Я с ним говорила, но Валери и слушать не хочет... А Травински — страшный человек, Андрей! — выпалила она и нервно затянулась сигаретой. — Страшный... Он может принести Валерию такую беду, что вы даже не можете себе представить!

— Ирэн, вы любите Валерию? — просто спросил Андрей.

— Да. Не знаю, как это получилось, — она жалобно улыбнулась, — не знаю... Может быть, потому, что я сама русская по рождению, может, потому, что у меня никого родных... Я одна, как перст божий, может, поэтому я привязалась к Валерию... Но поверьте, Андрей, это серьезно.

Андрей слушал молча, а сам сосредоточенно думал: «Что это — тонкая игра или действительно взрыв? Если игра, то зачем Ирэн предупреждать Валерию, чтобы он не встречался с Травински? Нелогично... Может, она — двойник? И работает еще на какую-то другую разведку и хочет «взять» Кушнера сама? Но вряд ли... ЦРУ проверяет своих сотрудников перед выездом в «точку» очень

серьезно, и наверняка Ирэн была под наблюдением не один месяц... Тогда что? Любовь? Страх за любимого человека, боязнь принести ему горе? Но ведь точно известно, что Ирэн как огня боится Травински, а тем более Донована».

Андрей не заметил, что Ирэн замолчала и, жадно затягиваясь, курит. Закурил и он, бережно стряхивая пепел в тяжелую пепельницу цветного стекла.

«Нет, это не игра,— думал Кудряшов, глядя на взволнованное лицо девушки.— Так не сыграешь!»

— А вы знаете, Ирэн, что ваш отец перед смертью подал прошение в Генконсульство СССР с просьбой разрешить ему вернуться на Родину?

— Нет,— Ирэн растерянно посмотрела на Кудряшова,— мне никто об этом не говорил... Не может быть! Мой отец, по рассказам Григоренко, был царский офицер, белоэмигрант... Нет, этого быть не может!

— Может, Ирэн. Ваш отец, в первую очередь, был русский, русский человек с большой буквы. Он еще в июне 1941 года хотел уехать на Родину, чтобы воевать с фашистами. Но Советское представительство посчитало более нужным, чтобы он остался в Америке и выступал с лекциями — рассказывал о том, как и за что сражаются советские люди. Ваш отец был самым активным членом общества «Победа». После смерти вашей мамы в 1953 году он подал прошение, а через несколько месяцев стал гражданином Советского Союза.

Ирэн слушала с широко раскрытыми глазами, веря и не веря словам Андрея.

— Вот документы.— Андрей достал из кейса несколько листов бумаги.— Вот его ходатайство о предоставлении советского гражданства, вот постановление Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении советского гражданства Гордееву Ивану Николаевичу и его дочери, трехлетней Ирине Ивановне Гордеевой...

Руки у Ирэн задрожали, она читала и никак не могла вникнуть в прыгающие строчки.

Андрей молчал. Он догадывался, что творится у нее в душе, но не мог не продолжать этот разговор. Ирэн должна узнать самое главное.

— Вам рассказывали о том, как погиб ваш отец?

— Да... Мне сказали, что он погиб в автомобильной катастрофе, а что?— растерянно спросила Ирэн.

— Катастрофа была подстроена.— Андрей протянул

ей тонкую папку.— Вот подлинные документы следователя ФБР, проводившего расследование.

Ирэн открыла папку. Первые страницы она буквально пролистала, потом стала вчитываться и вдруг подняла глаза на Андрея:

— Кто вы, почему я должна вам верить?

— Ирэн, я человек, который искренне хочет помочь и вам, и Валерию. Верьте мне...

— Откуда у вас эти документы?— с подозрением спросила Ирэн.— А вдруг это подделка?

— Ирэн, вы хорошо знакомы с делопроизводством ЦРУ и ФБР. Посмотрите внимательно на них — это ксерокопии. Посмотрите...

«Нет, это не подделка.— Ирэн внимательно просмотрела несколько страниц.— Тогда... это правда... Бог мой, какие подлецы!»

— Дальше читайте, Ирэн,— попросил Кудряшов.

Дальше шли протоколы допросов Генриха Травинского, одного из главных участников убийства.

— Этого не может быть!— воскликнула Ирэн.— Не может быть!

— Может, Ирэн. Так оно и было. Кстати, следователя ФБР, который вел дело, потом отстранили от расследования, а дело прикрыли... Следователь подал в отставку, уехал в Лондон и там выпустил книгу, вызвавшую колоссальный шум, книгу, в которой рассказывается о подрывной и террористической деятельности определенной части белой эмиграции и о том, как спецслужбы США поддерживают их. Вот эта книга. Очень редкий экземпляр, потому что почти весь тираж был уничтожен, а издатель оштрафован на крупную сумму.— Андрей протянул Ирэн небольшую книгу в мягком переплете.— Там, кстати, есть несколько глав, посвященных убийству вашего отца...

Ирэн машинально взяла книгу и стала листать. Неожиданно перед ее глазами мелькнула фамилия — Джон Горд... И тут она поняла, что Андрей не обманывает ее, что все так и было, и она вспомнила рассказы о том, как уничтожались бывшие сотрудники ЦРУ, которые встали на путь разоблачения деятельности «компаний». Она тогда не поверила. Вдруг ей вспомнился «старикашка» Донован с его улыбкой и злыми, словно прицеливающимися глазами, и Ирэн поежилась. Донован да и Травински не останутся ни перед чем — это она знала наверняка.

— Вот так, Ирэн,— тихо произнес Андрей. А вы... вы встали в один ряд с убийцами вашего отца, вы, советская гражданка Ирина Гордеева...

— Но я же ничего не знала!— с мольбой подняла глаза на Андрея Ирэн.— Ничего! Если бы я знала, я бы...

— Вы бы не прожили на этом свете и двух часов,— хладнокровно заметил Кудряшов.— «Компания» не стала бы церемониться.

— Да... Бог мой! Я же сама толкнула Валери на...— Она замолчала и тут же закончила:— На предательство! Что я наделала! Он мне не простит...— И она разрыдалась.

Кудряшов молчал и думал об Ирэн, о ее перепутанной жизни, о Валерии, который сейчас наверняка чувствует себя не лучше ее.

— Скажите, Андрей, а где Валерий?— Девушка встревоженно посмотрела на Кудряшова.— Что с ним?

— Ему очень плохо, Ирэн.

— Я могу чем-нибудь помочь? Только скажите...

— Можете, Ирэн. И не только Валерию, а и своей Родине. Вы же русский человек, гражданин Советского Союза.

Ирэн встала и подошла к окну. Вечерело. В доме напротив зажглись первые огни. Далеко внизу пробегали красные огоньки автомашин. Она распахнула форточку, и в комнату ворвался ветерок. Ирэн подставила под струю ветра лицо и долго так стояла, словно никак не могла надышаться московским воздухом. Неожиданно она повернулась и тихо спросила:

— Что я должна делать, Андре?

* * *

Травински вызвал «Сэма» из дома вечером. Усевшись рядом с ним в машине, Травински долго молчал, посасывая сигарету и лениво выпуская дым в ветровое стекло. Так они выехали на Садовое кольцо и не спеша двинулись по свободной полосе в сторону Павелецкого вокзала. «Сэм» тоже молчал, понимая, что шеф о чем-то размышляет.

— Как тебе понравился «аспирант»? — пробурчал Травински, не вынимая сигареты.

— Червяк...— «Сэму» было приятно, что кто-то попался на удочку Травински, как он в свое время в Швейцарии.— Небось до сих пор поджилки трясутся...

— Ну, ну,— добродушно хмыкнул Гарри,— а у самого не трясутся?

— Гарри.— «Сэм» слегка притормозил,— я прошу вас на эту тему не разговаривать. Я из политических соображений с вами сотрудничаю.

— Не лгите, Семен!— жестко процедил Травински, вглядываясь в зеркало заднего вида.— Не лгите... Вы хипуга и... убийца. Думаете, я не знаю, на сколько вы обманули блаженной памяти «таксиста»? А, Сэм... Что же вы молчите?

«Сэм» нагнулся к рулю, словно вглядываясь в дорогу. Что греха таить, он нажился на «таксисте» прилично. Мало того, что на каждой валютной операции обирал его как липку, так еще регулярно недодавал тому деньги, которые передавал Гарри. Травински бросил взгляд на побледневшее лицо «сотрудника» и ухмыльнулся:

— Ладно, ладно, не обижайся... У меня просьба к вам, Сэм: съездите в академгородок и со стороны понаблюдайте за «аспирантом». С кем встречается, разговаривает, кто у него дома бывает. Осторожно, естественно, так, чтобы он вас не заметил. Если все нормально, позвоните мне и скажите такой текст: «Дядя Вася, с тетей Галей все нормально. Начала вставать с постели». Ну как?

— А работа?— «Сэм» приподнял брови.— Как я с работы отпрошусь?

— Возьмите бюллетень... Вот,— Гарри протянул «Сэму» коробочку.— Утром вызовите врача и выпейте одну. Резко повысится давление...

— А это не...— «Сэм» со страхом смотрел на коробочку.— Не та самая?..

— Ха-ха-ха,— весело рассмеялся Травински,— да вы еще и трус вдобавок! Полный комплект: вор, убийца, пьяница и трус!

— Гарри Генрихович,— губы «Сэма» тряслись, я действительно прошу вас... Иначе...

— Ладно, пошутил. Значит, договорились. Жду звонка в пятницу.

— Хорошо,— хмуро произнес «Сэм» и вдруг быстро посмотрел на Травински.— Гарри, можно вам задать вопрос?

— Попробуйте.

— Гарри, зачем вам, собственно, нужна эта технология?— «Сэм» невозмутимо вел машину, и только по его тону можно было догадаться, с какой внутренней

злостью он его задает. — Вы же всему миру твердите, что Америка — самая передовая, самая мощная, самая, самая... А тут вдруг какую-то технологию изготовления сверхчистых материалов крадете... Как объяснить? Или Америка тем и сильна, что крадет все, что возможно и где возможно?

Травински не ожидал такого от «Сэма» и понимал, что вопрос вызван оскорбленным самолюбием.

«Ублюдок! — Кровь бросилась в голову Гарри. — Подонок!.. По уши в грязи, а еще иронизирует...»

— Сэм, у тебя все в порядке с головой? — Гарри постучал пальцем по лбу. — Ты, вообще, представляешь, кто ты такой есть?

— Я представляю, а вы, Гарри? Я привык работать с Юджином, с ним по крайней мере просто: сделал — получил. И ничем он не попрекает, только платит. А вы, Гарри, в такое благородное начало играете... Кто вы такой? Да такой же, как я, — предатель! Ваш папаша вешал коммунистов в семнадцатом, вы сейчас пытаетесь.

— Заткнись! — с угрозой прошипел Травински и, положив руку на баранку, неожиданно резко ее крутанул. Машина вильнула в сторону встречной полосы. «Сэм» побелел и, еле шевеля губами, прошептал:

— Ты... Вы... что?

— Еще раз услышу, сволочь, — костей не соберут!

Травински вышел на следующем перекрестке и, пождав, пока машина скроется из вида, быстро зашагал в сторону Садового кольца.

* * *

Кушнир встал в воскресенье рано. Вытащил на середине комнаты велосипед и внимательно его осмотрел. Валерий и прежде любил прокатиться или, как он говорил, накинуть двадцатку вокруг академгородка. Он подкачал шины, проверил тормоза. Одел на пояс сумку, которую лыжники называют «бананом», и быстро спустился вниз.

Утро было тихое, свежее. Солнце только показалось над кронами тополей. Шоссе словно дымилось — это быстро испарялась утренняя роса. Сильно пахло цветами, зеленью и свежей землей. Валерий немного постоял, поправил сумку и потихонечку поехал к шоссе, на ходу застегивая туфлехсы. Постепенно он забыл о своих невеселых думах и стал набирать скорость. Мелькнули окраина

городка, небольшой мост над речкой, полуразрушенная церквушка. Наконец Валерий свернул на шоссе, которое вело к Москве. Через час он стал притормаживать, вглядываясь в километровые столбы, а еще через несколько мгновений остановился и слез с велосипеда.

«47 километр», — машинально отметил он. Валерий подвел велосипед ближе к столбику, положил его на землю и сел. Осмотрелся. Пустынно. Он расстегнул «банан», вытащил оттуда «кирпич» и, еще раз оглядевшись, осторожно положил его в условленное место, чуть припорошив землей. Какое-то время сидел, курил. Потом встал и быстро покатыл в сторону академгородка.

— Алло! — Голос Кушнира дрожал, и он, поежившись, словно от холода, быстро выглянул из телефонной будки. — Алло... Семен, доехал благополучно...

— Хорошо. — Валерий сразу узнал голос Травински, но промолчал. — Вам, Василий, пришло извещение на посылку... Так что около семи вечера можете ее забрать.

Раздались короткие гудки, и Валерий опустил трубку на рычаг. Он понял Гарри: сегодня снова надо будет ехать на 47-й километр и забрать «посылку». Валерий хотел спросить об Ирэн. Больше двух недель он пытался ей дозвониться, но трубку никто не поднимал. Валерий не находил себе места, пытаясь понять, что там случилось. Мысль о том, что это именно Ирэн затащила его в лапы Травински, давно куда-то отошла, осталась только сама Ирэн, нежная, заботливая. Валерий вдруг вспомнил последние встречи с ней. Он отчетливо помнил ее слова: «Не встречайся с Гарри... Уезжай отсюда куда-нибудь, Валери... Прошу тебя, уезжай...» Голос Ирэн настолько отчетливо звучал в ушах Кушнира, что Валерий зажмурился. Потряс головой, словно хотел отбросить навязчивое видение, нервно закурил и, подхватив велосипед под раму, быстро поднялся к себе в комнату.

Кушнир принял душ, зажарил яичницу с колбасой, но есть не хотелось. Он ковырял вилкой в сковородке, а сам мысленно подходил к дому на Ленинском проспекте.

Зазвонил телефон. Валерий схватил трубку.

— Здравствуй, милый, — чуть слышно проговорил знакомый до боли голос. — Это я...

— Ирэн! — Кушнир в волнении перехватил трубку левой рукой. — Ирэн, где ты?.. Что с тобой?

— Валери, я люблю тебя...— Голос дрогнул, и Валерий живо представил Ирэн, сжимавшую трубку и глотающую слезы.

— И я тебе люблю,— прокричал он.— Ты слышишь, Ирэн, люблю!

— Ты не сердишься на меня? Я не виновата, Валери. Не виновата...

— Знаю,— вырвалось у Кушнира.— Я не сержусь. Я хочу сказать тебе, Ирэн: оставайся в Москве... Навсегда... Ты меня понимаешь? Навсегда...

— Это невозможно... пока... Потом может быть, но сейчас не могу. Не сердись, Валери... Позже ты все поймешь. До свидания, милый...

— Ирэн, Ирэн!— кричал в трубку Валерий, не думая о том, что его наверняка слышит все общежитие.— Ирэн, Ирэн...— Но трубка отвечала короткими гудками.

«Может, взять пару отгулов и махнуть в Москву?— думал Кушнир, рассматривая календарь.— На понедельник и вторник, а уехать в пятницу. Четыре дня получится... Но почему у нее все эти дни телефон не отвечал? Может, она на другую квартиру переехала?.. А возможно, Травински тут замешан? Нет... надо подождать, Ирэн должна еще раз позвонить...»

Все эти дни Валерию не хватало Ирэн — он это знал теперь наверное. Если в начале знакомства он относился к ней просто как к красивой женщине и не больше, то вскоре Ирэн стала ему по-настоящему дорога. Он хотел постоянно видеть ее, ощущать рядом с собой. Кушнир никогда еще не испытывал такого чувства, и оно его обрадовало. Он даже матери написал, что познакомился с изумительной девушкой. Мать ответила, что очень рада, и пригласила на лето сына с «невестой» приехать погостить...

* * *

— Правы вы были, Владимир Иванович,— Кудряшов положил на стол несколько фотографий.— «Сэм» почти неделю на «хвосте» у Кушнира сидел. Снял комнату напротив общежития в частном доме и буквально встречал и провожал...

— Кушнир заложил тайник?

— Да, вчера в девять шестнадцать...

— Когда выемка произошла?

— Удивительно, но факт: в этот же день... Как и предполагалось, тайник изъят «Сэм». Он был на своей машине и тут же уехал в Москву. Очевидно, у них с Травински постоянная связь.

— Ответ был?

— Около восемнадцати пятнадцати все тот же «Сэм» остановился около отметки «47 километр» и с полчаса менял правое переднее колесо на запаску.

— Что было в тайнике?

— Настойчивое «желание» увидеть предварительные расчеты новой технологии...

— О! Видно, «журналиста» начали поторапливать из «компании»... Это странно... Непроверенного агента заставляют рисковать. Непохоже на Центральное разведывательное управление... А может, это инициатива Травински?— Росляков задумчиво посмотрел на Кудряшова.— Может, выслужиться хочет? Отношение к нему в его руководстве, прямо скажем, прохладное... Особенно после того, как он выслал своего бывшего секретаря.

— Маргарэт Уайдер?

— Вот именно... Мы тогда еще голову ломали, с чем это связано?

И с чем же?

Думаю, что Уайдер стала слишком самостоятельной, и Гарри забеспокоился. А возможно, узнал от Donovan, что в Ленгли стала появляться нежелательная информация о его работе. Поэтому она уехала, а на ее место прилетела Ирэн.

Кудряшов осторожно посмотрел на часы.

— Что, на свидание торопишься?— Росляков добродушно ухмыльнулся.

— Нет. Сейчас должны позвонить и сообщить, когда изъят тайник Кушнир.

— Так... Задание Травински серьезное. Андрей, готовь план операции и после обеда — ко мне.

Есть. Разрешите идти...

— Давай, боец.

* * *

Юджин Макдональд сидел за столом в своем кабинете и просматривал какие-то бумаги, когда секретарь доложил о том, что Травински просит принять его.

— Пусть подождет,— буркнул он.

Макдональд хотел показать, что очень занят, и... настроиться на нужный лад. Новое руководство «компаний» не очень-то приветствовало старое поколение разведчиков, упрекая их в ненужной щепетильности и осторожности. Макдональд это понял сразу при первой встрече с директором «компаний» перед отъездом в Москву. Разговор был длинный, но деловой.

Директор только что вступил на свой пост и, естественно, хотел зарекомендовать себя перед президентом с лучшей стороны. Макдональд знал, что директор сыграл огромную роль в предвыборной кампании, что президент безоговорочно доверяет ему и надеется на него.

Назначение в Москву для Юджина было, кроме всего другого, лестно потому, что он был деловым человеком и считал, что чем труднее задача, стоящая перед тобой, тем выше оценивается ее выполнение, особенно если выполнена она на «сто долларов».

— Проси,— наконец сказал Макдональд секретарю.

— Добрый день, мистер Макдональд.— Гарри остановился в дверях.

— Травински!.. Хэлло! Проходите, Гарри, садитесь... С чем пожаловали?

— «Аспирант» снял тайник и в скором времени, очевидно, сделает работу.

— О'кэй...

— Я бы хотел поговорить об операции прикрытия, шеф.

— Кто пойдет на изъятие тайника? — Юджин подвинул Травински коробку сигар и зажигалку.

— Мне кажется, что следует послать «Сэма». Он уже проводил подобную операцию, знает особенности местности и не вызовет подозрения ни у кого...

«Ага! — злорадно подумал Макдональд, но вида не показал. — Испугался... Хочешь подставить «Сэма». На всякий случай, как говорят русские! Нет уж, Гарри, такой фокус у тебя не пройдет! Я на своем веку и не таких видел...»

— Что ж, Гарри, вам, конечно, виднее, но я бы не советовал этого делать. «Сэм» и так много поработал на вас, нужно дать отдохнуть человеку. Вы, Гарри, слишком долго сидели в Москве без дела, так что, мне кажется, — Юджин улыбнулся и поднес зажигалку к сигаре Травински, — в этот раз поработать придется именно вам.

— Но, мистер Макдональд, по всем правилам...

— Это приказ, мистер Травински.— Юджин встал, поправил галстук.— Желаю удачи...

* * *

План операции обсуждали долго. Надо было продумать все до мельчайших деталей, и Росляков, невероятно уставший за эти дни, снова и снова заставлял сотрудников с часами в руках повторять свои действия, неожиданно вводил осложнения и, наконец, удовлетворившись, тяжело опустился на стул.

Андрей смотрел на полковника и думал: смогут ли они вывести из-под подозрения Ирэн. А это было необходимо. И поэтому Андрей еще и еще раз мысленно проигрывал заключительную стадию операции.

В кабинете стояла непривычная, режущая слух тишина. Росляков встал, подошел к своему столу, молча убрал в сейф документы и, обернувшись, добродушно бросил:

— Что задумались, бойцы? Уморил вас старик? Молчите, значит, уморил...

По комнате прошло легкое движение, словно спала скованность. Кто-то вполголоса заговорил, кто-то снова подошел к карте Московской области, еще раз всматриваясь в место проведения операции.

— Ну так, ребята,— полковник глянул на стенные часы,— по домам. С утра — готовность номер один. Андрей Петрович, ты до утра дежуришь. Я, как всегда, дома. Все!

13

Травински, несмотря на неприятный разговор с Макдональдом, с утра не покидало великолепное настроение. Он поднялся рано, полчаса полежал в кровати, с удовольствием разглядывая лепной потолок спальни, залитой солнечным светом. Потом долго делал гимнастику, тщательно брился.

Надев тренировочный костюм, он спустился на улицу и не спеша побежал по знакомому маршруту, то и дело здороваясь кивком головы с такими же любителями утреннего бега. Вернувшись, Гарри принял душ и сел завтракать.

Он ел не спеша, поглядывал на большие напольные часы, стоявшие напротив, и мысленно представлял себе,

как по утреннему шоссе движется «аспирант» к 47-му километру. Травински настолько хорошо изучил маршрут, что мог представить себе путь Кушнера вплоть до куста или камня на обочине.

Он ждал звонка. Ровно в десять тридцать позвонил «Сэм» и сказал условленную фразу. Гарри посмотрел на часы. Потом позвонил Ирэн и, услышав ее голос, произнес:

— Ирэн, доброе утро. Как спалось? Прекрасно... Сегодня у нас праздничный и очень сложный день, мисс Горд. Да... Сегодня у нас прогулка за город. Через полчаса буду у вашего дома...

Травински решил ехать на своей машине. В «тойоте» он чувствовал себя почему-то спокойней, хотя понимал, что за ней наблюдать гораздо проще, чем за обыкновенными «Жигулями» с московским номером.

День выдался прохладный, но солнечный. Была суббота, и поток машин на подмосковных шоссе вырос, по крайней мере, в пять раз. На это тоже рассчитывал Травински, запланировав выемку тайника на сегодня.

Ирэн ждала его около подъезда. Травински издали увидел ее стройную фигурку и невольно залюбовался. В светло-серых вельветовых джинсах, такой же куртке, с сумкой через плечо, она казалась обыкновенной московской девчонкой, что пришла на свидание и с нетерпением поглядывает на часы.

— Мисс Ирэн, — Травински галантно распахнул дверцу машины, — вы очаровательны, мисс Ирэн...

— О, шеф, а вы, как всегда, истинный джентльмен. — Ирэн улыбнулась и протянула ему сумку. — Я взяла на всякий случай небольшой завтрак. Дорога дальняя, мистер Травински...

— До-ро-га даль-ня-я, — пророкотал Гарри приятным баритоном, — казен-ный до-ом... Так, кажется, поют парижские отпрыски белоэмигрантов, мисс Ирэн?

— Я их не люблю. — Ирэн поморщилась. — Много претензий и мало действий...

— В вас, милочка, начал говорить «профи», — захохотал Травински.

— Куда мы едем, шеф? — поинтересовалась Ирэн.

— Сначала в Архангельское, а потом... потом просто прокатимся...

Травински включил магнитофон, и они ехали, молча слушая «АББУ».

«Тойоту» то и дело обгоняли шустрые «Москвичи» и «Жигули». Однажды ее обошел даже старый «Запорожец», но Гарри только усмехнулся. Спешить было некуда. Травински хотел провести операцию в те часы, когда поток автомобилей хлынет обратно, в Москву.

Травински и Ирэн долго ходили по Архангельскому. Потом посмотрели выставку зарубежного фарфора и вышли на берег Москвы-реки.

Внизу раскинулись уже убранные поля. Янтарем горели клены. Было тихо и немного грустно. У Ирэн глаза вдруг наполнились слезами, она повернула обратно. Гарри же продолжал молча стоять, думая отнюдь не о красоте природы.

Если в снятом контейнере из тайника сегодня окажется тот материал, что нужен «компании», это будет грандиозный успех. Гарри всегда был против использования агента на серьезной операции, не испытыв его на «мелочевке». Сказывались опыт и врожденная осторожность. Но «компания» настаивала. Травински понимал, что не все так просто. Шефы подгоняют его и идут на риск, потому что в свою очередь на них жмут те, для кого слово промышленных магнатов — закон. И еще понимал Травински, что ради достижения своей цели они пойдут на гибель агента, не произнеся и слова, да и его, Гарри, не пожалуют.

* * *

В кабинете подполковника Петрова на площади Дзержинского то и дело включался селектор. Геннадий Михайлович стоял у карты Подмосковья.

Он только что вернулся от генерала, который настойчиво спрашивал, уверен ли он в том, что именно сегодня Травински будет проводить операцию по изъятию тайника. Пока на это было не похоже. Травински совершенно открыто выехал на Ленинградское шоссе, в Архангельском долго бродил вместе с Ирэн по музею-усадьбе, сейчас они обедают в ресторане.

Дело было еще и в том, что одновременно из американского посольства вышло несколько машин, в том числе автомобиль второго секретаря, которые направились в разные стороны, две из них — в сторону Троице-Сергиевой лавры. Потом стали поступать сведения и вовсе неожиданные. Атташе по культуре остановился в ста метрах от

столбика «47 километр» и долго копался в моторе, затем, проехав вперед, притормозил у него, и тут же машина резко набрала скорость, а через пять километров повернула в Москву.

Петров подошел к столику с телефонами и набрал номер Рослякова.

— Здравствуйте, Владимир Иванович!

— Приветствую, Геннадий Михайлович!

— Владимир Иванович, как ведет себя Кушнир? За ним нет наблюдения?

— Как утром приехал в общежитие, так до сих пор не выходил.

— Нет ли за ним наблюдения со стороны «журналиста»? Что-то мне не нравится, как разворачиваются события...

— Пока мне тоже не нравится.— Росляков помолчал, и Петров понял, что тот закуривает.— Мои люди уже сутки в работе.

— Мои тоже, Владимир Иванович. Вам докладывали о машине дипломата?

— Да... Думаю, что это началась операция прикрытия на случай обнаружения тайника. Мы сфотографировали физиономию этого «дипломата», когда он проезжал мимо столбика. Росляков усмехнулся.— У него шея так вытянулась, пока он его рассматривал, что я думал, оторвется...

— Мне кажется,— сказал, помолчав, Петров,— что это не конец. Машина второго секретаря посольства сейчас движется к Москве по параллельному шоссе. На всякий случай приготовьтесь.

— Само собой... А где «журналист»?

— Пока обедает в ресторане Архангельского...

— Ждет, поди, шельмец, обратного потока машин в Москву,— не то вопросительно, не то утвердительно произнес Росляков.— Нет, не доверит он никому... и недаром с Ирэн выехал, очевидно, использует ее как прикрытия.

Петров положил трубку на рычаг и снова подошел к карте. Конечно, он понимал, что Гарри Травински не допустит к тайнику никого. Всего скорее, прав старый его друг и товарищ Росляков. Идет операция прикрытия и оперативной разведки. Интереснее всего, что еще за неделю до этого американские дипломаты прямо-таки разъездили по Подмоскovie. Часто останавливались и

подолгу стояли в разных точках. Однажды даже устроили что-то вроде пикника на ближайшей стоянке. Петров хорошо знал ее. Это была даже не стоянка, а место отдыха водителей с несколькими грибками, столиками, в отдалении — мангал для приготовления шашлыков. Обычно стоянка пустовала, а тут какое-то паломничество...

Травински и Ирэн обедали не спеша. Вообще-то Ирэн есть не хотелось, но, зная своего шефа, против его предложения зайти в ресторан не стала возражать.

Травински посмотрел на часы — полтретьего. До намеченного срока оставалось полтора часа. Попросив извинения, он вышел и из телефона-автомата позвонил дежурному по посольству.

— Говорит Травински, — представился он. — Послушай, Том, там для меня никаких сообщений нет?

— Особых нет. — Голос звучал хрипловато, с еле заметным презрением. — Звонил атташе по культуре и спрашивал вас... но там ничего срочного нет.

— Что он сказал?

— Сказал, что лавра открыта и сегодня вы можете ее посетить...

— Больше никто не звонил?

— Я только что заступил на дежурство...

— Так посмотрите в журнале, — раздраженно бросил Травински и стал ждать...

— В журнале нет ничего, мистер Травински, — слышался голос дежурного, — но вас, оказывается, спрашивала супруга второго секретаря посольства. Она сказала, что вы обещали отвезти ее в какой-то магазин антиквариата, который сегодня открылся в Москве.

— Передай миссис Хант, что направляюсь туда, а потом заеду в посольство и расскажу, что там есть... Гуд бай!

Травински не смог сдержать улыбку: еще бы! Тайник заложен, и ничего подозрительного вокруг не обнаружено...

Гарри сел в кресло в холле и, делая вид, что просматривает газеты, внимательно оглядел через окно стоянку автомобилей. Все спокойно...

Гарри притушил окурок в большой глиняной пепельнице, снова скользнул взглядом по автомобильной стоян-

ке, что была видна в огромное окно, и, довольно хмыкнув, стал не спеша подниматься на второй этаж.

— «Объект» выехал на Волоколамское шоссе и направляется в Москву... — Холодный голос из селектора вывел Петрова из задумчивости. И сразу же раздался резкий звонок внутреннего телефона.

— Как это объяснить? — Голос генерала звучал так, словно это Петров едет к Москве, не сняв положенного тайника.

— Непонятно... — Геннадий Михайлович пожал плечами. — Но могу сказать одно, товарищ генерал, суэта дипломатов — неспроста.

— Это я понимаю... Людей достаточно, Геннадий Михайлович?

— Вполне...

— Кто возглавляет группу захвата?

— Полковник Росляков и капитан Кудряшов.

— Удачи. Я у себя, если что...

Красный огонек, словно заколдованный, медленно тянулся к Окружной дороге, пересек ее и стал двигаться в сторону Ленинградского шоссе.

— Что он задумал? — спросил сам себя Петров и посмотрел на селектор, как будто тот мог ответить.

Неожиданно подполковник услышал по селектору:

— «Объект» остановился возле телефонного аппарата вблизи ресторана «Загородный»...

Геннадий Михайлович сел за стол и нажал клавишу на белом пульте:

— Пятый... Пятый... Где вы находитесь?

— Есть пятый... Нахожусь возле дома «объекта» номер два... «Объект» из дома не выходил...

«Сэм» дома... Уйти от бригады не мог...

— Первый... Вас вызывает второй... «Объект» поговорил по телефону и начинает движение в обратную сторону...

«Началось», — подумал Петров.

— Товарищ генерал, Травински движется в обратном направлении.

— Хорошо, Геннадий Михайлович. Дайте сигнал готовности по линии.

— Третий... Вас вызывает первый... «Объект» движется в нашем направлении... Будьте внимательны...

— Первый... Вас вызывает второй... «Объект» движется по Волоколамскому шоссе, в сторону Архангельского...

Петров снова встал. Подошел к окну и посмотрел на площадь, что раскинулась далеко внизу. Там сновали автомашины, толпился народ около «Детского мира». И вдруг Геннадий Михайлович почувствовал почти физическую тяжесть той ответственности, что лежала на нем и его коллегам. «Да, охотнику всегда сложнее, чем зверю,— невольно подумал он, вспомнив выражение Рослякова, и усмехнулся.— Прав старый чекист... То, что Травински продумывал и планировал, перепроверял, нам нужно разгадать с ходу... Как бы он ни петлял, но, как тот заяц, по следу которого мчится гончая, он должен сделать круг и выйти на охотника...»

— Владимир Иванович,— Петров держал трубку телефона, а сам смотрел на карту,— «журналист» снова движется в сторону Архангельского... Учтите, что оттуда он пойдет прямо на вас... По всей видимости, проедет по проселку, выскочит на шоссе в районе пятьдесят второго километра...

— Понял. Гена, как только он свернет на проселок, прикажи снять наблюдение. Иначе он догадается...

— Хорошо, Владимир Иванович.

— Второй... говорит первый... Как только «объект» свернет на проселок, снимайте наблюдение... на выходе его возьмет другая бригада... Все свободны...

Петров наклонился к селектору, словно от этого зависело, услышат его или не услышат, и спокойно произнес:

— Всем... «Объект» выходит на тайник... Всем службам приготовиться... Повторяю... Готовность всем...

Он встал и подошел к карте.

— Первый... «объект» вышел на шоссе...

* * *

Травински остановил машину на обочине, внимательно осмотрел бампер:

— Вы знаете, Ирэн, я думал, он отвалится, когда мы чиркнули по пеньку... Выдержал.

Гарри говорил, а сам внимательно поглядывал в сто-

рону проселка, с которого только свернул. «О'кэй! Никого... Можно начинать...»

Он сел за руль и закурил. Холеное его лицо сразу стало жестким, а руки в перчатках крепко сжали баранку.

«Наверное, он так выглядит всегда, когда видит жертву,— мелькнуло в голове Ирэн.— Вот так... смотрел его отец, когда убивал моего!»

Чтобы скрыть волнение, Ирэн достала зеркальце и чуть тронула губы помадой.

— Ирэн,— Гарри на нее не смотрел,— вы сейчас сядете за руль и поведете машину в сторону Москвы... Не доезжая сорок седьмого километра, остановите, и я выйду, а вы проедете чуть дальше столбика и будете ждать меня...

Машина тронулась. Травински, не отрываясь, смотрел на шоссе, изредка бросая взгляды назад. Через десять минут он тронул Ирэн за рукав:

— Остановите...

«С богом!» — сказал он сам себе и вышел на шоссе. Не спеша пропустил несколько машин, пересек его и скрылся в невысоком березовом леске. Ирэн, как и договаривались, проехала еще метров двести и остановилась. Сзади, в десяти шагах, стоял невысокий столбик с поблекшими цифрами на срубе: «47».

Травински долго не выходил из леса. Стоя в кустарнике, он внимательно смотрел, как Ирэн подняла капот и что-то стала там протирать, на проходившие машины, на пустую опушку, что предстояло ему пересечь. Наконец решился. Нетерпеливым шагом пересек ее и, остановившись около столбика, нагнулся и еще раз быстро осмотрелся. Никого. Он сел, расшнуровал ботинок и стал его рассматривать, изредка трогая пальцем носок, словно там вылез небольшой гвоздик. Контейнер он заметил сразу и, потянувшись, взял его в руки. Быстрым движением открыл, достал капсулу и... тут же почувствовал чей-то взгляд. Вокруг него стояли люди, двое беспрерывно щелкали фотокамерами, а один не отрывал от глаз кинокамеру. Травински мгновенно вскочил и хотел отбросить контейнер, но... чьи-то руки крепко сжали его ладонь.

— Господин Травински и мисс Горд! Вы задержаны за противозаконные действия... — У говорившего — пожилого человека с каштановыми с проседью волосами — голос был негромкий, глаза добрые, и только жесткие

складки у рта давали понять, как трудно ему даются и этот тон, и эти слова.

— Я иностранный подданный, — просипел Травински, еще не осознавая того, что произошло, и вдруг у него словно что-то оборвалось внутри. До него наконец дошел ужас происходящего. Он попытался рвануться, но не смог даже пошевелиться: кто-то крепко держал его за плечи. — Я протестую... Я требую представителя посольства...

— Он будет вызван, как только мы приедем на место... — заверил его пожилой человек.

До ближайшего отделения милиции оказалось не так далеко. Через десять минут Травински сидел на стуле в комнате. На столе были разложены контейнер, вскрытая капсула. Через полчаса из фотолаборатории была доставлена уже проявленная фотопленка.

А еще через полчаса около отделения милиции оставился черный «кадиллак» генконсула.

— Господин генеральный консул. — Росляков повернулся к вошедшему высокому человеку лет шестидесяти. — Вы узнаете этого человека?

Генконсул бросил быстрый взгляд на Травински, и тот вдруг увидел в них неприкрытую иронию.

— Да... Это корреспондент журнала «Сайенс энд Сосайэти» мистер Гарри Травински, а это его секретарь мисс Горд.

— Господин генеральный консул, эти люди задержаны при изъятии из тайника фотопленки со шпионскими материалами... Подойдите к столу и ознакомьтесь.

Генконсул пристально осмотрел все, что лежало на столе, и поднял взгляд на Рослякова:

— Я не вижу здесь документов, которые бы являлись носителями государственной тайны СССР.

— Андрей Петрович, покажите.

Кудряшов, ранее стоявший в стороне, поставил на стол кинопроектор, вставил в него микропленку, и на стене кабинета четко высветилось заглавие документа и гриф: «Секретно». Перевел кадр, другой...

— У вас есть вопросы, господин консул?

— Нет.

— Тогда не откажите в любезности подписать акт о задержании подданного вашей страны Гарри Травински, корреспондента «Сайенс энд Сосайэти», при проведении тайной шпионской акции и об изъятии у него

шпионского снаряжения и материалов. Арест санкционирован представителем Прокуратуры СССР, который находится здесь.

Консул долго читал документы, несколько раз возвращаясь и перечитывая, внимательно сверил русский и английский тексты, нехотя достал ручку и поставил свою подпись. Потом молча поклонился и направился к выходу.

Ирэн машинально сделала шаг и оглянулась. Все молча стояли и смотрели на них, словно дожидаясь, когда они выйдут. Травински, вмиг обмякший, качнулся вперед, потом неожиданно опустился на стул и устался невидящим взглядом в спину медленно шагавшего консула.

— Старый debil... — скорее поняла, чем услышала Ирэн, выходя вслед за консулом из комнаты. — Дегенерат...

14

Макдональд остановил свой «плимут» у входа в аэровокзал. Достал из багажника чемоданы Ирэн и молча направился в здание аэропорта. До начала регистрации оставался еще час.

— Завидую вам, мисс Ирэн, — Макдональд изобразил на своем лице улыбку, — скоро будете дома... и сразу попадете на «чистилище». Ну-ну... не волнуйтесь. К вам то претензий никаких...

— А что с мистером Травински?

— Сегодня сообщили. — Юджин развернул «Известия». — Читайте.

«7 сентября с. г. следователь КГБ СССР вместе с военным прокурором официально предъявил обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 65 УК РСФСР, гражданину США Гарри Травински, задержанному 30 августа при проведении шпионской акции.

В обвинении констатируется, что по делу корреспондента американского журнала «Сайенс энд Сосайэти» в Москве Гарри Травински добыты достаточные доказательства, дающие основания утверждать, что, будучи связанным со спецслужбами США, по их заданию, используя статус иностранного корреспондента в Советском Союзе, занимался шпионажем, собирая различ-

ными способами секретные сведения для использования их в ущерб национальным интересам Советского Союза. Кроме этого, он также обвиняется в совершении ряда уголовных преступлений.

Ознакомившись с документами, Гарри Травински подписал их и перешел в новое для себя качество: превратился из подозреваемого в обвиняемое лицо...»

— Ваш рейс, мисс Ирэн,— услышала Ирэн и, очнувшись, протянула газету Макдональду.

Ирэн прошла в таможенный зал, сдала чемоданы и направилась к турникетам паспортного контроля. Неожиданно остановилась и окинула зал взглядом, словно хотела найти кого-то, кто мог бы... нет, не мог прийти ее провожать. Сердце у нее сжалось, она быстро достала пудреницу и несколько раз провела пуховкой по щекам.

«До свидания... До свидания...»

* * *

Мездриковский узнал об аресте Травински утром, когда по своему обыкновению просматривал газеты перед традиционным совещанием. Ему стало не по себе. Он попытался вспомнить все встречи и беседы с милым и любезным корреспондентом, который умел тешить его тщеславие. Нет, нет, дальше ничего не значащих разговоров о судьбах науки дело не заходило, но иной раз — академик это понимал — для большей убедительности он высказывал некоторые гипотезы, как сам любил говорить — фантастические были. Почему-то Евгений Павлович вдруг вспомнил встречу с Травински на киевском симпозиуме, когда Гарри Генрихович прямо-таки атаковал его просьбой назвать самого перспективного молодого ученого его школы.

«Неужели Кушнир как-то был связан с ним? — подумал Мездриковский. — Публикация... гонорар... Нет, нет... быть не может!»

Он поднял трубку и попросил соединить с Водолагиным:

— Григорий Александрович, вы один? Хотел поговорить...

Водолагин встретил Мездриковского в дверях своего кабинета и проводил к столу, заваленному бумагами.

— Извините, Евгений Павлович, с утра в делах...

Вчера поступили отчеты с завода, пришел пораньше, чтобы изучить перед совещанием...

— От Гилярова, Григорий Александрович?

— От него...

— Ну и как?

— Обнадеживающие... Весьма обнадеживающие. Мне кажется, Сергей даром времени не теряет... Много интересного предложил коллегам, причем, вы знаете, у него прямо-таки дар какой-то открылся — дар производственного...

Мездриковский неслышно постукивал пальцами по полированной крышке письменного стола, явно нервничая, и, наконец, произнес:

— Обстоятельства складываются так, Григорий Александрович, что мне по состоянию здоровья трудно справиться с обязанностями директора института... Мне необходимо серьезное лечение, а это займет много времени... Я бы просил вас, Григорий Александрович, принять на себя обязанности директора, пока Президиум Академии наук не найдет на эту должность кандидата...

— Что ж, если вы так считаете, — после некоторого раздумья произнес Водолагин, — вернее, если состояние здоровья заставляет вас серьезно им заняться, то так и надо делать... Конечно, мне будет нелегко, но, думаю, Президиум надолго меня одного не оставит... Вы только, Евгений Павлович, самые неотложные дела мне выпишите на всякий случай, чтобы не запамятовать...

Мездриковский задумался, потом сказал:

— Особо важных и сложных дел вроде нет... Так, текучка в основном... Вот только, как быть с Кушником, не знаю. Молодой человек остается без научного руководителя. Конечно, я могу написать свой отзыв и оставить у вас, но мне бы, честно говоря, хотелось, чтобы на защите у него был, как говорится, живой научный руководитель... Не смогли бы вы, Григорий Александрович, взять научное руководство его диссертацией на себя? Я был бы крайне признателен.

Смог бы, — просто ответил Водолагин.

Росляков всегда волновался, когда его приглашали в Центральный аппарат Комитета госбезопасности. Он покосился на сидевшего рядом Кудряшова. Андрей

внимательно читал «Правду». Владимир Иванович в глубине души позавидовал его спокойствию. Неожиданно резко зазвонил один из телефонов. Молоденький дежурный взял трубку и тут же положил ее на рычаг:

— Товарищ полковник, и вы, товарищ капитан, проходите...

Навстречу им из-за стола поднялся, улыбаясь, высокого роста человек в синем костюме.

— Товарищ генерал, полковник Росляков...

— Здравствуйте, Владимир Иванович,— перебил полковника хозяин кабинета, крепко пожимая ему руку.— Сколько лет не виделись!

— Давно,— односложно ответил Росляков, не решаясь нарушить этикет устава.

— Давно! Полжизни, наверное... Только в документах и читаешь: полковник Росляков провел то-то, полковник Росляков сделал это...— шутливо произнес генерал, рассматривая Владимира Ивановича.

— Товарищ генерал, капитан Кудряшов прибыл по вашему приказанию...

— Здравствуйте, Андрей Петрович... Проходите, товарищи, присаживайтесь...

— Есть две новости, Владимир Иванович,— начал генерал,— одна хорошая, другая плохая. С какой начинать?

С плохой, товарищ генерал,— в тон ему ответил Росляков.

— Так вот... приказом руководства Комитета государственной безопасности капитан Кудряшов переведен на работу в Центральный аппарат.

— Все-таки забрали...— Росляков покачал головой.

— Так надо,— мягко произнес генерал.— Сам должен понимать, Владимир Иванович.

Понимаю... Что ж, Андрей Петрович, желаю успехов.— Полковник слегка наклонился к Кудряшову и дотронулся рукой до его плеча.— Ну а хорошая новость, товарищ генерал?

— Коллегия Комитета госбезопасности высоко оценила проделанную вами работу, и мне поручено передать вам благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — одновременно произнесли Росляков и Андрей.

Генерал пожал им руки и жестом пригласил снова

сесть. Посмотрел на часы. На столе запищал телефон. Генерал поднял трубку и коротко сказал:

— Приглашайте.

Негромко скрипнула дверь. Росляков и Кудряшов обернулись рядом с Петровым стоял Кушнир. Когда все уселись, генерал сказал:

— Что ж, товарищи, операция закончена... Хотел бы поблагодарить вас, Валерий Борисович, за помощь, оказанную органам государственной безопасности... Несмотря на серьезные ошибки, которые вы допустили, вы нашли в себе мужество обратиться к нам и в них признаться... Хотелось бы на будущее предостеречь вас от их повторения.— Генерал смотрел на пунцового Кушнира, сидевшего на краешке стула.— Я уверен, что урок, который вы получили, пойдет вам на пользу... и вы станете действительно настоящим советским ученым, подчеркиваю, советским ученым... Вам понятно, Валерий Борисович?

— Понятно,— твердо сказал Кушнир и посмотрел на генерала. — И хочется сказать большое спасибо и вам, и товарищам... Особенно Владимиру Ивановичу и Андрею Петровичу... От всего сердца, честное слово...

Когда Кушнир вышел, некоторое время все молчали.

Как же все-таки Кушнир раскусил Травински? прервал молчание Росляков.

— Помогла его специальность,— улыбнулся Петров. Вы разрешите, товарищ генерал?

— Конечно, Геннадий Михайлович. Расскажите товарищам.

— Получив в подарок от Травински магнитофон, начал Петров,— Кушнир через какое-то время полез вовнутрь его, посмотреть, как все сделано... Вот тут-то он и заметил, что в магнитофон встроен высокочувствительный приемник с фиксированной настройкой на одну частоту. Что это значит, Кушнир сообразил моментально: Травински хотел, чтобы Валерий использовал его для приема каких-то передач... Кушнир проанализировал поразительную осведомленность Гарри в его биографии, высокий гонорар, который тот заплатил ему, подарок магнитофона... и парню, естественно, стало страшно: дело зашло слишком далеко. Вот он и пришел к нам, Владимир Иванович.

— Не знаю,— Андрей посмотрел на Рослякова,

мне почему-то казалось, что Валерий рано или поздно придет к нам...

— А я начал сомневаться, Росляков покачал головой,— особенно в тот момент, когда стало известно, что Кушнир передал Травински копию автореферата своей диссертации. Но ошибся.

Валерий, конечно, парень не простой, Геннадий Михайлович на мгновение задумался, но и не конченный. Да и урок он получил более чем серьезный.

Помолчали. Росляков встал, заметив, что генерал искоса посмотрел на часы.

Москва, 1987

Невозвращенец...

Корпуса Института экспериментальной металлургии располагались на обширной территории в новом районе Москвы. Еще лет двадцать назад здесь была деревушка, от которой если что и сохранилось, так это название чахлого сквера — Дубки, разбитого на месте, где шумел когда-то настоящий лесок. Закрепленная за отделом машина уже с неделю обреталась в ремонте, и Маркову пришлось добираться до института более часа, что называется, своим ходом. Сначала на метро с двумя пересадками, а потом еще минут двадцать в переполненном автобусе, который пришлось долго ждать на холодном октябрьском ветру.

За девять лет работы следователем Комитета государственной безопасности ему впервые довелось принять к производству столь необычное дело. Несколько дней назад западные газеты опубликовали краткое сообщение о том, что находившийся в одной европейской стране советский ученый, доктор технических наук Александр Иванович Егоров обратился к местным властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. Сообщение дружно, словно сговорились, повторили все зарубежные «радиоголоса».

Егоров в составе делегации советских ученых приехал в небольшой город Бреден на международный симпозиум по металлургии. Симпозиум продолжался ровно неделю. В первый же день Егоров выступил на нем с основным докладом советской делегации, а в последний, как сообщили газеты, явился в полицейское управление со своей просьбой, ставшей главной сенсацией местной прессы за последний год.

Вслед за кратким сообщением информационного характера в печати появилось уже значительно более пространное заявление Егорова, выдержанное в духе

самых скверных традиций «холодной войны» — анти-советское дальше некуда.

Обязательный набор ругани Маркова никак не за интересовал. Стандарт он и есть стандарт, давно на бивший оскомину. Профессиональное внимание следователя привлекли мотивы, которыми Егоров конкретно объяснял свой переход на Запад именно в эту поездку. Марков подсчитал, что ранее Егоров выезжал в капиталистические страны семь раз и вел себя там во всех отношениях безукоризненно. А теперь вдруг...

Марков, едва получив заявление Егорова, сразу выделил из словесной высокопарной шелухи основной мотив, который, судя, во всяком случае, по опубликованному тексту, толкнул ученого на столь серьезный поступок, — обида, смертельная, как выражались в старину, обида. Его, Егорова, большой, даже выдающийся вклад в науку в Советском Союзе по достоинству не оценили. В частности, его кандидатуру забаллотировали на очередных выборах в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Собственное заявление Егорова сопровождалось комментарием видного западного политического обозревателя, известного давней приверженностью к «твердой линии» по отношению к СССР и всему «Восточному блоку». Со ссылкой на личную беседу с Егоровым комментатор утверждал, что СССР выступает за контроль над вооружением обычного типа только потому, что сам уже располагает такими видами оружия, по разрушительной силе приближающимися к ядерному, которые вообще никакому контролю не поддаются. Егорову якобы это хорошо известно из первых рук, поскольку он в качестве эксперта неоднократно консультировал советскую делегацию на переговорах по разоружению.

После этого первого комментария, послужившего как бы запальным шнуром, в западной прессе поднялась большая шумиха. В правых газетах появились призывы к правительствам отказаться от участия в Международной конференции по разоружению, которая должна была состояться через несколько месяцев в Швейцарии.

Посольство СССР обратилось к местному министерству иностранных дел с просьбой разрешить сотрудникам консульского отдела встретиться с Егоровым. Через день последовал ответ, что Егоров от встречи наотрез отказался.

Только тогда следственный отдел, в котором работал майор Марков, принял к производству дело в отношении гражданина Егорова Александра Ивановича, подпадающее под признаки, предусмотренные статьей 64-а Уголовного кодекса РСФСР: «...бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР...»

Шестьдесят четвертая «а» — суровая статья. Наказание по ней предусматривало лишение свободы от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и возможной ссылкой до пяти лет, а в случае нанесения государственным интересам СССР значительного ущерба — и смертную казнь.

Получив распоряжение начальства заняться делом Егорова, Марков в восторг не пришел. И не только потому, что в душе был противником смертной казни и многолетних сроков лишения свободы. Просто он понимал, что если ученый действительно изменил Родине, то до суда дело просто не дойдет и никакого приговора не последует. Значит, и работа его, с формальной точки зрения, никакого смысла иметь не будет. Но это только с формальной точки зрения. А если — не измена? Если непродуманный шаг, вызванный состоянием аффекта? Если через несколько дней Егоров спохватится и сам ужаснется тому, что натворил? Если, к тому же, не наломает дров, не сожжет всех мостов, то есть не выложит там, на Западе, всего того, что держит в памяти?

Та же шестьдесят четвертая содержала и глубоко гуманный пункт «б»: «Освобождается от уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

Но существовал еще ряд юридических тонкостей, которые Марков помнил твердо и которых намерен был придерживаться неукоснительно. Дело в том, что сам по себе отказ вернуться на Родину означал измену лишь тогда, когда за границей невозвращенец начинал заниматься деятельностью, враждебной СССР. Таковой, например, может быть выдача государственной или военной тайны, активные антисоветские выступления и т. п.

Вот и выходило, что в любом случае тщательное расследование всех обстоятельств, связанных с невоз-

вращением Егорова, было не служебной формальностью, а серьезной работой, наполненной глубоким смыслом. И любая предвзятость по отношению к Егорову, в пользу ли, против ли его, была равно недопустима.

Изучив предварительно все предоставленные в его распоряжение документы и материалы, Марков решил первым делом отправиться в институт, в котором проработал много лет Егоров, чтобы побеседовать с сослуживцами и коллегами ученого.

Многоэтажный административный корпус института, похоже, был построен совсем недавно. Со двора еще не успели убрать битый кирпич, обрезки водопроводных труб, заляпанные бетоном доски и кучи прочего строительного мусора. Да и внутри здания еще не выветрились запахи свежего дерева, масляной краски и олифы.

Кабинет директора находился на четвертом этаже. Его уже ждали — возможно, пока он поднимался на лифте, позвонили из бюро пропусков. Во всяком случае, едва он вошел в просторную приемную и представился, помощник тут же распахнул перед ним тяжелую дубовую дверь с надраенной до блеска латунной табличкой: «Академик В. Г. Ракитянский».

Высокий худой мужчина лет шестидесяти пяти, потушив в пепельнице сигарету и тряхнув седой шевелюрой, поднялся с кресла и вышел навстречу Маркову.

— Садитесь, Андрей Ильич, — сказал он после крепкого рукопожатия и указал рукой в сторону ровной шеренги строгих стульев. На одном из них сидел уже полный лысоватый мужчина средних лет. Поднявшись, он протянул руку и представился:

— Шевчук Геннадий Васильевич, секретарь парткома института. — Подумав, добавил: — Одно время был непосредственным начальником Егорова. Правда, довольно давно...

Академик не стал дожидаться вопросов посетителя.

— Случай с Егоровым, — сразу, не отвлекаясь на словесную разминку, заявил он, — нас всех обескуражил. Не знаем, что и думать. Словно дурной сон. Будь на его месте кто другой, подумал бы, скорее всего, о приступе острого умопомешательства...

— Вы давно знаете Егорова, Владислав Генрихо-

вич? — задал первый вопрос Марков, поняв, что академик свое мнение, в сущности, уже высказал.

— Институт этот возглавляю всего два года, раньше работал в Новосибирске. Но с трудами Егорова знаком давно, лично знаком лет десять, он приезжал к нам в академгородок. Да и потом приходилось встречаться. Однажды вместе выезжали в составе делегации специалистов в Швецию.

— Что вы можете сказать о нем как об ученом и о человеке?

Ракитянский явно рассердился, но сдержался, в голосе только явно прозвучали язвительные нотки:

— Все то, что я неоднократно писал о нем в характеристиках. Отказываться от своих слов, пока меня не убедят в обратном строго доказанными фактами, не собираюсь. А именно: Егоров талантливый, настойчивый в достижении цели, которую, кстати, умеет точно выбрать, исследователь, трудолюбивый, щепетилен предельно — в научных вопросах, в быту мы не сталкивались.

В отличие от академика, Шевчук говорил спокойно, негромко, но достаточно твердо и убежденно:

— Саша, извините, Александр Иванович работал в моем отделе лет двадцать: начинал старшим лаборантом, вырос до заведующего лабораторией. У нас, прошу заметить, эту должность замещают, как правило, доктора наук. Когда меня четыре года назад избрали секретарем парткома, ему доверили отдел.

— Значит, эти четыре года, последние то есть, вы общались с Егоровым лишь по общественной линии? — уточнил Марков.

— Что вы! — всплеснул руками Шевчук. — Вовсе нет! У нас не принято уходить на чистое секретарство, хотя эта должность и освобожденная. Я по-прежнему веду в отделе Егорова одну из своих старых тем. По части деловой — присоединяюсь полностью к сказанному нашим директором. Могу добавить, что всегда считал его человеком порядочным и честным, предателем не представляю...

Шевчук достал из кармана большой клетчатый платок и вытер разом вспотевший высокий лоб. Он волновался, видно было, что очень переживал случившееся. Потом тяжело вздохнул, спрятал платок обратно в карман и подвинул к Маркову увесистый скоросшиватель.

— Вот посмотрите, здесь характеристики на всех наших товарищей, выезжавших в последние годы в зарубежные командировки. Там, где на Егорова, я сделал закладки.

Как и следовало ожидать, все характеристики были только положительными. А какими они и могли быть, если их составляли те же самые руководители, которые командировали своего сотрудника за рубеж? Вздохнув, Марков отодвинул в сторонку абсолютно бесполезную папку. Он уже давно убедился, что все характеристики, за исключением служебных или научных аттестаций,— никому не нужные бумажонки, реликт не самых лучших наших времен.

— Я хотел бы поговорить с теми сотрудниками института, кто ближе других знал Егорова,— попросил Марков.

— Мы предвидели такую просьбу,— сразу откликнулся Шевчук и передал следователю лист бумаги.— Вот список. В первой колонке те, кто сейчас в институте. Во второй — отсутствующие, кто в отпуске, кто в командировке. Мы перейдем сейчас в мой кабинет, и вы можете встретиться с теми, с кем считаете нужным.

— Спасибо. Напоследок я хочу задать один вопрос вам, Владислав Генрихович.— Он повернулся к хозяину кабинета, прикуривавшему очередную сигарету.

— Пожалуйста.

— Почему ваши коллеги забаллотировали Егорова на выборах в члены-корреспонденты академии?

— А кто вам сказал, что его забаллотировали? — с нескрываемым недовольством ответил вопросом на вопрос академик.

— Ну, во-первых, об этом заявил сам Егоров. Во-вторых, я смотрел оба списка в «Известиях». В первом среди кандидатов было три фамилии по вашему отделению: Егоров, Бобров и Болтянский. Во втором, избранных,— фигурирует фамилия Боброва. Вакансия, помнится, у вас была тоже лишь одна.

— Вот так рождаются слухи, уж извините за резкость,— раздраженно заявил Ракитянский.— Членкоровская вакансия была действительно лишь одна. Кандидатов выдвинуто действительно трое. Только никто Егорова не забаллотировал. Он сам уже после публикации в «Известиях» снял свою кандидатуру. Выдвигал его, к слову, наш институт. Прокатили Болтянского -

ни для кого не секрет, что в науке он пустоцвет.

Марков был изумлен и даже растерян несколько. Но почему же Егоров заявил, что именно провал на выборах сыграл роль той последней капли, что переполнила чашу его терпения? Почему?

Академик словно угадал готовый сорваться с губ майора вопрос.

Почему Егоров бухнул такую глупость, не ведаю. Может, ее тамошние писаки сочинили?

Может быть, может быть... Но тамошние писаки могли сочинить эту глупость только в том случае, если какую-то информацию о выборах все-таки получили от самого Егорова.

— Позвольте задать еще несколько вопросов, обескураженно спросил Марков. — А чем вы объясняете, что Егоров снял свою кандидатуру? Что он сказал?

— Ничем не объясняю, — словно отрезал академик. — Самоотвод дело личное, он мне ничего по этому поводу не говорил, а я не спрашивал.

— Может быть, Егоров опасался соперников и решил избежать... — Он замялся в поисках слова помягче.

— Вы хотели сказать — провала? — снова угадал Ракитянский. — Ни в малейшей степени. Ну, Болтянский, как я уже сказал, вообще не конкурент. Что же касается Боброва, то у него шансов пройти было никак не больше, чем у Егорова. Научный потенциал обоих весьма высок и приблизительно равен. Будь у нас две вакансии, я бы лично голосовал за обоих. Полагаю, что оба бы и прошли.

— В своем заявлении Егоров, припомнил Марков, — назвал Боброва выскочкой в науке, креатурой академика секретаря вашего отделения.

Чушь собачья! уж совершенно не по-академически выругался Ракитянский. Я не читал этого заявления Егорова, но теперь совершенно убедился, что или Александр Иванович в самом деле спятил в этом паршивом Бредене, уж не знаю с чего, или это заявление ему, точнее, за него кто-то состряпал. Валентин Михайлович Бобров и Егоров прекрасно знали цену друг другу. Насколько мне известно, они и дружили с незапамятных времен. Что же касается академика-секретаря, то все обстоит как раз наоборот. Он никогда не скрывал, что больше симпатизирует как раз Егорову.

Словно для того, чтобы дать время своему директору поостыть, в разговор снова вступил Шевчук.

Я хорошо знаю и Боброва. С Егоровым он учился одновременно в институте, кажется, даже в одной группе. Вместе к нам распределились. В соавторстве сделали свои первые работы. Затем их пути разошлись. Валентин Михайлович лет семь назад, сразу после защиты докторской, получил приглашение в ленинградский институт, занимающийся проблемами сугубо оборонного значения. И Егорова приглашал к себе перейти, Александр Иванович не согласился, уж не знаю почему.

Затем Шевчук добавил, что, насколько ему известно, Бобров, когда приезжал в Москву, гостиницу никогда не заказывал, останавливался только у Егоровых.

А кто родственники Боброва? — спросил Марков. В заявлении был намек, что весьма высокопоставленные...

Если академик на подобный вопрос рассердился, то Шевчук рассмеялся.

Да какие там высокопоставленные! Я председательствовал на собрании, когда Валентина Михайловича в партию принимали. Отец был старшина-сверхсрочник, сапер, погиб при разминировании на Смоленщине чуть не в пятидесятом году. Мать бедствовала с ребенком без образования и профессии. А родители жены, запомнил как зовут, колхозники пензенские. Сейчас, поди, пенсии уже. И Егорову это известно куда лучше, чем мне...

Простившись с академиком, Марков перешел в кабинет Шевчука на том же четвертом этаже. Первой, по списку, Шевчук пригласил Марию Степановну Долгушину, сам же, прихватив какие-то бумаги, деликатно удалился в соседнюю просторную комнату, в которой, судя по длинному столу, проводились заседания институтского парткома.

Долгушина была дамой лет за сорок, тщательно следящей за своей фигурой и внешностью. К женщинам таким майор относился с уважением и пониманием, но и с некоторой опаской. В мыслях, высказываниях и поступках они бывали непредсказуемы. Держалась Долгушина с достоинством, правда, несколько более подчеркнутым, чем требовалось. Видимо, Шевчук предупредил ее о предстоящей встрече, потому что, едва присев на предложенное кресло, она уверенно заявила:

Вас интересует бегство Егорова за границу. Не так ли?

— Почему бегство? — осторожно спросил Марков.

— А как иначе это можно квалифицировать? Бегство... То есть измена, предательство. Бросить Родину, которая дала ему все — образование, работу, положение...

Глаза Долгушиной воинственно блеснули за чуть притененными стеклами красивых очков, похоже, французского происхождения, как, впрочем, и духов.

— Подождите, Мария Степановна, — прервал ее Марков. Он уже понял, что имеет дело с классическим типом избалованности в каждом ближнем как действительных, так и мнимых пороков. — Ни вы, ни я пока не вправе давать столь безапелляционные оценки Егорова. Для этого мы не располагаем фактами. Вы, насколько мне известно, проработали с Егоровым несколько лет. Расскажите мне, что вы о нем знаете.

— Пожалуйста! — с каким-то вызовом передернула плечами Долгушина. — Только можно, я закурю?

— Да, конечно. Геннадий Васильевич человек курящий и в обиде на дым не будет.

Марков подвинул к Марии Степановне большую хрустальную пепельницу, предварительно высыпав из нее в корзину старые окурки. Долгушина достала пачку «Явы», щелкнула зажигалкой, нервно и жадно сделала подряд несколько затяжек. Потом заговорила. Быстро, не давая никакой возможности прервать себя хоть словом.

— Егоров типичный карьерист. К тому же меркантильный человек. Главное для него — деньги. Ну и престиж, конечно. Впрочем, в наше время престиж и деньги одно и то же. Все его диссертации, труды так называемые — только для денег. И все под личиной скромного советского ученого. Фанатика науки. А между тем исследователь, тем более теоретик он весьма посредственный. Это мои наблюдения, а я редко ошибаюсь в людях.

«Мне бы хоть толику такой самоуверенности», — тоскливо подумал Марков, но вслух произнес совсем другие слова:

— Простите, Мария Степановна... Какую должность вы занимаете?

Долгушина оскорбленно вытянулась.

— Я старший лаборант. Видите ли, на втором курсе вышла замуж. Родился ребенок, пришлось институт оставить. Но какое это имеет отношение к делу Егорова?

— Просто мне интересно, на каком основании вы пришли к выводу, что Егоров посредственный ученый?

Долгушина занервничала, на лице ее выступили некрасивые пятна.

— Я знаю многих выдающихся ученых. И знаю, как относится руководство к настоящим ученым. Если бы Егоров был таким, наш отдел не был бы в загоне.

— В чем это проявляется? — удивился Марков. Впрочем, молниеносному ответу он удивился еще больше.

— Уже три года нам не выделяют путевки на юг в «бархатный» сезон. И заказы продовольственные к праздникам получаем в последнюю очередь.

— Что, дефицитные продукты не достаются?

— Этого еще не хватало! — возмутилась женщина. — Заказы одинаковые, но сотрудники нашего отдела в установленной месткомом очереди получают последними... Это нас оскорбляет. Неужели не понимаете?

Не понимал Марков. Спросил, чувствуя, что у него начинает болеть голова:

— А в чем проявляется меркантильность Егорова?

— Он часто ездил за границу.

— Но ведь его туда посылало в командировки руководство.

— Ну и что? Он ездил иногда по три раза в год. А у нас есть сотрудники, которые вообще ни разу в жизни никуда не выезжали. Мог и отказаться хоть раз в пользу кого-нибудь.

Марков попробовал возразить:

— Мария Степановна, научная командировка это не льготная путевка в дом отдыха. На конференции и симпозиумы посылают ведущих специалистов, иногда просто невозможно даже заболевшего ученого заменить другим без ущерба для дела.

— Не знаю, не знаю... Знаю только, что жена его одевается только из «Березки», а из последней поездки он привез видео. Борис, муж моей подруги, у него брат дикпурьером работает, говорит, что на суточные его за границей не купишь.

Марков пожал плечами. Осторожно произнес:

— Но Егоров мог купить видео, накопив валюту за несколько поездок. Это допускается. Что же касается «Березки», то сертификаты получают только люди, продолжительное время работающие за границей. Людям, выезжающим на неделю-другую, это просто не нужно.

Долгушина взглянула на Маркова с откровенной неприязнью:

— Что-то не пойму, — раздельно чеканя слова, произнесла она едва ли не с угрозой, — вы обвинять должны Егорова или защищать его собрались?

М-да... Такая, пожалуй, еще донос вдогонку пошлет: покрывает, дескать, невозвращенца, изменника.

Марков постарался удержаться в рамках сухой вежливости:

— У вас превратное представление о моих обязанностях, Мария Степановна. Я не прокурор и не защитник. Следовательно, не обвиняю и не защищаю. Я следовательно, моя обязанность — расследовать все обстоятельства дела и установить истину.

Расстались они, явно недовольные друг другом. Тем не менее, Марков сделал в блокноте запись после ухода Долгушиной: «Сверить стоимость заграничных покупок Егорова с суммой полученной официально валюты».

...К концу дня Марков почти физически ощущал, как распухла его голова от непрерывных разговоров с разными людьми. Завлаб Вишневский, старший научный сотрудник Кулик, младший — Кашкин, еще один старший — Пушко, старший лаборант Ломовская, даже инспектор пожарной охраны Бурлюк, с которым Егоров часто выезжал в Истру, на подледный лов окуньков с помощью забавной снасти, а точнее, разновидности блесны, именуемой мормышкой.

О Егорове люди говорили большей частью сдержанно — оно и понятно: у кого будет охота в разговоре с сотрудником КГБ так уж вступаться за сослуживца, отказавшегося вернуться на Родину? Правда, и хулы особой на бывшего начальника отдела не несли.

Из собеседников запомнились Маркову двое. Хмурого, постарше других Пушко майор спросил прямо:

— Иван Иванович, вы хорошо знали Егорова. Как считаете, мог он добровольно остаться на Западе?

— Не знаю. Вопрос сложный, а ответ на него — дело ответственное. Конечно же, Егоров мне ничего о таких своих планах не говорил. Но человек в серьезных жизненных ситуациях меняется.

Пушко тяжело вздохнул, потом, внимательно посмотрев на Маркова, продолжил:

— В наш поселок немцы вошли на пятый день войны. Мне тогда было десять лет. А через два дня я увидел

на улице своего учителя Романа Божко с белой повязкой полицаая. Вместе с немцами он ходил по домам и указывал, где живут семьи коммунистов и евреи. Тогда я прибежал домой и два часа проплакал в сенях. Никак не мог пережить, что наш любимый Роман Максимович, который ходил с нами в походы, учил ориентироваться по компасу, рассказывал увлеченно о Котовском и Щорсе, стал фашистским холуем. Так что ответить на ваш вопрос однозначно не могу...

Старший лаборант Ломовская, очаровательная блондинка с прической в стиле «чарльстон» и веселыми голубыми глазами, вроде бы абсолютно ни к селу ни к городу заявила сразу, что хотя и работает в этом институте, но с пеленок мечтает стать искусствоведом, а потому поступила в прошлом году на заочное отделение Академии художеств в Ленинграде.

— Простите, но какое отношение это имеет к Егорову? — с недоумением спросил Марков.

— Как какое? — почти возмутилась девушка его непонятливостью. — Самое прямое! Александр Иванович был единственный у нас, кто не смеялся надо мной здесь, а помог. Когда я ездила в Ленинград сдавать экзамены, он позвонил своему товарищу, и я у него остановилась. Вы же знаете, как трудно в Ленинграде устроиться в гостиницу...

— Товарищ — это Бобров?

— Да... Он очень хорошо меня принял...

Задав еще несколько вопросов, Марков установил, что Ломовская жила в квартире Бобровых при содействии Егорова после выборов в академии.

Возвращаться в отдел Маркову уже не было никакого смысла из-за позднего времени. По телефону он кратко доложил своему начальнику о проделанной за день в институте работе и поехал домой, на Большую Грузинскую, благо его охотно подвез на своей машине Шевчук.

Посмотрев последние сюжеты программы «Время» и наскоро поужинав, Марков мысленно подвел итоги достаточно напряженного дня. И убедился, что сколь-либо четкого отношения к личности Егорова у него нет. И неизвестно, когда таковое выработается. Наслушался за день он, конечно, предостаточно и всякого. Но ведь трактовать факты можно было двояко. Положительные — объяснять умелой маскировкой, коварством. И наоборот — вовсе не обязательно, чтобы человек с серьез-

ными изъянами по части морали и нравственности обязательно становился изменником, оказавшись за рубежом. К тому же, как о достоинствах, так и о недостатках Егорова, которого он никогда и в глаза не видел, он мог судить лишь с чужих слов. Такова уж была специфика любого дела о невозвращении на Родину.

Одно Марков мог утверждать твердо: при желании Егоров мог нанести интересам СССР ущерб весьма значительный. Прямого отношения к государственным и военным тайнам он не имел, не являлся, скажем, конструктором самолетов или какого-либо вида современного оружия. Но сплавы, которые разрабатывались под его началом, применялись не только в народном хозяйстве, но и в оборонной и космической промышленности. По роду деятельности Егорову приходилось бывать во многих весьма закрытых научно-исследовательских учреждениях и предприятиях, на полигонах при испытании военной и космической техники.

Марков вообще прекрасно понимал, что в эру научно-технической революции трудно, а порой и невозможно провести четкую грань между секретным и несекретным. К тому же ученые масштаба Егорова могли нанести колоссальный ущерб стране не обязательно в военной сфере, но и в чисто экономической. Но от «мог совершить» до «совершил» огромная дистанция...

Марков знал, что среди иностранных ученых, посещавших нашу страну, а также общавшихся с советскими коллегами за рубежом, были и связанные со спецслужбами. Так что ему предстояло проверить, по возможности, зарубежные связи Егорова — не окажется ли среди них кто-нибудь, уже попадавший в поле зрения органов государственной безопасности.

Ракитянский и Шевчук уже рассказали следователю, что Егоров, и это совершенно естественно, был знаком едва ли не со всеми мало-мальски видными специалистами промышленно развитых стран. Существовало давнее положение, что переписка советских ученых с зарубежными коллегами считалась служебной и поддерживалась через отделы международных связей институтов. Но никто не мог запретить иностранному специалисту прислать его знакомому поздравительную открытку к Новому году или письмо на домашний адрес. Получить последний можно было в любом справочном бюро города, где проживал адресат. Конечно, в частной

переписке ни один здравомыслящий человек ничего крамольного не допустил бы, но уже сами фамилии зарубежных адресатов могли бы дать следствию какую-нибудь зацепочку.

Естественно, Марков спросил некоторых своих собеседников о контактах Егорова с иностранцами. Пушко припомнил, что в разговоре с ним Егоров как-то упомянул одного профессора, прекрасно говорящего по-русски. Он предлагал Егорову перевести на немецкий язык и издать в ФРГ его последнюю монографию. У этого человека была польская фамилия, которую Пушко не запомнил.

Фактик был крохотный, за ним могло ничего злокозненного не стоять, поскольку речь шла о монографии открытой, но, за неимением пока ничего другого, Марков взял его на заметку.

Утром следующего дня следователь отправился в тот район Ленинского проспекта, который москвичи по старой памяти называли Большой Калужской. Здесь в одном из домов, построенных еще в пятидесятые годы, жила семья Егорова. Жена ученого, Лидия Валентиновна, выглядела измученной и растерянной. Не нужно было быть великим психологом, чтобы понять — эта женщина и понятия не имела, что ее муж перед поездкой на Запад намеревался остаться там навсегда.

— Он очень любил сына. Сережа у нас единственный. Он второй год служит на Северном флоте, служит хорошо, был сфотографирован у знамени корабля. Саша очень этим гордился. Позавчера Сережа звонил, плакал...

— Ваш муж переписывался с иностранными коллегами?

— Да, ему часто приходили письма из-за границы. Отвечал через институт. Из дома посылал только личные телеграммы, поздравлял с юбилеями, Новым годом. Считал неприличным делать это за казенный счет.

— А дома у вас бывали иностранные ученые?

— Года четыре назад были супруги из Чехословакии. Оба металлурги, преподают в каком-то институте в Брно. Саша рецензировал их учебник.

— А письма от иностранцев у вас сохранились?

— Конечно. Александр Иванович очень аккуратный человек. Он хранит все письма. Они у него разложены по годам, иностранная корреспонденция отдельно от советской. Сейчас я покажу...

Лидия Валентиновна вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с пластиковым, явно не отечественным скоросшивателем.

— Вот, возьмите, пожалуйста.

Работа над письмами заняла у Андрея полдня. Пригодилось хорошее знание английского. Немецкие тексты с листа перевел капитан Юрий Осипов, также занимающийся делом Егорова. Он вел работу с только что вернувшимися с конгресса металлургов членами советской делегации.

Писем и цветистых открыток, в большинстве рождественских, в скоросшивателе было под сотню. Здесь же были оплаченные счета за международные телеграммы: на каждой твердым почерком Егорова сверху было помечено, по какому именно поводу послана.

Писем из Брейдена за последние пять лет оказалось шестнадцать. Одиннадцать — на прекрасном русском языке. Подписаны Майклом Квятковским. Видимо, тем самым ученым с польской фамилией, о котором говорил накануне Пушко. Марков позвонил в отдел внешних связей института. Ему сообщили, что Майкл Квятковский — профессор-металлург Бреденского технологического института. Дважды приезжал в Советский Союз. В последний раз совершил довольно продолжительную поездку по стране, посетил Минск, Липецк и Днепропетровск. Сопровождал его сотрудник отдела внешних связей института Владислав Михайлович Орлов. Марков сразу же договорился с ним о встрече в ближайшие дни.

Теперь можно было спокойно выслушать рассказ Осипова — тот по поручению Маркова беседовал с доцентом Московского института стали и сплавов Пастуховым. Он входил в состав советской делегации и, между прочим, в Бредене жил с Егоровым в одном гостиничном номере.

Борис Сергеевич Пастухов, как выяснил Осипов, знал Егорова давно, со студенческих времен, учился на одном факультете, но двумя курсами был моложе. По просьбе Осипова доцент вспомнил все неофициальные и кулуарные встречи Егорова с зарубежными коллегами, которым он был свидетель. В третий и четвертый раз всплыла уже знакомая чекистам фамилия.

После одного из секционных заседаний Пастухов

увидел в коридоре Егорова, беседующего с невысоким лысоватым мужчиной лет шестидесяти. Борис Сергеевич подошел к ним. Мужчина тут же попрощался с Егоровым и удалился.

— Кто это? — чисто механически спросил Пастухов.

— А-а! Профессор Майкл Квятковский, из местного института. Ученый средней руки, но компанейский парень. К тому же хорошо говорит по-русски. В двадцатые годы, когда он был ребенком, его родители из Западной Белоруссии эмигрировали в Бельгию...

Разговору этому Пастухов тогда особого значения не придавал. Вспомнил о нем через два дня уже в связи с обстоятельствами чрезвычайными. В тот вечер они с Егоровым собирались пойти в кино, посмотреть шумевший тогда на Западе супербоевик «Рембо». Они уже были одеты, когда раздался телефонный звонок. Из обрывков разговора Пастухов понял, что кто-то приглашает Егорова поужинать. Тот вначале отказывался, но потом сдался. Повесив трубку, Александр Иванович виновато сказал:

— Ты уж извини, Борис Сергеевич. Звонил Квятковский, — помнишь, я тебе о нем говорил, — уговорил меня с ним поужинать, а то он завтра вечером улетает в Париж и не сможет со мной проститься. Не сердись?

— Ладно, ладно. Я прекрасно могу сходить в кино и один. Желаю приятного времяпровождения. А где вы ужинаете?

— В «Казачке»...

«Казачок» был русский ресторанчик неподалеку от гостиницы. В городе ресторанчик был довольно популярен благодаря так называемой русской кухне, к которой местные жители наивно относили в равной степени московский борщ, украинские галушки и кавказский шашлык. По вечерам в нем играл маленький оркестр, музыканты были все как один уроженцы города Риги, выехавшие лет десять назад из СССР по израильской визе, но осевшие благоразумно на полпути — в Бредене. Репертуар у них был, что называется, классический: «Очи черные», «Бублики», «Семь сорок» и, разумеется, «Катюша-Казачок».

После сеанса Пастухов прогулялся с полчаса по ночному городу и в номер вернулся около часа. Егорова еще не было, и он, не дожидаясь соседа, лег спать. Часа в четыре утра Пастухов проснулся от жажды и увидел, что постель

Егорова пуста... Тогда Борис Сергеевич решил разбудить руководителя делегации профессора Самойлова. Профессор со сна не сразу понял, в чем дело. Когда понял, немного разволновался, но никаких мер решил пока не принимать. Он не исключал, что Егоров, если ужин затянулся, мог остаться переночевать у Квятковского.

Утром Самойлов и Пастухов встретили Квятковского в холле здания, где проходили заседания секции. Егорова с ним не было. Когда Самойлов спросил его, где Александр Иванович, он очень удивился, даже встревожился. Сказал, что ничего не понимает. Они действительно засиделись в «Казачке» до закрытия, то есть до двух часов ночи, после чего поехали по домам на такси. Квятковский высадил Егорова у подъезда отеля, помахал ему на прощание рукой и поехал дальше, к себе. Правда, он не видел, вошел ли Егоров в подъезд или нет.

Немедленно Самойлов тут же из холла позвонил советскому консулу в Бредене. В гостинице Егоров так и не появился. «Казачок» открывался в час дня. Консул Малышкин в сопровождении Пастухова поехал туда. Владелец подтвердил, что два господина, говорившие по-русски, по описанию — Квятковский и Егоров, действительно ужинали у него. Показал копию счета, подписанного Квятковским. Сообщил также, что по просьбе последнего вызвал такси. Нет, не по телефону, а просто вышел на улицу и остановил первую же проезжающую мимо машину с фонариком на крыше. Нет, на номер внимания не обратил. Запомнил только, что у машины были литые резиновые бамперы, такие устанавливаются только на дорогих шведских автомобилях марки «вольво». В Бредене на них разъезжает добрая треть всех таксистов.

По просьбе консула портье отеля, принявший утром дежурство, позвонил своему предшественнику. Заспанным голосом тот сообщил, что последним гостем, которому он около часа ночи открывал дверь, был русский профессор Пастухов. Нет, он хорошо помнит, что проживающий с ним в одном номере профессор Егоров в ту ночь в отель не возвращался.

А в шесть часов вечера в газетах появилось сообщение о просьбе Егорова предоставить ему политическое убежище.

Как вел себя профессор накануне своего исчезновения из отеля? Пастухов совершенно твердо заявлял, что ничего необычного в поведении или разговорах его соседа не было. Какого-то волнения или возбуждения также не замечал.

Квятковского Пастухов больше не встречал — он действительно улетел в Париж.

Референту отдела внешних связей Орлову было под тридцать. Высокого роста, широкоплечий, статью и осанкой он походил на спортсмена-десятиборца. В отделе начал работать четыре года назад сразу после окончания иняза. Квятковского Орлов запомнил очень хорошо — по веселому характеру, а также свободному владению русским, белорусским и польским языками. Однако при всей своей общительности тот ничего о своем происхождении, родителях не рассказывал.

— Владислав Михайлович, — спросил Марков, — вам не запомнилось что-нибудь необычное в его поведении? Вспомните все детали вашей поездки.

Орлов ненадолго задумался.

— Сначала меня удивило, что он просил включить в маршрут Минск. Там ничего интересного по его профилю нет. Потом решил, что, возможно, его что-то связывает с этим городом. Может, детские воспоминания. В Днепропетровске, например, он из номера, если был свободен, не выходил. А в Минске наоборот. Порой исчезал на полдня. Может быть, он жил раньше в этом городе? У меня даже сложилось впечатление, что он там кого-то разыскивал.

— На каком основании у вас возникло такое предположение?

— Вначале чисто интуитивно, а потом случай один произошел. Однажды вечером он увидел у меня свежий «Огонек» и взял его почитать на ночь. На следующее утро принес. Вечером мы стали собираться в Москву. Захожу к нему в номер — он что-то ищет, перебирает всякие бумажки. Уже в поезде снова вдруг попросил у меня журнал. Стал я доставать его из чемодана, вывалилась закладка — бланк справочного бюро. Я решил, что он не дочитал какой-то очерк, вложил закладку на место и отдал журнал. Он мне его вернул через час, но бланка уже не было. Видимо, именно его Квятковский и искал в номере перед отъездом.

Следующий вопрос Марков задал, не питая никакой надежды получить положительный ответ — очень уж мимолетным был только что рассказанный ему эпизод.

— Вы успели прочитать, что именно было написано на бланке?

— Запомнил фамилию — Коновалова. По случайному совпадению Коновалова — девичья фамилия моей матери. Имя тоже заметил — Маргарита, отчество нет. Да,

еще год рождения — тридцатый или тридцать восьмой. Вот адрес не разобрал совсем — вы же знаете, какие почерки у этих девушек в адресных бюро...

Марков знал, конечно. И был несказанно доволен, что секундного взгляда на неряшливую запись оказалось для Орлова достаточно, чтобы разобрать и запомнить самое главное...

Полковник Горелов внимательно прочитал составленную Марковым справку. Задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Что ж, — наконец сказал он, — для начала вы поработали неплохо. Но все равно мы еще не можем сказать уверенно, с чем столкнулись: добровольным поступком Егорова или насилем.

— Я все-таки склоняюсь к последнему.

— Подождите, Андрей Ильич, с заключениями...

От своего начальника Марков ожидал услышать именно такие слова. Полковник был известен чрезвычайной неторопливостью в принятии выводов, но зато крайней решительностью в последующих за ними действиях... Квятковский, несомненно, причастен как-то к исчезновению Егорова. Или склонил того к невозвращению, или...

— Есть еще один вариант, — вставил Егоров, — Квятковский вообще ни при чем, просто случайное стечение обстоятельств.

— Не исключено, — охотно согласился полковник. — В любом случае нужно как можно быстрее разыскать Маргариту Коновалову. Здесь, в Союзе, это единственная ниточка к Квятковскому.

— Если Орлов чего-нибудь не напутал. Поездка была полгода назад, да и бланк он видел мельком.

— Будем надеяться на его молодую память. К тому же в точности фамилии сомневаться не приходится. В имени мог и ошибиться, так что обратите внимание не только на Маргарит, но и Мариэтт и других, носящих созвучное Маргарите имя. Так что завтра вылетайте в командировку.

— В Минск?

— Не только. В Ленинград тоже. Нужно поговорить с Бобровым.

С капитаном Сергеем Веселовским, который встретил его в минском аэропорту, Марков был знаком — несколько месяцев тому назад он приезжал в Москву в связи с крупным валютным делом. За две недели они успели подружиться, побывали даже на футбольном матче динамовских команд Москвы и Минска, за которые соответственно месту жительства и болели.

Крепко пожав Маркову руку и ловко перехватив у него спортивную сумку с вещами, Веселовский сразу заговорил о деле:

— Мы тут успели кое-что выяснить со вчерашнего дня. В Минске проживают четыре Маргариты Коноваловы рождения тридцатого года и две тридцать восьмого. Так что работы будет не так уж много.

Марков был постарше своего минского коллеги не только званием, но также возрастом и опытом. Потому и не столь оптимистичен.

— Кто-нибудь из них попадал в наше поле зрения?

— Нет.

— А ты говоришь — работы будет не много. — Марков слегка передразнил приятеля. — К слову, Квятковский мог и не выходить на Коновалову, адрес же узнавал для кого-то другого, может быть, вообще с невинными целями.

— Тогда ему незачем было бы скрывать бланк справочного бюро от своего спутника.

— Но если они встретились, и по серьезному поводу, вряд ли можно рассчитывать на ее откровенность.

Веселовский, оказалось, предвидел такую возможность.

— У меня есть план. Если, конечно, найдем нужную нам Коновалову. Милиция предъявляет гражданам фотографии их родных или знакомых для опознания. И при этом не всегда сообщает, по разным соображениям, что произошло с этим человеком: арестован, находится в розыске, погиб, ну, и тому подобное. У нас есть фото Квятковского, вот и предъявим его Коноваловой. Знакомая Квятковского сразу узнает его и хоть чем-нибудь да выдаст себя. Если она его сообщница, то первая мысль, которая придет ей в голову, что Квятковский задержан, изобличен и дал против нее показания. Значит, упираться бессмысленно — только усугублять положение. Если встреча не содержала ничего предосуди-

тельного, то ей и вовсе нет никакого смысла что-либо скрывать.

— Придуманно неплохо. А как осуществить практически?

— В городском угрозыске работает наш бывший сотрудник, капитан Губарев. С его нынешним начальством в МВД уже обговорено — он нам поможет. Если центр, то есть ты, не возражает.

«Центр» не возражал. Превосходный план Веселовского, будучи, правда, реализованным лишь на две трети, существенных результатов не принес. А на две трети он был осуществлен потому, что из шести Маргарит Коноваловых в Минске находились лишь четыре. Ни одна из них Квятковского на фотографии решительно не опознала и никаких признаков волнения, тем более растерянности при этом не проявила. Что же касается зарубежных связей — таковая выявилась лишь у одной из четырех опрошенных Коноваловых — родная сестра-пенсионерка в недалеком Белостоке.

Андрей нервничал. Сергей его успокаивал, обещал довести дело до конца и незамедлительно дать знать в Москву о результатах.

В Ленинград Марков прилетел около полудня, рассчитывая в этот же день выехать в Москву «Красной стрелой». О встрече с Бобровым договорились заблаговременно его ленинградские коллеги.

Валентин Михайлович Бобров оказался симпатичнейшим человеком, поразительно похожим и внешностью, и манерами на актера Евгения Леонова — если бы тот носил очки. Вот только леоновской жизнерадостности в собеседнике Маркова (они разговаривали в специально снятом на день номере «Европейской») не было и на гран. Он выглядел подавленным и растерянным. В ходе разговора почти непрерывно курил мало кем покупаемые в наш сигаретный век папиросы «Казбек». Первыми его словами после формального знакомства были:

— Что с Сашей? Удалось с ним встретиться?

— Не знаю, — чистосердечно ответил Марков, отметив про себя «Саша», а не «Егоров». — Меня два дня не было в Москве. Но думаю, что нет, меня бы известили. Хотите кофе?

— Не откажусь.

Марков, нарушая правила проживания гостей, вынул из серванта чайник, ополоснул его в ванной комнате,

заполнил водой и воткнул в розетку дорожный кипятильник, извлеченный из сумки вместе с банкой растворимого кофе, сахаром и пачкой минского сухого печенья. Через несколько минут они уже кофейничали. Процедуру эту Андрей затеял не только потому, что у него со вчерашнего вечера росинки маковой во рту не было, но и с целью практической — дать время Боброву освоиться перед не слишком приятным разговором.

Отпив половину первой чашки, Марков, наконец, перешел к делу.

— Я слышал, Александр Иванович Егоров был вашим другом?

— Почему — был? — подчеркнуто ровным голосом спросил Бобров. — Он и остается, уверен, моим другом, как и я его.

— И это вы говорите после всего того, что произошло в Бредене? — недоуменно воскликнул Марков.

— А что, собственно, там произошло? — уже с явным вызовом произнес Бобров. — С моей точки зрения, там произошла беда. С моим другом Сашкой, то есть советским гражданином Егоровым.

Столько убежденности было в этом энергичном заявлении, что Марков понял: надо немедленно изменить тональность разговора, иначе никакого прока не будет.

— Валентин Михайлович, на Западе от имени Егорова было сделано заявление, в котором, в частности, он мотивировал свой отказ вернуться в СССР тем, что вместо него в члены-корреспонденты избрали вас.

Бобров неожиданно засмеялся:

— Это дурацкое заявление, дурацкое лишь на первый взгляд, только убеждает меня в том, что Егоров написал его сам и что он попал в беду...

Тут уже Марков окончательно растерялся.

— Как прикажете понимать?

— Да очень просто. Егоров прекрасно понимал, что там, на Западе, не знают всю историю с выборами, и этим заявлением дал понять нам, знающим подоплеку, что его вынудили сделать это.

То, что сообщил Бобров, было очень важно и — интересно. Марков тут же спросил:

— Вы это можете доказать?

— Пожалуйста! Мы не знали, что наши институты, его в Москве и мой в Ленинграде, выдвинут нас в этом году. Это произошло одновременно. Оба мы тогда были

очень заняты делами и о выдвижении узнали из газет. А за два дня до сессии он мне позвонил и сказал, что снял свою кандидатуру фактически в мою пользу. Кстати, моя жена присутствовала при этом разговоре и только ахнула. Меня этот псих благородный (Бобров так и выразился — псих) возмутил. Я ему сказал, что раз так, я тоже сниму свою кандидатуру. А он только загоготал в трубку: «А вот и не снимешь, потому что этим откроешь дорогу прохвосту Болтянскому».

Бобров вдруг сник и огорченно вздохнул:

— Об одном жалею, что не догадался вовремя отказаться от баллотировки, опередить Сашку.

Валентин Михайлович допил остывший кофе и закончил свою мысль.

— Теперь слушайте — это не все еще. Когда подсчитали шары, Сашка первым прислал мне телеграмму. — Он вынул из портфеля стандартный бланк, бережно развернул его и прочитал: — «Дорогой Валя. Поздравляем с избранием в членкоры во славу науки и на радость ближним. Ура! Ждем с Верой в Москве. Заказываем стол в «Арагви». Целуем, Саша, Лида».

Марков не удержался и даже вскочил с места:

— Егоров знал, что эту телеграмму вы, конечно, сохраните...

— А те, кто заставил его лепить эту «чернуху», не знали! Он понимал, что я легко могу разоблачить это вранье, и шел на него сознательно, чтобы я понял — он под давлением! Но и это еще не все!

Марков торопливо сделал несколько пометок в записной книжке и спросил:

— Вы можете на время дать эту телеграмму?

— Для того и принес, держите. Дальше. Егоров там что-то городил, что невозможен контроль над обычными, чрезвычайно разрушительными видами вооружения. Я тоже вхожу в число экспертов по этим делам. Так вот, именно Егоров разработал некоторые идеи, позволяющие такой контроль осуществлять! Опять-таки, там этого не знают, а мы знаем!

Марков не мог не признать, что Бобров — ей-богу, не зря его избрали в академию! — голова, рассуждает убийственно логично. Между тем ученый продолжал:

— И последнее... Никто и вы тоже не обратили внимание на один момент в заявлении Егорова, а если и обра-

тили, решили, что это ошибка комментаторов: он назвал меня «Виталий Бобров», а я Валентин.

— И что из этого? — недоуменно спросил Марков.

— Здесь скрывается одна тонкость. Мы ведь с Егоровым не только в институте вместе учились, но и в одном дворе росли. Меня при рождении родители нарекли Виталием, но ребята, пацаны, почему-то называли Валькой. Я так привык к этому, что в восемнадцать лет сменил имя официально. Однокурсники, в том числе и будущая моя жена, знали меня уже как Валентина.

Бобров закурил очередную папиросу и закончил:

— Сегодня из всех моих близких и знакомых только Сашка знает, что я бывший Виталий. Это он меня из детства позвал на помощь — понимаете?!

Марков уже давно все понял. Как профессионал, он знал такие штуки. Во время войны радисты-разведчики на случай захвата располагали индивидуальным секретным сигналом, с помощью которого можно было дать знать своим, что они работают под наблюдением СД. Вроде пропуска точки после фразы, грамматической ошибки. Как же должен был быть уверен Егоров в своем друге, что не побоялся возвести на него напраслину, лишь бы вставить в текст всю эту «чепуху» с выборами, участием в экспертизе, наконец, известного только им двоим старого имени.

Теперь уже в голове Маркова выстроилась вполне завершенная версия. Егорова заманили в ловушку (показания владельца «Казачка» и предъявленный им счет могли быть подстроены для снятия подозрения с Квятковского), похитили, стали принуждать к сотрудничеству. Похитившие его лица вполне могли состряпать любое заявление от имени Егорова и без его помощи. Встретиться с консулом ему бы, конечно, невзирая на все протесты, не дали. У него был единственный выход — написать заявление для прессы и радио самому, чтобы воткнуть туда информацию, которая при проверке в СССР выявила бы полную абсурдность текста. Использование имени «Виталий» стало последней точкой в его замысле: похитители ученого столь необычного факта в биографии Боброва знать никак уж не могли. Как не могли знать и глубокой убежденности Валентина Михайловича в честности и преданности Родине его попавшего в беду друга.

В ту ночь Андрей не мог уснуть часов до двух и, чтобы

не беспокоить попутчика, вышел в тренировочном костюме в тамбур. Долго курил, обдумывал сложившуюся ситуацию. То, что произошло в Бредене — если, конечно, произошло именно так, как он теперь представлял, — вызывало у него противоречивые чувства.

На службу в КГБ СССР Андрей Марков был направлен после окончания юридического факультета Московского университета. Прошел и специальную школу, и работу в оперативном подразделении. Теперь прочно обосновался в следственном.

Разные люди побывали в его скромном кабинете за эти годы: агенты иностранных разведок, крупные валютчики, акулы «теневого эконоимики», два рецидивиста, пытавшиеся угнать самолет. Но впервые ему досталось дело, так сказать, заочное. Поскольку он никогда гражданина Егорова Александра Ивановича в глаза не видел, и неизвестно, увидит ли когда-либо вообще.

Еще в университете Андрей Ильич выделялся среди однокурсников не только хорошими знаниями, но и широкими взглядами, терпимостью к неразделяемым им самим положениям в спорах, раздиравших порой комнаты студенческих общежитий на Ленинских горах. Не будучи конформистом, он в то же время никогда не впадал и в так называемый «либеральный» экстремизм, застилавший глаза многим однокашникам. К прокатившейся в шестидесятые и семидесятые годы по стране настоящей волне «эмиграционной лихорадки» Марков отнесся спокойно. Как юрист с университетским образованием, Марков тяжело переживал каждый случай лишения советского гражданства лиц, выезжавших за границу на легальных основаниях, полагал их по крайней мере слабо обоснованными юридически актами.

Но была одна категория лиц, которых он никогда не оправдывал, даже при наличии, так сказать, смягчающих обстоятельств: невозвращенцев. Отказ вернуться на Родину он принципиально считал поступком безнравственным и нечестным. Не нравится жить в СССР, полагал он, обращайся в ОВИР, уезжай на законном основании, не лицемеря и никого не обманывая. В самом деле, почему должна была считаться политическим беженцем знаменитая балерина, обратившаяся с просьбой о предоставлении ей убежища в Англии? Никакой общественной деятельностью она в жизни не занималась, даже профсоюзные взносы никогда не собирала, в так

называемые «диссидентские круги» не входила, никаким преследованиям не подвергалась, почетными званиями и престижными гастролями тоже не обойдена...

Почему же не эмигрировала нормальным путем, как это сделали некоторые артисты, в том числе и достаточно популярные, а решила разыграть спектакль с политическим убежищем? Только скандала ради, газетной шумихи... По прошествии нескольких лет балерине из гуманных соображений и уважения к международным пактам разрешили приехать в СССР повидаться с брошенными ею родителями, уже не чаявшими увидеть при жизни свое блудное дитя. Разрешили, и ладно. Но почему авторитетная молодежная газета, напрочь забыв о чувстве собственного достоинства, публикует выдержанное прямо-таки в подбострастных тонах интервью с бывшей соотечественницей? Или между милосердием и всепрощением уже поставлен знак равенства?

Сказанное вовсе не означало, что, попадись эта балерина к Маркову, закатал бы он ее по всей строгости закона. Нет, он провел бы следствие в точном соответствии с нормами уголовно-процессуального кодекса, исследовал все смягчающие обстоятельства, не позволил бы себе даже внутреннего злорадства. Быть может, даже пожалел, помог... Но чувства холодного отчуждения в себе преодолеть никогда бы до конца не сумел, даже если бы и хотел...

После разговора с Бобровым у него словно пудовый камень с души свалился. Он был по-настоящему счастлив, когда установил, хотя еще и не доказал, что Егоров не изменник Родины, а честный советский человек, попавший в большую беду. Понимание этого уже породило в нем другое чувство — глубокой тревоги за судьбу ученого, за его жизнь и достоинство.

Марков вернулся в купе, стараясь не шуметь, лег на полку и спокойно заснул. Расписание позволяло ему заехать домой, позавтракать, переодеться и без опоздания поспеть к начальству для утреннего доклада.

Телефонный звонок раздался через пять минут после того, как Марков вошел в свою квартиру. После короткого размышления — а стоит ли? — он поднял трубку.

— Не оторвал от бритья? — услышал он знакомый голос Веселовского.

— Только собирался приступить.

— Так смотри, не порежься на радостях, — продол-

жал в своей несносной манере Сергей. И Марков понял, что у капитана есть для него нечто. Но тот не спешил, наслаждался возможностью потомить душу московскому коллеге.

— Понимаешь, я звонил тебе вчера в ленинградское управление, ребята сказали, что ты у них уже не будешь, а «Стрелой» вернешься в Москву. Тогда я у них спросил, в котором часу поезд прибывает в столицу нашей Родины, город-герой...

— Пошел к черту! — заорал в трубку Андрей. — Долго будешь измываться над старшим по званию?

— Рассчитал, сколько времени тебе надо, чтобы добраться домой от вокзала на общественном транспорте, ибо остатки командировочных наверняка оставил вечером в широко известном ресторане «Садко»...

Марков сдался: пока Веселовский не завершит заранее подготовленную тираду, он к делу не перейдет.

— Ладно, — прервал вдруг себя Веселовский. — Спешу обрадовать: нашлась гражданка наша...

Марков не мог не рассмеяться — сердиться на Веселовского было занятием бесполезным, да он, в сущности, уже и сам догадался, в чем дело.

— Из числа тех двоих, что были в отъезде?

— Вовсе нет! Из тех, с которыми Губарев уже встречался. А теперь иди брейся и после девяти перезвони мне по служебному. Пока!

Ну что за молодец этот Веселовский! Сообщать свежую и, видимо, важную информацию по обычному телефону не стал, но обрадовать — обрадовал за свой счет раньше.

Занятый другим делом, полковник принял Маркова лишь через час после начала рабочего дня, так что Андрей успел позвонить Веселовскому и узнать новости уже в подробном изложении. В результате, после обстоятельного доклада Горелову, а затем и более высокому начальству, майор вечером снова отправился в столицу Белоруссии.

Оказалось, что едва ли не в то самое время, когда Марков в Ленинграде встречался с Бобровым, в угрозыск Минска явилась маленькая худощавая женщина с добрым лицом и грустными глазами. Спросила дежурного, как пройти к капитану Губареву. А через двадцать минут

с ней уже беседовал срочно явившийся сюда же другой капитан — Веселовский.

Звали женщину Маргарита Андреевна Коновалова.

— Мне стыдно, что я тогда душой покривила. Вы уж извините... Когда ваш товарищ (она имела в виду Губарева) показал мне карточку брата, испугалась. Зять у меня офицер, подумала, что нагорит ему за такое родство. Целый день сама не своя ходила. Потом решилась...

Из нескольких рассказов Коноваловой выяснилось следующее.

До замужества она носила фамилию Ружевиц. Перед войной жила в Барановичах. Отец работал врачом в больнице, мама была домохозяйкой. Старший брат Михаил учился в Минске. В мае сорок первого года он неожиданно для всех вернулся в Барановичи. Как поняла девочка, его за какой-то проступок — какой именно, она так никогда и не узнала — отчислили из института.

Семья Ружевиц, когда началась война, эвакуироваться не успела, все тяжкие годы оккупации так и просуществовала в Барановичах. Впрочем, материально Ружевицы жили не так трудно, как соседи, во всяком случае, они не голодали. Благодаря Михаилу. Чем занимался брат, девочка не знала, так как Михаил поселился отдельно от родителей. Он появлялся у них раза два в месяц, ничего о себе не рассказывал, зато приносил продукты — муку, сало, мясо, иногда даже сливочное масло и всегда мыло. Это — когда приходил пешком. Но иногда он приезжал на лошадях. Тогда в доме появлялся керосин, мешок картошки, однажды даже бочонок меду.

Рита заметила, что отец и мать разговаривали с Михаилом теперь не как с родным сыном, а отчужденно, вроде с временным постояльцем. Впрочем, подолгу брат не засиживался. Поужинает, перебросится парой фраз и уйдет до следующего раза. Закрыв за сыном дверь, отец облегченно вздыхал. Мать, девочка слышала, по ночам иногда плакала...

За неделю до освобождения города Красной Армией Михаил в большой спешке прибежал, забрал кое-какие вещи, в том числе все фотографии, торопливо, в дверях, поцеловал мать и сестру. Больше никто его не видел и ничего о нем не слышал...

В конце 1944 года, да и позже, отца несколько раз

вызывали в НКГБ. Рита уже к тому времени знала от девочек во дворе, что брат ее служил у немцев в СД, убивал партизан и бежал с оккупантами. Она плакала вместе с мамой, долго не верила, что это правда. Ружеви-чам повезло — их не репрессировали, даже не выслали из города. Только пришлось перебраться из большой их квартиры в гораздо меньшую по площади. И, само собой, до самой своей смерти Андрей Петрович проработал рядовым участковым врачом.

Позвонив в горотдел КГБ Барановичей, Веселовский быстро установил, почему так гуманно обошлись тогда, в сорок четвертом, с Ружеви-чем-старшим. Потому что, оказывается, весь период оккупации он обеспечивал подпольщиков лекарствами и перевязочными материалами, прятал у себя в больнице партизан и военных разведчиков.

Закончив семь классов, Рита уехала из родного города, где, как ей казалось, все на нее смотрели из-за брата косо. В Минске Рита поступила учиться в ФЗУ, потом на ткацкую фабрику, где работала до пенсии. Вышла замуж, сменила, понятно, фамилию, родила дочь.

Рядовой работнице, ей никаких анкет никогда за-полнять не приходилось: в партию она не вступала, за границу не ездила, на ответственные посты не выдвигалась. А в тех одной-двух, что все-таки миновать не удалось, указывала, что брат ее пропал без вести во время войны. Что, в общем, если не вдаваться в подробности, соответствовало истине. Тем более что она действительно ничего не знала о его судьбе.

До 16 мая нынешнего года, то есть почти сорок лет!

...В тот день, проводив, как обычно, внука в школу, Маргарита Андреевна тоже, как обычно, пошла в магазин: известно, что молоко, а если повезет, то и кефир привозят к открытию, а через час уже ничего и нет. Ей повезло, она все купила и довольная возвращалась неторопливо домой.

Когда Маргарита Андреевна еще только выходила из дома, то краем глаза заметила, что на лавочке у подъезда сидит пожилой человек в белом плаще и клетчатой шляпе. На коленях большой целлофановый пакет с яркими иностранными буквами. Когда же шла обратно, опять увидела того мужчину, который теперь уже не сидел, а прохаживался по тротуару, покуривая сигарету.

— Здравствуй, Рита! — окликнул он, когда они поровнялись.

Маргарита Андреевна остановилась, взгляделась в лицо и — не признала за знакомого.

— Простите, — ответила стеснительно, — не вспомню что-то...

Незнакомец снял шляпу и очки — не темные, обычные.

— Присмотрись получше...

Маргарита Андреевна присмотрелась и охнула, выпустив из рук сетку с молочными пакетами. Не веря глазам, выдохнула жалобным, почему-то чужим голосом:

— Миша?!

Припала к груди брата, забилась в глухих рыданиях. Потом оторвалась, снова взгляделась в полузабытое лицо, узнавая знакомые до боли черты.

— Где ж был ты, Миша? Сорок, почитай, лет прошло.

— Все расскажу, успокойся только.

— Да что ж мы стоим-то здесь, посреди двора? — спохватилась женщина. — Пойдем в дом.

— Кто-нибудь там есть?

— Боря дома, муж. Бюллетенит. Да он не заразный, простуда просто. Ну а я уже год на пенсии как.

— Тогда не стоит, — покачал головой брат.

— Ну почему? Пойдем, познакомлю...

— Лучше в следующий раз... А по первому нам с тобой вдвоем лучше поговорить...

Поникла Маргарита Андреевна, словно холодной водой ее окатило. Вспомнила сразу, из какого времени возвратился нежданно-негаданно брат и кем он в том времени был. Согласилась уже спокойно:

— Ты прав. Тогда пойдем прогуляемся — тут скверик есть неподалеку.

Проходным двором они вышли на параллельную улицу и вскоре очутились в небольшом, но уютном скверике, не обезображенном ни девушкой с веслом, ни многопудовой вертушкой из стальных труб, какими в последние годы благодетельствовали ребятишек тресты по озеленению. Отыскали свободную скамейку, присели.

— Да как же ты меня нашел, Миша? Я ведь давно Коновалова...

Брат вынул из кармана пиджака бумажник, а из него журнальную вырезку, развернул, показал.

— Узнаешь?

Она узнала, конечно.

— Так это из «Советской женщины». Года два назад к нам на фабрику корреспондент приезжал, со многими разговаривал, со мной тоже, ну и сфотографировал. Неужели узнал на снимке?

— Представь себе, узнал! Ты же вылитая мать стала. К тому же в очерке сказано было, что родилась в Барановичах. Это меня окончательно убедило...

Маргарита Андреевна еще раз взглянула на вырезку, задумалась, потом спросила:

— А почему у тебя страница на немецком языке?

Михаил засмеялся безмятежно:

— Так этот журнал выходит чуть не на пятнадцати языках, мне попался на немецком...

Она покачала головой:

— Не нужно, Миша... Я ведь уже не та девчонка... Ты что, на Западе теперь живешь? Вот и пакет у тебя заграничный, и одет вроде просто, а все не по-нашему...

Михаил не стал отрицать очевидного:

— Да, на Западе. Вот приехал в командировку.

— А я думала, что получил свое, искупил, от работал... А ты, значит, бежал тогда...

Лицо Ружевица искривила гримаса.

— Искупил бы... С веревкой на шее. Ну ладно об этом. Скажи лучше, что с родителями стало после войны?

— Я уехала от них после семилетки. Не могла по улицам ходить спокойно, все казалось, подойдет кто-нибудь, скажет что... Или сама подумаю: может, у этого старика сына мой братец расстрелял? Так и родители наши думали.

— Их преследовали?

— Обошлось, слава богу. Только им от того не легче было. Потому и померли раньше срока. Считай, и это на твоей совести...

Ружевиц сидел, низко наклонив голову, так, что глаз не было видно. Сжимал в руке сигарету, которую забыл прикурить. Спросил глухо:

— Где их похоронили?

— В Барановичах, где ж еще...

— Могила цела?

— Конечно. Езжу каждый год, содержу в порядке.

Ружевиц словно очнулся. Поставил на лавочку пухлый пакет:

— Я тут привез тебе подарки.

С горечью усмехнулась женщина:

— И что я мужу, дочке с зятем, внуку Костику скажу? Откуда такие обновки заграничные? Брат-преступник привез?

— Подожди, Рита... У меня ведь никого, кроме тебя, на белом свете нет. Столько лет тебя разыскивал, приехал-то, лишь бы повидать. Рисковал на старости лет...

— Вот и продолжай считать, что никого у тебя на белом свете нет...

Она встала. Вскочил и Ружеви́ч:

— Только не спеши доносить, что встретила брата. Затаскают по следователям. И дочь, и зятя в черный список занесут...

— А это уже не твоя забота.

Маргарита Андреевна вздохнула, провела устало ладонью по лбу, подняла свою авоську и направилась к дому. Скрылась в подворотне проходного двора, так и не обернувшись...

Полгода не решалась она рассказать мужу то, что произошло 16 мая. И когда пришли к ней из милиции с фотографией брата, тоже не смогла. А после бессонной ночи поехала в городской угрозыск к капитану Губареву.

...И вот уже майор Марков раскрывает толстую папку: дело по розыску активного пособника немецко-фашистских оккупантов на территории БССР, изменника и военного преступника Ружеви́ча Михаила Андреевича...

Комната была просторная, светлая, обставленная по принципу — ничего лишнего. Тахта вместо кровати, тумбочка для белья у изголовья, небольшой письменный столик без ящиков, стул, два кресла, графин с водой, два стакана. В углу, возле входной двери — маленький холодильник с пивом и прохладительными напитками. Напротив тахты плоский ящик телевизора. На стене единственное украшение — искусная, под настоящий холст, копия «Сидящей обнаженной» Модильяни. На письменном столике единственная книга — Синодальное издание Библии, прекрасная рисовая бумага, текст на пяти европейских языках...

Очень внимательный человек, осмотрев комнату, заметил бы кое-что не совсем обычное. Например, что все лампочки в ней, а также в примыкающей ванной —

низковольтные, что стекло большого окна — небьющееся и непробиваемое, что графин и стаканы — тоже небьющиеся, что напитки и пиво в холодильнике не в бутылках, а только в пластиковых банках, что телевизор вовсе не телевизор, а только монитор, что дверь хоть и снабжена замком, но запирается и открывается лишь снаружи. Наконец, внимательный и опытный человек обнаружил бы хитроумно вделанные в разных местах чувствительные микрофоны и глазки телекамер.

Описанная комната располагалась на втором этаже небольшой, современной, западной архитектуры виллы, надежно укрытой от нескромных взоров со стороны автомобильной дороги каменным забором и маленьким — ровно гектар — парком. Весь участок вместе со строениями принадлежал греческому миллионеру Иоаннополусу. Впрочем, сам он никогда здесь не появлялся, только вносил аккуратно положенную сумму налога на недвижимое имущество. В местной мэрии имелся документ, из которого явствовало, что грек-миллионер сдал, видимо, за ненадобностью, виллу крупному бреденскому книгоиздателю (городок находился от Бредена всего в тридцати километрах) Гехту.

Если бы все тот же внимательный человек осмотрел, кроме комнаты на втором этаже, все остальные помещения как самой виллы, так и других построек на участке, он обнаружил бы много любопытного. Можно было бы только гадать, зачем книгоиздателю Гехту потребовалось все это весьма специфическое и дорогостоящее оборудование и снаряжение.

В комнате на втором этаже уже неделю жил мужчина лет сорока пяти, невысокий, худощавый, интеллигентной наружности. Осунувшееся лицо, воспаленные глаза, рассеянный взгляд и неуверенные движения давали основания полагать, что человеку этому здесь неуютно, даже скверно. Так оно и было на самом деле. Уже вторую неделю его мучили тяжелые мысли, он безуспешно пытался понять то, что произошло, что еще может произойти. И какую роль во всем этом невероятном событии сыграл и играет профессор Майкл Квятковский?

Так уж совпало по времени, что в этот самый день и час (с разницей, естественно, по поясу) об этом же размышлял в городе Минске майор Марков... Впрочем, в документах, изучением которых он сейчас занимался,

фамилия «Квятковский» не встречалась ни разу. В них фигурировал некий Михаил Ружевич...

На станцию Барановичи минский поезд прибыл с большим опозданием. Легко подхватив свой полупустой чемоданчик, Михаил спрыгнул на перрон. Телеграммы о столь неожиданном возвращении в родные пенаты он не давал, потому никто встречать его не явился. Двадцатиминутная прогулка до дома в теплый майский вечер в другое время доставила бы только удовольствие после духоты и неюта общего плацкартного вагона. Но именно в другое время. А сейчас его ожидал неприятный разговор с родителями, который неминуемо возникнет в тот самый момент, когда он ступит на порог отчего дома. Почему, да в чем дело, за что... Мать, конечно, заплачет, отец начнет расхаживать из угла в угол — тоска, да и только... Что же, придется перетерпеть. А пока что у него есть двадцать минут, чтобы придумать самую первую фразу в свое оправдание.

Очень хотелось есть. Михаил рассчитывал успеть попасть домой как раз к ужину, а потому ничего съестного в дорогу не взял. Кто мог предположить, что поезд на три часа застрянет на каком-то безымянном полустанке. Он прошел знакомой с детства дорогой мимо садов за глухими деревянными заборами, миновал ушедшую от древности в землю керосиновую лавку, двухэтажное здание школы, в которой когда-то учился. Где-то рядом стрекотали кузнечики, воздух был настолько чист, что даже стала немного кружиться голова. Показалось вдруг, что вовсе не уезжал он никуда отсюда, а просто припозднился, возвращаясь домой с последнего сеанса в кино или с танцевальной веранды в городском парке.

Наконец, Михаил подошел к дому. Света в окнах не было, видимо, все уже спали. Засиживаться после полуночи в их семье принято не было.

Дверь на долгий стук отворила мать. В поспешно надетом поверх ночной рубашки долгополом отцовском пальто она казалась совсем маленькой.

Целуя сына, она одновременно засыпала его тревожными вопросами: что случилось, почему приехал так рано, ведь экзамены еще даже не начинались, и без телеграммы...

— Отец что, спит? — не слишком вежливо перебил Михаил.

— У него дежурство. Да проходи же... Только тише, Риту разбудишь.

— Ты приготовь что-нибудь, мать. А то поезд опоздал, а у меня одни яблоки...

Пока мать хлопотала на кухне, он разделся, умылся, собрался с духом для неприятного разговора. Через несколько минут Лидия Сергеевна подала наспех поджаренную яичницу с колбасой, хлеб, масло, молоко.

— Ешь пока, а там и чайник поспеет...

Она уселась напротив, подперев щеки худенькими кулачками, внимательно наблюдала, как торопливо и жадно сын расправлялся с едой. Лишь когда он отодрнул в сторону пустую тарелку, спросила тихо:

— Так что же случилось, Миша? Только говори правду...

Он знал, что придется говорить правду — обмануть мать было невозможно, разве что утаить какую-то толику.

— Отчислили меня, мама, — наконец бухнул он, — и из комсомола исключили.

Странное дело, но мать не заплакала, не закричала. Должно быть, когда собирала ему поздний ужин, подготовила себя к худым новостям. Спросила только с тоской в голосе:

— За что же?

— Отказался принимать участие во всяких субботниках и воскресниках. Я в институт пришел на инженера учиться, а меня заставляли мусор чужой убирать.

— За это разве исключают?

— Ну, если бы я просто отволынил, тогда бы ничего — многие так и делают. А я погорячился — на бюро все высказал. Ну, на ближайшем собрании меня и поперли из комсомола. Еще и ходатайство возбудили перед дирекцией об отчислении. Вот и все...

Все же заплакала мать, беззвучно, опустив голову и вытирая глаза краем полотенца.

— И что же теперь будет-то, сынок?

— Не знаю, — искренне ответил Михаил. — Пока пойду работать. Должно быть, в армию призовут. Если, конечно, — добавил он с прорвавшимся наружу страхом, — в НКВД не заберут...

Уже рассветало, когда Михаил, наконец, заснул. А до того долго ворочался на скрипучем диване в отцов-

ском кабинете. Из головы не выходили недавние события, которые привели к столь резкому перелому в его жизни. Месяц назад его остановил в коридоре секретарь факультетского бюро комсомола Павел Василенок, высокий худой парень с нечесаной рыжей шевелюрой.

— Ружеви́ч, ты опять не был на субботнике. Все, хватит. Будем разбирать тебя на бюро. Готовься, завтра в три часа.

Тогда Михаил только усмехнулся. В душе он презирал этого бывшего колхозного счетовода из-под Витебска, просиживавшего ночи напролет над учебниками и конспектами. Он был уверен, что его, круглого отличника, для приличия пожурят да и отстанут. Но надежды его не оправдались. Никакого заявления о принципиальном неприятии субботников и воскресников Михаил, конечно, не делал, был достаточно здравомыслящ, так что насчет возможного интереса НКВД к своей персоне он ляпнул матери просто так, вернее, чтобы выглядеть в ее глазах человеком принципиальным, пострадавшим за правдоискательство. На самом деле с субботников он тихонько смывался или не приходил вообще под благовидным предлогом. Неявка на предмайский послужила лишь последней каплей, что переполнила чашу терпения институтской комсомолки.

На заседании бюро выступали многие однокурсники Михаила, особенно досталось ему от маленькой очкастой Тамары Коваленко и демобилизованного краснофлотца Вадима Воробьева.

Ружеви́чу дали жару и за его высокомерие, и за зазнайство, и четко прослеживаемую нечистоплотность. Общие рассуждения были подкреплены конкретными фактами. Всплыли не только злосчастные субботники. Оказывается, в бюро было уже известно, что Михаил за приличные по студенческим масштабам деньги торговал шпаргалками (он обладал великолепным каллиграфическим почерком и умел крохотными, но свободно читаемыми буквами на нескольких полосках бумаги изложить основные положения и формулы всего курса сопромата), и о пьяном дебоше в вокзальном ресторане, знали и об его неприглядной роли в истории внезапного ухода из института «по собственному желанию» лаборантки Таи Короткевич...

И бюро, и последующее факультетское собрание исключило Ружеви́ча из комсомола, райком это решение

утвердил. Затем последовал и приказ дирекции об отчислении из института за аморальное поведение. В отличие от самонадеянного поведения на бюро, на собрании напуганный Михаил уже юлил, каялся, взывал к снисхождению. Но добился лишь того, что тот же рыжий Василенок публично назвал его лицемером и приспособленцем.

Только очутившись дома, Михаил в полной мере осознал, что случившееся с ним — не просто неприятности, а настоящий крах всех его надежд на быструю и легкую карьеру. Диплома инженера в обозримом будущем ему не видать, как своих ушей. Впереди, как он уже сказал матери, прозябание на какой-нибудь завалящей работенке (а на какую еще возьмут исключенного из комсомола?) и неизбежный призыв в армию. И служить придется не командиром с рубиновыми «кубарями» в петлицах, а рядовым красноармейцем. Его, победителя институтской олимпиады, круглого отличника, первого претендента на Сталинскую стипендию, забреют и ткнут в общий строй со вчерашними колхозниками...

А эти бездари, которые искалечили ему жизнь, через два года защитят свои никому не нужные проекты и станут хозяевами жизни, и кто-то из них прорвется в аспирантуру на ему, Михаилу Ружевицу, предназначенное место. Как же ненавидел он их всех!

...Прошло несколько дней. Ружевич прожил их в напряжении и тревоге. Дело в том, что, ради красного словца помянув НКВД, он, в конце концов, и сам уверовал, что его вполне могут арестовать, и перепугался изрядно. До того, что старался не выходить из дома, а малолетней Маргаритке велел не болтать подругам о приезде брата. Конечно же, ни он сам, ни родители о причинах его внезапного объявления в городе девочке ничего не сказали. Но разве шило в мешке утаишь?

В тот вечер он оставался дома один. Отец дежурил в больнице, мать вместе с Ритой ушла на именины к дальней родственнице. Михаил валялся на диване и от нечего делать читал подшивку московского журнала «Вокруг света».

Вдруг кто-то постучал по оконному стеклу. Михаил вздрогнул. Подумал, что за ним все-таки пришли. Потом опомнился — почему сотрудники НКВД стучат не в дверь, а в окно, к тому же выходящее в сад?

Успокоившись, он раздвинул занавески и увидел за стеклом улыбающееся лицо Альберта Шмонеvского, бывшего своего учителя.

— Это вы, пан Шмонеvский? — не скрывая удивления, для чего-то спросил Ружеvич, открывая окно.

— Я-я... Здравствуй, Михаил. Ты один?

— Один. Идите к крыльцу, я сейчас отворю дверь.

В тридцать девятом году после воссоединения Западной Белоруссии с БССР учитель математики местной гимназии Альберт Шмонеvский куда-то из Барановичей исчез. Оставшаяся в городе престарелая мать его ничего толком никому не объясняла. Высокий, худой, с маленькими черными усиками над тонкими губами, тридцатилетний математик выглядел переодетым в цивильное платье офицером. Впрочем, и в одежде у него проскальзывало что-то военизированное — Шмолянский носил серый пиджак с накладными карманами, папоминающий офицерский френч, галифе и ботинки со сверкающими кожаными крагами. В Барановичах он слыл ловеласом и убежденным холостяком.

— Пан Шмонеvский, так разве вы... — начал было Ружеvич.

— Давай без вопросов, Михаил, — оборвал его математик. — И никаких панов. Мы не в гимназии. Называй меня просто Альберт. Как твои дела?

— Плохо, пан... Альберт Грацианович.

— До меня докатились слухи, что у тебя были неприятности.

— Были! Исключили меня из комсомола, и из института тоже.

Вкратце Михаил изложил учителю свою грустную историю.

— Не горюй, — спокойно посоветовал Шмонеvский. И добавил несколько загадочно: — Все равно долго в этом институте ты бы не проучился. Ты еще молод, диплом от тебя не убежит. Скоро для таких хороших парней, как ты, откроется настоящая перспектива.

Шмонеvский говорил уверенно, даже безапелляционно. У Михаила сложилось впечатление, что Шмонеvский уже знал все обстоятельства его неожиданного возвращения в Барановичи и поинтересовался его делами, либо из вежливости, либо чтобы услышать обо всем от него самого.

— Что мне делать... Альберт Грацианович? — спро-

сил он. А в следующий миг неожиданно для себя Михаил воскликнул: — Не могу я больше жить при Советах! Не могу!

И тут же онемел от страха: как можно ляпнуть такое, хоть и на четыре ока!

Шмонеvский неслышно рассмеялся:

— Ну вот, дошло и до тебя! Только не дрожи так, я не осведомитель и в НКВД на тебя доносить не побегу. Как, полагаю, не побежишь и ты... — В последней фразе Михаил явственно различил недвусмысленное предупреждение, если не угрозу.

— Конечно, конечно, Альберт Грацианович. Вы мне можете доверять.

— Ну, доверие еще надо заслужить, — снисходительно бросил Шмонеvский. — Твои личные обиды на Советы не такой уж веский аргумент.

— Да я сделаю все, чтобы отомстить...

— Не горячись. Чувство мести плохой советчик. Учись владеть собой и действовать по-умному. А теперь слушай... Я к тебе еще в гимназии приглядывался, видел, ты парень неглупый, с хорошими способностями. Мог бы далеко пойти. Не хотелось бы теперь в тебе ошибиться.

По тому, как жадно внимал Михаил своему бывшему учителю, видно было, что слова эти падали на взрыхленную почву.

— В общем, чтобы не затягивать разговор, а то времени у меня мало, спрашиваю напрямую: ты готов помочь мне?

В горле Ружеvича пересохло, он уже догадался, откуда вдруг объявился Шмонеvский и что может потребоваться от него. И хотя в глубине души обмирал от ужаса, все же кивнул головой в знак согласия.

— Добро, — понял его Альберт Грацианович. Он расстегнул пиджак и вынул из-за пазухи перетянутый бечевкой небольшой сверток. Протянул Михаилу: — Это надо спрятать в надежном месте.

— Не беспокойтесь, у меня есть такое в подполе.

— Через несколько дней, может, неделю за ним придет человек. Он попросит у тебя учебник алгебры для сына. Понял?

— Понял.

Они распрощались. А на следующий день мать принесла с базара сенсационную весть: люди видели, что

ночью на вокзале арестован бывший учитель гимназии Альберт Шмонеvский, которого в городе не встречали почти два года.

С неделю Михаил каждую ночь вздрагивал от любого мышиного шороха. Понимал, что если теперь его возьмут, то институтские его грехи по сравнению с нынешним покажутся детскими шалостями. Потом малость успокоился. Никто за ним не являлся. Видно, учитель математики, если неведомые люди, поджидавшие на вокзале ночью минский поезд, не обознались и не ввали, умел держать язык за зубами.

Но вот на улице неподалеку от популярной в округе пивной его остановил плотный мужик средних лет, одетый в грязноватую вышитую рубашку с закатанными рукавами, попросил прикурить. Михаил протянул ему коробок. Обратил внимание на сильные жилистые руки, разрисованные грубой татуировкой. Синие узоры удостоверяли, что их обладатель родился в 1903 году, любил женщину по имени Лена и пришел к выводу, что ему нет в жизни счастья.

Меж тем мужик прикурил, отмахнул от лица клуб сизого дыма, вернул коробок и буркнул вместо «спасибо»:

— Учебник по алгебре принесешь мне в десять вечера. Буду ждать в парке, на скамейке за бильярдной.

Сделав затяжку и сплюнув сквозь зубы, блатной перешел на другую сторону улицы и, не оборачиваясь, скрылся в переулке.

Народу в будний день в парке было немного. Кое-где на лавочках сидели парочки, из глубины доносились звуки гармошки. Бильярдная уже закрылась, поэтому вокруг нее было темно. Михаил разыскал в зарослях сирени скамейку, присел. Достал из кармана пачку папирос, закурил. От волнения долго не мог разжечь огонек — дрожали руки, и потому ломались спички.

— Привет, Ружевич,— услышал Михаил позади себя сиплый голос, и на плечо его тяжело опустилась чья-то рука. Он едва не вскрикнул. Убрав руку, новый знакомец обошел скамейку и уселся рядом. Теперь он уже был облачен поверх вышиванки в сильно заношенный шевитовый пиджак.

— Называй Борисом,— приказал он, а затем спросил: — Принес?

Михаил достал из-под куртки сверток и передал

Борису. Тот облегченно вздохнул и в знак расположения хлопнул его ладонью по колену.

— Молодец, парень. А теперь я пошел. Ты посиди минут десять и вали домой. Если что — ты меня не видел и не слышал. Понял?

— Понял...

— Ну, тогда бывай... Даст бог, встретимся.

Михайлу действительно довелось еще раз встретиться с Борисом — в сорок пятом году, в лагере для перемещенных лиц в Бельгии. Настоящая фамилия того была Прохоров, а звали Николаем. Вор-рецидивист, он в тридцать девятом году сумел совершить побег из гомельского следственного изолятора. Пробрался в Гродно, где сошелся с белорусскими националистами. Те перекинули его в оккупированную уже немцами Польшу. Абверовцы определили Прохорова на краткосрочные разведывательные курсы и несколько раз высылали со шпионскими заданиями на территорию Советской Белоруссии. Татуировки, которые запомнил Ружевич, ему нанесли в абвере — чтобы отвлечь внимание в случае задержания от настоящих особых примет Прохорова. В годы оккупации он служил в зондеркоманде в Минске. Потом бежал вместе с немцами.

...Почти месяц миновал с момента возвращения Михаила домой, и все это время отец с ним почти не разговаривал. Лишь в середине июня, встав после завтрака из-за стола, произнес коротко:

— Я договорился в больнице, тебя берут электриком. В понедельник выйдешь на работу.

На работу Михаил выйти не успел. Потому что в воскресенье 22-го началась война.

По городу проходили колонны усталых, запыленных красноармейцев, медленно двигались полуторки с ранеными. Ни танков, ни орудий видно не было. Где-то вдали слышалась артиллерийская канонада. Отец как убежал в больницу, заслышав по радио о нападении Германии, так оттуда и не возвращался. Лишь прислал раз санитарку за кое-какими личными вещами.

Кое-кто из соседей Ружевичей стал спешно готовиться к отъезду куда-нибудь подальше. Михаил же про себя решил, что эвакуироваться не станет, добровольцем в военкомат подавно не побежит. Он, конечно, достаточно читал о том режиме, который существовал в Германии с 1933 года. Фашизм, а точнее, национал-социализм

допускал крайности. Но только по отношению к коммунистам и евреям. Он, Михаил Ружеви́ч, не коммунист и не еврей. Правда, состоял в комсомоле, но его исключили! В конце концов, можно было сослаться на то, что без комсомола затруднительно было пробиться в институт. Сейчас же главное — выжить... Начиная с 22-го гитлеровская авиация ежедневно бомбила город. Жители прятались в погреба, подвалы, рыли на огородах щели, настоящих убежищ просто не имелось. И после каждой бомбардировки множились могилы на городском кладбище.

А в пятницу, 27 июня в Барановичи вошли немцы. Начались аресты коммунистов, советских и комсомольских работников, обыски, облавы. Над недавно построенным Домом культуры развевался флаг со свастикой, у входа — фанерный щит с надписью «Комендатура».

Ружеви́ч рассчитал, что тот, кто первым предложит новой власти свои услуги, в конечном итоге окажется на коне. Потому он быстренько собрал все свои документы, от метрики до справки об отчислении из института, и отправился в комендатуру. Михаил весьма прилично знал немецкий язык, свободно владел польским, бегло говорил и по-украински. По его мнению, этого вполне доставало, чтобы получить в каком-нибудь новом учреждении должность переводчика.

В комендатуре у двери с надписью «Прием населения» ожидали в очереди всего несколько человек. Через полчаса приняли и его. В просторной комнате, видимо, раньше размещался музыкальный кружок, потому что из нее еще не успели выкатить рояль, а со стен снять портреты композиторов. За большим, заваленным папками и бумагами столом сидел средних лет немецкий офицер в роговых очках. Рядом с ним притулился на стуле известный в прошлом всему городу Антон Сивак, владевший двумя лучшими галантерейными магазинами.

— У вас заявление? — довольно вежливо спросил офицер по-русски.

— Сын местного хирурга Ружеви́ча, господин майор, — почтительно вставил Сивак, — весьма приличный юноша.

— Я хочу оказывать помощь немецким властям, — произнес Михаил заранее приготовленную фразу. — Исключен из института и комсомола за антисоветскую агитацию.

— Хорошо, хорошо, — одобрительно заулыбался майор (Михаил уже отметил про себя, что у майора — витой серебряный погон без звездочек). — Нам нужны такие помощники, много помощников. Надо писать папир, бумагу, что хочешь помогать немецкой власти, и все о себе. Как это называется?

— Автобиография, — угадал Ружевич.

— Вот-вот, автобиография. Отдашь все в комнату номер восемь. Иди, писать будешь в коридоре, там есть столик.

С этими словами майор протянул ему несколько листов чистой бумаги.

Приткнувшись в коридоре, Ружевич писал долго и старательно, желая показать себя в глазах тех, кто будет читать его заявление, в самом выгодном свете. Потом прошел в восьмую комнату, где за столами сидело трое молодых, немногим старше его мужчин в штатском. Один из них, худощавый блондин с правильными чертами лица, заговорил с ним по-белорусски, предложил присесть. Сам же быстро ознакомился с документами, потом углубился в чтение автобиографии.

— Вас исключили из института в середине мая? — спросил он.

— Да, я все подробно написал.

— Написать можно что угодно. Зачем вы вернулись в Барановичи? Кто посоветовал это сделать?

— Никто не советовал. Я здесь родился, здесь живет моя семья.

Мужчина посмотрел на него неприязненно, но ничего больше не сказал. Окликнул сидевшего в углу крепыша с короткой стрижкой, одетого в полувоенного покроя защитный френч.

— Взгляни, Стась, что написал этот молодец. За месяц с недель до начала войны его исключают из института за то, что не ходил на субботники, отбирают комсомольский билет. Он приезжает в родной город и ждет прихода германских войск. А потом заявляется сюда и предлагает как лицо, обиженное большевиками, сотрудничество оккупационным войскам.

— Хлипкая легенда, — процедил сквозь зубы Стась. — Мельчает НКВД, оставляет здесь каких-то недоносков.

Михаил похолодел от страха. До него дошло, что эти люди подозревают в нем большевистского агента!

— Врет, — продолжал Стась со злобой в хриплова-

том голосе. — За агитацию против субботников не исключали, а сажали, и надолго. Это называлось — анти-советская агитация. Уж я-то, Андрей, их законы знаю. Ты прав, видно, НКВД тут не доработало.

Как потом узнал Михаил, эти двое — Станислав Будович и Андрей Конколь были активистами созданной фашистами «Белорусской национал-социалистической партии». В первые же дни оккупации гитлеровцы направили их с территории Польши в Барановичи для устройства аппарата так называемого местного самоуправления. Птицей того же полета был и третий в комнате — Борис Лузга, в разговоре участия не принимавший.

— Куда его, Стась? — спросил Конколь.

— Пойду доложу господину Зиммеру, что попался большевистский агент, — ответил Будович, направляясь к двери.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Ружевича, если бы по счастливому для него совпадению не вошел в этот момент в восьмую Альберт Шмонеvский — собственной персоной!

— Привет, Михаил! — засмеялся он весело, хлопнув ладонью о ладонь. — Пришел в полицию записываться? Похвально, похвально!

— В полицию? Я думал, нужен переводчик. Господин майор послал меня сюда, а здесь меня приняли за большевистского агента!

Шмонеvский подошел к Будовичу, укоризненно развел руки:

— Что же ты моих друзей обижаешь, Стась? Парень при большевиках нам помог, рисковал. А ты такого героя за чекиста принял.

Будович недовольно шмыгнул носом, потом пробурчал:

— Откуда мне знать про ваши дела? Я человек маленький. Мне сказано всем им проверки делать, вот я и делаю.

Шмонеvский примирительно похлопал Стася по плечу:

— Ладно-ладно, ты все правильно делал. А этого парня я определяю в свою группу. С Зиммером договорюсь сам. Пошли, Михаил...

В коридоре пришедший, наконец, в себя Ружевич стал бормотать слова благодарности, потом сообщил,

что оставленный ему пакет передал точно по инструкции.

— Знаю. Спасибо,— живо откликнулся Шмонеvский.— Теперь могу тебе сказать, что в этом пакете были данные о положении на железных дорогах Белоруссии. Очень важная информация, как понимаешь. Я с помощником собирал ее больше месяца.

Михаил, польщенный таким доверием, с чувством произнес:

— Я так рад, Альберт Грацианович, что вам удалось спастись. Признаюсь, что был очень напуган, услышав о вашем аресте на вокзале.

— Мне повезло, удалось бежать. Стал симулировать острый принцип аппендицита. Конвоиры оказались неопытными. Я так орал, что повезли меня в ближайшую по пути в Минск больницу. Стали готовить к операции, конвой в палату не пустили. Ну, я в окно и ходу...

— Здорово! — искренне восхитился находчивостью бывшего своего учителя Ружеvич.

— Да уж чего там... Просто в рубашке, видать, родился. Теперь так... Сегодня немцы взяли Минск. Считай, большевики войну проиграли. Через месяц, самое большее, падет и Москва. Нас ждут серьезные дела, Михаил, и на тебя у меня большие надежды.

В понедельник, 30 июня 1941 года Михаил Ружеvич уже расхаживал по городу в форме полицейского.

Майор Марков знал, конечно, и по литературе, и по газетным публикациям, и по рассказам старших коллег, что многие агенты западных разведок начинали свой преступный путь со службы у немецко-фашистских оккупантов. Время от времени в разных уголках страны, порой весьма удаленных, разоблачали бывших полицейских, карателей, служащих СД и других предателей. Но лично ему ни одного подобного дела вести не довелось. В глубине души он полагал, что на Западе такие лица, кто уцелел, давно вышли на пенсию, во всяком случае, удалились от активной антисоветской деятельности. Видимо, в большинстве случаев так оно и было. Но не в данном. К тому же, Ружеvич вовсе не так уж и стар — в сорок первом году еще и двадцати не исполнилось. При наличии хорошего здоровья вполне мог продолжать свое иудино дело. Уже под другой фамилией, бог весть какой,

возможно, по счету. Во всяком случае, сопоставление старых и нынешней фотографий, показания Коноваловой не оставляли никаких сомнений в том, что бывший полицей Михаил Ружевич и бреденский профессор Майкл Квятковский — одно и то же лицо...

Итак, начиная с понедельника Ружевич принимал участие в облавах и обысках, выявлял коммунистов, евреев, семьи командиров РККА и ответственных советских работников. Всех этих лиц сгоняли на базарную площадь, а потом оттуда на грузовиках вывозили в специальные лагеря. По крайней мере, так немцы говорили полицейам. Имущество арестованных бесхозным не оставалось, его тоже увозили куда-то. При этом кое-какие ценные вещи прилипали к рукам и немцев, и их новоявленных помощников. Вначале Ружевич стеснялся хапать, а может, боялся, но очень быстро решил — чем он хуже других? — и спокойно опустил в карман свой первый «трофей» — серебряный портсигар...

Однажды Михаилу случилось ознакомиться со списком арестованных жен командиров Красной Армии.

«А где же Татьяна Ковальчук? — подумал он. — Муж у нее летчик-лейтенант, служит под Москвой. Татьяна приехала в начале июня погостить к родителям. Надо разобраться...»

Татьяну Ружевич знал хорошо — она была старше его на два года и жила на соседней улице. Видел он ее в последний раз накануне вступления немцев в город — значит, эвакуироваться не смогла. Михаил вспомнил, что проверку в том районе проводил Степан Смолянин с двумя полицейскими, но не местными, а из села. Тогда ему все стало ясно: Степан учился с Татьяной в одном классе и был влюблен в нее чуть не с детства. Об этом знала вся школа.

Утром Михаил доложил о своем подозрении Шмонеvскому. В тот же день Татьяна была задержана. Ни ее, ни Смолянина Ружевич больше никогда не видел. Шмонеvский же проникся к нему еще большим доверием и в октябре рекомендовал в только что образованную националистическую организацию «Белорусская народная самопомощь». В нее вошли также Станислав Будович и Андрей Конколь, ставшие теперь приятелями Михаила. Вечерами они частенько собирались на квартире Шмо-

невского, играли в карты, пили самогон и, если удавалось достать, шнапс. Иногда к ним присоединялись немцы. Один из них — оберштурмфюрер СС Альфред Вернер возглавлял команду по борьбе с подпольщиками и партизанами.

Ружеви́ч был человек наблюдательный. Постепенно у него создалось впечатление, что этот поджарый аккуратный немец, с редкими, зачесанными на косой пробор волосами, все время присматривается к нему, следит за каждой фразой — благо хорошо знал русский язык и понимал, естественно, белорусский.

Однажды, встретив Ружеви́ча на улице, Вернер пригласил его зайти к нему вечером домой. Михаила приглашение скорее насторожило, чем обрадовало. Вернера, при всей его вежливости и обходительности, полицаи боялись как огня — недавно по его приказу были повешены два члена «Самопомощи» по подозрению в связи с подпольем. Приглашение было сделано как бы между прочим, но Ружеви́ч не сомневался, что это приказ.

Эсэсовец принял Михаила дружелюбно, угостил яичным ликером и хорошими сигаретами, похвалил за донос (он выразился, конечно, мягче — сигнал) на Смолянина. Потом перешел к делу. Смысл произнесенной им довольно продолжительной тирады сводился к следующему.

Вот уже почти год, как доблестные германские войска освободили Белоруссию от большевиков. Но скрывающиеся в лесах бандиты, именующие себя партизанами, мешают строительству «нового порядка». Они совершают взрывы на железных дорогах, диверсии, нападают даже на небольшие гарнизоны. К сожалению, их поддерживают и некоторые слои населения.

В Могилеве формируется батальон по проведению специальных карательных акций против бандитов на территории Белоруссии. Батальоном, которому присвоено наименование «Ост», командует один из самых бесстрашных солдат рейха штурмбаннфюрер СС доктор Оскар Пауль Дирливангер.

Ему, Михаилу, оказана большая честь — зачисление в личный состав батальона, причем не только в качестве солдата, но и доверенного лица службы безопасности...

Ружеви́ч, по правде говоря, не был в восторге. Его вполне устраивала служба в полиции под началом благо-

волившего к нему Шмоневского. А главное, он прекрасно понимал, что «специальные карательные акции» — занятие далеко не безопасное. Однако отказаться не посмел.

Через три дня Ружевич прибыл в Могилев, в штаб батальона «Ост». По численности подразделение действительно приближалось к полку. К удивлению Ружевича, штурмбаннфюрер изъявил желание встретиться с ним лично. И вот он уже в большом кабинете с наглухо зашторенными окнами. За массивным дубовым столом под портретом Гитлера сидел средних лет блондин с тонким носом и голубыми глазами. Эти столь обязательные для подлинного арийца компоненты внешности плохо вязались с большой головой какой-то треугольной формы, с огромным лбом и оттопыренными ушами.

Уже после войны Ружевич узнал, что сын торговца Оскар Дирливангер вступил в нацистскую партию за год до прихода Гитлера к власти, почему и получил почетное звание «старого борца». Он быстро выдвинулся в функционеры, однако случай оборвал партийную карьеру: за растление малолетних Дирливангер попал на два года в тюрьму. Чтобы «искупить» вину, Дирливангер после освобождения вступил в легион «Кондор», действовавший в Испании, когда в этой стране разразилась гражданская война. За отличие в боевых операциях он был награжден «Железным крестом», потом служил в войсках СС во Франции, в частях СС «Мертвая голова», несших охрану концлагерей Майданек и Бухенвальд. И вот новое ответственное поручение — сформировать карательный батальон «Ост» в Белоруссии. Костяк его должны были составить профессиональные преступники и деклассированные личности, люмпен-пролетарии, завербованные лично Дирливангером в лагерях на территории самой Германии.

— Из Барановичей, от Вернера? — спросил Дирливангер, словно не лежали перед ним сопроводительные бумаги Ружевича.

— Да, господин майор, — четко и почтительно ответил Михаил. Дирливангер был не в черной, а в армейской форме войск СС, потому и обращаться к нему следовало по-военному.

— У вас хорошая биография, Ружевич, — заговорил эсэсовец, пролистывая бумаги Михаила. — Мне нужны именно такие ребята, у которых есть свои счета с комму-

нистами. Без злости в нашем деле нельзя. Вы знаете, чем предстоит заниматься?

— Очень приблизительно, господин майор. Но я готов выполнить любое задание во имя победы Великой Германии.

Дирливангер довольно улыбнулся. Похоже, ему нравился этот исполнительный парень: такой, не раздумывая, сделает все, что ему прикажут. Дирливангер повернулся к настольной лампе, и Ружевич заметил у него маленькие усики, такой же точно формы, как у Гитлера, только редкие и белесые.

— Наша главная задача, — сказал эсэсовец, — ликвидировать опорные базы бандитов. Не скрою, это дело не из легких.

Штурмбанифюрер строго посмотрел на Ружевича и после небольшой паузы продолжал с нескрываемой гордостью:

— Я собрал у себя самых отчаянных ребят — немцев, французов, мадьяр, латышей, украинцев, русских, белорусов. Разные люди и разные судьбы. Общее у них одно — ненависть к коммунизму. Запомни навсегда, я собственноручно пристрелю любого, кто пожалеет пособника большевистского бандита, будь то женщина, старик или ребенок!

Помолчав, штурмбанифюрер резко переменял тему разговора, и Михаилу стало ясно, почему командир батальона вызвал к себе его, рядового солдата. Оказывается, на Ружевича возлагалась в батальоне еще одна, сугубо секретная обязанность: докладывать лично Дирливангеру или его заместителю обо всем подозрительном, что он подметит в поведении и разговорах солдат славянского происхождения...

...По приобщенным к делу документам майор Марков получил достаточно полное представление о кровавом пути карательного батальона «Ост», об участии в массовых убийствах и пытках советских граждан вначале рядового, а затем унтершарфюрера СС Михаила Ружевича.

15 июня 1942 года каратели штурмбанифюрера СС Дирливангера сожгли деревню Борки Кировского района Могилевской области и убили свыше тысячи восьмисот ее жителей. И это было лишь началом. Всего же за время

действий в Белоруссии головорезы из батальона «Ост» расстреляли и сожгли живьем свыше ста двадцати тысяч человек, стерли с лица земли около двухсот деревень, в том числе Хатынь, ставшую олицетворением страданий и потерь белорусского народа.

Рота, в которой служил Ружевич, называлась «Иностранной». В ней действительно не было ни одного немца. Командовал ею Павло Скрыпник, из бандеровцев. Его Дирливангеру прислали из Мукачева, как Михаила из Барановичей. Вот он шагает впереди Ружевича, маленький, сутулый, в ушитой немецкой форме. А вот показалась укутанная утренним туманом деревушка Лизовка — цель их сегодняшнего рейда. По доносу, полученному Дирливангером, ее жители «поддерживают тесные связи с лесными бандитами». Для эсэсовца этого было достаточно, чтобы вынести деревушке в тридцать дворов смертный приговор.

— Крохин! — крикнул Скрыпник высокому белобрысому парню с погонами оберфельдфебеля войск СС. — Твой взвод возьмет восемь хат. Сгонишь в ту, что у колодца. И поживее, надо управиться до обеда, чтобы к вечеру вернуться в Светличное.

— Есть! — откликнулся Крохин, обнажив крепкие сахарно-белые зубы. Он вообще был улыбчивый парень, еще год назад — младший лейтенант Красной Армии. «Решили всех в один дом согнать, значит, жечь будут, без расстрела», — догадался Михаил. За четыре месяца службы в батальоне этого делать ему не приходилось. Пока он только расстреливал.

Кинулись к хатам солдаты, стали выгонять людей наружу, кто не хотел сам идти, гнали прикладами, тащили волоком по земле. Плакали и причитали женщины, криком кричали дети. В дом у колодца каратели загнали человек пятьдесят, принялись заколачивать досками окна и двери.

— Ты что, Гном, кто же так окна забивает? — орал Скрыпник. — Выбьют, лишь запалим, начнут детей выкидывать, как в Борках. Не жалея гвоздей!

Могилевский вор-домушник Шелудько, получивший такую кличку за маленький рост, послушно застучал обухом топора, вгоняя в доски длинные гвозди. Успокоил Скрыпника:

— Все будет в ажуре, начальник! Не бойсь! Ни одна сволочь не выберется!

Вот уже и взводный Крохин загорланил:

— Краснов, Ружеви́ч! Чего глазеете! Тащите солому из сарая и обкладывайте!

В душе Михаила все словно оборвалось, ему было страшно, быть может, впервые с тех пор, как он очутился в батальоне. Он действовал словно в кошмарном сне. Билась где-то на дне сознания мысль: «Господи, да что я творю?! Почему Скрипник не приказал просто расстрелять их, почему? Зачем такая ненужная жестокость?»

Жестокость была нужна, более того — запланирована заранее. Для устрашения, и не только окрестного населения, дабы неповадно было помогать партизанам. Но и для солдат самого батальона «Ост». Карательная «акция» вязала их огненной порукой, чтобы и проблеска мысли вырваться из круга преступлений не возникало, чтобы шли послушно на самое чудовищное злодеяние.

Ружеви́ч слышал, что были случаи, когда полицаи перебегали на сторону партизан, знал и о том, что служба безопасности иногда выявляла среди них советских разведчиков. Еще до его прихода в батальон в одном из взводов «Иностранной роты» произошло нечто невероятное: во время «акции» новобранец из числа завербованных в лагере военнопленных вдруг ударил из своего автомата по отделенному. Прежде чем его застрелили, он успел уложить еще пятерых солдат.

Не случайно, значит, Дирливангер, набирая людей в батальон, отдавал предпочтение уголовникам, давно забывшим, что такое угрызения совести, да и тех регулярно пропускал через «огненную купель».

...Меж тем у хаты появился Крохин, волоча по земле большую молочную флягу. Откинул крышку и с помощью все того же Гнома стал поливать стены и солому. Не молоком, конечно, — керосином. Потом запалил соломенный жгут, предварительно опустив его во флягу, отошел шага на три от хаты и швырнул факел на ее крышу. За несколько секунд пламя охватило постройку.

Снова раздалась команда ротного:

— Теперь палить пустые хаты! Только сначала все обшарьте, нет ли харчей или вещичек хороших!

В бушующем огне трещало дерево. Но и в этом гуле

и треске различал Ружевич страшные крики, вопли, проклятья. Потом донесся жуткий запах горелого мяса. Человеческого...

Приступ неудержимой рвоты согнул его пополам...

— Эх, интеллигенция, — услышал он насмешливый голос Крохина. — Утрись и бери мешок. Не мне же за тебя нести.

Михаил послушно забросил за спину рогожный мешок. В нем лежал хлеб. Несколько караваев. Видимо, испеченных вечером. Последний хлеб, испеченный в несуществующей больше белорусской деревушке Лизовке...

...Вечером на базе батальона в большом селе Светличном Ружевич впервые в жизни напился до полной потери сознания. А утром постарался выкинуть из головы воспоминания о вчерашнем. Ему это удалось довольно легко. Ничто на свете не могло бы теперь заставить Ружевича содрогнуться. Даже страх перед возмездием за содеянное.

— Слышь, Мишка, — окликнул его на дворе Жорка Суконцев, порученец ротного, — вчерась взвод Пласкины отличился. Пятерых бандитов в стогу взяли. Они, видать, из окружения прорывались, передохнуть решили. Ну и вляпались, голубчики.

Михаил еще никогда не видел настоящих партизан и просто из любопытства решил взглянуть на них. Взводный Пласкина, лучший друг-приятель Скрыпника, тоже из бандеровцев, был толстый тридцатипятилетний мужик с вислыми сивыми усами под запорожца. Сейчас он стоял у ворот подворья, где располагался его взвод, гордый и надменный, словно пленил не пятерых спящих, измученных голодом людей.

Пленники, избитые и связанные, в порванной одежде, сидели посреди двора прямо на земле. Двое, в телогрейках, были совсем молодые, лет по семнадцати ребята, похоже — деревенские. Еще двое, судя по одежде, явно из бывших красноармейцев. Пятый смахивал на городского. Одет он был в длинное черное пальто. Из-под кепки с квадратным козырьком выбивались лохмы рыжих волос. Лицо заросло щетиной — не поймешь, молодой или старый. Ружевич подошел ближе и — ахнул:

— Василенок!

Партизан поднял голову. Тоже узнал.

А-а! Ружевич... Выходит, угадали мы тебя тогда.

Да не совсем. Думали, ты просто подонок, а ты враг. Так что полный расчет с тобой еще впереди...

Михаил изобразил на лице улыбку:

— Не дергайся, Паша. И не угрожай. Ты у меня в плену, а не я у тебя.

Ружеви́ч не стал дальше пререкаться с бывшим однокашником. Направился прямо к штабу батальона и убедил дежурного, чтобы пропустили его к Дирливангеру с важным сообщением.

— Господин подполковник, — твердо доложил он эсэсовцу, получившему недавно повышение в звании, — вчера взвод оберфельдфебеля Пласкины взял пятерых пленных.

— Ну и что? — недовольно буркнул Дирливангер. — Мне докладывали.

— Дело в том, — почтительно доложил Ружеви́ч, — что среди пленных я опознал Павла Василенка, комсомольского секретаря из минского института, в котором я учился. Уверен, что он не рядовой бандит, а какой-нибудь важный комиссар.

Тут уж Дирливангер проявил заинтересованность.

— Ошибка исключена?

— Абсолютно. Это по его настоянию меня исключили. Да он меня тоже узнал...

Дирливангер оглядел Ружеви́ча с явной симпатией. Этот парень, хоть и не немец, ему нравился. Чем-то напомнил собственную молодость. Взять хоть такой эпизод, в тридцать четвертом, когда он в коричневой форме еще штурмовика, не эсэсовца даже, тащил за шиворот по лестнице своего бывшего профессора, тщедушного еврея Иоганна Штейнбока, любившего цитировать в своих лекциях Карла Маркса. Припомнил он тогда профессору ядовитое высказывание при всем курсе, что из студента Дирливангера, может, и получится хороший торговец, но отнюдь не экономист.

...Василенка повесили через три дня. Перед казнью его зверски пытали. Дико кричал Пашка, когда жгли ему спину паяльной лампой, матерился, но никого не выдал. Ружеви́ч присутствовал почти на всех допросах, но теперь от запаха паленого человеческого мяса его уже не мутило.

В конце 1943 года за «успешные» карательные операции против партизан Дирливангер получил награду «Немецкий крест в золоте», а батальон был развернут в «штурмбригаду». Еще через неполный год уже диви-

зия оберфюрера СС Дирливангера принимала участие в расправе с населением восставшей Варшавы, выжидала деревни в Словакии. Еще позже — беспощадно расправлялась с «паникерами», «дезертирами» и «предателями» в самой Германии, развешивая их на фонарных столбах. А затем подразделения карательной дивизии исчезли, растворились в армейской массе, пробивающейся как можно дальше на Запад, в плен к англо-американским войскам. Сам Дирливангер впоследствии бежал в Латинскую Америку, где прожил более тридцати лет. Прах его был заботливо переправлен друзьями в ФРГ и предан захоронению в городе Вюрцбурге.

Ну а что Ружеви́ч?

Как вычитал в розыском деле майор Марков, к середине 1944 года он дослужился до звания унтерштурмфюрера — лейтенанта войск СС, получил кресты «За военные заслуги» с мечами второго и первого класса, командовал ротой. В апреле сорок пятого с группой дирливангеровцев он пробился в Бельгию, сдался в плен и, в конечном счете, очутился в лагере для так называемых ДП (перемещенных лиц, по английской аббревиатуре).

Лагерь занимал казармы, в которых до того размещался немецкий гарнизон. Охрана была американская, не слишком строгая. Кое-кто из «ди-пи» вернулся в СССР. Допрашивавшие их военные контрразведчики и установили, что осенью 1945 года разыскиваемый ими военный преступник Михаил Ружеви́ч еще находился в лагере, позднее же бесследно исчез.

О последующей жизни изменника в деле не имелось ни строчки. Майору Маркову оставалось только захлопнуть побуревшую от времени папку.

А дальше было вот что...

Когда до лагеря дошли слухи, что американцы будут выдавать Советам военных преступников (кое-кого действительно выдали), среди перемещенных лиц началась паника. Один власовский майор даже вскрыл себе ночью вены. Ружеви́ч панике не поддался. В свое время, поняв, в каком направлении развиваются события на фронтах, он предпринял некоторые меры предосторожности. В частности, запаса несколько комплектами документов, принадлежавших расстрелянным при его участии варшавянам. А потому в лагере он числился как поляк Михаил Квятковский, угнанный на работы

в Германию и волею судьбы неисповедимой очутившийся здесь, в Бельгии. Он благополучно прошел достаточно снисходительную проверку и теперь был в списке «дипи», изъявивших желание выехать по контракту на сельскохозяйственные работы в Латинскую Америку.

Однажды к нему подсел без приглашения неопрятный мужчина средних лет в затрепанном немецком мундире.

— Здорово, студент,— буркнул он, отхлебывая из кружки жидковатое послевоенное пиво.

Михаил поднял голову и обомлел. Это был Николай Прохоров, который в июне 1941 года представлялся ему как «Борис», связник Шмонеvского. Ни тот, ни другой не были рады встрече. В лагере каждый старался оторваться от старых связей, и, видимо, Прохоров решился подойти к нему первый для того, чтобы дать понять Ружеvичу: он его знает и рассчитывает на молчание, в обмен на молчание тоже.

Поговорили о том о сем, выпили по паре кружек и разошлись. Недели через две Михаила вызвали в контору лагеря, как он полагал, для окончательного оформления бумаг, связанных с выездом в Латинскую Америку. Человек десять — только физически крепких и до тридцати лет — из его барака туда уже отправились.

Молодой американский офицер с двумя звездочками на погонах раскрыл папку, на которой черной тушью аккуратно было выведено: «Квятковский Михаил».

— Вы поляк? — спросил офицер на хорошем немецком языке. — Были угнаны из Варшавы в Германию?

— Да, — ответил Михаил. — Работал сначала на шахте в Руре, потом бежал в Бельгию.

Он умышленно коверкал слова, старался произносить их с польским акцентом.

— Не валяйте дурака, — неожиданно и очень спокойно, как-то даже скучно сказал американец, отодвигая папку в сторону. — Документы у вас превосходные, — продолжал он, закулив ароматную сигарету «Кэмел». — Только вы не Квятковский и не поляк. Ваша фамилия Ружеvич, вы унтерштурмфюрер СС из команды Дирливангера. Как разыскиваемый военный преступник и советский гражданин подлежите немедленной выдаче властям СССР.

Михаил оцепенел... Меж тем американец кивнул головой на телефонный аппарат и закончил:

— В Бельгии превосходные дороги. До советской миссии не более часа езды...

Намек был прозрачен и ясен.

«Выдал меня таки этот урка», — с тоской подумал Михаил. Запираться было бесполезно.

— Что я должен сделать, чтобы меня не передали Советам?

— Решение вашей судьбы в мою компетенцию не входит. Мне поручено лишь довести до вашего сведения, что нам о вас известно достаточно много.

— Я согласен на любые условия.

— Доложу командованию. Пока идите и ждите вызова. Не вздумайте покинуть лагерь.

Ружеви́ч и не помышлял об этом. К чему? Он уже понял, что американцы его не выдадут.

Вызвали Михаила через неделю. Кроме уже знакомого ему офицера, в кабинете сидел за столом мужчина лет пятидесяти, в хорошо сшитом гражданском костюме.

— Здравствуйте, Ружеви́ч, — сказал он на почти чистом русском языке и первым протянул руку для рукопожатия. — Садитесь. Меня зовут Эдвард Стаффер. Я представляю организацию, которую впредь можете называть просто «Служба».

— Понимаю, мистер Стаффер.

Их беседа длилась без перерыва (правда, сержант приносил кофе и бутерброды) три часа. Похожа она, впрочем, была скорее на допрос. Кончилась встреча тем, что Михаил заполнил анкету и дал подписку о сотрудничестве с Управлением стратегических служб США — как называлась в те годы американская разведка, предшественник нынешнего ЦРУ. Тогда же было решено, что, поскольку документы Михаила превосходны, фамилия и легенда «Квятковского» остаются за ним на неопределенное время как базовые.

На следующий день Ружеви́ча-Квятковского отвезли на машине в Брюссель и поселили в отдельном номере недорогой гостиницы. В течение двух недель по восемьдесят часов он проводил на конспиративной квартире, где под руководством инструктора, назвавшего себя Гербертом и прекрасно говорившего по-русски, познавал азы шпионажа.

На последнем занятии присутствовал Стаффер.

Сидел рядом с Гербертом, не произнеся ни слова, потягивал пиво и курил. Судя по всему, он остался доволен тем, что видел и слышал.

— Итак, мы включаем вас в негласный штат сотрудников. Ваша легенда открывает хорошие возможности. Внесем в нее лишь некоторые уточнения. Например, вы участвовали в Сопротивлении в Польше. На родину не вернулись, потому что не согласны с новым коммунистическим правительством страны.

— Чем я буду заниматься? — спросил Михаил.

— Более приятным делом, чем у Дирливангера, — ответил Стаффер, давая понять, чтобы Квятковский с самого начала знал свое место. — Будете учиться. Мы направим вас в Бреден. Знаете такой город?

— Да.

— Там прекрасный, очень известный в Европе технологический институт. Поступите на факультет, близкий по профилю к тому, на котором вы учились в Минске.

— Надо сдавать экзамены? — забеспокоился Михаил. — А то я все забыл.

— Понимаю, труды ваши на войне не способствовали закреплению знаний по металловедению, — снова чувствительно приложил его американец. — Но можете не беспокоиться. Экзаменов не будет, в институт вы уже зачислены.

...Прошли годы. Квятковский был способный человек. Он закончил институт в первой десятке. Потом работал в солидных фирмах. Заслужил репутацию неплохого специалиста. Через двадцать лет снова вернулся в Бреден — уже в качестве руководителя лаборатории и профессора. И все это время был шпионом и вербовщиком агентуры с узкой специализацией в области науки и техники. Семей, так уж вышло, не обзавелся. Потому, наверное, и обрадовался искренне, когда случайно, из советского журнала узнал, что в Минске живет его родная сестра. На встречу с ней он пошел по собственной инициативе, без ведома начальства.

* * *

Марков вернулся в Москву. Никаких новых данных в пользу или против Егорова он в Белоруссии не нашел. Но окончательно утвердился в мысли, что в любом случае — в склонении к невозвращению, шантажу или

похищению ученого — имел прямое отношение Ружевич-Квятковский.

За время отсутствия майора его сослуживцы установили, что никаких особых накоплений у Егорова не было. Своего автомобиля не имел, дачи тоже. Библиотека хорошая, но без раритетов. Все свои валютные гонорары расходовал на приобретение зарубежной технической литературы и книг по искусству. Остаток от предыдущей командировки на Запад — восемь английских фунтов стерлингов. Он их взял с собой в Бреден, о чем свидетельствовала сданная в Шереметьевскую таможенную квитанция. Деньги несерьезные — два раза сходить в кино.

Ожидала возвращения Маркова еще одна бумага — запись последнего радиоинтервью Егорова. Быстро пробежал текст — в основном, повторение заявленного ранее. Но — стоп! Нечто новое и снова «мелкое», совершенно нелогичное. Егоров вспомнил почему-то разговор с Бобровым в Москве на футбольном матче. Якобы ленинградец тогда разоткровенничался, поделился своими карьерными планами. Был сильно пьян...

Что-то не так. Наверняка замаскированный намек на нечто важное, понятное только Боброву. Вроде Виталия-Валентина. Марков немедленно позвонил в Ленинград. Профессор был еще дома и сам поднял трубку.

— Валентин Михайлович, здравствуйте, это Марков из Москвы.

— Здравствуйте, Андрей Ильич. Слушаю вас...

— Ваш друг снова выступил с заявлением и снова вспомнил вас.

— Интересно и, должно быть, важно?

— Это я и хочу установить. Извините, Валентин Михайлович, за бестактный вопрос: какие у вас отношения с алкоголем?

Ответом был искренний хохот.

— Андрей Ильич, хотите верьте, хотите нет, но за всю жизнь я не выпил и рюмки даже шампанского. Не из принципа, просто я физиологически не переношу алкоголь. Знаете, меня мутит, даже когда зубной врач ваткой в спирте десну протирает. Что, опять Сашка чего наговорил?

— Точно...

— Это специально... О том, что я трезвенник, знают решительно все сослуживцы и друзья. Сколько шуток и розыгрышей на этой почве было — не счесть.

— Значит, эту очередную нелепицу он придумал с той же целью — чтобы не верили всему остальному, что публикуется от его имени.

— Не сомневаюсь.

Марков тоже не сомневался, но должен был проверить каждую, даже мелкую деталь. У него был еще один вопрос.

— Валентин Михайлович, вы в последнее время бывали с ним на футболе?

— Да, в начале лета. Я был в командировке, и мы пошли на матч «Торпедо» — «Арарат», знаете, такой уютный стадиончик у метро «Автозаводская».

— Знаю, конечно... А вы помните, о чем разговаривали тогда?

— Ну, о важных делах мы в таких местах не разговариваем. Подождите-подождите! Был один разговор, имеющий отношение... Ну конечно же! По дороге на стадион Саша купил в киоске газеты, которые домой не выписывает, в том числе «Советский спорт». Там была статья о том, как на Олимпийских играх, кажется, в Канаде пытались силой задержать нашего пловца, а может, прыгуна в воду — точно не помню... Но парню удалось вырваться, добраться до консульства. В общем, домой он вернулся.

Марков был взволнован. Это же прямое указание на то, что Егоров похищен и ждет помощи, однозначное, даже не намек. Он поблагодарил Боброва и кинулся едва не бегом в служебную библиотеку. Нашел в подшивке «Советского спорта» отчет о матче «Торпедо» — «Арарат» и с трепетом — а вдруг! — раскрыл номер за предыдущий день, когда проходила игра. Облегченно вздохнул... На предпоследней полосе действительно был рассказ советского олимпийца о его мытарствах за рубежом, провокациях, наконец, о применении к нему физического насилия.

Марков попросил сотрудницу библиотеки срочно изготовить для него ксерокопию газетной полосы. Вкупе с записанным разговором она становилась одним из вещественных доказательств по делу.

Над составлением справки Марков работал весь оставшийся день. Фактически на данном этапе расследование было завершено, по крайней мере, до открытия новых обстоятельств. Рассчитывать на таковые в СССР сейчас не приходилось. Майор аргументированно изложил свое

закключение, из коего следовало, что гражданин Советского Союза Егоров Александр Иванович, находясь в служебной зарубежной командировке, был там насильственно, возможно, с применением психотропных средств, задержан.

Егоров сумел использовать средства массовой западной информации, чтобы дать знать об этом советским властям. Активную, хотя и не проясненную до конца роль в задержании Егорова сыграл изменник, военный преступник Михаил Ружевич, известный на Западе как профессор Майкл (Михаил) Квятковский.

В справку Марков включил предложения о возможных мероприятиях по освобождению Егорова и возвращению его на Родину.

Прочитав справку, Горелов, имевший склонность к правке бумаг, на этот раз оставил ее без изменений и подписал сразу. От себя сказал:

— Буду говорить с руководством. С выводами и предложениями полностью согласен. Надо выручать Егорова. Но, как мне стало известно, по дипломатическим каналам нам ничего сделать не удастся.

— Что, встречу с Егоровым так и не разрешили? — спросил Марков.

— Мне только что сообщили, что вице-консулу было дозволено только поговорить с Егоровым по телефону. Он заявил, что остается в стране добровольно и без принуждения. Просил больше его не беспокоить и не добиваться встречи с ним.

— А может быть, говорил вовсе не Егоров?

— Не исключено. По словам вице-консула, слышимость была плохая, возможно, искусственно создавали шумовой фон. Но все газеты Бредена немедленно содержание разговора опубликовали. Похоже на спектакль.

— Когда мы получим запись разговора?

— Обещали выслать первым дипкурьером. Сразу проведите экспертизу, но это уже так, больше для формы. Действовать начнем немедленно, как только руководство утвердит наши предложения.

За последние два года пресс-клуб Бредена совсем не изменился. Разве что к телексам и телефаксам прибавились компьютеры. Оглядевшись, Герберт Штим прошел в уютный ресторан и направился к стойке бара.

Здесь тоже все было по-старому. Включая бархатную бордовую, с черными бортами, куртку на бармене Гюнтере. Впервые Герберт застал его здесь шестнадцать лет назад если не в этом самом, то точно таком же одеянии. Правда, сам Гюнтер за эти годы порядком изменился, поседел, полысел. Должно быть, ему уже за шестьдесят.

— Рад вас видеть, господин Штим! Надолго пожаловали к нам?

— Да вот, получил заказ написать серию статей об иностранных рабочих в вашем городе. Тут за несколько дней не обернешься...

«Гюнтер будет первым, кто донесет в полицию о моем прибытии в Бреден. Надо выдать ему исчерпывающую информацию о целях и дальнейших планах пребывания в городе. Пусть там начнут танцевать именно от его сведений, а не теряться в догадках. Так надежнее, проверенный вариант».

Не дожидаясь заказа (Гюнтер славился тем, что помнил безошибочно любимые напитки сотен посетителей бара за многие годы), бармен приготовил джинфис, отдельно налил в тяжелый высокий стакан горького тоника, щедро насыпал в блюдечко соленых орешков, поддерживая при этом разговор:

— Правильно, господин Штим. Напишите всю правду... Глядишь, может, после этого правительство выкинет к чертовой матери отсюда всех этих турок, негров, пакистанцев. А то житья от них совсем не стало — развели в нашем Бредене такую грязь. Да и воры, каких свет не видывал. Недавно у моей «тойоты» боковое зеркало оторвали. Значит, говорите, за несколько дней не обернетесь...

«Уточняет... Он аккуратист, этот Гюнтер...»

— Все зависит от того, как пойдут дела. Но больше месяца торчать здесь не собираюсь.

— Обедать будете?

— Пожалуй... Закажи повару луковый суп и телятину по-бреденски.

Покончив с запланированной именно для этого разговора выпивкой, Штим прошел к угловому столику. Знал, ровно через минуту после того, как он займет место, появится официант с заказанной едой.

Подходило обеденное время, и зал стал постепенно заполняться посетителями.

— Привет, Герберт! Снова решил посетить нас?

Похвально, похвально, что не забываешь нас, провинциалов.

Штим оторвался от супа, поднял голову. Быстрыми шагами к нему направлялся высокий стройный брюнет лет сорока в потертых джинсах и такой же куртке. Альфред Берштайн, репортер уголовной хроники одной из местных газет. О журналистской лихости Альфреда ходили легенды, и надо признать, с весьма высоким процентом правды.

Привыкший к тому, что его появлению всегда рады, Берштайн без приглашения уселся рядом с Гербертом.

— Сколько тебя не было в Бредене?

— Да, считай, два года.

— Быть не может! — изумился репортер. — Вот время бежит. Вроде месяца три прошло с тех пор, как мы пили пиво в келлерхалле. А может, потому так кажется, что регулярно читаю тебя.

— Мне тоже попадают твои репортажи. Признаться, после некоторых из них долго не могу заснуть. Такие страсти.

Берштайн рассмеялся:

— Брось льстить. Самая обыкновенная муть. Ничего нового в нашем городе такого не происходит. Пожары, убийства, изнасилования, наркотики. Относительно новое — банды подростков. Нападают на стариков и инвалидов просто так, для развлечения.

— Так уж ничего нового? — передразнил старого приятеля Штим, отрезая очередной кусочек свежайшей телятины. — А русский профессор, попросивший политического убежища? Или такое в Бредене теперь каждый день?

Альфред презрительно отмахнулся.

— Я в это дело нос не сую. Здесь грязная большая политика. Не то что моя уголовщина. А ты не собираешься, случайно, писать об этом русском? А то могу за пару пива продать заголовок: «Бегство или похищение?»

— Нет, пожалуй. В эту историю влезешь, а потом не вылезешь. Хочу заняться здесь более приличными вещами. Шефу вдруг взбрело в голову напечатать материал об иностранных рабочих в Бредене. Я единственный в редакции, кто знает обстановку в вашем городе. Вот и поручил мне.

— Приходи завтра в редакцию. У нас есть хорошее

досье по этому вопросу. На первых порах хватит, ну а дальше не мне тебя учить.

— Спасибо, Аль. Непременно воспользуюсь твоим досье. Надеюсь, ты поможешь и со знакомствами. Кстати, вот ты заголовок предложил: «Бегство или похищение?» Почему альтернативно? Разве он не попросил убежища?

Берштайн ухмыльнулся. Отхлебнул изрядный глоток темного пива из фарфоровой кружки с оловянной фигурной крышкой и накладной оловянной же монограммой «АБ». Такие кружки полагались только постоянным посетителям пресс-клуба минимум с десятилетним стажем.

— А ты сам посуди. Человек перебежал к нам, но его нигде не показывают. Встречаться со своими не хочет. Об окончательном решении сообщает в консульство по телефону. Странно, не правда ли?

— Пожалуй. А ваши ребята пытались пробиться к нему?

— Еще как! Только ничего не вышло! К Егорову допустили лишь Зоттера и Штильке.

— Но все знают, что они люди агентства безопасности!

— Вот именно. Они всегда писали под диктовку АБ. Скорее всего, они даже не встречались с русским. Просто тиснули интервью за их именами, и все.

— Это предположение?

— Не беспочвенное, во всяком случае. Суди сам. В прошлое воскресенье снова появилось интервью Штильке с Егоровым. В преамбуле говорилось, что он взял его накануне. Но я знаю от ребят точно, что в субботу Штильке с утра и до обеда был в редакции, а потом до позднего вечера пьянствовал с какими-то двумя типами в этом самом кабаке.

— Наверняка интервью за него взяла АБ.

— Я тоже так думаю. Зачем им подпускать к столь важному человеку этого пьяницу и болтуна. А имя Штильке они могут использовать, даже его не спрашивая, тем более что гонорар заплатят ему. Только, Герберт, прими совет. Если встретишься с этими прощелыгами, не вздумай интересоваться русским. Они мигом донесут. А бреденская политическая полиция и без того имеет на тебя большой зуб после дела Эльфа.

— Это ты правильно сказал. Здесь мне трения с полицией никак не нужны. Мигом пришьют что-нибудь. Ну,

спасибо, Альфред. Рад был видеть тебя. До завтра!

Штим расплатился с официантом и покинул пресс-клуб.

Что ж, улов информации для начала, благодаря Берштайну, был весьма приличным. Нюх на жареное у этого парня редкостный. «...или похищение» — сразу учуял хлипкость сенсации. Болтать о том, что в разговоре была задета тема русского профессора, Альфред никому не станет — это не в его правилах. Он вообще очень порядочный парень, хотя всю жизнь имеет дело лишь с уголовниками и криминальной полицией.

Увидев неподалеку пластиковый колпак уличного телефона, Штим направился к нему. Звонить, конечно, надо только с автомата. На всякий случай. Бросил в щель жетон, набрал номер.

— Мне господина Эльфа, мадам.

— Соединяю...

— Эльф слушает.

— Здравствуй, Френк.

— Здравствуй. Ты когда приехал?

«Вот так-то. Узнал, старина, голос сразу, но по имени не назвал. Что значит школа».

— Сегодня и очень хочу тебя видеть. Ты свободен вечером?

— Для тебя в любое время.

— Тогда в семь. Там, где мы прощались в последний раз.

Они славно посидели тогда в маленьком кафе «Анатолия» неподалеку от автовокзала. Владелец «Анатолии» был турок Мюмин, и посещали заведение преимущественно тоже турки. Ну и, конечно, забегали пассажиры рейсовых автобусов, чтобы перед дальней по европейским меркам дорогой быстренько съесть аппетитно пахнущие ломтики денер-кебаб и запить их рюмкой раке — крепчайшей виноградной водки с добавлением анисовой.

Фрэнк Эльф был инспектором политической полиции Бредена. Три года назад его арестовали и обвинили в том, что он якобы был перевербован левацкой террористической организацией «Красный меч», которой оказывал за денежное вознаграждение содействие. На самом деле, занимаясь борьбой с терроризмом, инспектор вышел на след ранее неуловимой организации, не подозревая, что во главе ее стоят провокаторы, тесно связанные с руко-

водством... политической полиции! Обыкновенный честный инспектор не подозревал, конечно, что «Красный меч» изначально был создан спецслужбами для дискредитации и последующей расправы с прогрессивными общественными организациями.

Эльфу удалось внедриться в террористическую группу и приобрести там двух осведомителей, которые тоже ничего не знали о связях своих командиров со спецслужбами. С помощью этих лиц инспектор собрал важный материал о структуре и деятельности «Красного меча», планируемых террористических акциях. Удалось установить нескольких ведущих боевиков и собрать против них улики.

Эльф явился к своему шефу с предложением об аресте самых опасных преступников, что привело бы к фактической ликвидации банды. Генеральный комиссар политической полиции Таубе, зная инспектора как принципиального и честного сотрудника, побоялся раскрыть перед ним все карты. Дело попытались замять, спустить на тормозах. Когда из этого ничего не вышло, Таубе решил раз и навсегда избавиться от слишком ретивого сыщика, устроив против него провокацию.

Одного из осведомителей Эльфа некоего Эдгара Миттеля выдали штабу «Красного меча». Под угрозой смертельной расправы тот на очередной встрече передал Эльфу вместо копий обещанных документов крупную сумму в запечатанном конверте. Провокация удалась. Эльфа и Миттеля задержали на станции метро с поличным. Инспектору грозил длительный срок тюремного заключения.

На помощь пришел давний знакомец Эльфа известный журналист Герберт Штим. Опытный газетчик ни секунды не сомневался, что инспектор, верный страж закона, стал жертвой грязной провокации со стороны собственных начальников. Штим с помощью своих связей провел собственное расследование и опубликовал в печати сенсационный материал, реабилитирующий Эльфа и изобличающий Миттеля как двойника и провокатора. На суде адвокат инспектора сумел доказать его полную невиновность.

Более того, публично выявились нити, ведущие от штаба «Красного меча» к генеральному комиссару политической полиции. В Бредене разразился неслыханный скандал. В результате Эльф был присяжными оправдан

с выплатой ему многотысячной компенсации за диффамацию, «Красный меч» прекратил свое существование, а Таубе вынужден был подать в отставку.

На службе в полиции Эльф оставаться не захотел. На полученные же деньги открыл частное сыскное бюро, быстро завоевавшее хорошую репутацию,— во всяком случае, недостатка в клиентах бывший полицейский не испытывал. Штим после процесса получил лестное приглашение от крупного столичного журнала умеренного толка. Новая работа по сравнению с газетной давала не только более солидный заработок, но и предоставляла известную свободу выбора тем для статей. Кроме того, у него оставалось теперь куда больше времени и для себя.

Хотя Таубе исчез с горизонта политической жизни Бредена, но все его сподвижники остались на своих постах. Понятно, что они люто ненавидели журналиста и пошли бы на любую пакость, чтобы отомстить ему. Поэтому, когда чрезвычайные обстоятельства вынудили Штима вновь приехать в Бреден, рассчитывать на помощь он мог только со стороны частного детектива Фрэнка Эльфа.

За два года, что они не виделись, бывший инспектор почти не изменился. Такой же подтянутый, легкий в движениях, вообще спортивный для своих пятидесяти шести лет. Во вьющихся темных волосах — ни одного седого волоска. Серые глаза блестят молодо и живо. Герберт был на десять лет моложе, но не сомневался, что, схватись он с бывшим полицейским в спортзале, тот легко возьмет над ним верх в любом виде единоборства.

О настоящей драке с применением оружия, причем любого вида, и говорить не приходилось. Тут Эльфу равных не было. В его квартире был застекленный шкаф, весь уставленный призами за победы в полицейском многоборье, полученными чуть не во всех столицах Европы.

В отличие от многих своих коллег, Эльф никогда не злоупотреблял силой и специфическими навыками. Пускал их в ход при сопротивлении преступников ровно в такой мере, какая требовалась для обезвреживания и задержания. И уж тем более за всю жизнь никого не избил в полицейском автофургоне или участке, что было в полиции обычной нормой.

Друзья похлопали друг друга по плечу, обменялись крепким рукопожатием. К почтительному изумлению Мюмина к мясу заказали сразу, чтобы не мешал официант, целую бутылку раке. Первой рюмкой чокнулись за встречу, вторую опрокинули за былые времена. Потом поговорили о семейных делах Эльфа, о перспективах в области частного сыска. И только тогда детектив осведомился:

— Так что тебя снова привело сюда, Герберт?

— Официально собираю материал о проблемах с иностранными рабочими.

— А на самом деле?

— На самом деле — одно щекотливое дельце, которое мне без тебя не осилить.

— И это я слышу от признанного аса расследовательской журналистики! Ну, валяй.

— С месяц назад в Бредене остался русский профессор Егоров. Слышал?

— Газеты читаю да и телевизор иногда смотрю.

— А что ты по этому поводу думаешь?

— Признаться, ничего не думаю.

— А если попробовать?

Жуя кусочек кебаба, Эльф стал рассуждать вслух:

— Что мы имеем? Вроде бы типичный невозвращенец. Добровольно остался у нас, поскольку не удовлетворен своим положением на Родине, ругает своих последними словами. Отмечу — с тех пор, как в России началась «перестройка», эмиграция оттуда увеличилась, а побегі сошли на нет. С чего ему бежать сейчас, когда он мог это сделать лет десять назад? Непонятно...

Логично рассуждал, ничего не скажешь, бывший полицейский. А он продолжал говорить, взвешивая каждое слово:

— Почему-то его нигде не показывают, хотя интервью все газеты публикуют. По-моему, в данной ситуации его следовало привезти на телевидение. Но этого почему-то не делают. Странно, очень странно.

Он замолчал и выжидающе взглянул на журналиста. Теперь уже должен был что-то сказать Штим. И он сказал:

— Понимаешь, Фрэнк. Комментаторы во всем мире давно подметили одну закономерность. Как только намечается ослабление напряженности между Востоком и Западом, обязательно находятся силы, чтобы учинить

какую-нибудь пакость. Помнишь, когда намечалась встреча Эйзенхауэра с Хрущевым?

— Ну?

— Все уже было на мази, и вдруг американцы запускают к русским самолет-шпион Пауэрса. И встреча в верхах тю-тю... И так каждый раз. Не всегда, конечно, выгорало. Но попытки сорвать любое улучшение между супердержавами предпринимались обязательно. Сейчас вот тоже: русский профессор совершает побег именно перед международным совещанием по разоружению и изобличает своих в нарушении прежних соглашений именно по этим вопросам. Не слишком ли странное совпадение?

— Возможно. Но что ты хочешь сказать конкретно?

— Что здесь не обошлось без твоих бывших коллег и ребят из АБ. Вот почему мне нужна твоя помощь.

Эльф вытащил пачку сигарет, закурил. Долго машинально вертел в пальцах зажигалку-зиппо. Наконец ответил:

— Вариант очень сложный. Сейчас я в основном занимаюсь изобличением неверных супругов и несостоятельностью пользователей банковским кредитом. А тут замешана большая политика. Опасно. Маленький прокол и... вряд ли нас с тобой оставят в живых. У них полно очень грубых ребят.

— Знаю. И потому не буду в обиде, если ты не возьмешься за эту работу.

Эльф скорчил гримасу: то ли не понравились слова журналиста, то ли очень уж крепкой показалась четвертая или пятая (они уже пили без тостов, просто кивали друг другу) рюмка раке.

— Ты меня неправильно понял, Герберт. Просто я высказал свои соображения. В конце концов, я рискую меньше тебя: всегда могу сослаться, что выполнял заказ клиента втемную. Я помню, как несколько лет назад твоя статья в «Телеграфе» сорвала этим типам компрометацию советского торгпреда в Бредене. Теперь тебя взволновал этот русский профессор. Мне пришлось в голову...

Штим не дал ему договорить:

— Пусть то, что пришло в твою умную голову, Фрэнк, не попадет тебе на язык. Помни одно: и тогда, и теперь я действую только в интересах справедливости. На советского торгпреда тогда катили бочку за взятку

от компании Бергмана, потому что советский заказ давал работу двум тысячам рабочих их конкурента Фока. Егоров тоже жертва провокации. Против него совершено насилие, чтобы сорвать переговоры по сокращению вооружений в Европе. Нашему народу это ни к чему — ты это прекрасно знаешь. Поэтому Егорова нужно выручить.

— Ты так серьезно настроен?

— А ты полагаешь, что я приехал бы в Бреден, где столько желающих переломать мне кости, из-за пустяков?

Эльф загасил в пепельнице очередную сигарету. Пристально посмотрел в глаза Штима. Произнес спокойно и взвешенно:

— Я верю, Герберт, что для тебя это очень важно, раз, и дело чистое, два. Я согласен. Но учти, мои возможности весьма ограничены. С бывшими коллегами отношения не поддерживаю, но кое-какую информацию из управления получить смогу. Технические служащие ко мне всегда хорошо относились.

— А твой штат?

— У меня четверо молодых ребят. Обучал сам, работают неплохо.

— Надежные?

— Для такого дела — нет. Полностью положиться нельзя ни на одного. Но под легендой можно использовать для слежки, сбора сведений.

— Уже неплохо. А платные осведомители?

— Есть. Консьержи, бармены, горничные, портье и прочая обслуга, которая повседневно общается с людьми. Но с ними надо быть очень осторожными. Большинство из них связано с полицией тоже. Их вводить в операцию можно только до определенного предела, который обусловлен моим статусом частного детектива.

— Что ж, будем действовать в этих рамках.

— Теперь ты мне ответь на два вопроса и можешь считать, что я приступил к делу. Ты гарантируешь, что этот русский задержан против своей воли?

— На сто процентов.

— Соображения о ключевой фигуре на стадии исполнения?

— Михаил, или Майкл, Квятковский, профессор местного университета.

Детектив брезгливо поморщился:

— Слышал о таком. Завязан на агентство безопасности. И не только.

— Думаешь, работает на братцев-американцев?

— Наверняка.

На этом деловая часть встречи была окончена. Остаток раке они добивали уже под разговоры о шансах мадридского «Реала» на победу в Кубке чемпионов и не совсем благочестивые анекдоты.

Вечером следующего дня Герберт Штим получил от детектива конверт с первой информацией.

В гостиничном номере Штим ознакомился с восемью страницами машинописного текста. Четким профессиональным языком были описаны многочисленные связи Квятковского в разных кругах бреденского общества. Наиболее перспективной для последующей разработки оказалась личная секретарша Квятковского.

Сорок лет. Двенадцать из них — в персональном штате профессора. Долгое время была его любовницей, даже рассчитывала на брак. Этого не произошло, и отношения между ними обострились. Кэтрин Верде пьет, устраивает своему шефу пьяные скандалы. В кругу друзей, приняв лишнего, называет его жуликом и прощелыгой, сломавшим ей жизнь.

Коллеги неоднократно советовали Квятковскому отделаться от чересчур агрессивной секретарши, но он в ответ говорил, что очень ценит Верде, считает ее отличным специалистом, что вряд ли сумеет заменить ее равноценной помощницей. Ну а недостатки — так у кого их нет? В срывах Кэтрин отчасти виноват и он сам. В свое время не отвалил ее от рюмки, и вот теперь пристрастие к спиртному переросло в болезнь. Он надеется уговорить Кэтрин лечь за его счет в хорошую клинику, излечиться от алкоголизма.

Хорошо знающие Квятковского люди удивлялись, почему этот достаточно жесткий и решительный человек терпит рядом с собой опустившуюся женщину, платит ей высокое жалованье, в то время как она лишь компрометирует его своими выходками. Правда, ходят слухи, что у Кэтрин подозревают рак печени. Возможно, именно поэтому Квятковский и терпит ее: коли развязка, и скорая, произойдет сама собой, тогда никто не обвинит его в бездушии. Но кое-кто высказывал и другое соображе-

ние: Верде располагает негативными сведениями о профессоре, и он просто боится уволить ее...

Что ж, это, пожалуй, уже версия.

...До прихода Эльфа оставалось два часа, вполне достаточно, чтобы поработать над материалами, полученными от Берштайна, о положении иностранных рабочих в Бредене. Тут были вырезки из газет и журналов, брошюры, данные статистического бюро, отчеты опросов общественного мнения, выступления депутатов парламента и муниципалитета на эту тему. Иностранных рабочих в Бредене было множество, официально — свыше ста тысяч, сколько на самом деле, не знал никто. В поисках лучшей доли сюда наехали турки, греки, югославы, африканцы, португальцы, итальянцы. В последнее время к ним прибавились поляки и граждане Израиля. В большинстве своем — люди, не нашедшие работы на родине, молодые, не имеющие специальности, но встречались и высококвалифицированные рабочие, даже дипломированные инженеры и врачи, согласные на любую, самую непрестижную здесь должность или занятие. Процент наркоманов и правонарушителей среди иностранных рабочих по вполне понятным причинам был много выше, чем среди коренных жителей. Это приводило к серьезным столкновениям, порой с трагическими последствиями. Правые партии, особенно полуфашистские, открыто требовали «поставить чужаков на место», а то и выбросить их за пределы страны.

На самом деле власти не собирались их высылать. Пребывание иностранных рабочих было выгодным. Эти обездоленные люди довольствовались самыми низкими ставками и думать не смели о забастовках; им не полагалось льготных пенсий и надбавок к лечебным пособиям и многого другого, чего добились за последние годы местные профсоюзы. Наживались на них и владельцы предприятий, и — особенно — хозяева старых, давно не ремонтировавшихся жилых домов в бедных районах.

Так что вся кампания против иностранных рабочих носила сугубо политический характер: во-первых, отвлекала внимание обывателей от подлинных проблем и бед страны, во-вторых, устрашая приезжих, помогала удерживать их в безропотном состоянии.

Эта тема (и тут ссылка на прихоть редактора была просто игрой) действительно интересовала и волновала Штима. Он давно собирал соответствующие материалы,

а тут еще так получилось, что проблема иностранцев, их взаимоотношений с местным населением удачно оправдывала приезд в город, где у него были не только друзья, но и достаточно могущественные враги.

Эльф объявился в точно условленное время, но подниматься не стал, позвонил от портье. Штим спустился вниз. Стояла превосходная погода, и они решили прокатиться по городу, который журналист еще и не видел толком.

После нескольких фраз, которыми они обменялись в машине, Штим понял, что Эльф в качестве рабочей версии тоже остановился на линии Верде.

— Удалось проверить, что врачи поставили ей именно такой диагноз? — спросил Штим.

— Проверили, это действительно так. Она обречена, но в клинику ложиться не хочет.

— Почему?

— Неизвестно. Возможно, просто взбалмошный характер. Дома принимает обезболивающие наркотические средства и, конечно, продолжает пить.

— Подход возможен, или она слишком деградировала?

— Возможен.

— Легенда?

— Уже подобрал. Если одобряешь, примерно так. Сталелитейный концерн хотел бы заполучить Егорова как консультанта. Обратились ко мне, как к частному детективу, за помощью, так как сами подобраться к русскому не сумели. Имя заказчика я пока раскрыть не имею права по условиям договора.

— Неплохо. Одно только «но». Как я понял, Кэтрин в последнее время отошла от дел Квятковского и о Егорове может ничего не знать.

— Завтра попытаюсь познакомиться с нею и что-нибудь выяснить.

— Главное, — предупредил Штим, — чтобы после встречи с тобой она не побежала к Квятковскому. Получим двойника, не мне рассказывать тебе, чем это может кончиться для нас обоих.

— Не думаю. Сейчас у нее с ним не такие отношения. Я умею работать с женщинами. Брошенные любовницы, обиженные и озлобленные неудачницы легко идут на сотрудничество. Судя по всему, она ненавидит этого типа и месть доставит ей только облегчение. Не

надо забывать, к тому же, что она нуждается в деньгах. Тратит на наркотики бешеные суммы.

В способностях Эльфа нравиться сорокалетним одиноким женщинам Штим не сомневался. На всякий случай осведомился о другом:

— Надеюсь, что ты представишься ей под вымышленным именем?

Эльф понимающе улыбнулся:

— Ты остался таким же мнительным и осторожным, Герберт. Это же прописная истина. У меня есть лицензия с фотографией на имя частного детектива Карла Редли. Для полиции не годится, но для Кэтрин вполне сойдет. Где тебя посадить?

— Сверни в этот переулок. Встречаемся после твоего звонка на семнадцатом километре Северного шоссе.

Долгий опыт подсказывал Эльфу, что с людьми типа Кэтрин Верде не следует назначать встреч заранее. На них нужно выходить внезапно и сразу излагать суть дела. От агента, осуществлявшего наружное наблюдение за секретаршей, он уже знал, что Верде в час дня выходит из дому в ближайший супермаркет за провизией и очередной бутылкой виски.

Уже в половине первого Эльф подъехал к соседнему зданию и, сидя в машине, стал наблюдать за нужным подъездом. Наконец, отворилась дверь, и на улицу вышла стройная женщина в белом плаще, с короткой стрижкой. Внешность Кэтрин была знакома детективу по фотографиям, и он сразу узнал ее. Через минуту белый плащ мелькнул уже у входа в супермаркет. Эльф вышел из машины и не спеша проследовал по улице в том же направлении. У киоска он остановился, взял с витрины свежий «Ньюсуик», стал перелистывать неспешно. Хотя у него и был огромный опыт «случайного» знакомства с женщинами на улице, он все же каждый раз ощущал себя кем-то вроде брачного афериста. Однако работа есть работа. Ему приходилось делать вещи и похуже...

Вскоре Кэтрин снова показалась на улице, теперь с объемистой пластиковой сумкой в руке.

— Госпожа Верде? — окликнул ее Эльф, когда женщина поровнялась с киоском. При этом он выдал самую обворожительную улыбку, на какую был только способен. Кэтрин остановилась, смерила его с ног до

головы изучающим взглядом. Наконец отозвалась:

— Да. В чем дело?

— Простите, пожалуйста, за беспокойство. Я Карл Редли, частный детектив. Мне нужно поговорить с вами. Если угодно, вот моя лицензионная карточка.

Эльф вынул из кармана удостоверение, но Верде жестом остановила его.

— Оставьте при себе. Зачем я вам понадобилась?

— Скажу чуть позже... — Эльф снова широко улыбнулся. На этот раз в обезоруживающем варианте. Как положительный герой в американских ковбойских фильмах. — Может быть, посидим в кафе?

Крохотное, на три столика кафе, которое Эльф приметил, было под боком. Безалкогольное. Это он учел.

Женщина задумалась — секунд на пять, не более. Эльф уже предвидел, что она скажет, ибо сквозь пластик цветастой сумки отчетливо проступали очертания квадратной бутылки «Валлантайна».

Тряхнув челкой, Верде решительно произнесла:

— Я жду звонка, поэтому лучше зайдите ко мне. Я из той породы женщин, которые не боятся ни грабителей, ни шантажистов, ни сексуальных маньяков, не говоря уже о частных детективах. Теперь мне уже все равно. От жизни я не жду ни хорошего, ни плохого. Пойдемте.

У Кэтрин была очень неплохая полуторакомнатная квартира. Когда-то уютная и хорошо обставленная, ныне она являла жалкое зрелище запустения. Хозяйка, по всей видимости, не слишком утруждала себя уборкой. В прихожей была разбросана обувь на все сезоны, в комнате на паласе валялись клочки бумаги, старые счета, облатки от лекарств, пустые пачки из-под сигарет, на креслах — небрежно брошенные платья и кофточки. С книжных полок и телевизора пыль не стиралась, по меньшей мере, неделю.

Кэтрин быстро убрала с журнального столика тарелку с недоеденным завтраком и две пустые банки из-под датского пива «Белый слон». На очистившееся пространство водрузила бутылку джина, банки с тоником, извлеченные из серванта высокие стаканы и вазочку с соевым миндалем. Принесла из кухни вместительную пепельницу и ведерочко со льдом.

— Прошу! — Удобно пристроившись в кресле, кивнула она на бутылку.

По своей инициативе Эльф не пил никогда. Но сейчас он был на работе, к тому же, как хороший психолог, знал, что алкоголики, когда выпивают, к трезвенникам за столом относятся с подозрением и неприязнью. Чтобы заслужить откровенность с их стороны, надо разделить с ними компанию. Таковы уж издержки профессии. Вот почему наряду с множеством прочих предметов первой необходимости сыщика Эльф всегда носил при себе плоскую металлическую коробочку с таблетками байеровского аспирина. Растворенная в стакане воды таблетка служила отличным средством как от чрезмерного опьянения, так и от синдрома последующего похмелья.

Детектив откупорил бутылку с джином, плеснул основательно в оба стакана, опустил туда по кусочку льда, вскрыл банки с тоником. Не чокаясь, женщина залпом выпила свою порцию. Закурила и — словно ожила. Глаза ее молодо заблестели, лицо будто посвежело. На Эльфа теперь она взирала вполне дружелюбно:

— Ну что ж — будем знакомы...

— Госпожа Верде...

— Называйте меня Кэтрин, — перебила женщина. — Мне так привычнее.

— Хорошо, Кэтрин, — согласился Эльф. — Я хочу поговорить с вами о Квятковском.

Кэтрин едва заметно улыбнулась. У нее были правильные черты лица, большие серые глаза. Безусловно, еще несколько лет назад она была красивой. А теперь — болезненная желтизна сухой кожи, бледные потрескавшиеся губы, частые морщины... Невозможно поверить, что ей еще нет и сорока.

С горечью, без удивления обронила:

— Я так и знала... — Пожав плечами, объяснила: — Из всех моих знакомых только Квятковский достоин внимания детектива, пускай и частного. Что ж, я готова выложить вам о нем все, что мне известно. Но боюсь, что вряд ли окажусь очень уж полезной. В последнее время дел с ним почти не имею. Кроме того, у этого человека несколько облиций. Возможно, я знаю только одно, об остальных лишь догадываюсь. Ну, так давайте ваши вопросы.

Эльф достал записную книжку. На самом деле, в одном из его карманов уже записывал разговор крохотный магнитофон, снабженный приспособлением, способным мгновенно, в случае надобности, без протяжки стереть

запись. Работала это чудо-машинка абсолютно бесшумно, одной микрокассеты хватало на два часа. Обычно этого бывало вполне достаточно.

— Сначала небольшая преамбула. Квятковский меня интересует в связи с его возможной причастностью к истории с этим русским профессором Егоровым. Я действую по заданию крупного сталелитейного концерна, который хотел бы предложить Егорову лабораторию. Мы знаем, что какая-то другая фирма при посредничестве Квятковского также предложила русскому работу. Мои клиенты готовы хорошо заплатить тем, кто поможет выйти на след Егорова. Вот, собственно, и все. Больше меня ничего не интересует. Сами решайте, что можете рассказать мне. Полную конфиденциальность, разумеется, я гарантирую. Как и то, что информация ни при каких обстоятельствах не будет употреблена вам во вред.

Верде выпила еще одну порцию джина, не потрудившись хотя бы для видимости плеснуть в стакан тоника. Тяжело уставилась глаза в глаза. Произнесла медленно, раздельно — куда только девалось недавнее дружелюбие:

— Мне кое-что известно о Егорове. Но я никому — слышишь, ты! — никому ничего не скажу. Так и передай Квятковскому. И еще скажи, что на такие дешевые провокации я не поддаюсь. Пусть не считает меня за дуру. А теперь, парень, убирайся!

Эльф заранее просчитал и этот вариант. Сейчас доказывать хмельной истеричке, что он даже не знаком с Квятковским, было бесполезно. Он поднялся и выложил на стол плотный конверт и диктофон.

— Это за то, что читаешь на пленку все, известное тебе о похищении Квятковским русского профессора. Кассета на сто двадцать минут. А я пока погуляю.

Кэтрин с изумлением смотрела то на деньги, то на странного визитера. Она явно не ожидала, что дело примет такой оборот. Шоковый удар по нездоровой психике неизбежно должен был привести к желаемому результату. Женщина трезвела прямо на глазах. Между тем Эльф уже в дверях выложил еще один разящий козырь. Нарочито грубо бросил:

— И еще запомни, если мои клиенты заполучат этого русского профессора, песенка Квятковского будет спета. Твой бывший друг окажется никому не нужным, а мне кажется, что именно это устроит тебя как ничто другое...

Интуиция, знание человеческой, особенно женской, психологии, колоссальный опыт работы с агентурой не подвели Эльфа. Кэтрин поверила ему. Все взвесив, она пришла к выводу, что Редли действительно работает на соперничающую фирму.

В самом деле, раньше Квятковский неоднократно привлекал ее к весьма сомнительным авантюрам, о которых она знала куда больше, нежели о последнем деле с Егоровым, и тогда никаких проверок ей не устраивал. К тому же Квятковскому, с его связями, почти он Кэтрин опасной свидетельницей, ничего не стоило упрятать ее в сумасшедший дом или лечебницу для наркоманов, где она доживала бы свои дни в полной изоляции. И потом — не такой Михаил простака, чтобы ради проверки рискнуть столь крупной суммой денег. Похоже, дело действительно чистое, Квятковский здесь ни при чем.

Но в таком случае сама судьба посылает ей возможность рассчитаться с этим авантюристом. В последнее время на ум ей приходили тысячи способов отомстить ему за все. Увы, при здравом анализе они оказывались либо малоэффективными, либо вообще неосуществимыми.

Женщина взглянула на часы — в ее распоряжении оставался целый час времени. Вполне достаточно. Нет, диктовать она не станет — пленка слишком опасная улика не только против Квятковского, но и против нее тоже. Рассказать же — расскажет.

Когда Эльф вернулся, его встретили снова дружелюбно.

— Извините мою давешнюю выходку, господин Редли. Просто мне показалось, что вас подослал этот негодяй, ну, и сгоряча набросилась. Проходите...

В комнате Эльф бросил быстрый взгляд на бутылку с виски — почти не убавилось. Это хорошо.

— Садитесь, — пригласила женщина. — Я все продумала и нашла, что вы действительно мой союзник. Но диктовать не хочу, уберите ваш диктофон...

Эльф убрал. Правда, успел незаметно нажать на кнопку пуска. Верде, даже если бы и заподозрила его, вряд ли стала бы проверять. Или понадеялась, что из записи через ткань ничего не получится. Он-то знал, что получится все прекрасно. И тут женщина удивила его по-настоящему, более того — встревожила.

— Мне не нужны ваши деньги, — сказала она, —

поскольку не вижу для себя никаких перспектив.

— Вы не хотите мне помочь? — кинул пробный шар Эльф.

— Я так не сказала. Наоборот, помогу вам обязательно. Потому что, если угодно, это отвечает моим интересам.

Эльф успокоился. Значит, он правильно ориентировался на ущемленное самолюбие брошенной женщины.

— Тогда начнем, быть может?

— Начнем. Я расскажу об обстоятельствах, при которых в последний раз видела Егорова. То есть о его похищении.

— Похищении?! — изумленно взметнулся Эльф. — А разве его похитили?

Эльф проработал в полиции, как в уголовной, так и политической, четверть века. Он не был наивным человеком, знал всякое. Не страдал и избытком щепетильности при исполнении служебных обязанностей. Но он уважал закон, десять заповедей и права человека. Он допускал, что Квятковский и ребята из АБ способны были склонить русского к невозвращению на Родину, могли даже шантажировать его. В конце концов, такая у них работа, а интересы государства есть интересы государства. Но киднапинг, похищение человека, для него, честного полицейского, всегда и при любых обстоятельствах оставалось одним из самых тяжких преступлений. А чувство долга было святее святого. В защиту Егорова, которого он и в глаза не видел, он, не раздумывая, ввязался бы даже без просьбы Штима. Только потому, что был нарушен закон, совершенно преступление, которое не могло быть оправдано никакими высшими интересами. В таких ситуациях Эльф превращался в носорога, которого невозможно остановить. Именно так он действовал и в той истории с террористами-provокаторами, выпутаться из которой ему помог журналист Штим. И он задал первый, подчеркнуто прямой вопрос:

— Я хочу уточнить, на кого работает ваш шеф?

Кэтрин рассмеялась:

— Да он и сам не в состоянии ответить! Полагаю, что он агент полудюжины разведок и контрразведок сразу. Понимаете? Он международный шпион. Удивляюсь, почему его до сих пор никто не уничтожил. Я читала много детективных романов и знаю из них, что такие люди, как правило, очень плохо кончают.

— Не исключаю, что Квятковский тоже не умрет своей смертью, — глубокомысленно заметил Эльф, а затем осведомился: — У вас есть доказательства его работы как шпиона или осведомителя?

Кэтрин брезгливо поморщилась:

— Я не работаю в спецслужбах и не обучена собирать улики. Просто в наши лучшие времена он полностью доверял мне. Правда, о своей агентурной работе открыто он ничего не рассказывал. Но часто просил меня перепечатать с диктофона его заметки после поездок за границу, с международных конференций или его личных встреч. И знаете, они явно имели какой-то шпионский душок. Вот помню его разговор с каким-то восточным немцем, профессором. Так речь шла не столько о науке, сколько о вкусах профессора, интересах, пристрастии к деньгам. Да и в других случаях все то же.

— Вы полагаете, такие материалы могли бы быть использованы для компрометации или шантажа?

— Вполне, некоторые, во всяком случае. Причем он просил меня перепечатывать их по два-три раза. Я предлагала сделать это под копирку или снять ксерокопию. Но он почему-то не соглашался...

Эльфу было ясно почему — спецслужбы принимали от своих агентов только оригиналы сообщений. Квятковский продавал свою информацию сразу нескольким покупателям. Спросил:

— Он вам за это доплачивал?

— Да, и очень хорошо. Шутил, что столь высокие ставки объясняются секретностью работы. Но мы отвлеклись от русского...

...Было около восьми часов вечера. Кэтрин, приняв ванну, лежала на тахте и читала свежий «Дайджест». Вдруг раздался звонок. Квятковский буквально ворвался в квартиру. Буркнув что-то вроде «Привет!», велел ей быстро-быстро собираться: «Едем в «Казачок», там нас ждет Егоров».

Кэтрин была знакома с Егоровым: дважды встречалась с ним во время предыдущих приездов русского в Бреден, соответственно, дважды печатала для Квятковского отчеты об этих встречах. Тем не менее, ее удивила внезапность предстоящего ужина и обязательность ее присутствия на нем.

— В чем дело, Майкл? — спросила она недовольно. — Ты же видишь, я не готова. Обойдись на этот раз без меня.

Квятковский не желал слушать никаких возражений — Быстро одевайся, у тебя пять минут на все. Объясню по дороге...

Пока она одевалась, Квятковский подошел к телефону и кому-то позвонил. До нее доносились обрывки фраз:

— ...Эти идиоты все перепутали. Пришлось обратиться к Кэтрин... да, трезвая... Что-нибудь в одиннадцать.

Потом он продиктовал неведомому собеседнику ее адрес. Женщина снова попыталась что-то выяснить, но он схватил ее за руку и просто вытащил из квартиры. Она едва успела схватить свою сумочку. В машине Квятковский сказал:

— От тебя требуются только две вещи — не напиться в ресторане, а когда мы кончим ужинать, пригласить нас к себе домой. Скажешь, что приготовила для Александра новые записи Реброва и Рубашкина, заодно угостишь нас кофе. Будет отказываться — настаивай, обижайся, умоляй. Я тебя поддержу. Ясно?

— Майкл, зачем это все? Что ты задумал?

— Перестань задавать дурацкие вопросы. Долгов у тебя много?

— Есть...

— Вечером получишь чек на три тысячи. Только води себя нормально.

Она повела себя нормально...

Егоров ждал их в холле. Квятковский извинился за опоздание, всю вину свалил на нее. Русский, конечно, смутился, почему-то стал сам оправдываться: дескать, причинил столько беспокойства госпоже Верде. Потом они ужинали, выпили две бутылки мозельвейна. Говорили только об итогах конгресса. Кэтрин чувствовала себя в их компании лишней и дожидаться не могла, когда все это кончится. Кончилось в одиннадцатом часу. Как и было договорено, Кэтрин пригласила мужчин заехать ненадолго к ней, выпить по чашке кофе. Егоров долго отказывался, но, услышав о приготовленных для него кассетах с песнями Ивана Реброва и Бориса Рубашкина, уступил.

Дома Верде принялась варить кофе, Квятковский же достал из бара бутылку принесенного им ранее коньяку. Когда Верде вкатила в гостиную столик с кофе, печеньем и фруктами, мужчины уже выпили по рюмке. Русский окинул ее каким-то рассеянным взглядом и произнес:

— Кофе это хорошо, потому что я очень устал и...

Он не договорил — странно качнулся, пробормотал неслышно какие-то слова и опустил без чувств на тахту.

— Майкл, ему плохо! — встревоженная Кэтрин кинулась к гостю. Квятковский преградил ей дорогу:

Тихо-тихо... Все в порядке. Принеси влажное полотенце и положи ему на лоб. А я вызову врача...

Через несколько минут в квартиру вошли трое мужчин в форменной одежде служащих городской «Скорой помощи». Старший, видимо, врач, бегло осмотрел Егорова, пощупал пульс.

Сердечный приступ, — сказал он, после чего уверенно сделал больному внутривенное вливание и распорядился уложить его на носилки. Двое крепких молодых санитаров вынесли Егорова на улицу, там погрузили в машину. Вместе с ними уехал, якобы в больницу, и Квятковский, шепнув в дверях Кэтрин, что он проследит сам, чтобы Егорову оказали требуемую неотложную помощь, а затем позвонит в русское консульство и отель.

На следующий день газеты сообщили, что русский профессор попросил у властей политического убежища. Однако в них, равно как в последующих телепередачах, не было ни слова о приступе болезни.

Верде не была «полной курицей» — так на языке ее родины называли круглых дурачков, — она прекрасно поняла, что произошло на ее квартире. Но поняла и то, что рассказывать об этом событии корреспондентам не надо. Бравые молодцы со «Скорой» выглядели очень уж серьезно.

— Все ясно, — подвел итог первой части рассказа Верде ее благодарный слушатель. — У Квятковского и его людей в тот день что-то не сработало, случилась накладка. И он срочно организовал новый вариант — решил усыпить и выкрасть Егорова с вашей помощью. Ладно, поехали дальше. Позже Квятковский вам что-нибудь говорил о русском?

— Нет, да я и не спрашивала. Но кое-что я еще знаю.

— Что именно?

— В тот вечер события развивались так стремительно, что Майкл не успел выписать мне обещанный чек. Потом я несколько раз звонила ему, чтобы напомнить, но не заставала ни дома, ни в офисе. Как-то я поехала

к своему врачу и на обратном пути решила завернуть к Майклу — это неподалеку. И надо же, застала его дома. Горничная, Ингрид, сказала, что хозяин только что направился в ванную, и предложила подождать его в кабинете, а сама ушла на кухню.

— К вам она хорошо относится?

— Нет, терпеть не может. Как и я ее. Поэтому не стала просить ее принести мне что-нибудь выпить, я знаю, что бар у Майкла в кабинете.

Я выпила совсем немного и тут заметила на письменном столе лист бумаги, а на нем фломастером слово «Егоров» и цифры «18.07». Так как у нас сейчас далеко не июль, я поняла, что это не дата, а показатель таймера видеомagneтофона — он тут же стоял, на столе. Я открыла дверь и прислушалась: в ванной шумела вода, а Ингрид болтала с кем-то по телефону. Тогда я включила видео на нужные цифры. На экране появилось изображение Егорова. Он был неузнаваем. Косноязычно, сбиваясь, он что-то говорил человеку за кадром. Я не знаю русского языка, но сообразила, что он говорит как пьяный или под «травкой». Потом я перемотала пленку обратно и выключила видео.

Это была исключительно важная информация. Значит, Квятковский не вышел из игры и даже хранит материалы обработки пленника у себя дома. Эльф продолжил расспросы:

И что было дальше?

— Ничего интересного. Майкл вышел из ванной, выписал мне чек, и я уехала. С тех пор мы не виделись. И вряд ли уже увидимся.

— Почему так?

Женщина горько хмыкнула:

— Вы же знаете, наверняка все знаете обо мне. Я обречена. С каждым днем боли усиливаются. Не помогает даже это.— Кэтрин кивнула в сторону пепельницы. Эльф уже заметил в ней две пустые ампулы. Он придвинул к ней деньги:

— Тогда возьмите, пожалуйста. Сможете лечь в дорогую клинику, нанять сиделку. Вы их заработали.

Верде отрицательно покачала головой:

Вы прекрасно знаете, что они достанутся не врачам, а... торговцам. А я уже и так продала русского Квятковскому. С меня этой торговли хватит. А потом

Майкл не стоит этих денег, возьмите его задаром. И это в придачу.

Кэтрин подошла к письменному столу, выдвинула ящик, покопавшись, вытащила связку ключей, бросила Эльфу.

— Что это?

— Разве не видите? Ключи,— с сарказмом ответила женщина.— От дома Квятковского, его служебного кабинета, гаража, еще чего-то...

— Откуда они у вас?

— Когда-то, много лет назад, он сам мне их дал. Кроме сейфов, разумеется. Потом я перестала бывать там в его отсутствие, но ключи остались. Видимо, он просто забыл их забрать у меня. Быть может, они вам пригодятся.

Еще бы! Детектив положил ключи в карман, встал и попрощался. Его обурежала жалость к несчастной, потерянной женщине. Он предвидел, что ждет ее в самом недалеком будущем, как будет плохо. И сколько потребуется денег, чтобы провести последние дни даже не в дорожной, а просто в приличной клинике.

— Я понимаю ваши чувства, госпожа Верде... Кэтрин, но я просто не имею права лишить вас гонорара. Он уже списан моими клиентами. Его уже нельзя вернуть, можно только присвоить, а это не в моих правилах. Прощайте! — Положив деньги на стол, Эльф вышел из квартиры.

У Штима была договоренность с Эльфом: если версия работы на Верде окажется плодотворной, они легализуют свои встречи, чтобы конспирацией не привлечь внимания политической полиции. В самом деле, они могли встретиться секретно раз-другой, но делать это на протяжении нескольких дней, конечно, не удастся. А кто знает, как долго затянется их операция?

Теперь Эльф должен был сделать условленный звонок, который мог быть, в зависимости от успеха его визита к Верде, одинарным или двойным сигналом. Детектив был доволен, что — двойным. Он отъехал от дома Кэтрин на несколько кварталов и остановился возле колпака телефона-автомата. Вылез из машины, бросил в прорезь жетон и набрал номер отеля «Терминус», в котором остановился Герберт.

— «Терминус»? Соедините меня с номером господина Штима.

Эльф знал номер, но в случае, если кто-либо решит

это проверить, ему было важно подтверждение оператора в отеле, что звонивший прибег к его услугам.

Герберт? Это я, Фрэнк! Буду сейчас ругаться. Ты уже несколько дней в Бредене, а я лишь случайно об этом узнаю!

— Не сердись, дружище! (Штим принял именно двойной сигнал.) Я звонил тебе, никто не брал трубку. Но непременно дозвонился бы именно сегодня, потому что у меня свободный вечер!

— Вот и отлично! Говори, где и когда тебе удобно. Но плачу я!

— Если не возражаешь, в «Плаце», в семь. Устраивает?

— Меня устраивает, мою чековую книжку не очень. Но раз уж я сам напросился, придется ей похудеть. До встречи!

«Плаца» была самым престижным и дорогим рестораном города. Здесь встречались по вечерам самые видные люди Бредена, богатые иностранцы, знаменитости. В каждом зале «Плацы» обязательно пасса сотрудник агентства безопасности. Следовательно, их якобы первая встреча будет непременно зафиксирована.

Так оно и произошло. Утром следующего дня шеф бреденской политической полиции доктор Бор прочитал в очередной сводке, что известный журналист Герберт Штим накануне в ресторане «Плаца» встречался с бывшим инспектором, а ныне частным детективом Фрэнком Эльфом по инициативе последнего. Содержание разговора — воспоминания, интимные откровения старых, давно не видевшихся друзей. Пили основательно, и за ужином, и в баре. О делах говорили тоже: Штим рассказал о задании — написать для своего журнала цикл очерков о положении иностранных рабочих. Эльф обещал помочь ему в сборе материалов.

Сообщение не вызвало у Бора ни малейшего интереса. О приезде Штима он уже знал, целях — тоже. Естественно, что он встретился с Эльфом, естественно, что тот вызвался оказать ему содействие в подборе материала. Это их дело.

Бор не знал, что зафиксированная его людьми встреча Штима с Эльфом не была первой ни вообще, ни тем более вчера, хотя из-за долгих рукопожатий, похлопываний по плечу, самим характером разговоров выглядела именно как самая первая. В действительности же, за два часа

до ресторана друзья встретились на семнадцатом километре Северного шоссе.

После условленного звонка Эльфа Штим спустился в гараж отеля и взял в аренду легковой автомобиль той же марки и модели, на которой ездил дома, — «БМВ». Он покрутил малость по городу, привыкая к машине, потом выехал на Северное шоссе и через пятнадцать минут встретил Эльфа на условленном месте. Вместе они прослушали запись, потом детектив дополнил ее своими комментариями. Микрокассету Герберт убрал в карман пиджака.

Журналисту, как и Эльфу, было ясно, что подобраться к Егорову можно только через Квятковского. Других путей у них практически нет: они не знают и вряд ли сумеют достаточно быстро узнать, кто из сотрудников агентства безопасности занимается русским ученым. Но как подступиться к Квятковскому?

— С чего начнем, Фрэнк? — спросил Штим.

— Мне нужно основательно послушать Квятковского, хотя бы неделю.

— И телефон, и кабинет?

— Скажем так — телефон и весь дом. Мало ли где он будет разговаривать. Тогда я точно скажу, сможем ли мы его использовать или надо искать другие пути к русскому.

— А кто расставит «клопов»? Ты сам?

— Нет, это должен сделать специалист. У меня есть хороший парень. Он не подведет. Я ему хорошо плачу.

— Объяснение?

— Это его не касается. Но легенда приготовлена. Заказица Кэтрин Верде, брошенная многолетняя любовница.

— За «клопов» можно попасть под суд...

— Теоретически да. Но Квятковский, если и обпаружит «клопов», в суд не обратится. Все будет хорошо. Мой специалист работает аккуратно. Если не возражаешь, я проверну это дельце завтра.

— Каким образом?

— Квятковский приглашен на завтрак к депутату Штуцмайеру в ресторан отеля «Континенталь», где тот остановился. У проходящей горничной Ингрид завтра свободный день.

Информация надежная?

— В «Континентале» мой осведомитель — один из

метрботелей. Он будет обслуживать «люкс» Штуцмайера и сам видел список гостей. Что же касается Ингрид, мой служащий уже установил распорядок дня Квятковского. Горничная наводит порядок в его квартире три дня в неделю.

Вернувшись в город, Штим не сразу поехал к своему отелю. Он завернул к вокзалу, здесь в киоске купил несколько газет и свежих политических еженедельников. Потом проехал еще два квартала и снова остановился на сей раз, чтобы купить в табачном магазинчике несколько пачек самых популярных в мире сигарет «Марльборо». Последняя остановка была у галантерейной лавки — Штим вспомнил, что ему нужны лезвия «Жиллет-контур».

В одной из этих торговых точек Штим незаметно передал продавцу микрокассету, полученную от Эльфа.

Завтрак у Штуцмайера удался на славу. В другое время Квятковский был бы счастлив, что его пригласили в столь высокопоставленное общество. Но к бочке меда была подмешана изрядная ложка дегтя. На завтраке был и его шеф доктор Барлах. После кофе Барлах отозвал Квятковского к окну, угостил длинной тонкой сигарой, дал огня от золотого «ронсона», а потом, ведя разговор в предельно вежливом и даже любезном тоне, устроил ему хорошую взбучку. Со стороны никто, конечно, ничего не заметил. Шеф выразил свое неудовольствие третьим вариантом статьи Егорова о нарушении Советским Союзом своих обязательств по сокращению вооружений. Квятковский готовил ее с помощью двух экспертов из военного ведомства, прекрасных специалистов и больших эрудитов. Но Барлах, старая лиса, моментально понял, что статье не хватает достоверных данных, полученных именно от самого Егорова. Иначе, по словам шефа, материал не стоит и выеденного яйца.

Квятковский пытался возражать, ссылаясь на то, что использовал при подготовке материала подлинные советские секретные данные. Шеф его только высмеял: четыре года назад такой аргумент прошел бы. А сейчас — кукиш. В России набирает обороты политика гласности. Открыто говорят и пишут о том, что пять лет назад считалось секретом государственной важности. При

глашают иностранных наблюдателей на свои ядерные полигоны. Если русских по-настоящему заденет «статья Егорова», они могут пойти на публикацию подлинных данных, чтобы разоблачить фальшивку. Попутно они вычисляют источники информации, чьи данные использовал Квятковский, как якобы выданные Егоровым.

Барлах не случайно прочитал ему нотацию не в своем кабинете, а в «люксе», в котором остановился Штуцмайер. Здесь собрался узкий круг лиц, которые могли в той или иной степени иметь касательство к «делу Егорова». В частности, предполагалось, что именно депутат Штуцмайер сразу после опубликования статьи сделает в парламенте «запрос» правительству, смысл которого сводился к требованию не доверять русским. Фактически, «запрос» должен был стать сигналом к массовой политической кампании, направленной на срыв предстоящей поездки премьер-министра в Москву и крупных торговых сделок с Советским Союзом, условия которых уже несколько месяцев обсуждались в столицах обоих государств. И, само собой, в конечном итоге кампания должна была привести к торпедированию приближающейся международной конференции по разоружению.

И вот теперь весь этот блистательный план оказался под угрозой. Он, Квятковский, обеспечил успех главного звена — похищение Егорова, а вместо благодарности его же хотят сделать козлом отпущения. Было от чего впасть в уныние. На Егорова он уже не надеется. Может быть, тот действительно ничего не знает о фактах нарушения своим правительством взятых ранее обязательств? Или таких фактов вообще не существует в природе? Скорее всего, так оно и есть. Но попробуй сказать об этом шефу! Такое устроит... Ведь по его, Квятковского, данным, Егоров является авторитетным экспертом в советской комиссии по сокращению вооружений. Именно поэтому было принято рискованное, можно сказать, отчаянное решение похитить ученого инсценировав отказ от возвращения на Родину.

Если не удастся состряпать эту проклятую статью, разразится грандиозный скандал. В прошлом у Квятковского случались проколы, попадался он и на мелком жульничестве с подотчетными суммами. Проносило, вернее, его прощали за достаточно высокую эффективность работы в целом. Но такого не простят. Как мини-

мум выгонят из «фирмы». Ну а максимум об этом даже подумать страшно.

Его размышления прервал звонок домофона. Он взглянул на часы: ровно семнадцать. Петер Рейке, как всегда, пунктуален. Он знал его лет двадцать. Рейке имел диплом врача, в контрразведке работал с незапамятных времен. Сейчас он занимался обработкой Егорова.

Высокий и тучный, похожий на отошедшего от дел профессионального борца-тяжеловеса, Петер, сопя и отдуваясь, ввалился в кабинет. Отер платком пот со лба и протянул Квятковскому огромную, поросшую волосами руку.

— Что нового, Петер?

Все на том же уровне. Вчера вечером шеф сам приезжал на виллу. Два часа говорил с ним без толку. Вот, посмотришь сам...

Он вытащил из необъятного кармана пиджака и кинул на стол видеокассету.

Квятковский опустил голову. Он понял окончательно, почему столь категоричен был шеф сегодня на завтраке. Понял и другое — наверное, это был последний разговор с Егоровым. Уже без надежды, только для окончательного подтверждения своим грустным мыслям, спросил:

— Петер, только честно, что шеф сказал обо мне?

Рейке закурил, поколебался, потом нехотя ответил:

Что ты втянул его в дерьмо. Он не верит, что Егоров располагает нужными нам сведениями. Более того, он полагает, что Егоров вообще не связан с военными исследованиями.

Но Егоров сам...

Брось, Майк, с досадой оборвал его Рейке.— Ты хоть мне не городи эту чушь. Я не один день наблюдал русского. Нормальный человек, с какой стати он будет представляться секретоносителем, тем более перед иностранцем.

Квятковский все еще продолжал цепляться за ускользающую ниточку призрачной надежды.

— Ты читал, что я подготовил? Мне помогали лучшие специалисты. А шеф забраковал все варианты.

— И правильно сделал. Этому бреду не поверит и самый тупой обыватель, а мы хотим возмутить им парламент и наших союзников. Ты что, думаешь, что у них нет собственной информации по этому вопросу?

— Но полагаю, ЦРУ подыграет нам немного.

Если администрация задумается над нашей информацией и чмокнет губами. А пока она вызывает только смех.

— Шеф зол на меня?

— Еще бы! Ему самому попало, как я понял, по первое число. Вспомнил, как в семьдесят девятом ты под сунул ему сверхсекретного чеха, а тот оказался администратором цирка, чокнувшимся на почве пассивного гомосексуализма. В общем, исходи из того, что операция на грани провала.

Шеф, как всегда, сгущает краски.

А ты, тоже как всегда, занимаешься самообманом. Вдумайся, что произошло. Тюфяк, какой-то «яйце головый» провел тебя, опытного профессионала. Старешься, брат, утерять чутье. А в твоем деле это главное. Пора на отдых. Доложи шефу прямо, пусть лучше выгонит за старческий маразм, чем... А, ты знаешь за что!

Крайне раздраженный собственной тирадой, Рейке только махнул досадливо ручищей. Да, деликатностью этот медведь не страдал никогда.

Квятковский не имел права обижаться. Рейке был единственным человеком, который еще мог в какой-то степени ему помочь. Потому возражать не стал, попросил почти униженно:

— Выручай, Петер. Вспомни, что я тоже вытаскивал тебя не раз из дерьма.

Рейке уже успокоился. Пробурчал примирительно:

— Если бы я это забыл, не сидел бы сейчас у тебя. У тебя остался последний шанс.

— Какой?

— Уговори шефа, чтобы он разрешил тебе лично поработать с Егоровым. Мол, если ты убедишь русского передать нам хоть каплю подлинной информации, вы вдвоем что-нибудь сотворите. Шефу ведь тоже надо докладывать высшему начальству.

Квятковский задумался. Петер прав. Пожалуй, шеф даст санкцию, хуже все равно не будет. Но какотреагирует на него Егоров? Спросил:

— А если русский не захочет разговаривать со мной? Он прекрасно знает, кто ему устроил эту веселую жизнь.

— Захочет. Я скажу ему, что прекращу на время беседы с тобой все инъекции. Сразу согласится.

— Хорошо, давай попробуем.

Тогда звони шефу, испрашивай санкцию и при

езжай в Клауспарк. Но не раньше, чем через сутки. «Пациент» должен отдохнуть...

Рейке распрощался с хозяином и уехал. Совершенно опустошенный тяжелым разговором Квятковский открыл дверцу бара, вынул бутылку виски и залпом, не по-европейски, выпил целый стакан обжигающей гортань жидкости.

В тот же вечер Штим и Эльф сидели в машине, растелив на коленях карту Бредена и его окрестностей.

— Я знаю эту виллу в Клауспарке, — говорил детектив. — Записана на одного грека, на самом деле принадлежит «фирме». Охраны там будь здоров. Плюс овчарки и электроника.

— Значит, проникнуть невозможно? — уточнял Штим.

— Возможно... Если в твоём распоряжении окажется рота командос. И то при условии, что охрана не вызовет подмогу.

— Тогда будем действовать иначе...

Возвращаясь домой, в отель, Штим остановился перед одиноким телефоном-автоматом, вылез из «БМВ» и опустил в прорезь сразу несколько жетонов. Потом набрал код Вены и цифры нужного ему абонента... Затем, как и накануне, сделал несколько покупок. В том числе — пачку «Марльборо» в том же табачном магазинчике.

Утром следующего дня Квятковский, как всегда по четвергам, отправился в плавательный бассейн. Людям его профессии при появлении первых признаков одышки после пяти минут быстрой ходьбы следовало подавать в отставку. Это не относилось, конечно, к большим боссам. Но такие сотрудники, как он, пускай и высокого ранга, физически должны быть на уровне звезд экрана и балета. Поэтому в свои шестьдесят с гаком Квятковский три раза в неделю посещал бассейн, бегал кроссы, зимой ходил на лыжах, играл в теннис. Еще, конечно, каратэ и тир. Одну из комнат он оборудовал всевозможными тренажерами — от беговой дорожки до гребного станка.

Из бассейна Квятковский вернулся в одиннадцать. Раздеваясь, вдруг увидел, что в холле сидит, вытянув длинные ноги, незнакомый мужчина и читает газету.

Он вопросительно посмотрел на Ингрид: девушка поспешила оправдаться:

— Господин сказал, что вы назначили ему здесь встречу в десять сорок пять.

Приняв сумку со спортивной одеждой, горничная удалилась.

Между тем мужчина встал и вежливо раскланялся. На вид ему было лет пятьдесят. Очень крепкий от природы, к тому же хорошо и профессионально тренированный — это Квятковский мгновенно определил на метанным глазом.

Что вам угодно, и почему вы сказали неправду моей горничной?

Квятковский говорил резко, с напором, но в душе его что-то оборвалось. Чутье подсказывало — визит не к добру.

Приветливо улыбаясь, незнакомец представился:

Я Карл Редли, частный детектив. Извините, что ввел в заблуждение вашу девушку.

— Позвольте не принять ваших извинений, — продолжал в прежнем тоне Квятковский. — Даже люди вашей профессии предварительно должны договариваться о встрече. Не смею задерживать, господин Редли.

Детектив, конечно, и не подумал уходить. Все с той же голливудской улыбкой произнес безмятежно:

— Это не в ваших интересах, господин Квятковский. Давайте все же поговорим. Уверю вас, что в будущем вы будете вспоминать о нашей встрече с удовольствием. Что же касается предварительного звонка, то я никогда не доверяю телефону в столь серьезных случаях. То есть когда надо побеседовать с человеком сложной судьбы и неясной биографии.

— Кто послал вас ко мне? — подчеркнуто грубо спросил Квятковский.

— Вот это уже деловой вопрос. Я на него непременно отвечу. Но, быть может, вы пригласите меня в кабинет?

Квятковский сник. Редли (фамилия, конечно, вымышленная, так что требовать предъявления лицензии бессмысленно) держался слишком уверенно для заурядного вымогателя да и не походил на такового нисколько.

— Идемте, — каким-то чужим голосом пригласил он незнакомца и жестом указал в сторону кабинета.

Они уселись возле письменного стола — Квятковский в хозяйское кресло, незванный гость напротив.

Итак, начал Редли, излагаю преамбулу. Вы нужны мне, а я нужен вам.

— Нельзя ли точнее, буркнул хозяин дома.

— Извольте. И простите заранее за солдатскую прямоту. Моим клиентам (Квятковский усек, что он употребил множественное число) нужен Егоров. Живой и невредимый. А вам нужно отделаться от этого человека. И еще от одного по фамилии Ружеви́ч, который фигурирует в списках военных преступников, составленных правительствами трех стран. Как вам известно, на этих лиц не распространяются сроки давности. Они подлежат немедленной выдаче по предъявлении, разумеется, соответствующих доказательств. Мои клиенты таковыми располагают в достаточном количестве.

У Квятковского перед глазами поплыли радужные круги, в висках невыносимо застучало. Он судорожно вцепился обеими руками в край стола. Меж тем проклятый «частный детектив» неумолимо продолжал:

— Вы мне даете профессора, а я вас избавляю от уймы волнений. Похищение Егорова, которое органирую я, сразу вас обелит перед вашим шефом. Вы сможете выдвинуть версию, что русский не поделился с вами информацией, так как ожидал освобождения. Об этом его могли как-то предупредить. Мы все обставим таким образом, что никто и не подумает на вас. Конечно, придется подать в отставку, но ведь у вас нет проблем с пенсией — не так ли? В качестве дополнительного вознаграждения обещаю вам, что это никогда не будет опубликовано в газетах.— И небрежным жестом Редли бросил на стол увеличенную фотографию. На ней был изображен не профессор Майкл Квятковский, а... Михаил Ружеви́ч в мундире унтерштурмфюрера СС...

Странное дело, но при виде безусловно компрометирующей фотографии Квятковский воспрянул духом. «Фирма» таким образом сводить со мной счета не станет,— прикрыв глаза, размышлял Квятковский.— Не ее почерк. Клиенты этого Редли не оттуда. А откуда именно — не мое дело. Этот тип все равно ничего не скажет. Лицо знакомое. Где я его видел? Какая разница. Главное, в том, что он предлагает, есть смысл. Просто так из игры мне не выйти. Подсыпет что-нибудь Петер из своих снадобий, и все кончено. Скрыться не дадут. Придется идти на риск, дай бог, в последний раз в этой проклятой жизни». Квятковский приоткрыл глаза. Редли сидел

спокойно. Он уже не улыбался. Но и не «дожимал» его мефистофельским взглядом. Просто ожидал делового ответа. Квятковский выдвинул верхний ящик стола и, словно ненароком, смахнул туда фотографию. Потом закрыл ящик. Этот Редли, вернее, тот, кто за ним стоял, все рассчитал точно.

— Условия принимаю, — сказал он независимым тоном, буднично, словно ничего особенного не происходило. — Только я не знаю, как это сделать. Егоров под сильной охраной.

— Нам известно, — подтвердил Редли. — Если не ошибаюсь, русского содержат на вилле в Клауспарке?

Он не спрашивал — просто демонстрировал Квятковскому степень своей осведомленности. И тот оценил это в должной мере.

— Да.

— Надо добиться, чтобы его перевели сюда. Именно вы и будете с ним работать. Санкция господина Барлаха у вас имеется. Остается только еще раз позвонить ему, чтобы решить вопрос о доставке Егорова на эту квартиру. Мотивировать можно желательностью смены обстановки, проявлением к нему заботы и прочей ерундой. Ну а здесь такой охраны, как на вилле, не разместить, что и требуется.

«Господи, неужто Петер предал? Откуда ему известно об этом разговоре с шефом? Неужто Петер? Впрочем, теперь и это уже не имеет равным счетом никакого значения», — прервал свои размышления Квятковский и, вздохнув, сказал деловито:

— Попробую договориться. Хотя и не уверен, пойдет ли на это шеф.

— Пойдет. У него тоже нет другого выхода. — Редли встал. — Завтра в восемь жду вас в баре у салона мод Кернера. До свидания.

Скрипнула дверь. Егоров обернулся. В комнату вошел Рейке, молча сел на стул.

— Это опять вы, — тихо сказал Егоров. — Сколько же можно? Неужели вы, образованный человек, не можете понять, что я знаю о советских военных ракетах не больше, чем пишут в газетах. К военным исследованиям вообще не имею никакого отношения. Зря только переводите на меня свои препараты.

Рейке по-прежнему молчал.

Не понимаю, продолжал Егоров, — какого черта я еще вам нужен? Все заявления уже сделал, грязью облил кого только можно. Что дальше?

С вами хочет встретиться профессор Квятковский, неожиданно сказал Рейке.

Это еще зачем? вскинулся русский. — Я полагаю, миссия этого негодяя закончилась после того, как он подсыпал мне в коньяк какую-то дрянь.

— Не говорите ерунду, — вдруг обиделся за приятеля Рейке. — После сердечного приступа вас отправили в больницу. Пришли в сознание только через сутки. Поскольку делегация уже улетела в Москву, вы испугались последствий и попросили у нас политического убежища. А теперь валите все на Квятковского. Нехорошо.

Егоров даже рассмеялся от такой непринужденной наглости.

— Вы, наверное, считаете меня за полного идиота. Какая больница? Я очнулся в этой комнате.

— Просто вы ничего не помните. Амнезия. Короче говоря, Квятковский предлагает вам погостить у него. Как вы на это смотрите?

— Пустой вопрос. Я пленник, и перевозить меня можно куда угодно без моего согласия.

— Хорошо. Через час будьте готовы. Только без глупостей. С вами поедет Макс, а он парень решительный.

Егоров весьма приблизительно знал, что с ним произошло. Ситуацию, в которую он попал, предвидеть было невозможно. Ничто не предвещало беды. Квятковского он знал давно, как ученого ценил невысоко, но и худого за ним не знал. Встречал раньше и его секретаршу, похоже, по совместительству и любовницу. Но его это никак не касалось. Ужин был приятный, но почему он завершился столь трагически? Что произошло? Двадцать с лишним дней плена возникали в его памяти как сплошной кошмар. Соединить все в логическую цепь было трудно. Но все-таки он попытался это сделать...

Очнулся здесь, в странной комнате, как потом выяснилось — настоящей тюремной камере. Рядом сидел этот огромный рыжий мужчина, назвавшийся Петером. Расспросив его о самочувствии, Петер с улыбкой сказал,

что его просьба о предоставлении политического убежища скоро будет рассмотрена и можно рассчитывать на положительный результат. Но для этого ему, Егорову, нужно сделать два-три заявления о «безобразных правах в советской науке».

Тогда Егоров ничего не понял. Поначалу решил, что его с кем-то спутали, пытался объяснить это Петеру, требовал вызвать советского консула. Собеседник только ухмылялся. Потом ушел, порекомендовав Егорову хорошо подумать над его предложением.

Он думал всю ночь. Решил было объявить голодовку, не разговаривать с посетителями до тех пор, пока не встретится с советским представителем. Потом понял, что встретиться ему все равно не дадут. А нужно, они состряпают и опубликуют от имени Егорова любое заявление. Не исключено, что им известны какие-то сведения о его институте. Их могут воткнуть в заявление — это придаст документу правдоподобие, и его сочтут на Родине изменником. Как тогда он оправдается? Внешне все выглядит так, словно он настоящий невозвращенец. Накануне отлета делегации в Москву ушел ужинать в ресторан с иностранным коллегой и не вернулся в отель. Он читал про такие случаи в газетах. Почему-то все эти люди заявляли об отказе именно в последний день официального пребывания на Западе.

Он ученый, умеет взвешивать факты, анализировать, решать задачи. Перед ним задача со сплошными неизвестными. Очевидно, что сам он из этой западни не вырвется, по крайней мере, в обозримом будущем. Он для чего-то нужен, очень нужен, если эти люди пошли на похищение в условиях не холодной войны, не обострения международной обстановки, а наоборот, когда ситуация в мире оздоравливается. Возможно, именно поэтому. В таком случае его пассивное сопротивление ни к чему не приведет. Когда им надоест, они просто уберут его, инсценировав несчастный случай или еще чего.

Что же делать? Надо исходить из точных реалий. А каковы эти реалии? Дома знают, что в отель он не вернулся, не приехал и в аэропорт к самолету. Знают по радиопередачам, что он остался и попросил политического убежища. Вопрос — верят ли этим сообщениям? Не должны.

Вся его жизнь, работа, творчество, общественная деятельность исключала измену Родине. Он был уверен,

что близкие ему люди, товарищи и коллеги не поверили в заявление. Но этого мало. Надо каким-то образом дать им понять, что его задержали против воли, и не просто задержали, а применив самое подлое насилие. Нужно подать сигнал о помощи. Но как?! В его положении это физически невозможно — он полностью изолирован от внешнего мира.

И тут Егорова осенило: есть, есть канал, по которому он может дать знать своим, что с ним произошло. Этот канал ему предлагает противник. От него требуют заявлений, то есть информации. Он им выдаст эту информацию. Она будет содержать то, что останется незамеченным здесь, но будет расшифровано друзьями на Родине. Егоров стал припоминать факты, которые, будучи изменены, для знающих истину станут сигналом лжести всего заявления. Для начала придется оговорить Вальку Боброва. Повод есть — выборы в академию. Со стороны, тем более за границей, они должны выглядеть конкурентами, даже противниками. Откуда здесь могут знать, что они закадычные друзья? Услышав дикую чушь в свой адрес, Валька сразу сообразит, в чем дело. Особенно, если он назовет его не Валентином, а Виталием, как в далеком детстве. Об этой истории со сменой имени, кроме них двоих, не знает никто.

Что еще? Было, было что-то случайное тогда, но очень важное сейчас. Надо вспомнить, он обязан вспомнить... И он вспомнил. Вдвоем с Валькой пошли на футбол. Купили газету. Там было сообщение о попытке похищения за границей советского спортсмена, об этом говорили на трибунах. И они тоже говорили. Это то, что надо!

Утром ему принесли завтрак. Потом вошел Петер в сопровождении молодого бесцветного парня в роговых очках с репортерским магнитофоном. Егоров был готов дать свое первое обстоятельное интервью. За первым последовало второе, затем третье...

Через несколько дней ему разрешили одному гулять по саду. Территория была большая и ухоженная. Аккуратно подстриженные лужайки, цветочные клумбы, фруктовые деревья, посыпанные гравием дорожки. Большой бассейн, правда, сейчас вода спущена.

Егоров прошел вдоль глухого забора из бетонных плит высотой метра в два с лишним. Внимательно пригляделся: нет ли проломов или щелей. Увы, забор поставлен

на совесть. В верхней части играли на солнце воткнутые в цементный раствор осколки бутылочного стекла. Такой «еж» успешно заменял ставшую символом любого заключения колючую проволоку, но не привлекал внимания и не портил внешний вид.

Внезапно Егоров услышал чье-то частое дыхание. Он обернулся сзади метрах в десяти стояла, не сводя с него холодных желтых глаз, огромная немецкая овчарка. До этого ее в саду не было видно. Егоров повернулся и снова зашагал по дорожке вдоль забора, чувствуя всей кожей, что хорошо выдрессированный пес неотступно следует за ним. Потом он понял, что за ним наблюдают и люди.

Однажды на вилле появился пожилой, очень благообразный господин без особых примет. Петер представил его как доктора Шнайдера. По тому, как почтительно он держался, как пропускал перед собой в дверях, как подвигал кресло, можно было заключить, что это важная персона. Так оно и было на самом деле. Под именем Шнайдера с Егоровым разговаривал сам доктор Барлах.

Господин Шнайдер, — сказал Петер, после того как они все уселись у стола, — хочет задать вам несколько вопросов.

Что занимает господина Шнайдера? — осведомился Егоров.

— Некоторые вопросы, касающиеся выполнения Советским Союзом обязательств по сокращению числа ракет средней и меньшей дальности, — быстро ответил сам Шнайдер.

Что? переспросил изумленный Егоров. — Тут какая-то ошибка. Я ученый-металлург, занимаюсь твердыми сплавами. Это прекрасно известно моим здешним коллегам. То, о чем вы спрашиваете, никак не входит в мою компетенцию. С таким же успехом вы можете мне задавать вопросы о вероятности жизни на Марсе.

Шнайдер усмехнулся:

Простите, дорогой друг, но вы же входили в специальную советскую комиссию, которая изыскивала возможности секретного сохранения некоторой ракетной техники, имитации уничтожения ракет.

Чушь! Я не только не слышал о такой комиссии, но и не допускаю мысли о ее существовании!

Почему вы так категорично утверждаете?

— Потому что Советский Союз не намерен вести двой

пую игру ни с Соединенными Штатами, ни с остальным миром в вопросе о сокращении ракет!

Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

Это большая политика, господин профессор, почтительно вставил Петер.— Сейчас мы касаемся вопросов не нашего с вами уровня. Но, тем не менее, у нас есть точные данные, что вы являетесь экспертом вышеупомянутой комиссии. Повторяю, точные данные.

Ерунда! Это или ошибка, или чья-то выдумка. Со мной действительно советовались, но совершенно по другому поводу. А именно, каким образом лучше всего использовать в народном хозяйстве сплавы, из которых изготовлены корпуса ракет, подлежащих ликвидации.

Шнайдер и Петер некоторое время сидели молча. Потом Шнайдер встал и произнес, ни к кому не обращаясь:

— Не будем больше утомлять господина Егорова. Пусть он отдохнет и подумает, как ему жить дальше. У нас тоже есть дела. До свидания, господин Егоров!

Егоров был доволен своим поведением во время этого разговора. Но что за чушь несли эти провокаторы! Неужели его с кем-то перепутали? Впрочем, теперь главное что с ним будет дальше. Петер как-то сказал, что ему предоставят возможность заниматься научной работой. Но не на этой же вилле. Значит, его перевезут в город, где-то поселят, наверняка ослабят контроль. При первой возможности он попытается вырваться, добраться до советского посольства или консульства.

И тут Егоров почувствовал какой-то сладковатый, едкий запах. Хотел открыть окно, но вспомнил, что оно наглухо закрыто и свежий воздух подается через кондиционер. Кружилась голова, хотелось спать. Он попытался встать, но его качнуло, и он смог лишь кое-как добраться до тахты. Потом был долгий сон. Он чувствовал, как его уложили на каталку и повезли по коридору. Потом сделали укол в руку... Перед ним возникали и исчезали какие-то размытые лица — Петера, Шнайдера, еще кого-то. Ему что-то говорили, он отвечал, но не слышал своего голоса. Временами он впадал в небытие. Потом все начиналось снова. Сколько это длилось, он сказать не мог. Может быть, день, а может быть, и неделю.

Наконец, он окончательно очнулся в своей комнате. Два дня его никто не трогал, только служитель приносил еду. И вот явился Петер с новым предложением...

Эти дни Штим работал по шестнадцать часов в сутки. В забегаловке Мюмина он устроил нечто вроде своего офиса. Целый день к нему приходили турки, югославы, греки, португальцы, устроенные и безработные, добившиеся какого-то успеха в этой стране и неудачники, отцы семейств и подростки. Он записывал их рассказы на диктофон, изучал разные документы и частные письма, которые доверяли ему собеседники. Словом, собирал материалы к будущим публикациям. Эта бурная деятельность не могла, конечно, пройти незамеченной политической и криминальной полицией. Однако, убедившись, что ничего противозаконного не происходит, журналист всего лишь занимается своим профессиональным делом, инспектора утратили к нему какой-либо интерес. Фиксировать всех приходящих в «Анатолию» никаких возможностей, да и надобности, у них не было. Да и поди проверь у этих смуглолицых, похожих друг на друга, как братья, людей документы... Их и не проверяли.

В доме Квятковского Егорову отвели небольшую комнату. Хозяин был с ним подчеркнуто любезен. Егоров со своей стороны и виду не подавал, что он думает о Квятковском. Выяснять отношения с ним, то есть обострять, в данной ситуации ему было не с руки. Пусть этот негодяй думает, что он смирился со своей участью, простился с надеждой вернуться на Родину и думает лишь о том, как лучше устроиться на Западе, а в будущем заполучить сюда и свою семью. Егоров надеялся, что рано или поздно он усыпит бдительность хозяина. А там, глядишь, ему удастся провести Макса и вырваться из дома.

Но Макс, угрюмый, внешне флегматичный парень лет тридцати, коренастый, с мощным торсом и мускулистыми ручищами, следил за каждым его шагом. Все двери и окна в доме были снабжены прочными замками. Егоров догадывался, что имеется и какая-то электронная сигнализация и защита.

Как-то у Егорова мелькнула мысль симулировать принцип аппендицита. До операции в больнице никто не сумеет его разоблачить, а из приемного покоя, глядишь, удастся убежать. Если, конечно, с ним не поедет Макс... А он непременно поедет. Да и вряд ли его повезут в городскую больницу, наверняка у них есть какая-нибудь секретная собственная клиника.

...В то утро Квятковский предложил Егорову сыграть в шахматы. Они расположились за журнальным столиком в кабинете профессора. Ингрид принесла кофе и бисквиты. Первую партию Егоров быстро проиграл. Квятковский не был сильным шахматистом, и в другое время Егорову не составило бы большого труда одержать над ним победу. Но сейчас он не мог сосредоточиться, нервничал, мысли его были заняты не шахматами, а вариантами возможного побега. В новой партии он тоже допустил несколько ошибок, и хозяин дома уверенно вел ее к победному концу.

Вдруг раздался телефонный звонок. Квятковский вздрогнул, глянул почему-то на часы и поднял трубку. — Нет-нет, с досадой ответил он невидимому собеседнику, это не представительство «Люфтганзы», вы ошиблись.

Квятковский повесил трубку, извинился перед Егоровым и вышел из кабинета. До Егорова донесся его разговор с горничной.

— Ингрид, возьмите мою машину и поезжайте в оранжерею Ботанического сада. Там для меня приготовлены ростки бразильского кактуса. Заказ оплачен, вот квитанция. И поспешите, с двенадцати у них перерыв.

Квятковский вернулся, и они продолжили игру. Впрочем, через несколько ходов Егоров сдался. Вдохнув, сознался:

— Я сегодня не в форме, играть дальше нет смысла.

Все-таки хозяин уговорил его на третью партию. Они расставили фигуры, быстро сделали несколько стандартных ходов. На сей раз Егоров решил все-таки сыграть в полную силу и попытался сосредоточиться по-настоящему. Ему помешал какой-то грохот в холле и чей-то сдавленный вскрик. Он вздрогнул и выронил из рук пешку...

В тот же миг в комнату ворвались трое мужчин с револьверами в руках. Один из них молниеносно подскочил к Квятковскому, защелкнул на его запястьях наручники и заклеил рот лейкопластырем. Потом тонким пейлоновым шнуром примотал к креслу так, что тот не мог даже шелохнуться.

«Гангстеры!» — с каким-то мстительным восторгом подумал Егоров, даже не осознавая, что налет может скверно кончиться не только для хозяина достаточно богатого дома, но и для него, «гостя». Однако грабители повели себя как-то странно. Один из них схватил Егорова

за руку, силой вытащил из кресла и буквально поволок к двери.

Быстро, быстро! торопил он ничего не понимающего профессора.

Все совершалось с невероятной поспешностью, однако без суеты. Егоров успел заметить валяющегося в холле на полу Макса. Судя по тому, что на руках его были наручники, ноги связаны, рот заклеен, охранник был жив.

— Что вы от меня хотите?! со страхом вскрикнул Егоров.

— Да молчите же!— И человек, лица которого Егоров даже не разглядел, втолкнул его в стоящий у дома Квятковского легковой автомобиль. В ту же секунду машина сорвалась с места.

— Не задавайте мне никаких вопросов, не поворачивая в его сторону головы, сказал водитель.— Когда выберемся на шоссе, я сам вам все скажу.

Егоров ничего не понял, но вдруг успокоился. Голос человека за рулем звучал мягко, да и сам он выглядел интеллигентно. Лет сорок пять, спокойное лицо. Автомобиль ведет мастерски.

Минут через пятнадцать они уже были на магистрали, ведущей к аэропорту. И только тут водитель заговорил:

— Откройте ящикек справа от руля, в вашей стране он называется «бардачок».— Последнее слово было произнесено по-русски, но с акцентом.— Там записка, прочтите ее.

Все еще ничего не понимающий Егоров послушно выполнил указание. Развернул сложенный вдвое листок бумаги и обомлел... Вне всякого сомнения, это был почерк Вальки Боброва!

«Саша! Доверяй этому человеку. Напоминаю наш последний разговор перед отъездом: ты обещал мне привезти коробку бумаги для «Поляроида» Обнимаю, Виталий»

Впервые за весь этот страшный месяц Егоров заплакал...

Подпись «Виталий»... Значит, его сигнал был принят в Москве и понят товарищами. Поверили ему, а не подлой клевете. Поверили и пришли на помощь. Он вытер слезы кулаком, совсем по-детски, забыв про платок. Рука водителя осторожно тронула его за колено.

— Успокойтесь, Егоров, все будет хорошо. Вы в состоянии слушать меня?

— Да, конечно.

— Тогда запоминайте. Снова откройте «бардачок». Видите голубой конверт? В нем документы и билет на самолет. Вы представитель фирмы «Браун». Записку верните.

Потом незнакомец протянул ему деньги:

Здесь триста крон, на всякий случай. Мы приедем в аэропорт впритык к рейсу С-176 Стокгольм — Анкара. Следующая посадка в Софии. Там вас встретят, в зале для транзитных пассажиров. В самолете ни с кем не разговаривайте, сделайте вид, что дремлете.

Егоров внимательно слушал и запоминал каждое слово.

— ...В бременском аэропорту и в самолете вы, быть может, заметите по соседству двух молодых людей с восточной наружностью. Их не следует опасаться.

Водитель немного повернулся боком и достал с заднего сиденья черный атташе-кейс.

— Это ваш багаж, все, что может понадобится человеку в короткой поездке: три рубашки, галстуки, носки, туалетные принадлежности. Две новейшей модели электробритвы «Браун» и рекламные проспекты фирмы. Как образцы продукции.

— А что мне с ними делать дома? — неожиданно для самого себя задал наивный вопрос Егоров.

Человек за рулем улыбнулся:

— Проспекты можете выбросить. Ну а бритвы — одну оставьте себе на память о нашем знакомстве, вторую подарите вашему другу. Там для него, кстати, есть три коробки пленок к «Поляроиду». Ведь вы обещали ему?

...Впереди уже виднелись здания аэровокзала.

Через неделю следователь Комитета государственной безопасности майор Марков прекратил уголовное дело в отношении гражданина СССР Егорова Александра Ивановича за отсутствием события преступления.

Москва, 1989

Профессия: иностранец

МОНОЛОГИ

АВТОР:

Предыстория. В самом конце шестидесятых годов я, молодой литератор, упражняющийся в сочинении детективов и уже напечатавший к тому времени (правда, под псевдонимом и в соавторстве) несколько приключенческих повествований в центральных молодежных журналах, получил неожиданное предложение от соответствующего ведомства собрать материал для документальной повести о советском разведчике Г.-Т. Лонгсдейле.

Я знал понаслышке, что Лонгсдейл был крупным английским промышленником-миллионером, получившим от королевы Великобритании звание «сэра», что он был арестован в Англии, осужден, сидел какое-то количество лет, а потом обменен на коммерсанта Винна (или Девинна?), изобличенного в шпионской деятельности против СССР и приговоренного у нас к тюремному заключению.

Немного поразмыслив, я дал согласие, движимый более любопытством, нежели желанием писать о Г.-Т. Лонгсдейле. Откровенно признаться, к «шпионским» детективам я и до сих пор отношусь с предубеждением: меня шокирует то обстоятельство, что с их помощью молодому и неопытному читателю в сладостной облатке погонь, перестрелок, переодеваний и защиты интересов Отечества может преподноситься горькая начинка в виде самых различных методов (надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю), вполне приемлемых для достижения целей не только в разведке, но, между прочим, в жизни вообще.

Однако я не жалею, что встретился с Лонгсдейлом, которому, как и мне, не были безразличны методы, применяемые разведками почти всех стран мира, да и не почти, а практически всеми. Замечу попутно, что на самом деле мой будущий герой не был ни Г.-Т., ни Лонгсдейлом, а Константином Трофимовичем Перфильевым, под именем кото-

рого официально значился в архивах и делопроизводстве Центра. Впрочем, не был он и Перфильевым, а совсем Кононом Трофимовичем Молодым, сыном ученого и врача, родившимся в Москве и жившим в молодости в доме на Русаковской улице, что возле Сокольников, прямо напротив кинотеатра «Шторм», ныне снесенного, но я не уверен, что и Молодой его настоящая фамилия...

Так или иначе, у меня было с Кононом Трофимовичем ровно одиннадцать встреч. Обставлялись они следующим образом. Заранее, примерно за неделю до каждой встречи, я составлял вопросник из пяти семи пунктов, переправлял его в соответствующее ведомство, откуда мне сообщали, когда и в котором часу я должен подъехать к главному подъезду соответствующего здания на одной из центральных площадей столицы, а проще сказать в КГБ.

Я подъезжал. Меня встречали и вели в просторную комнату на втором этаже, которую лучше бы назвать маленьким залом. Он был пустым, если не считать длинного полированного стола с пепельницами, стоящего посередине, и более десятка стульев с одной его стороны, предназначенных для моих собеседников, и одного стула по другую сторону для меня.

Я садился и ждал. Минут через пять входил Лонгсдейл, которого сопровождали разного возраста люди: хорошо одетые и неизменно вежливые. Их возглавлял человек лет примерно сорока пяти с белым платочком, углом торчащим из нагрудного кармана отлично сшитого пиджака, впредь я буду называть его Ведущим. Все они по очереди здоровались со мной за руку и рассаживались на стулья, причем ни разу из одиннадцати встреч не получалось так, чтобы кто-то оставался без стула или какой-то стул без сидока, хотя количество мебели и людей всегда было разным. Мой будущий герой располагался ровно напротив меня, и после нескольких ни к чему не обязывающих фраз («Как вам погода, не промокли?» «Благодарю, я в машине, но прекратятся когда-нибудь эти дожди?», «Прямо лондонский климат, не находите?» — «Вам лучше знать, сэр!») мы приступали к делу.

Сначала мне было непонятно, зачем столько молчаливых свидетелей отрывают себя от забот и присутствуют часами при наших беседах. Их назначение я понял, когда они начали вдруг говорить. Однажды, отвечая на мой вопрос, Конон Трофимович помянул факт из своей биографии, связанный с пребыванием в американской школе разведки,

расположенной на территории ФРГ. Тут человек с платочком, названный мною Ведущим, вежливо прервал его и обратился к одному из присутствующих: «Прошу вас, Владимир Платонович!» Тот начал: «Строго секретная американская школа разведки находится в тридцати семи километрах от Мюнхена, если ехать по автостраде Мюнхен — Берлин. На тридцать седьмом километре надо свернуть направо на бетонку, и буквально через двести метров, в лесу, на берегу небольшого озера (восемьдесят на сто двадцать шагов) будет стоять трехэтажное здание красного кирпича типичной немецкой готики, с закругленными наверху окнами по всему фасаду. Перед входом в здание два дерева: дуб диаметром около метра и ольха, ветви которой достигают окон третьего этажа...» В другой раз Лонгсдейл говорил о том, как и когда он впервые оказался в Канаде в Торонто, и остановился в отеле недалеко от вокзала. Ведущий попросил: «Будьте любезны теперь вы, Борис Николаевич!» после чего «Борис Николаевич» стал рассказывать мне об отеле, в котором жил в Торонто Лонгсдейл. «Отель называется «Терминаль» и характерен тем, что вся обслуга его, кстати, сплошь состоящая из мужчин, носит особую униформу, специально пошитую для сотрудников «Терминаля». Лучшие номера — на шестнадцатом этаже двадцатиэтажного здания отеля: они совершенно изолированы от окружающего мира звукопроницаемыми прокладками в стенах...» Почему эти данные, как и прочие, не мог изложить сам Конон Трофимович, я до сих пор не знаю и могу лишь предполагать: либо он ни когда в «Терминале» не останавливался и в строго секретной американской разведшколе не был, но нужно было, чтобы он там «был», по крайней мере в повести, которую я намеревался писать, либо Лонгсдейл побывал в действительности и там, и там, но почему-то ему хотелось из чужих уст слышать то, что впервые слушал я. Впрочем, я скоро привык к этим тайнам мадридского двора, больше не удивлялся и воспринимал все так, как оно и звучало.

Состав сопровождающих постоянно менялся. Уж и не помню, сколько прошло через меня Владимиров Платоновичей, Платонов Сергеевичей, Сергеев Владимировичей и т. д. Однажды я заикнулся о том, что было бы неплохо познакомить меня для общего колорита со знаменитым полковником А., примерно годом раньше Лонгсдейла обмененным на крупного американского разведчика П., тоже полковника. Мне сказали туманно: подумаем, но обе

щать не можем. Но в один прекрасный день вдруг предложили подготовить вопросы для полковника А., а затем дали знать, когда с ним состоится встреча. Я приехал в назначенное время, сел на свой стул, они, как обычно, вошли в обновленном составе, среди них был и Лонгсдейл, однако на сей раз его посадили не напротив меня, а сбоку, зато напротив сел пожилой человек с большой лысиной и седой обочкой вокруг голого черепа, тот самый, который уже несколько раз был в свите Конона Трофимовича и под именем «Варлама Афанасьевича» рассказывал мне об улицах Нью-Йорка, его магазинах и еще о Колумбийском университете. Это и был, оказывается, легендарный полковник А. собственной персоной! Опять тайны мадридского двора, и вновь я мог только догадываться, зачем. Возможно, А. хотел ко мне приглядеться, прежде чем со мной говорить? Но что я за птица, чтобы готовиться к беседе со мной так тщательно и странно? Или они репетировали сцену, играть которую им надлежало в другом и более ответственном месте? Между прочим, когда полковник А. добрался в своем рассказе до лондонского пригорода, куда он приехал по заданию Центра из Нью-Йорка, чтобы тайно проникнуть на какой-то строго охраняемый военный объект, Ведущий, мягко прервав его, обратился к Лонгсдейлу: «Прошу вас, Конон Трофимович!» — и Лонгсдейл дал исчерпывающую справку относительно военного объекта, а также способов, с помощью которых можно было на него проникать.

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?

П о р т р е т. Ведущий попросил меня записей по ходу бесед с Лонгсдейлом не вести, а просто запоминать, что я и делал. Эти монологи, таким образом, воспроизводятся мною по памяти и потому могут содержать неточности, особенно в названиях маленьких городов, улиц, имен и дат, возможно, как раз нуждающихся в том, чтобы я не ошибался. С другой стороны, в такой непривычной для литератора методике сбора материала было и свое преимущество, а именно: в моей памяти оседало самое важное, яркое и существенное, в то время как мелкая рыбешка уходила из сетей, но и жалеть о ней не следует, она действительно мелкая.

Добавлю к сказанному, что на исходе последней встречи Конон Трофимович обратился ко мне с просьбой, как он выразился, личного характера: если я в самом деле

буду о нем писать, нельзя ли попробовать выжать из повествования воду, так называемую «беллетристику», и оставить одну суть?

Я обещал.

Даже внешний облик Лонгсдейла, не зарисованный мною с натуры в блокнот, нынче воспроизводится памятью, как если бы художнику-портретисту предложили воспользоваться строго ограниченным количеством мазков. Лонгсдейл был ниже среднего роста. Широкоплеч, крепко сбит. Черный, скуластый, глаза немного раскосые: по предкам Конона Молодая, несомненно, пронеслась лет шестьсот назад татаро-монгольская орда. Взгляд острый, ироничный, живой. Впрочем, в случае нужды Лонгсдейл умел надевать на лицо по классическому восточному образцу маску непроницаемости, и тогда к нему вполне подходило расхожее выражение, часто применяемое авторами детективов: «Ни один мускул не дрогнул на его лице». Сказать, что в толпе Лонгсдейл незаметен, что мы привыкли полагать чуть ли не главным качеством настоящего разведчика, я не могу: смотря в какой толпе! Среди казанских татар, возможно, он и растворился бы, но в обществе респектабельных английских бизнесменов как говорят в таких случаях: извините! — я бы выделил именно его.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Б ы т. Лично я в первые часы после прибытия за границу предпочитаю спать. Помню, в Торонто я автобусом доехал до аэровокзала, который расположен в центре города, и при нем — гостиница «Терминаль». Иду с небольшим чемоданчиком типа «дипломат», навстречу конный полицейский: синие лампасы, краги, каска с полями, и вдруг останавливается, слезает на землю (два метра ростом, не меньше!). У меня сразу копчик заболел: знал бы он, кто я! А он в мою сторону даже не посмотрел. Я заказал в гостинице номер, зная, что ни документов у меня не попросят, ни вообще никаких вопросов не зададут. Номер взял с ванной, чтобы и туалет был: если потребуется что-то уничтожить, сжечь, например, можно спустить с водой, это вам не вечно забитый мусоропровод в коридоре, для прогиба которого следует запастись специальной «гармошкой» Вошел в номер, повернул на дверях табличку «Прошу не беспокоить!» и уверен: трое суток никто не войдет, даже если меня пришибут в этом номерочке. И сразу, не мешкая,

ложусь спать. Сон как у космонавта. А просыпаюсь и тут же встаю, это у меня еще с армии, с фронта. Подниматься, когда бы ни лег, я умею по «биологическому будильнику» и еще по тому, который у меня в ручных часах: поет, словно сверчок, сразу Подмосковьем начинает пахнуть. Я, представьте, всегда высыпаюсь замечательное свойство. Но если не удастся поспать в сутки хотя бы час-полтора, чувствую себя отвратительно, вид ужасен. К слову, в Англии, если приходишь на работу с опозданием, не выспавшись и в ужасном виде, начальством и сотрудниками принимается только одно уважительное объяснение: девочки! Любое другое, например забастовка водителей автобусов, ночной преферанс, сломавшийся будильник или приступ аппендицита, — неминуем скандал.

В з г л я д. В гинее 21 шиллинг, в фунте 20 шиллингов, но гиней купюра неофициальная, хотя все, от врача до проститутки, считают на гиней. Меблированная квартира стоит пять с половиной гиней в день, но всего этого, будучи по легенде «канадцем», я не знал и, что очень удобно, мог не знать, поэтому первое время всюду совался со своими пенсами, шиллингами и фунтами стерлингов.

П с и х о л о г и я. Кто я в чужой стране, как вы думаете? Враг? Ни в коем случае! Тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион», ко мне не относится. Я разведчик! Я не выискиваю в чужой стране слабые места с точки зрения экономики, военного дела или политики, чтобы направить против них удары. Я собираю информацию, исходя из совершенно иных замыслов, поскольку вся моя деятельность направлена на то, чтобы предотвратить возможность конфронтации между моей родиной и страной, в которой я действую. Именно в этом смысле инструктирует нас Центр, и мы придерживаемся этого принципиального указания.

Кстати, вам не приходилось где-нибудь читать, что написано на могиле Рихарда Зорге? В Токио на кладбище Тама лежит гранитная плита с такими высеченными на ней словами: «Здесь покоится тот, кто всю свою жизнь отдал борьбе за мир». Теперь вам понятно, что я хочу сказать?

К а ч е с т в а. Разведчик должен быть «растворимым» в толпе, незаметным. Одеваться надо прилично, но не броско. Моя родная жена, глядя на меня, когда я бывал до-

ма в Москве, удивлялась: на тебе вроде бы все заграничное, но не похоже, что «иномарка». Я же знал: если в пивной тридцать человек, из которых можно запомнить пяти-рых, я должен быть не среди этой пятерки, а среди тех двадцати пяти, которые «незаметны» для посторонней памяти. В Англии некий бизнесмен покупал костюмы, и к локтям ему сразу пришивали кожу. Другой, называемый «джентльменом-фермером», был чрезвычайно богатым человеком, но одевался так скромно, что я мог бы сказать: броская скромность. Для разведчика и это плохо: ему следует одеваться так, чтобы в глаза «не бросалось».

Р а б о т а. Резидент, которого еще называют «шефом», если вербует агента, по-нашему «помощника», делает вид, что вовсе его не вербует, а просто покупает нужную информацию: мне нужна информация, вам — деньги, адью! А коготок у агента увяз, он из этого дела уже не вылезет. Агент тот хорош, кто обладает следующими данными: служит, например, в военном ведомстве на невысокой, но ключевой должности, дающей доступ к информации, не выслуживается в старшие офицеры, носит ампула неудачника (не сумел, положим, окончить академию генштаба, так как болезнь отняла «лучшие годы»), любит выпить (а это дорого стоит!), имеет слабость к женскому полу (что тоже не дешево!), критически относится к своему правительству и лояльно к правительству резидента.

Впрочем, не только слабостей ищут в своих помощниках шефы, а предпочитают для вербовки четкую идейную основу, которая намного прочнее меркантильной, гарантирует от провала и украшает достижение цели не низменными, а вполне достойными методами. Такой вариант, конечно, не частый, но тем он и заманчивей для каждого разведчика, претендующего на звание порядочного человека. Я знаю случай, когда идейно убежденный агент давал информацию, которую долгое время в Центре принимали за дезинформацию, организованную противником: уж больно она была дорогой и слишком дешево нам доставалась, а признать убежденность агента искренней тоже было непросто. Рискованно! Впрочем, если бы обиженные богом и судьбой поголовно стремились в агенты иностранных разведок, резидентам пришлось бы отбиваться от волонтеров ногами.

В з г л я д. Средний англичанин аполитичен и равнодушен: ему совершенно наплевать, кто им правит и куда ведет страну, чем хорош или плох «Общий рынок», его интересует собственный заработок, работа и чтобы жена была довольна. А вот связать свою судьбу с гонкой вооружений и борьбой против нее, причем в интересах самой же Англии, он, как правило, не умеет. Искать в таком единомышленника трудно, если вообще возможно. Знаменитый Блейк, работавший на нас долгие годы без копейки денег, чрезвычайная редкость. Он просто умный человек проанализировал ситуацию в мире, определил ее истоки и перспективу, а затем, посчитав нашу политику более справедливой, принял обдуманное решение помогать нам

Р а б о т а. Контроль за агентами резидент осуществляет, во-первых, постоянно, во-вторых, неукоснительно. Методы контроля: личное общение шефа с помощником и изучение информации, которую он дает. (Помощник должен быть не единственным, кто предоставляет определенного рода сведения, его надо проверять с помощью «дублера» но суммировать и сопоставлять две-три информации по одному и тому же поводу лучше не резиденту, а сотрудникам Центра.)

ВЕДУЩИЙ:

С ю ж е т. Считаю целесообразным предложить вам следующую сюжетную схему будущей книги о Лонгсдейле; если что-то не будет понятно, задавайте вопросы прямо «по ходу». Итак, с начала Великой Отечественной войны ваш герой (пусть он пока носит условное имя Л.), только что окончивший десятилетку, попадает добровольцем на фронт. В составе диверсионной группы он выполняет в тылу врага оперативные задания. Потом, возвратившись через линию фронта в родную часть, служит в разведывательном батальоне, показывает себя смелым и волевым солдатом, неоднократно берет «языков», участвует в их допросах (в качестве переводчика), выполняет отдельные поручения начальника особого отдела дивизии.

- Виноват, какие поручения?
- Отдельные.
- А почему Л., а не Лонгсдейл?
- Л не совсем Конон Трофимович.

Начальник особого отдела, убедившись в том, что имеет дело со стоящим человеком, рекомендует его на работу

в органы КГБ. Тогда мы назывались еще НКВД. Так ваш герой еще во время войны попадает к нам. После короткой спецподготовки его забрасывают с глубокий немецкий тыл, в самое логово. Там, в Берлине, Л. устанавливает связь с резидентом нашей разведки Д., который снабжает его надежными документами, отрабатывает легенду-биографию, помогает легализоваться и включает в активную разведывательную деятельность. После победоносно-го окончания войны Л. возвращается на Родину и, уволившись из разведки, поступает в высшее учебное заведение. Обзаводится семьей. В 1949 году, в период работы над дипломом, его вызывают в Комитет государственной безопасности.

— Не понял: откуда Л. знает немецкий язык? Обычная школа?

— Нет. До войны он четыре года прожил с родителями в Германии, учился в немецкой «школе».

— Что я могу писать о резиденте Д.?

— Ничего, кроме того, что он Д.

— Но минуло более тридцати лет... Хотя бы он жив?

— Да. В том-то и дело.

В КГБ вашему герою предлагают выполнить ответственное задание, связанное с разоблачением подрывных акций ЦРУ против нас в Западной Германии и, возможно, в Японии. После некоторых раздумий Л. дает согласие и вскоре оказывается на территории ФРГ в роли «немца», используя свои прежние документы и (частично) старую легенду.

— Раздумывая, он советуется с женой и родственниками?

— Нет, его решение самостоятельное.

— А как объясняют жене скоропалительный отъезд супруга?

— Не проблема: срочной командировкой Внешторга в Китай.

— ?

— Л. владеет китайским языком.

— Оканчивает соответствующее отделение МГИМО?

— Можно и так. Института внешней торговли.

С помощью резидента Д. он успешно легализуется, заводит полезные связи и ищет подходы к лицам, работающим в Бундеснахрихтендист (БНД) — геленовской разведке, полностью находящейся под контролем американцев; БНД, кроме прочего, готовит для заброски в Советский

Союз агентуру, вербуя ее среди русских людей, по разным причинам оказавшихся на Западе. Наконец Л. выходит на человека, с которым был знаком еще во время войны, в свою первую «командировку» в Германию. Назову этого человека Герхардом. Для восстановления с ним «дружбы» Л. не жалеет ни времени, ни денег, но вдруг понимает, что и Герхард, работающий в БНД, тоже осторожно обнюхивает его, пытаясь, вероятно, привлечь к сотрудничеству с геленовцами.

— На ловца и зверь бежит?

— Примерно так. Но сложнее.

— Нельзя ли военный период жизни Л. осветить подробней?

— Можно. Внесите этот пункт в ваш вопросник, адресованный Конону Трофимовичу. А пока мне придется сделать «приложение» к рекомендованной вам сюжетной схеме.

П р и л о ж е н и е № 1. В начале пятидесятых годов в системе БНД под маркой «Амт фюр Зее унд Шаффартс-везен» было создано управление с кодовым наименованием «Архив», а при нем «служба 79», которая должна была вести стратегическую разведку против США, Англии, Франции, Италии и других государств западного блока. Не следует удивляться: во имя того, чтобы играть не подручную, а самостоятельную роль в «тайной войне» против СССР, а также для восстановления утраченного национального престижа послевоенное руководство БНД уже откровенно добивалось хотя бы формального выхода геленовской разведки из-под унижительного для немцев влияния ЦРУ. Центральное разведывательное управление США, в свою очередь, стремясь сохранить геленовцев «под собой», стало усиленно вербовать из их числа агентуру. Гелен это знал, но пресечь не мог. Он был человеком сильным и неглупым. В конечном итоге, кстати, он перебрался в США, захватив с собой всего один портфель, но в нем была агентура практически всех европейских стран, и с таким «подарком» Гелен рассчитывал занять в ЦРУ ответственный пост и не ошибся в своих расчетах.

Тем не менее не следует заблуждаться: главной задачей БНД была и оставалась разведывательная деятельность не против стран Запада, а против Советского Союза. В директивном указании геленовского Центра всем служ

бам разведки — оно попало в наши руки — указывалось. «СССР является важнейшей, но и самой трудной целью нашей работы...» В центральном аппарате БНД имелись разведывательное Управление (отделы СССР, ГДР и других социалистических стран, а также упомянутый «Архив» со своей «службой 79»); контрразведывательное Управление; отдел психологической войны с целью вести разложеческую деятельность в соцстранах, а также подготовку диверсионных акций на случай обострения международной обстановки. Все эти службы и подразделения БНД на территории Западной Германии были замаскированы под различные фирмы и учреждения, цум байшпиль (например): «Шпециальконтор фюр Индустрибетайлигунген», «Беауфтрагтер фюр Зондерфермеген» унд зо вайтер (и так далее).

— Вы тоже знаете немецкий? И тоже учились в «шULE»?

— Да.

— Верно ли я понимаю, что сведения о БНД и ее отношениях с ЦРУ были кстати и благоприятствовали моему герою?

— Не совсем. Они были первым и довольно важным результатом его работы. А проникал он в БНД, а затем и в ЦРУ, можно сказать, вслепую и трудно.

С ю ж е т (продолжение). Итак, мы остановились на том, что Герхард, осторожно обхаживая «старого друга» старается привлечь его к сотрудничеству с БНД. Наше руководство, однако, тщательно взвесив все обстоятельства, рекомендует Л. предложение Герхарда на данный момент отклонить.

— Отклонить достижение главной цели?!

— По трем причинам.

Во-первых, рано: устройство на работу в любую разведку обычно связано с весьма серьезной проверкой прошлого кандидата, к чему Л., обладая еще сыроватой легендой и только вживаясь в образ, был недостаточно готов, а рисковать им, учитывая его потенциальные возможности и перспективу, не имело смысла. Во-вторых, отказ от сотрудничества да еще под соусом истинно немецкого патриотического «нежелания» работать на американцев (несамостоятельность геленовцев была общеизвестна) лишь поднимает акции кандидата в глазах руководства БНД. Наконец, в-третьих, именно в тот период Центр задумывает до-

вольно «простенькую» акцию, касающуюся некоего Альфонса Вагнера, и ищет для нее исполнителя; ваш герой, казалось, больше других подходит на эту роль, тем более ему нужно чем-то заполнить паузу, что, как потом выяснилось, было ошибкой Центра: лучше бы ему сидеть тихо.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Психология. Авантюрная жилка, говорите? Она, возможно, и нужна разведчику, но главное в другом. Каждый из нас играет самого себя, я бы сказал, с поправками. Что это значит? Разведчику, как и актеру, подбирают «роль», которая соответствовала бы его характеру, темпераменту, вкусу, конкретному состоянию и его человеческому амплуа: этот художник, этот изобретатель, бармен, журналист, врач, консьерж, я, например, бизнесмен. Не так важна сама профессия, сколько то, чтобы к ее носителю меньше придирались. Поясню. Если я бизнесмен, мой характер не должен мешать мне исправно платить налоги; при этом я должен учитывать, что тот, кто доносит на неплательщика налогов, получает десять процентов от суммы, с него взысканной по суду, — представляете, сколько лишних глаз будут смотреть на меня! Знаменитый Аль-Капоне, всю жизнь блистательно не дававшийся в руки правосудия, хотя и совершал чудовищные преступления, однажды все-таки сел — за что? Вы не поверите: за неуплату налогов!

Взгляд. Врач-англичанин халата не надевает, только во время операции, причем фисташкового цвета. А так, на приеме, врач, представьте, в полосатых брюках, черном пиджаке, с цветком в петлице. И рук не моет! (Моя мать потомственный врач, вот мне и кажется это странным.) Врачи живут превосходно, но зарабатывают такую жизнь не сразу: тремя годами изнурительной бесплатной работы с шестью ночными дежурствами в неделю; в клиниках только кормят. Зато потом ставка врача — две с половиной тысячи фунтов: жить можно! Пациенты, в свою очередь, платят государству налог, независимый от количества «бесплатных» посещений врача, — эту сумму просто вычитают из их заработка; я посылал раз в год прямо в министерство здравоохранения карточку с наклеенными на всю сумму марками, которые покупал на почте или в банке.

Психология. Желающий прославиться, непомерно честолюбивый человек не может быть разведчиком: жизнь в подполье сковывает, смазывает таланты, не дает развернуться, выделиться, лишает широкого круга знакомств, оставляет только те, которые необходимы для дела, препятствует общественному признанию. Мы все помним слова Дзержинского, и не только общеизвестные, которые и вы, к примеру, можете повторить, но знаем всю цитату до конца: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК. Чекист должен быть чище и честнее любого — он должен быть, как кристалл, прозрачным». Вот уж воистину: разведка — это работа для невидимок в широком смысле слова. Невидим для славы, широкой известности, для всеобщего почитания — за исключением, пожалуй, таких героев нации, как Зорге и Абель или Мата Хари. О нас узнают, к сожалению, когда нас разоблачают и судят, — так уж лучше бы не узнавали совсем. Понимаете ли, профессионализм и любительство как день и ночь: я, например, был шахматистом-любителем, им и остался и даже не догадывался когда-то, что профессия разведчика — мое истинное призвание. Впрочем, как говорят англичане, качество пудинга определяется после того, как его съешь...

Однажды. Еду на машине, взятой в аренду, из Норвегии в Швецию через Тронгейм. Границы нет, что хорошо, потому что мне нужно было избежать таможенного контроля. В ту пору многие страны уже перешли на правостороннее движение. И вот я еду и, естественно, не замечаю маленького пограничного столба. Вокруг тундра. Комары. Полярный день: висят над головой сразу два солнца. Вдруг мне навстречу да по моей стороне (!!) летит машина. В Швеции и в Норвегии, как потом оказалось, «разные движения». Конечно, «поцеловались»: я ему — ничего, а он мне сбил крыло и пропорол баллон. Полиция, повторяю, мне была ни к чему, и я отпустил его с богом. Сунулся: запасной баллон спущен, а насоса в этой наспех арендованной машине почему-то нет. Сажу. Жду. Курю. Как на грех, ни одного авто. А я в рубашке — но не родился (в смысле счастливый), а действительно в одной рубашке (в смысле несчастный: мошка лезет!). Посмотрел по карте: до ближайшего населенного пункта километров двадцать. Пошел пешком, а что делать? Завернулся от мошки в ка

кую-то тряпку и в таком импозантном виде топаю в надежде, что повезет. И точно: через пять километров палатка на обочине, при ней машина. Датчане. Путешественники. Дали мне, добрые люди, насос, чтобы накачать запаску, но подвезти пять километров назад отказались: пожалели бензин. А насос, между прочим, доверили. Другой бы на моем месте дунул с их насосом обратно в Норвегию, хотя, конечно, он не из золота. Поплелся я своим ходом, сменил колесо, вернулся (они дождались!), отдал насос и поблагодарил за бескорыстную помощь.

С у д ь б а. Жил-был молодой человек, назову его Федором. Меня друзья в детстве иногда Костей звали, его вполне могли называть Федей. И вдруг — война. Прибавив себе год, Федя идет добровольцем. Воюет. И так как у него на немецкий язык талант, его слегка учат «кое-чему» и зимой 1943 года забрасывают в лагерь немецких военнопленных под Тулу. Как немца. С легендой: родители, мол, погибли в Кельне во время налета «союзников» (этих родителей наша разведка действительно «имела», их единственный сын Франц пропал на Восточном фронте, Федя этим Францем и стал — со всеми его документами, биографией и даже невестой, оставшейся в Кельне.) Потом лагерь из-под Тулы нарочно переводят поближе к переднему краю, в Белоруссию, мы наступаем, уже 1944 год. Тут Феде-Францу с двумя пленными, один из которых офицер-абверовец, делают побег. С трудом опережая наши наступающие части, троица успевает добежать до Германии раньше нас. Там Федя связывается с верными людьми из антифашистского подполья, с помощью которых получает новые и совсем уже настоящие документы на имя Франца, выправленные не в штабе армии «старшиной — золотые руки» по имени Гавриил Фомич, умеющего классно переклеивать фотографии, а в «родной» канцелярии города Кельна. И вот он — чистый немец! К тому же «заслуженный», бежавший из русского плена вместе с офицером-абверовцем (третий беглец случайно гибнет в Восточной Пруссии, прямо на пороге собственного дома), но в Кельн Феде никак нельзя: невеста! А времени, чтобы Францу измениться до неузнаваемости, проходит еще маловато, хотя и ростом, и мастью, и возрастом Федя был почти Францем. Но почти это еще не все. Подумать только, случись рокировка в другую сторону, кто знает, немец Франц мог стать нашим Федором, и тогда он бы боялся

ехать в Москву, где были у него «родственники» и, положим, «невеста». Ну, ладно. Потом Феде приходится немного повоевать против нас, «защищая» Берлин, получить за заслуги штурмбаннфюрера (звание, равное нашему майору) и Железный крест. Впрочем, за те же, по сути, заслуги Федя и у нашего руководства получает награду и повышение в должности: молодец! В последний день войны, выполняя важное задание нашей армейской разведки, он едва не погиб. «Домой» в Кельн ему по-прежнему нельзя, а домой в Москву тоже рановато. А как родные его мама и папа? — спросите меня, пожалуйста. Страшно вымолвить, но им невозможно было пока сказать, что их сын жив, а уж чем и где занимается, и подавно: такова наша жизнь. Вам не кажется странным, что я в таких подробностях знаю чужую судьбу? Не удивляйтесь, это, как и разная манера речи («под интеллигента», «под простака», «под характерного героя»), тоже элемент нашей профессии: чужие диалекты и биографии мы порой знаем лучше собственных.

В з г л я д. В Англии много способов стимулировать оптового покупателя. Например. Я люблю оливковое масло. Бутылка стоит шиллинг, две бутылки — уже полтора! У нас бы в Союзе так с ценами на водку — пили бы не «на троих», а «всем классом»!

К а ч е с т в а. Разведчик должен быть элементарно сообразительным. В 1919 году была выработана памятка сотрудникам ЧК, я кое-что из нее процитирую: «Быть всегда корректным, скромным, находчивым», «Прежде чем говорить, нужно подумать», «Быть выдержанным, уметь быстро ориентироваться, принимать мудрые решения и меры» Так вот, помню, в детстве меня хотели отдать в школу для особо одаренных детей. Привели к директору, он стал проверять, тестируя: что на столе? Я, как и было предложено, поглядел ровно три секунды, потом отвернулся и добросовестно перечислил: журнал, чернильница, очки, лейкопластырь, настольная лампа, еще что-то. Директор меня спрашивает: а шапка лежит? Мне нужно было время для соображения, и я уточнил: вы спрашиваете про головной убор или что? Он, наверное, улыбнулся: да, именно так, шапка или кепка? Я уверенно отвечаю: кепка! И меня приняли, как вундеркинда. Я же был просто сообразителен: если директор спрашивает про головной убор, которого я за три секунды на столе не заметил, то,

значит, он там лежит, а если лежит, то, разумеется, кепка, потому что на дворе осень, дело к сентябрю. Кто же осенью носит зимние шапки?

Провал. В принципе мысль о возможном провале была у меня (без преувеличения) всегда. Но так же всегда я думал, что пуля пролетит мимо и убьет другого. Когда же она все же попала в меня, я пережил очень странное ощущение: прежде всего обрадовался тому, что буквально несколькими часами раньше, интуитивно почувствовав опасность, успел предупредить помощников, и все они, законсервировавшись, завили за собой крышки.

Взгляд. Поразительная особенность Англии: когда очень хочется выпить, пивные — закрыты. Начинают они в десять утра (но вы уже на работе), заканчивают в три дня (вы еще на работе), и — все. Это в будни, уикэнд — дело другое. Короче говоря, если уж пить, то в клубах, которые всегда открыты. Вступить в клуб — значит внести вступительный взнос, и через сутки вы — член. Расписавшись в клубной книге, можете привести с собой гостя. Для «своих» в клубе есть все, от стриптиза до... Кружка пива (банка) вообще-то стоит одиннадцать пенсов (шиллинг), а в клубе в три раза дороже, потому что, хоть поздно вечером, хоть рано утром, всегда есть девицы, подаваемые с пивом и исполняющие стриптиз «с лепестком», который считается чопорными и нравственными англичанами «законным», то есть допустимым. При этом в клубном зале половина — женщины: они-то что находят в стриптизах?! Впрочем, англичане так воспитаны, что души нараспашку, как у русских, нет ни у кого: застегнуты на все пуговицы и необычайно выдержанны. Я не исключаю, что в клубе они ищут выход своим эмоциям. Во Франции, например, это дело, мне кажется, не любят. Зато там есть «Лидо», фешенебельный ресторан, где места у бара стоят дешевле, чем в первом ряду, откуда можно рукой дотянуться до танцующей полуголой красотки. Представление идет часа полтора. В конце, под занавес, — Рита Кадиляк, которая и не танцует, и не поет, а просто показывает свою фигуру; ее называют еще «красной мельницей», потому что коронный номер Кадиляк — выступление между столиками: на сосках груди висят и вращаются в разные стороны огромные алюминиевые кольца. Французов, между прочим, в зале не увидишь, а с французен-

ками туда вообще не пойдешь; немцы, американцы, англичане — кто угодно!

ВЕДУЩИЙ:

Приложение № 2. Альфонс Вагнер во время войны был младшим офицером. После капитуляции Германии работал начальником баварской пограничной полиции в городе Нойштадт, близ демаркационной линии, откуда и был известен нашей разведке, с тех пор за ним присматривающей. Будучи сотрудником полиции, Вагнер поддерживал официальный контакт с органами Си-ай-си в Коттбурге, а потом стал вербовать в американской зоне оккупации агентов из числа жителей ФРГ для засылки в советскую зону. Одновременно работал и на геленцев, то есть на БНД.

— Многостаночник?

— Вот именно. Задачей вашего героя и должна была явиться попытка перевербовки Вагнера, человека способного и обладающего завидной информацией.

Надо сказать, что еще раньше, стремясь найти дополнительные источники дохода, Вагнер сам предложил нашей разведке (в лице специально подставленного ему для этой цели представителя) купить у него данные на агентуру американской разведки. При этом Вагнер поставил условие: за «голову» каждого жителя ФРГ, который будет установлен нами как агент на основании полученных от Вагнера данных, ему выплачиваются две тысячи западных марок. Предложение было принято. За относительно непродолжительный срок он сообщил данные на 15 человек, из которых 11 были арестованы на территории ГДР и осуждены за шпионскую деятельность. «Заодно» Вагнер передал нам сведения о ряде офицеров американской разведки, работающих в спецслужбах городов Хоф-Заал и Коттбург. Но потом Вагнер вдруг вышел из игры, заявив нашему представителю, что прекращает связь с Си-ай-си и больше не будет иметь для нас материалов. Весь период сотрудничества с Вагнером, повторяю, мы знали, что он агент БНД, но от нас этот факт скрывает.

На какое-то время Вагнер исчез из нашего поля зрения.

С ю ж е т (продолжение). Когда Вагнер вновь появляется на горизонте, Л. поручают договориться с ним о новом контакте на чисто коммерческой основе, то есть о продаже за наличный расчет нескольких агентов, на сей раз из

БНД. Дело на первый взгляд кажется простым и беспроблемным, если не учитывать того, что Вагнер «орешек» который еще надо разгрызть. Короче говоря, Л. придется пережить из-за него несколько неприятных мгновений. Когда они впервые встречаются (дело происходит в Нюрнберге, где в это время живет Вагнер), тот ведет себя как «настоящий» немецкий патриот: заявляет, что одно дело продавать Советам людей, работающих на американскую разведку, а другое — тех, кто честно трудится на благо любимой фатерланд. И категорически отказывается от сотрудничества, пригрозив, что если Л. не оставит его в покое, он сообщит о визите своему геленовскому руководству. На это Л. замечает, что Вагнеру придется заодно сообщить и о своей недавней связи с советской разведкой и о продаже ей американских агентов.

— Шантаж?

— С грязными людьми в белых перчатках не работают.

На это Вагнер с апломбом отвечает, что ничего не боится, поскольку его руководство поймет «настоящий патриотизм»: продавая американскую агентуру, Вагнер тем самым отвлекал внимание Советов от сотрудников БНД, которые решали важные оперативные задачи в советской зоне оккупации именно в это самое время. Затем Вагнер, окончательно осмелев, предлагает Л. убраться, пока цел, и они расстанутся. Л. тут же запрашивает Центр, что ему делать, и Центр оставляет решение вопроса на усмотрение исполнителя. Тогда Л., не веря, что Вагнер способен открыться своему руководству, а просто набивает себе цену, принимает решение встретиться с ним еще раз.

— Но это же связано со смертельным риском! Как мог Центр...

— Мог, так как не в силах на расстоянии оценивать достоверность и мотивы отказа Вагнера и реальность его угроз.

Л. звонит Вагнеру. Тот сам берет трубку и вновь отвечает вашему герою категорическим отказом. Тогда, перебравшись в телефонную будку, расположенную недалеко от дома Вагнера и так, чтобы за входом в дом можно было наблюдать, Л. еще раз звонит, и снова Вагнер подходит к аппарату. Л. говорит ему, что решительно настаивает на немедленной встрече. После паузы Вагнер приглашает его к себе, но не сразу, а часа через два. Л. делает вид, будто размышляет, а затем соглашается. И смотрит за домом. Убедившись, что в течение ближайших трех часов ни-

кто к Вагнеру не входит и не выходит от него, Л. меняет телефонную будку и вновь звонит Вагнеру.

На этот раз визуального обзора дома нет. Ваш герой открытым текстом говорит Вагнеру, что, явившись на место встречи, он непременно прихватит с собой копии расписок, которые тот давал представителю советской разведки в обмен на валюту, полученную за «головы» агентов. Кажется, Вагнер действительно задумывается. Тогда Л. предлагает ему встретиться ровно через четыре часа, то есть в полдень, на остановке трамвая на Цельтисплатце, где находится гостиница «Капитоль», в которой Л. остановился. Вагнер, внимательно выслушав Л., говорит, что подобные действия могут доставить и Л., и его «хозяину» большие неприятности, после чего вешает трубку. Не колеблясь, Л. звонит опять, и вновь к телефону подходит Вагнер. На сей раз ему приходится выслушать следующее: Л. вместе с «хозяином» идет на неприятности, но предупреждает, что не меньшие неприятности ждут и Вагнера, если он откажется возобновить сотрудничество или устроит Л. ловушку. Жителям ФРГ, родственники которых «благодаря» Вагнеру были осуждены в ГДР за шпионаж, будут представлены доказательства того, что Вагнер виновен в их несчастье, а если этого будет мало, тогда с ним придется навсегда расставаться, что Вагнер оценивает в меру своего собственного понимания и методов работы, и терминологии.

И Вагнер сдается.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Пр о в а л. Один англичанин, бизнесмен, с которым я имел дела, как-то заходит ко мне в офис с девицей. Представляет ее: Наташа. Странное, говорю я, имя: Наташа — вроде русское? Она мне по-русски и говорит: «Да, я москвичка!» — и весь дальнейший разговор был как на иголках: вдруг, думаю, вырвется у меня ненароком русское слово или родной оборот, хоть и сказанный мною по-английски... Как я ретировался!

П с и х о л о г и я. К каждой операции я готовился более чем тщательно, так как понимал: если среди пятидесяти миллионов англичан и двухсот миллионов американцев находится один разведчик, положим, Лонгсдейл, и он не кричит благим матом, что он русский, его ни за что не поймают. Поймать его могут в деле, в работе, когда он

передает или получает информацию, вербует или осуществляет операцию. Значит, работать надо чисто. Я так и работал долгих двенадцать лет: сосредоточенно, не думая о постороннем, в том числе об опасности... О березке перед крыльцом родного дома, как пишут в современных героических повестях, тоже не думал. У Дзержинского есть письмо жене, датированное восемнадцатым годом: я нахожусь в самом огне борьбы, живу жизнью солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом, некогда думать о своих и о себе. Это точно подмечено: я тоже крепко подумал о Родине, о семье и о себе только раз, когда давал согласие работать в разведке, и мне этого «раза» хватило на все испытания и на всю жизнь, до этой самой минуты.

П о р т р е т. Англичане делят всю литературу на фикцию и нефикцию, вымысел и невымысел. И я так стал делить, оказавшись за решеткой: совершенно «не шла» художественная литература, даже любимые Чехов и Бальзак. Только конкретная, по-вашему, документалистика? Да? Впрочем, я всегда был грубым реалистом: стихов никогда не писал и не понимал людей, которые пишут. Как можно рифмовать нечто сокровенное, которое в моем понимании потому и сокровенное, что никакой искусственной обработке не поддается, а если поддается, тотчас перестает быть сокровенным? Эта моя мысль скорее всего свидетельствует о дремучести моих чувств и о вздорности моего характера, верно? Зато диссертацию по физике я в тюрьме начал: выписал два десятка специальных книг из тюремной библиотеки. Вы уже поняли, очевидно, что я не «лирик»...

К а ч е с т в а. Применимо ли к нам, разведчикам, понятие «один в поле воин»? Нет и нет! Во-первых, мы не обладаем ни сверхчутьем, ни сверхсилой, мы не сверхчеловеки; агент 007 сугубо литературен, а потому нежизнеспособен. Таких разведчиков в реальной жизни не встретишь, они нашей профессии, если угодно, противопоставлены: торчат посередине пресловутого «поля» не воинами, а очень заметными часовыми-дураками, неумело поставленными нерадивыми командирами — с какой стороны ни зайдешь, отовсюду это их «сверх» видно! Разве можно разведчику эдак торчать? Он должен быть мышью за венником, потому что вся его сила в незаметности и в его помощниках, которые таскают ему в норку информацию.

Это, как я уже сказал, во-первых, а во-вторых, участок деятельности каждого разведчика столь узок и мал и так негромок, что сам по себе вроде мозаики: почти ничего не решает, а только вкупе с такими же многими, собранными «в картину», что-то и значит. И получается, что более справедливо сказать: один в поле как раз не воин!

АВТОР:

Э п и з о д (из беседы). Однажды во время очередной встречи с Лонгсдейлом я уточнил вопрос, ранее заданный ему письменно, но сам себя загнал этим в угол. Речь шла о способах переправки разведчика за кордон. Я спросил Конона Трофимовича, каким образом его впервые забросили — ну, сказал я, предположим, в Канаду: легально или нелегально? Сразу с документами или с легендой, дающей возможность со временем получить паспорт? А главное, как? С помощью подводной лодки или романтическим образом поместили в контейнер с отверстиями для дыхания и сухогрузом доставили в Монреаль? Или «элементарно» кинули ночью с парашютом сразу в пригород какого-нибудь Ванкувера? Пока я фантазировал, мой герой и его коллеги весело переглядывались. Потом Ведущий мягко сказал: «Видите ли, это секрет». — «Но мне что-то надо писать, — возразил я, — не родился же Конон Трофимович в Канаде, а как-то туда попал!» — «Вот вы и придумайте, как», — неожиданно предложил Лонгсдейл, а Ведущий, поправив платок, уголком торчащий из нагрудного кармана пиджака, так же мягко добавил: «Но имейте в виду, если у вас получится глупость вроде контейнера и сухогруза, вы сами не захотите пользоваться таким нереальным способом. Но если будете близки к истине, то есть угадаете, мы вежливо попросим вас придумать что-то другое. Ну, а если у вас родится нечто совсем оригинальное и способное к реализации, мы вас, конечно, поблагодарим и... тем более «попросим»!» Я был в недоумении: что же мне делать? Они улыбались: мол, не взыщите, мы живем по странным законам! Затем Лонгсдейл взял со стола спичечный коробок и великодушно произнес: «Принцип я вам объясню, он не сложен. Смотрите на спички». Я смотрел, а он говорил, манипулируя при этом коробком со спичками, ставя его то на «попа», то на «живот», то «ребром»: «Вот я (на «живот», этикеткой вниз) сажусь в Москве в поезд и еду, предположим, в Финляндию, но приезжаю туда (на «попа»!) уже другим человеком, по-

тому что на вокзале в Хельсинки после таможенного дозора мне передают новые документы, с которыми я плыву в Стокгольм, где снова («ребром»!) подучаю документы, сажусь с ними в самолет и лечу куда вы сказали? В Канаду? Хорошо, в Канаду, и на подлете к Монреалю в самолете мне передают (снова на «живот», но этикеткой вверх!) документы, и через пару часов я (на «попа»!) — в Торонто или Ванкувере. Вопросы есть?» Вопросы не было, и все они удовлетворенно заулыбались, а Ведущий, не меняя своего амплуа, мягко произнес: «Но дословно так, как только что объяснил вам Конон Трофимович, мы тоже попросили бы вас не писать...»

ВЕДУЩИЙ:

С ю ж е т (продолжение) Когда Л. покидает телефонную будку, до встречи с Вагнером остается два с половиной часа. Решив вести дальнейшее наблюдение, Л. направляется вновь к дому Вагнера. Это один из самых рискованных моментов операции. Наконец, он видит, что Вагнер выходит из дома и садится в «фольксваген». Ждет. Потом вдруг выходит его жена, и они вместе отъезжают в машине. Теперь Л. приходит к ясному предположению о том что Вагнер все же готовит ему ловушку

Извините, но я это понял уже давно!

— Да? Интересно.

Решив принять меры предосторожности, Л. едет в «Капитоль», сдает номер, но предупреждает службу, что за вещами он придет позже (на случай, если его «установят» и организуют преследование, Л. хотел оставить у противника надежду на то, что он вернется за вещами), а затем отправляется на вокзал. Там он покупает билет на поезд до Франкфурта-на-Майне, а также билет на экскурсионный автобус до Китцингена. Поезд на Франкфурт отходит в 13 часов ровно, а автобус на Китцинген пятнадцатью минутами раньше. После этих приготовлений Л. идет в ресторан «Капитолия» завтракать. Из окна ресторана хорошо просматривается трамвайная остановка, куда должен явиться на встречу Вагнер. На часах 11.45.

Вагнер подъезжает через десять минут (Л. только лишь успел заказать пищу), выходит из «фольксвагена», но оставляет за рулем жену. Он терпеливо ждет пятнадцать минут, изредка поглядывая по сторонам. Потом подходит к табачному киоску возле остановки. Вероятно, это был условный сигнал, так как со стороны туннеля на Цельти

сплатце появляются четверо мужчин и подходят к Вагнеру. Некоторое время они что-то обсуждают, поглядывая на часы. Затем один из мужчин поправляет шляпу, и к ним сразу подкатывают две машины, в одной из которых за рулем жена Вагнера. Трое мужчин садятся в «мерседес», один вместе с Вагнером в «фольксваген», и все они едут в направлении к вокзалу. Л., съев пиццу, покидает ресторан и, не заходя в номер, тоже отправляется на такси к вокзалу.

— Зачем?! И так все ясно!

— Вам. Но вашему герою предстояло выносить приговор.

Он видит: обе машины уже на стоянке возле вокзальной площади. Хотя опасаться Л. следует только Вагнера, который знает его в лицо по единственной встрече, это тоже очень рискованный момент. Желая окончательно убедиться в коварстве Вагнера, Л. входит в здание вокзала и останавливается на некотором расстоянии от выхода на перрон, где проверяют билеты. Там Вагнер и двое мужчин — они стоят подле контролера, держа руки в карманах плащей. Вагнер при этом бесцеремонно вглядывается в лица идущих к поездам пассажиров. Тогда Л. быстро покидает вокзал.

— Надвинув на глаза шляпу?

— Если угодно.

Экскурсионным автобусом он отправляется в Китцинген, там кочует и на следующий день оказывается уже в Берлине. Перевербовка Альфонса Вагнера, к сожалению, срывается. Провал. Позже становится известно, что Вагнер действительно сообщил геленовскому руководству и о своей прежней связи с советской разведкой, и о передаче ей за деньги материалов на американскую агентуру, и об «искреннем» раскаянии, и о визите Л. Его не наказали, потому что он «честно» намерен был расплатиться советским разведчиком, однако не виноват, что это не получилось, хотя он делал все, что ему велели. Правда, Вагнеру предложили хранить все происшедшее в глубокой тайне. В 1961, роковом для него году Альфонс Вагнер все еще работает в БНД, занимая небольшой руководящий пост в Нюрнберге, носит подпольную кличку «Вебер» и имеет цифровой псевдоним «2757».

— Вы сказали: «роковом» году. Что с ним случилось?

— Погиб в автомобильной катастрофе. Сгорел.

— Неужели?!

— Нет, конечно. По-видимому, приговор ему вынесли они сами, и они же привели его в исполнение. Он явно переигрывал...

— Вагнер знал, откуда возмездие? Не мог подумать на вас?

— Надеюсь, ему успели объяснить: кто и за что.

— Л. к тому времени уже выполнил свою основную задачу?

— Более того.

Дальнейшие события развиваются так. После неудачи с Вагнером Л. полностью переключается на «старого друга» Герхарда и в конце концов, после трудных «переживаний» морально-этического характера, принимает его предложение о сотрудничестве с БНД. Они вместе перебираются в центр геленовской разведки, находящийся в Пуллахе, недалеко от Мюнхена. Там Л. близко сходитя с хорошим знакомым Герхарда, которого я назову Гансом. Ганс ответственный сотрудник БНД, матерый разведчик, когда-то работавший под началом адмирала Канариса — шефа гитлеровской разведки. Л. устанавливает, что американцы из ЦРУ усиленно обхаживают Ганса, надеясь заполучить его, и вербует крупного разведчика прямо под носом у американцев. Вербовка Ганса доставляет Л. истинное и довольно редкое в нашей профессии удовлетворение, так как Ганс сам идет навстречу вербовке, имея на то свои причины...

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Б ы т. Лондон. Меблированная квартира в 800-квартирном доме (по сто на этаже, кроме первого, где бассейн, клуб, салон красоты, бар, магазинчик самообслуживания, парикмахерская, и все это по ценам в два раза выше обычных, но торопишься — увы, заплатишь!). Кухонька маленькая, с цементным полом (что плохо: в деревянном можно что-то спрятать!); на полу ковер. Белье меняют два раза в неделю, кроме полотенец, которые надо ежевечерне отдавать в прачечную на первом этаже. Дом — с семью пожарными выходами (прекрасно на случай «ухода»!), десять минут пешком от университета, на улице много молодежи. Контракт на три года с обоюдной гарантией; в договоре еще предусмотрен ковер, чтобы жильцы снизу не жаловались на шум наверху. Мелкий ремонт за съемщиком. Месячная оплата — два шикарных мужских костюма (в привычном для нас переводе на рубли).

Психология. Главное для разведчика, извините, голова, назначение которой, как говорится, не только шляпу носить, но и думать. О чем? Чтобы вырабатывать прежде всего внимательность к мелочам и в связи с ними правила поведения. Каждый поступок надо совершать без паники и на основе здравого смысла. Нельзя все «выходящее из» принимать на свой счет или как провокацию. Например: разведчик покупает в магазине сорочку, и продавец вдруг спрашивает его адрес и фамилию. Для новичка — паника: на кой черт?! А это всего лишь в действии лозунг: «Реклама — двигатель торговли!» В магазине составляют список уважаемых в обществе «солидных» покупателей и печатают в местной газете. Или: только поставил себе телефон, и «вдруг» звонок с предложением какой-то услуги, хотя в справочнике этого номера еще нет. «Откуда вы узнали?!» — в совершеннейшей панике, а абонент отвечает: «У меня, хе-хе, на телефонном узле свой человек, сэр!» Для нервного и недалекого разведчика такие мелочи в тягость, для спокойного и умного — норма. Логика вместе со способностью думать дают верный вывод и верное поведение.

Работа. Центр — это солидный аппарат с множеством различных служб, его структура архисекретна, даже я ее не знаю, как не знаю и того, кто мой непосредственный начальник, кто над ним и кто над тем, кто «над ним», и т. д. Обычно: «Второй», передайте «Четвертому», чтобы «Третий...» или наоборот: «Третий», доложите «Первому!» Только так. Если мой непосредственный начальник, который для меня, положим, «Пятый», женился, умер или понизился в должности, я всего этого знать не обязан и не буду: просто у меня или останется прежний «Пятый», или появится новый начальник, который тоже будет «Пятым». Реально за этой цифрой я могу представить себе кого угодно, и мне, собственно, даже неинтересно это делать. Центр для меня есть Центр, хотя, конечно, почерк одного «Пятого» от другого я отличить все же мог: у разных людей разный стиль работы, есть и другие тонкости и различия. Мы, бывало, даже шифровальщиков по их манере угадывали: это — работа Михаила Всеволодовича, это — Виля (Вильгельма), а это — Сонечки. Думаете, я когда-нибудь видел их в глаза? Видел: после обмена и возвращения на Родину Председатель устроил специальную встречу с технической службой: знакомьтесь, когда

вам передавали закодированный текст и в конце его звучал сигнал «я куккаррача» (точка, три тире), это был Вильгельм, прошу любить и жаловать. А если перед пожеланием вам доброго здоровья шло «я на горку шла» (две точки, три тире), это Сонечка... Шифровальщикам я жал руки, а Сонечку расцеловал — они были для меня Голосом Моей Земли, самыми близкими, почти родственниками. Впрочем, я не сентиментален, как вы успели заметить.

Однажды. Получаю задание Центра отправиться в турне по Европе: за двенадцать дней — десять стран. К концу путешествия я буквально валился с ног, причем больше от разговоров, чем от километров, а мои случайные попутчики-собеседники, в том числе даже старые люди, почему-то держались бодро. В чем секрет? Искусство беседы! Я с ними — по наитию, а они со мной — «по Карнеги», которым тогда увлекался весь мир: сидишь с человеком, беседуешь, он всю дорогу говорит, не умолкая, ты только слушаешь, а потом он тебя считает интересным собеседником, при этом он — без сил, а ты — как огурчик! Во время упомянутого путешествия в одном купе со мной оказалась на пути из Парижа в Мадрид пара новозеландцев, муж и жена, миллионеры. А я в ту пору ни сэром, ни Лонгсдейлом еще не был, «прошрое» мое было хлипким, не отработанным, поскольку не существовало ни одного человека в мире, который знал бы меня год назад, хотя все документы и всевозможные соображения для легенды были, кажется, в полном порядке. Трудно «родиться» сразу тридцатилетним! Совершенно интуитивно я стал в этом купе не говорить, а слушать. Много говорил старик и все больше о велосипедных соревнованиях, о том, как он в молодости гонял по утрам на вело по двадцать миль, а в итоге на каких-то любительских гонках по Новой Зеландии выиграл первый приз в пять тысяч долларов, и с этого началось его нынешнее богатство. Я молчу. Слушаю. Вдруг он поднимается, отводит меня в коридор из купе и говорит: «Что тебя держит в Канаде? (Я уже был «канадцем».)» — «Ничего, — говорю, — я холост». — «Найдешь пять тысяч долларов?» — «Найду, а зачем?» — «Плюнь на все, поедem в Уэлдингтон, я тебе помогу!» И гарантирует мне через три месяца полтора миллиона, так как знает, на каких землях, когда и что будут строить в Новой Зеландии. Выходит дело, мне удалось очаровать старика, хотя, клянусь, я не проронил ни одного лишнего слова, мне

просто нечего ему было рассказывать. От заманчивого во всех отношениях предложения, которое, кстати, вполне серьезно обсуждалось в Центре, пришлось отказаться: Центр не устраивали какие-то детали

В з г л я д. Если владелец оставляет машину в центре Лондона, полицейский, обладая универсальным набором ключей, проникает в машину и отгоняет ее куда-нибудь на стоянку, разумеется, за штраф. На зажигании каждой машины есть помер, по которому, разглядев его в бинокль через заднее стекло, можно изготовить по шаблону ключ и увести машину. Впрочем, владельцам это не страшно авто застрахованы. Что касается ремонта, тут есть нюанс страховка в два раза меньше, чем выплачивается за то, что машина определенный срок проходит без аварии. По этой причине владельцам выгодно мелкий ремонт делать самим, чтобы получить приличную страховую премию Бизнес! Если автомобилист сбивает пешехода не на переходе отвечает пешеход. Но как только он наступает ногой на «зебру», лучше пропусти всю жизнь потом будешь расплачиваться! Пешеход в Англии, надо сказать, редкой дисциплинированности: бережет не только здоровье, но и карман. Между прочим, по-английски слова «пешеход» и «скудный человек» звучат почти одинаково.

Р а б о т а. Я, например, ни разу не приклеивал усы или бороду, не надевал парик, не наряжался в военную форму или женщиной, или в одежду чистильщика сапог. Все это совершеннейшая глупость, потому что резиденту и его помощникам нет нужды куда-то тайно проникать (за очень редким исключением!), стоять сутками за занавеской, выдавать себя за слесаря-сантехника и коммивояжера или карабкаться в окна по веревочным лестницам. Я полностью согласен с моим коллегой полковником А., который сказал, что разведка — это не приключения, не какое-то трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, воли и выдержки, серьезных знаний и большого мастерства. Наша работа, если хотите, даже скучна, а наш метод иногда весьма прост: анализ данных, взятых из газет и других официальных источников информации. Ну а если мы и достаём сверхсекретные документы прямо «из сейфов», то лишь с неременным условием, чтобы это приобре

тение не ставило под угрозу сеть нашей агентуры и каждого агента в отдельности. Следовательно, такие документы наши помощники «элементарно» кладут в свои карманы, а мы их так же «элементарно» покупаем. Спрашивается, зачем для этого резиденту с помощником наклеивать бороды и наряжаться женщинами? Я намеренно снимаю лишний налет «героического романтизма» с нашей работы, она и без этого флера достаточно опасна: двадцать пять лет тюрьмы, мною полученные, убедительное и трагическое тому доказательство — не так ли?

ВЕДУЩИЙ:

Приложение № 3. Как я уже говорил, Ганс прежде работал у Канариса в русском отделе: превосходно знал многие славянские языки. До и во время войны он был националистом, однако идеалом его был не Гитлер, а Бисмарк. Это маленькое, казалось бы, расхождение с торжествующей в тогдашней фашистской стране доктриной рано или поздно должно было привести (и привело!) Ганса к тем, кто мечтал о восстановлении единой послевоенной Германии, действительно независимой и мирной, живущей в согласии со всеми странами мира. В том числе с СССР. Родная сестра Ганса оказалась после капитуляции рейха с семьей в Восточной Германии, и ей, женщине разумной и трезво мыслящей, не без помощи резидента Д., дважды была устроена встреча с братом, что тоже повлияло на постепенное перерождение, а лучше сказать выздоровление Ганса.

Но он был идеалистом и по натуре романтиком, наивно полагающим, что в «тайной войне» разведок, неизбежной и жестокой, могут быть тем не менее джентльменские правила игры и даже соглашения во имя того, чтобы едиными усилиями предотвратить войну настоящую, кровопролитную, в которой Ганс уже потерял двух братьев и шурина, а потому был сыт ею по горло. Не сразу убедившись в том, что деятельность геленовского руководства и правительства Западной Германии противоречит его идеалам и стремлениям, он постепенно разочаровывается в БНД, не говоря уже о ЦРУ, идейно отходит от них и, наконец, принимает нелегкое для себя решение «действовать», но как — не знает.

Вашему герою не понадобились ни деньги, ни обман, чтобы склонить Ганса на свою сторону: Ганс уже был единомышленником. Впрочем, процесс «перековки» Ганса

не был простым и безболезненным, поэтому Л. далеко не всегда чувствовал себя рядом с ним в безопасности: Ганса частенько швыряло из стороны в сторону, как Григория Мелехова из «Тихого Дона».

— История знает немало случаев болезненных «перековок», причем как в ту, так и в другую сторону: благородные Брусилов и С. С. Каменев, низменные Власов, Азеф, Дюмюрье...

— Зачем «история»? Это и сейчас происходит, пока мы с вами разговариваем. А наша задача сводится к тому чтобы одним переколкам способствовать, другие — пресекать.

С ю ж е т (продолжение). Через некоторое время Центр рекомендует Гансу принять предложение американцев с тем, чтобы внедриться в ЦРУ и, кроме того, составить протекцию Л. Так ваш герой становится «цереушником». Однако не сразу: сначала его отправляют в Баварию, где он неделю живет на конспиративной квартире, а затем проводит месяц в школе разведки недалеко от Бадверисгофена. Там его учат, в том числе топографии и самбо, а заодно «проверяют». После этого Л. попадает наконец в США, и начинается «американский период» его жизни. Тем временем Ганса направляют в Японию, где налаживается разветвленная американская резидентура с базой в Иокогаме; оттуда Ганс регулярно сообщает нашему Центру о своих делах. Но вернемся к Л. Его поселяют в тридцати километрах от Вашингтона, в лесу, на берегу реки, где он становится уже не «курсантом», а, скорее, «инструктором» секретной школы разведки: учит будущих диверсантов, как «ходят русские» (американцы почему-то были уверены, что вразвалочку, по-матросски), как «пьют на троих», «разливают по булькам», «матерятся», — все это Л., считалось, знал замечательно, побывав в русском плену. Правда, кроме Л., там был еще один «специалист по России», некий Аркадий Голуб; тогда их дороги впервые пересекаются, а могли бы и раньше, поскольку Голуб тоже был в Баварии на конспиративной квартире, а потом учился и преподавал в школе разведки возле Бадверисгофена, но чуть-чуть в другое время, так что встретиться в ФРГ им не было суждено.

— Простите, вы сказали: впервые пересеклись дороги. Они потом еще пересекались?

— Как вам ответить? Реально еще нет. Косвенно.

Не понимаю ваше «еще» Могут пересечься?
Хоть на ваших глазах.

— ?

— Но практического смысла в этом нет никакого.

— ?!

— Не торопитесь. Терпение в нашем деле как тормоз в автомашине: не притормозите вовремя, и приходится потом ехать задом...

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

В з г л я д. Два раза в сутки англичане «гоняют чай»: мода на чай началась, если не ошибаюсь, во время войны. Причем пьют «без ничего». В Скотланд-Ярде, правда, мне, как иностранцу, давали печенье. Если американец, как бы он ни любил черный кофе, может жить без него, англичанин без утреннего чая с молоком — не англичанин (даже в пустыне Сахара, в армии, в тюрьме!)

К а ч е с т в а. В США одному предприимчивому взрослому человеку понадобились три тысячи долларов, чтобы поехать на слет бойскаутов в другую страну. Он стал искать мецената. Нашел! Но прежде, чем пойти к нему, тщательно изучил его жизнь и узнал, что меценат когда-то подписал чек на миллион долларов, взял его в рамку и повесил у себя в кабинете, чтобы всегда видеть... Я уж и не помню, когда и где мне попалась на глаза эта история, но я держу ее при себе, почему-то уверенный в том, что зачем-нибудь она мне пригодится. Говорю это к тому, что умение откладывать в памяти, словно сухари на черный день, разные истории, факты, цифры и сведения — очень важное качество разведчика, нет, не любителя — профессионала.

О д н а ж д ы. Лечу уже здесь, в Союзе, рейсом Москва — Сочи и слышу за спиной тихий разговор: «Вы что-нибудь знаете о Лонгсдейле, который был помощником полковника А.?» — «Извините, а кто это полковник А.?» Я, естественно, не оглядываюсь и вспоминаю анекдот вот с такой бородой: учитель в школе спрашивает ученика, в каком году умер Наполеон, а тот отвечает: «Извините, господин учитель, но я даже не знал, что он болел!»

К а ч е с т в а. Исполнительность в смысле дисциплинированность, может быть, — тот главный материал, из которого делается настоящий разведчик: умение ни на

миллиметр не отходить от инструкций, правил и предписаний. Кстати, это и фундамент, на котором он может и должен устоять в случае беды и нравственных колебаний, и это же — броня, которая предохраняет его от «прямых попаданий». Нет у нас рядом ни начальников, ни коллектива с месткомом и парторганизацией, все зависит от нас самих, от нашей самодисциплины, самовнушений и самобичеваний, то есть от категорий внутренних. В армии, например, куда важнее учить подчиняться и, как говорят, «отдавать честь».

Психология. Перед операцией состояние следующее: ни о какой «березке за окном», ни о «колодце возле дома», ни о жене и детях разведчик не думает, не вспоминает. Я лично думал только о деле, был полностью поглощен только им, его деталями. Для посторонних (даже возвышенных) мыслей места в голове не оставалось. Обычно знаешь об операции загодя и продумываешь все мелочи с тщательностью микрохирурга, оперирующего, положим, человеческий глаз. На место едешь заранее, чтобы убедиться, что слежки нет. Волнуешься не ты один, все участники операции нервничают, даже в Центре, в далекой Москве. Как парашютист, который, пятьсот раз прыгая с парашютом, то есть пятьсот раз боясь волков, в пятьсот первый тоже боится, но все же прыгает, так и разведчик. Дурак тот, кто не трепещет и «глаз на деву не косит» — знаете эту песенку? Мне неведом разведчик, который думал бы перед встречей с агентом: «Ерунда! Встречусь — возьму — передам...» Внешне все это очень просто: сядишься в обыкновенную электричку и едешь, газету по дороге читаешь. После операции: невероятное облегчение! Но так как работа продолжается, уже думаешь о следующем деле. Этим и живешь. И еще заботами по прикрытию, то есть, проще сказать, о «крыше». Для разрядки я мог иногда пойти в театр, и то не без «задней мысли»...

Качества. Повторю: трезвость ума, выдержанность, самоконтроль — три наших кита. Острое «удовольствие» от нашей работы испытывают только мазохисты и прочие извратители. Может ли врач-онколог быть «доволен», увидев опухоль? Удовлетворение от операции, и то, если она удачно прошла, — это еще куда ни шло! Настоящий разведчик носит в себе постоянное, нормальное, все поглощающее и воистину острое желание: домой! На Родину!

К семье! Если это и есть патриотизм, пусть будет так. Я знаю определенно, что без этого желания мы рискуем впасть в хандру и меланхолию, попасть под чужое влияние. У англичан есть пословица: моя страна, права она или не права. Универсальная мысль — я ею тоже вооружен. Из двенадцати мальчишек моего класса в живых после войны остался я один. Могу я это забыть? Не хочу больше войн! Эта идея давала мне силы. Если угодно, она же несла и романтический заряд, без которого, будучи по натуре сухим рационалистом, я бы «послал» в свое время предложение работать в разведке куда подальше, и все дела.

К а ч е с т в а. Ну, лингвистические способности. Без них разведчик так же чувствует себя, как солист оперного театра без голоса, с той лишь разницей, что солиста в крайнем случае выгонят, а разведчика — накроют. Как сказано у поэта, не помню, какого (Уткина, что ли, или Гусева? У меня до войны была книжечка его стихов в синей обложке): «Жить, говорит, будете, петь — никогда!»

Очень жалею, что не пошел по стопам родителей: отец — физик, мать — врач, и все родственники: мужчины — физики, женщины — врачи. Но в сорок первом ушел в армию, потом вернулся, и мне отсоветовали заниматься физикой: вроде бы утрачен темп, как у шахматистов. Поздно! Вот и стал гуманитарием, если полагать мою нынешнюю профессию и не точной, и не естественной, да и вообще — наукой ли? В тюрьме, получив несметное количество лет, которых и пятерым бы хватило по горло (вот где по-настоящему потерян «темп!»), я решил зря время не тратить и написать теоретический труд по физике: хватился! Если бы обмен не через четыре года, а позже, вернулся бы, чем черт не шутит, доктором физических наук — а? Впрочем, я так устроен, что никогда не жалею об уже свершенном и не мечтаю попусту. Мои коллеги относят меня тем не менее не к грубым реалистам, а к реалистам с «романтической прожилкой». Ошибаются? Нет?

В з г л я д. Зная, что мне предстоит быть «там» бизнесменом, я еще в Москве начал с «Капитала», весь его законспектировал и лишь «под пером» понял то, чего прежде, будучи студентом, совершенно не понимал. Другой прицел! Впрочем, с годик поработав в должности капиталиста-эксплуататора, я пришел к выводу (не уверен, что

полностью совпадающему с официальным), что «Капитал» Маркса в практической деятельности бизнесмена помогает вряд ли больше книжечки Карнеги «Как завоевывать друзей...» (я, кажется, ее уже поминал). Не читали? Зря. Она, хоть и примитивненькая и по духу нам, как говорится, чужая, а все же, черт, весьма полезная для некоторых сфер человеческой деятельности, например для бизнесменов (в первую очередь), литераторов, а также (не побоюсь этого слова) разведчиков! Я эту книжечку тоже законспектировал, основные ее положения...

ДЕЙЛ КАРНЕГИ:

П р и л о ж е н и е № 4 («Как завоевывать друзей и оказывать на людей влияние»).

ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОБРАЩЕНИЯ С ЛЮДЬМИ:

1. Вместо того чтобы обвинять, постарайтесь понять человека, что значительно полезней критики для вас же так как воспитывает в человеке способность относиться к вам терпимо, с сочувствием и добротой («Если любишь мед, не разорь соты!»). 2. Прежде всего необходимо возбудить в человеке заинтересованность, чтобы заставить его самого захотеть сделать что-либо. 3. Когда мы заняты решением своих проблем, мы тратим 95% нашего времени на мысли о себе, что неправильно. Надо перестать думать о собственных желаниях и достоинствах, а попытаться лучше узнать хорошие качества людей и выразить им одобрение, признательность, которые должны идти от всей нашей души, искренне; надо быть расточительными на похвалу. 4. Лучший способ повлиять на человека — это говорить с ним о том, чего он хочет, и постараться помочь ему добиться желаемого. 5. Необходимо всегда учитывать точку зрения других людей, их стремления и планы.

ШЕСТЬ СПОСОБОВ ПОНРАВИТЬСЯ ЛЮДЯМ:

1. Проявляйте к ним искренний интерес. 2. Улыбайтесь! 3. Помните, что имя человека является для него лучшим словом из всего лексического запаса. 4. Умейте хорошо слушать и воодушевлять собеседника на разговор. 5. Заводите беседу о том, что интересует вашего собеседника, а не вас. 6. Старайтесь дать человеку почувствовать его превосходство над вами и делайте это искренне и естественно.

ДВЕНАДЦАТЬ СПОСОБОВ ЗАСТАВИТЬ ЧЕЛОВЕКА СТАТЬ НА ВАШУ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ:

1. Нельзя одерживать верх в споре; единственный способ одержать в споре победу, это избежать его. 2. Уважайте мнение другого человека, вашего собеседника. Никогда не говорите ему прямо, что он неправ. 3. Если вы знаете, что кто-то думает или хочет сказать о вас нечто отрицательное, обезоружьте его, сказав об этом раньше. Если вы неправы, признавайтесь в этом быстро и в категорической форме. 4. Начинайте всегда беседу в дружеском тоне, ибо капля меда привлекает мух больше, чем целый галлон желчи. 5. Разговаривая с кем-то, не начинайте с тех вопросов, по которым ваши мнения расходятся, а начинайте и продолжайте говорить о тех проблемах, мнения по которым совпадают. Заставляйте человека говорить «да» сразу, то есть постарайтесь получить у него утвердительный ответ в начале беседы. 6. Дайте возможность собеседнику больше говорить, а сами старайтесь говорить меньше, чем слушать. Если вы не согласны, не прерывайте собеседника, это опасно; дайте ему высказаться, подбрасывая вопросы. Постарайтесь его понять. 7. Дайте человеку почувствовать, что идея, которую вы подали, принадлежит ему, а не вам. 8. У всякого человека имеется причина поступать именно так, а не иначе. Найдите причину, и вы получите ключ, с помощью которого разгадаете действия человека и даже его личные качества. Старайтесь смотреть на вещи глазами вашего собеседника. 9. Относитесь с сочувствием к желаниям другого человека. 10. Прибегайте к благородным, а не истинным мотивам. 11. Используйте принцип наглядности для доказательства своей правоты. 12. Если вы хотите заставить волевого, с сильным характером человека принять вашу точку зрения, бросьте ему вызов в том смысле, что возьмите под сомнение его возможности и способности что-то сделать или, наоборот, публично провозгласите уверенность в том, что он это сделать может.

ДЕВЯТЬ СПОСОБОВ ИЗМЕНИТЬ МНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, НЕ ВЫЗЫВАЯ ПРИ ЭТОМ ЕГО НЕГОДОВАНИЯ ИЛИ ОБИДЫ:

1. Начинайте беседу с похвалы собеседника и восхищения им. 2. Не говорите человеку прямо в глаза о его ошибках. 3. Прежде чем критиковать других, укажите на собственные недостатки. 4. Задавайте вопросы вместо того

чтобы отдавать приказания. 5. Дайте возможность человеку сохранить свою репутацию. 6. Хвалите собеседника за малейшие его достижения; будьте искренни в одобрении и щедры на похвалу. 7. Создавайте человеку хорошую репутацию, которую он мог бы оправдать; приписывайте ему хорошие качества, доказывая наличие которых он будет совершать достойные поступки. 8. Прибегайте к поощрениям; старайтесь показать человеку, что то, что вы хотите от него получить или добиться, легко осуществимо именно и только им. 9. Поступайте так, чтобы человек был счастлив сделать то, что вы ему предлагаете.

КОНОН ТРОФИМОВИЧ.

Работа. Смысл добытых разведчиком сведений состоит в том, чтобы они попали в Центр. Тогда эти сведения становятся «разведывательными», в противном случае пустыми. Наиболее важные данные можно передавать Центру по радию, причем иногда даже так: «Достал, ждите!» (Помните знаменитую телеграмму из анекдота: «Волнуйтесь, подробности письмом?»), а потом все же переправить по назначению. Особенно долго радию не эксплуатируют, минуты две—три, иначе могут засечь, тем более что Центр работает по старинке обычным ламповым передатчиком, впрочем, ну, так запеленгуют Москву ну и что? Важно, чтобы я остался «чистым» Когда для нас должна быть передача, Центр предварительно дает позывные на волне, согласованной заранее, а то ведь весь мир передает по пять знаков — ищи ветра в поле, если не условиться о волне! Прием мы осуществляем на слух, это нетрудно, поскольку передача ведется «тихоходным» ключом. А современные разведчики уже давно перешли на быстродействующие транзисторные радиостанции: один импульс и вся передача! Попробуй запеленгуй. Я не знаю ни одного провала по этой причине. Пользуемся кодом и шифром. Шифр — это цифры и буквы, а код «новый язык»: например, «болит голова» — значит, не приятность, «идет скорый поезд» — чрезвычайная готовность, «хорошая погода» — будет курьер; короче, как уговоримся заранее. Если противнику каким-то образом попадает в руки кодовая книжка, это конец. Сегодня чистым кодом пользуются редко, заменяют его шифром с элементами кода (смесью), иначе с помощью ЭВМ можно быстро все расшифровать: письменность «мая», и ту расшифровали. Кстати, если читать дело секунд, то зашиф-

ровывать адская работа. Спасибо, уже облегчили жизнь разведчикам: придумали специальные шифровальные машины. Когда мы передаем в Центр телеграмму с пометкой «Цито!», мы уверены, что ее содержание будет доложено руководству немедленно.

К а ч е с т в а. Идеальный разведчик тот, кто умеет уходить от соблазнов. Вот мне, считайте, повезло с «крышей»: миллионер! А мой коллега, который ничуть не хуже меня, десять лет прожил за границей, работая консьержем: каждый сочельник обходил жильцов, «поздравлял с праздничком» и получал свои чаевые. Чтобы хорошо и красиво поесть, он раз в год, испросив разрешение Центра, уезжал в другой город другой страны, надевал вместо рабочей блузы смокинг, шел в ресторан и обедал со стерлядкой «по-русски» и с креветками, чего не мог себе позволить, не вызвав подозрений, будучи консьержем. Господи, не в креветках дело! Я о том говорю, что мне, миллионеру, роскошные обеды, в отличие от моего коллеги, есть приходилось каждый день и тоже, чтобы не вызвать подозрений: как говорится, судьба — индейка!

Но жил я на самом деле «по системе Станиславского» Что это значит в моем понимании? У меня было восемь автомашин разных марок, я ездил на бензине с октановым числом «100» (пять шиллингов за галлон), имел в пригороде Лондона виллу и несколько номеров в лучших отелях города, снятых «на постоянно». Впрочем, все это и было «по системе Станиславского», потому что на самом деле ничего этого у меня не было: ни виллы, ни восьми автомашин, ни капитала в несколько миллионов фунтов стерлингов, ни полутора дюжин вечерних костюмов, а был я рядовым и счастливым обладателем «Волги М-21» с оленем на капоте, двухкомнатной квартиры в Москве, правда, в высотном доме на площади Восстания, а также четырех сотен рублей, которые выдавали ежемесячно моей жене Гале.

Миллионерские соблазны (не скажу, чтобы у меня их не было, да и как могло не быть при владении такими немислимыми богатствами?) следовало, конечно, преодолевать. Не скрою: делать это было трудно, в условиях жестокого подполья вообще не легко сохранять нравственное здоровье и духовную высоту. Я старался держать себя в руках, не поддаваться страстям и понимал, что умение носить маску, оставаясь при этом самим собой, и делает

в конечном итоге разведчика профессионалом — в отличие от любителя, который сорвется на первом же повороте. Маска миллионера давала мне, казалось бы, право на роскошную жизнь, но я правом этим пользовался сдержанно и ровно настолько, чтобы не быть среди миллионеров белой вороной. И все же маска так прилипала ко мне, что грозила стать второй кожей, хотя вся моя человеческая и партийная суть восставали. Я и сейчас, вернувшись на Родину, не всегда могу ее снять, из-за чего у меня уже были и еще будут неприятности, но да бог с ними — не тема! А вас я серьезно прошу иметь в виду и предупреждаю: поскольку, даже разговаривая с вами, я иногда продолжаю играть миллионера сэра Лонгсдейла, делайте, когда почувствуете в этом необходимость, «поправку на маску».

Р а б о т а. Живая связь Центра с разведчиком осуществляется с помощью курьеров. Это посторонние люди, имеющие возможность регулярно бывать за границей: стюардессы, моряки торгового флота, музыканты, спортсмены. Впрочем, они постоянны для Центра, а для нас — разные, никого из них в лицо или по именам мы, как правило, не знаем. И вообще, в целях безопасности разведчик каждый раз встречается с курьером, во-первых, по специальному указанию Центра и, во-вторых, по новому (лучше сказать: свежему) паролю. Разумеется, курьер приходит на встречу не в форме стюардессы или боксера, а в обыкновенной гражданской одежде.

Главный принцип: важная информация должна быть передана из рук в руки. Ловкости фокусника для этого не требуется — литераторы и кинематографисты тут явно перебарщивают, заставляя и курьера, и разведчика многократно озираться по сторонам, а в момент передачи свертков и пакетов смотреть один влево, другой вправо и делать вид, что они вообще друг друга не знают и встретились случайно, как споткнулись. Но именно такая, извините, «методика» как раз и способна привлечь постороннее внимание. Все делается много проще. Ведь люди, встречаясь на улицах, в парках, кафе или в метро, обыкновенно не оглядываются пугливо, если, конечно, у них не любовное свидание и если они не опасаются ревнивых супругов: они спокойно здороваются, хлопают друг друга по плечам, иногда целуются, но не ворочают физиономий, а дарят цветы, обмениваются книгами, рассматривают фотографии, хвастают покупками, шушукаются, смеются и

не печалиться, и никому до них нет дела, особенно за границей. Ну а если за ними кто-то специально следит, им уже поздно маскировать свои отношения, маскироваться должен как раз следящий: поднимать воротник плаща, надвигать на лоб шляпу, поминутно оглядываться, «читать» газету — вот тут кинематографисты могут «гулять», как им хочется. (Работникам кино и пера, наверное, от меня достается, но, во-первых, они, надеюсь, это обстоятельно переживут, а во-вторых, достается отнюдь не по злобе, я этот хороший народ уважаю, а по праву, узурпированному мною, как узким специалистом, считающим для себя не только возможным, но и законным такое вмешательство в чужие дела во имя якобы охраны «чистоты» своего жанра.) Так вот, встречаясь с курьерами, мы ведем себя просто и естественно, а если оглядываемся, то после встречи, чтобы уйти от слежки, когда она нами зафиксирована.

Впрочем, если разведчик попадает «под колпак» (мы еще говорим: «садится на мушку»), ему уже мало что способно помочь, так как против него, кроме Скотланд-Ярда, начинают работать даже невинные дети. Играя, они запоминают, к примеру, номера автомашин: кто больше? Потом их спрашивают: вы не видели в Бирмингеме машину с лондонским номером? Видели! И диктуют ваш номер, как бы вы ни осторожничали, проезжая мимо. К слову сказать, дети по природе своей лучшие контрразведчики!

Психология. Я примерно знаю, что вы о нас думаете: боже, как они одиноки! Из чего вы исходите? Одиночество — удел преследуемых людей, и нас вы относите к их числу. Вы даже убеждены, что в случае провала иные страны списывают разведчиков со своих счетов, не всегда имея возможность признать их «своими», чтобы затем обменять. Это я ваши мысли цитировал, теперь свои: обменивают нас, обменивают и «своими» признают! И я тому классический пример...

А В Т О Р:

Эпизод (из беседы). У меня было несколько, как я понимаю теперь, наивных просьб, в ответ на которые Ведущий недоуменно пожимал плечами, а Лонгсдейл и его коллеги отшучивались. Так, однажды я попросил, чтобы «для полноты ощущений» меня познакомили с «любим» — оценили? — арестованным у нас американским или английским шпионом, которому я мог бы задавать вопросы,

связанные с психологией провалившегося разведчика. Ведущий, как я сказал, был в некотором недоумении, а Конон Трофимович под дружный смех присутствующих произнес: «Во-первых, ими занимается другой отдел, не наш, а во-вторых, откуда мы возьмем для вас шпионов, если сегодня, слава богу, не тридцать седьмой год!»

Провал. Сцену ареста Лонгсдейла я видел в английском художественном фильме, ему посвященном. В роли советского разведчика был актер, внешне похожий на Конона Трофимовича: скуластое лицо, восточные глаза, небольшая по габаритам фигура, аккуратно сидящий костюм, стрижка бобриком. По фильму: Лонгсдейл сидит в парке на скамейке, вокруг тихо и пусто, к нему подсаживается агент, и в то мгновение, когда они обмениваются свертками, из всех кустов появляются полицейские и люди в штатском, одновременно человек пятьдесят, и кидаются к Лонгсдейлу. Немедленно встав со скамейки и протянув вперед руки, Лонгсдейл спокойно говорит офицеру, на девающему ему наручники: «Прошу вас отметить в протоколе, что я не оказал сопротивления при аресте». Голос за кадром: «Благодаря этому обстоятельству он получил потом на десять лет меньше того, что мог бы получить...»

Фильм мы смотрели вдвоем, Конон Трофимович комментировал. Про сцену ареста сказал, что снято довольно близко к истине. Потом добавил: когда на него надели наручники и обыскали, нет ли оружия, он заметил, что один полицейский зорко следит за тем, чтобы арестованный не проглотил ампулу с цианистым калием (вероятно, по нашумевшей ленте «Пять секунд, и я умираю!»). «Мне казалось, — продолжал Конон Трофимович, — что все это не со мной происходит. Какой-то кошмар! Я бы сказал: как в кино! Хотя и понимаю, что степень реальности происходящего зависит от когда-то избранного амплуа. Поясню. Ни страха, ни волнения я не испытывал. Кто-то из полицейских, держа мои руки в своих, явно считал мой пульс и до того был поражен спокойным ритмом, что вытаращил на меня глаза. Тогда я спросил его: «Вы врач?» Он ответил: «Мы везем вас в Скотланд-Ярд — вы это понимаете?» Куда меня повезут, я знал еще двенадцать лет назад!..

АРКАДИЙ ГОЛУБ (он же А. Алексеевский, он же А. Голубев):

Судьба. Я находился в районе города Джабраил. Си

дел как-то в ресторане, рядом рос огромный клен, из-под которого вытекал ручей; ресторан как бы сросся с кленом, его второй деревянный этаж словно жил на разросшихся ветвях. Огрызком чернильного карандаша написал на столе строки, вдруг пришедшие в голову:

С пути-дороги совсем я сбился,
А потом попал сюда.
Воды холодной и я напился
Под этим кленом из родника..

Короче, решил бежать. По мелководью перешел реку Аракс, сел на том берегу, долго мучился, думал идти обратно, но вошел в воду только по щиколотки. Она охладила. Зачем-то помыл ноги. Мне фантастически повезло: граница была позади, я — в Иране. Первыми меня заметили жители деревни, позвали полицейского.

И началась моя одиссея.

Полицейский переправил меня в Тавриз, в тюрьму, которая называлась «шахрабани» — полицейская, через несколько недель я уже очутился в Хурамабаде, в армейской тюрьме — «дэжбани», а потом в лагере «Камп» где почти не кормили и не поили, держали на солнцепеке. Чуть не сдох. Просидел в общей сложности восемь месяцев, пока меня не отправили на поселение в Исфаган. Там я познакомился со старым белоэмигрантом Александром Благообразовым, который бежал вместе с женой из России еще двадцать лет назад, в 1933-м. У него была в Исфагане механическая мастерская. Отнесся он ко мне с пониманием и сочувствием, дал займы немного денег и свел с брюхатым Селгани, владельцем дохленького электрорадиомагазина. Я стал работать, руки у меня золотые, плюс четыре курса технического вуза. Но платил он мне всего три тумана в сутки: хватало, чтоб не помереть с голоду. «А я еду, а я еду за туманом...» Увидев, что я действительно хорошо разбираюсь в радиоаппаратуре, Селгани открыл при магазине мастерскую по ремонту. Через год мы с ним стали компаньонами. Между прочим, брюхатый эксплуататор был членом какой-то левой партии Ирана, подозреваемой в связях с коммунистами. Не без моей помощи Селгани вскоре последовал туда, откуда я уже вырвался. Магазин и мастерская перешли ко мне, от семьи толстяка я откупился небольшой суммой и даже отдал долг Благообразову Тут-то он и свел

меня с Волошановским и Кошелевым, после чего начался мой «американский» период жизни. Эти два типа были сотрудниками ЦРУ и находились под началом Стива (Стивенсона).

У меня тогда уже была мысль вернуться в Союз, я даже несколько раз подходил к советскому консульству в Исфагани, но войти не решался: грехи не пускали. Стив завербовал меня у себя на квартире, предварительно выяснив, что я могу. Что я мог? Кроме прочего, я имел профессию радиста-оператора: закончил в Кемерове полугодовые курсы с любительским статусом. Стив проверил мои способности: слух, память, умение различать цвета (кстати, я дальтоник), знание «морзянки», скорость работы на ключе, даже попросил напечатать текст на пишущей машинке. Потом мы втроем (я, Стив и Кошелев) самолетом перелетели в ФРГ, причем совершенно официально: документы мне дали «натуральные». Где-то под Мюнхеном, километрах в тридцати — сорока от города, в каком-то старом особняке меня проверили на «детекторе лжи», и, несмотря на то, что я, будучи в действительности Аркадием Голубом, назвался детектору Антоном Алексеевским, он подтвердил, что мои сведения правдивые. Смех!

Потом меня отправили в Баварию, и я шесть месяцев прожил на конспиративной квартире со Стивом и Кошелевым. Кошелев обучал меня парашютному делу, топографии, фальсификации документов, а Стив — самбо и «свежей советской действительности»: какие в СССР за последние три года появились марки телевизоров; типы самолетов и грузовиков, какие вышли новые законы, чтобы я в случае заброски не был «оторван от жизни». Но до заброски дело пока не доходило, да я и не рвался. Откуда-то они все же узнали потом, что я не Алексеевский (фамилия жены), а Голуб, что был судим за вооруженный разбой, осужден и бежал из лагеря, находящегося в Средней Азии. Досталось мне на орехи! Нет, не за разбой и побег, а за сокрытие настоящего имени. Прошлые же мое их как раз устроило, потому что даже с повинной мне теперь назад хода не было. А я сказал, что наврал им нечаянно, просто хотел проверить детектор и был уверен, что он меня все равно раскроет, я же не виноват, что ваш детектор липа! Они посмеялись над моей «наивностью» и передали американскому майору Майклу Огдену. Он увез меня из Германии в США.

Больше трех месяцев я прожил где-то под Вашингтоном, в лесу, там еще речка рядом глубокая и богатая рыбой; название этого места я так и не узнал, хотя и пытался; мне интересно было, я по природе любознательный, но эта школа считалась у них сверхсекретной. Меня опять учили разведделу, особенно старался один немец по имени Франц (кличка «Феодор»), он здорово знал русский: полвойны просидел в лагере для военнопленных где-то в Сибири и стал большим «специалистом по России». Франц замечательно матерился, ни в каких учебниках не прочитаешь, там акцент очень важен и ударение, такое искусство можно перенять только «из рук в руки».

После Вашингтона я был в сопровождении Тони (фамилию не говорили, но внешность, как и наличность «Феодора», описать могу) переведен в город Бойс, штат Калифорния. На две недели. На чистый отдых, поскольку перед заброской. Мы ходили с Тони на лыжах (дом стоял высоко в горах), охотились. У меня мелькнула была мысль убрать Тони — но куда бы я и как подался из Калифорнии со своим одна четверть немецкого языка в объеме советской средней школы? Выходит дело, хорошо, что так плохо нас языку учили: вот крылья у меня и подрезаны! Извините, отвлекся. Последние четверо суток мы прожили с Тони в Чикаго, где отрабатывали радиосвязь в условиях большого современного города и его естественных помех. А потом еще два дня купались на мысе Конкорд. Я терялся в догадках: куда меня забросят, в смысле — в какое место России? Судя по столь тщательной подготовке, с иронией думал я, не иначе как прямо в Кремль! Со мной уговорились, что, если меня берут и заставляют работать под контролем, на вопрос базы: «Какой длины антенна вашего приемника?» — я должен давать ответ «в метрах», а если я на свободе и работаю без контроля, то «в футах». Но мыс Конкорд еще не был концом моего долгого путешествия: целую неделю меня продержали с неразлучным Тони в Сан-Франциско, оттуда на пять суток перебросили в Токио, и наконец, последние перед заброской три дня я прожил на базе в Йокогаме, с которой должен был поддерживать связь, оказавшись на территории Союза. Тони со мной уже не было, а были четыре человека: двоих я знал только по именам и видел впервые — Билл и Том, одного, по фамилии Волошановский, запомнил еще по Ирану (очень образованный человек, владел несколькими языками), а четвертым был все тот же Кошелев. Руководил

ими Стив, которого, правда, я видел в Иокोगаме только раз: он говорил мне напутственные слова перед заброской. Между прочим, меня уже звали не Алексеевским и даже не Голубом, а Джони Муоллером, а по кличке — «Лириком». За час до посадки в морской катер я написал в блокнот стихи, которые сочинил еще в Исфаганской тюрьме (хотя и понимаю, что это не поэзия, а только душа):

Я приехал теперь в Исфаган,
Всюду слышу здесь речь неродную
И во всех незнакомых местах
Я по Родине русской тоскую.

Там пройдут проливные дожди,
Когда поздняя осень настанет.
Дорогая Светлана, дождись,
Я вернусь, что со мною ни станет!

Одинокий, забитый, чужой,
Просидел я полгода в кутузке.
На свиданье никто не пришел,
Чтоб узнать о судьбе души русской!

Светлана, моя жена, сейчас в Кемерове. Наверное. Извините, гражданин следовательно... Вы не следовательно? Все равно, позвольте спросить: как вы думаете, я могу рассчитывать на снисхождение? У меня... Я ведь и сделать-то ничего не успел: утром высадили в районе Петропавловскана-Камчатке, у меня даже предчувствие было, а днем уже взяли, и я сразу сказал, еще при задержании, что согласен работать под контролем. Мне сохранят жизнь?

К О Н О Н Т Р О Ф И М О В И Ч:

Провал. В тюрьме мне казалось, что тюрьма настоящая, просто кошмарный сон, и мне нужно как можно быстрее проснуться. У каждого разведчика, живущего за границей долго, позвольте заметить, должна быть отдушина, какое-то увлечение: теннис, рисование, шахматы, коммерция, — чтобы не думать постоянно о том, что ждет впереди. Как солдат, сидя в окопе, привыкает к мысли о возможной гибели, так и разведчик всегда сознает опасность, но если солдат и разведчик — разумные люди, они не позволят этому сознанию овладеть ими, в противном случае нервы, не выдерживая напряжения, начинают преувеличивать опасность. Страх? Нет, я не о нем, поскольку существует, мне кажется, такой парадокс: настоящая опасность парализует страх! Страшно «до» и «после»,

но в самый момент — никогда. Я эту мысль не буду расшифровывать, в нее надо просто вдуматься. И еще: холодно-кровных людей, наверное, вообще не бывает, а если они и есть, то — роботы, ремесленники. А разведчик — личность творческая, ему все интересно: и поиск, и даже провал. Азарт — как у физика, работающего над открытием, как у шахматиста, который рассчитывает комбинацию, как у охотника, идущего по следу жертвы, и даже как у жертвы, уходящей от охотника... Великие Мата Хари и Блейк были больше игроками, исследователями, чем шпионами, уныло и механически исполняющими свои обязанности.

Работа. Как проникнуть на военный объект, где двенадцать тысяч работающих и где режим повышенной секретности? А как, подумал я, «проникают» туда они сами, причем трудясь в одну смену? Как успевают за десять минут пройти через проходную? Неужели документы проверяют у каждого и фото каждого сверяют с оригиналом? Стал изучать вопрос (сколько же вахтеров нужно на эти тысячи людей!) и понял, что все элементарно просто: форма и цвет кокарды на берете рабочего! Мне тут же изготовили подобие, и я дважды в течение дня не только сам прошел беспрепятственно на секретнейший объект (в 8 утра и в ленч), но и провел коллегу, приехавшего из Вашингтона в Лондон с «интересом» к данному объекту. Прошли в общем потоке, через проходную.

К а ч е с т в а. По отношению к нейтральным знакомствам и связям разведчик должен быть нормальным человеком. Я им был: бизнесмен, который почти не интересуется политикой и делает деньги, — ни коммунизм, ни фашизм мне «ни к чему». В итоге: говорить «против» у меня никогда нужды не было, и тостов с бокалом в руке, как Кадочников в «Подвиге разведчика», за нашу победу я тоже публично не произносил. Потому, повторяю, что у меня было амплу нормального человека.

О д н а ж д ы. По делам фирмы мне выпала поездка на трое суток в Ленинград. Получив санкцию «Первого», мои коллеги преподнесли мне царский подарок: привезли из Москвы жену. Кстати, ни мать, ни отец, ни Галя не знали, где я работаю и кем. По легенде, которая была «для дома, для семьи», я в качестве научного сотрудника находился на Востоке, мои письма домой шли через Китай,

а если соседи или дальние родственники спрашивали Галя «с подозрением», почему это я так долго в командировке без жены и детей, Галя, умница, отвечала, что из-за аллергии климат для нее в Китае неподходящий. Представьте, верили! И вот мы с Галей в Ленинграде. Встречу нам устроили «как в кино» — в кафе на Невском, в котором танцуют. Стало быть, с музыкой. Я пришел. Они уже сидят. Подхожу к моему коллеге, который сопровождает Галину в качестве ее «партнера», пожираю жену глазами и с трепещущим сердцем прошу, как и положено, у него разрешения потанцевать с «вашей дамой». И он, бандит, мне отказал! Как я удержался и не врезал ему бутылкой по башке, не знаю (хороши «шуточки»). Потом мы сделали с Галей два полных круга, она спросила про погоду в Китае, я, как идиот, почему-то поблагодарил: спасибо, хорошая, — и только потом, через много лет, когда я, обмененный, вернулся домой, мы с ней сообразили, что играли в том кафе не вальс, а танго «Брызги шампанского». Она впервые серьезно заподозрила тогда, что я вовсе не на Востоке и не научный сотрудник, но промолчала, как умеют молчать жены разведчиков, я бы сказал, подправляя мысль: настоящие жены разведчиков.

Взгляд. В Англии готовят невкусно. Главная еда англичан — завтрак: «Снимайте номер в отеле с завтраком!», не с ужином, который они и вправду «отдают врагу». В каждом отеле есть специальная комната для завтраков (не ресторан, не кафе, а типа наших гостиничных буфетов со столиками), куда приходишь, подсаживаешься к кому-нибудь, чего не можешь себе позволить в ресторане, кладешь на столик ключи от номера с большим набалдашником и просишь на выбор: чай, молоко или кофе. В Англии, к слову сказать, три школы: одна приучена начинать день с чая, вторая — с молока, и недавно появилась третья — «кофепийцы». Между прочим, кельнеры называют чай «русским», а растворимый кофе «мгновенным» — он дешев и плох. После заказа ждешь минуту-две, и тебе приносят с чаем, уже «без выбора», тосты — жареный хлеб, но жаренный не на сковородке, а на огне, причем нарезан он квадратиками или треугольниками; кусочек масла на блюдецке; джем, который называют мармеладом, но он совершенно не похож на мармелад, к которому мы привыкли в России, поскольку представляет собой бесформенную массу, прозрачную на вид и с прожилками;

наконец, овсяную кашу и приготовленные на пару чернослив (две штучки со сливками — для пищеварения, у всех англичан, извините, запоры, так как они с малолетства не едят грубой пищи, зато слабительное поглощают в огромных количествах, из-за чего и атрофируются стенки желудка, что еще более усугубляет положение: получается как бы перпетуум мобиле, но не в смысле действия, а наоборот, бездействия). После каши и чернослива берешь крохотную таблетку, бросаешь в стакан с водой, начинается «шип», и ты пьешь. Завтрак окончен. Правда, вместо каши иногда предлагают корнфлекс с бананом, нарезанным колбаской. И чуть не забыл: одно яйцо! — в виде омлета, глазуньи или просто варенное всмятку, и есть его надо, не расколупывая пальцами, а ножичком срезая верхушку с тупого конца, где полая часть с воздухом, чтобы не пропадала хотя бы ничтожная доля продукта.

П о р т р е т. Теперь, когда я стал более или менее доступен штатским людям, меня, словно кинозвезду, просят «чего-нибудь» рассказать: вызываю, понимаете ли, интерес! Обычно я говорю: такой кнопки, чтобы нажать, и поехало, у меня, извините, нету, а мне, уважаемые товарищи, необходимо вдохновение, автоматом не получается. Но скажу вам откровенно: разведчик не может работать, если не владеет искусством рассказа, я бы даже сказал — искусством руководить беседой. Я по натуре человек общительный, потому что из простой, хоть и интеллигентной семьи. Без комплексов. Ни врагов, ни неприятелей мне, как разведчику, иметь не положено, и я их не имею! По крайней мере откровенных. Уживчивость — главная черта моего характера. Там. Иначе какой получился бы из меня работник? Хочу не хочу, а «дружу» со многими. Но здесь — другое дело, и здесь я другой.

В з г л я д. Еще про еду, если не надоело. С 12 до 14 часов, хоть война, хоть землетрясение, — ленч: обед! Томатный суп, в который натирается картошка, или мясной суп из воловьего хвоста. Меня всегда интересовало, куда у них деваются волю от этих хвостов, но на мой невинный «детский» вопрос я ни от кого так и не получил вразумительного ответа. Суп жидкий, «но наш!» — говорят англичане. Они вообще-то экономят на еде, не делают из нее культа и шутят: «Должно быть видно, что на мне, а не что во мне!» На второе — отличная отбивная (больше

фунта!), гарнир отдельно. На масле нигде не готовят, ни дома, ни в ресторанах нашего русского масла вообще не держат. Готовят на жирах, которые исчезают, как только испаряется вода, и даже мясо не жарят, а делают, как у нас шашлыки. Наиболее употребим в Англии маргарин, его мажут на хлеб: бутерброд с маргарином не отличишь от бутерброда с маслом, зато нет холестерина! В ходу и постное масло, растительное или овощное. Белый хлеб только со вторым.

Англичанин не встанет из-за стола, пока не съест на десерт пудинг, который делают из старого хлеба с подливой. Пирожных в Англии нет. (Есть во Франции!) Конфеты, шоколад с мятной (ужасной!) начинкой, по форме — вам и не снилось, причем шоколад дешевый, не роскошь. И колбас не видел. Зато есть сыры — сто пятьдесят сортов в любом магазине: королевская пища!

В обед служащие идут в кафе или в рестораны — можно национальные: китайская кухня, индийская, русская с неизменным борщом и блинами «а-ля русс», мексиканская, где устраивают соревнования по еде зеленого перца (я видел победителя, который без передышки смолотил двадцать штук в то время, как нормальный англичанин сходил с ума только при мысли об одной штуке), с супом «по-мексикански», который на глазах посетителей вынимают из «мартена». В кафетериях — самообслуживание, в ресторанах — подают мгновенно, особенно в часы пик, зато в прочее время — тянут, чтобы залы, которые, кстати, крохотные (не то что у нас, как вокзалы), не казались пустыми, иначе публика туда совсем не пойдет. В городе на каждом шагу магазинчики, в которых продают, кажется, все, что душе угодно, даже засоленные в сахаре огурцы! А вот спиртное — дороговато: тридцать граммов виски стоят три с половиной шиллинга, это стоимость поллитровой банки пива.

П о р т р е т. Был я восемнадцатилетним, казался сам себе очень взрослым, теперь моей дочери восемнадцать, и она для меня совершеннейший ребенок — я в этом смысле от других отцов мало чем отличаюсь.

П р о в а л. Такая вот «мелочь»: англичане пьют пиво, как у нас пьют квас. Я лично пиво не терплю, но отказаться от него никак невозможно; если у нас в Союзе кто-то упорно отказывается от кваса, можете не сомневаться:

шпион! В компании, во время ленча, выпить пива, поиграть в кегли или в «перышки» не считается грехом; я тоже играл и тоже пил, — а что делать? Причем пил по классическому «английскому» образцу, мешая сорта пива, чаще всего черное со светлым. И, представьте, привык. У меня теперь довольно много чужих привычек. Например, здороваясь, я, как и все англичане, слова приветствия произношу, но руки не протягиваю и не жму протянутую мне: кто в Англии протянул, тот чужой! А если приходится считать на пальцах, то не загибаю их, как дома, а, наоборот, разгибаю, как делают во всей Европе.

Бы т. Правление моей фирмы было в центре города. Я ездил на работу не на машине, которую там негде приткнуть, а «как все»: на метро, иногда на автобусе. А мои шикарные лимузины стояли либо в гараже, либо просто на улице возле дома: по четным дням на одной стороне, по нечетным — на другой, чтобы улицы можно было беспрепятственно чистить.

Пр о в а л. Подходит, представьте, человек к бару, заказывает двойной виски и вдруг «ахает» одним глотком — что дальше? Может «гасить свечи», потому что все, в том числе, конечно, бармен, молча на него уставятся: он же русский! Казалось бы, мелочь...

А В Т О Р:

Э п и з о д (из беседы с полковником А.). На мое восклицание: «Вы совершенно не похожи на разведчика!» — А. удовлетворенно сказал: «И славу богу. Был бы похож, меня на эту работу не пригласили бы, потому что т а м прихлопнули бы на вторые сутки. И что интересно: все мы не только на шпионов непохожие, но при этом еще очень разные, в противном случае нас, как селедку, ловили бы сетями». Я знал, что полковника А. провалил его первый помощник Х. — прочитал об этом в книге Д. Донована, крупного американского юриста и общественного деятеля, который был адвокатом А. на суде.

К а ч е с т в а. Когда резиденту присылают помощника, который оказывается слабым работником, или пьяницей, или просто дураком, резидент не может какое-то время возразить против него, так как перечисленные качества столь маловероятны для разведчика, что резидент скорее

подумает, будто они часть легенды и помощник так ведет себя, чтобы сбить с толку противника.

Помощник у А. (кстати, его воинское звание — подполковник) был именно таким человеком. В книге «Люди на мосту», опубликованной в США уже после процесса над А. и его обмена, Д. Донован написал о подполковнике Х.: «Если Х. был шпионом, то он, безусловно, войдет в историю как самый ленивый, неудачливый и неэффективный шпион, когда-либо направлявшийся для выполнения задания». Я, конечно, спросил у Ведущего, почему вдруг Центр, известный своей «привередливостью», прислал А. такой подарок. Ведущий в ответ пожал плечами: мол, и на старушку бывает проруха, не ошибаются только полные бездельники...

Провал. Когда Х. влюбился в американку (Центр употребляет в таких случаях иную терминологию: «спутался»), стал тратить на нее большие деньги, предназначенные на совершенно другие цели, а в довершение к этому несколько раз пропадал из поля зрения резидента на два-три дня, что категорически Центром запрещено, А. наконец сделал запрос: почему его не предупредили заранее, что помощник будет с такой странной легендой? Надо сказать, А. был человеком терпеливым и глубоко порядочным: он плохо думал о людях только тогда, когда думать иначе уже было невозможно. Центр, всполошившись, немедленно отозвал Х., но в спешке сделал это грубо, не прикрыв вызов каким-нибудь «совещанием». Заподозрив неладное, Х. все же вылетел в Москву. Перед отлетом он занес резиденту коротковолновый приемник, причем А. сам разрешил ему принести чемоданчик в номер гостиницы «Латам», 4-я Ист, 28-я улица Манхэттена, Нью-Йорк, где жил в ту пору. Вообще-то адрес резидента никому из помощников неизвестен, не знал его и Х., но А., к сожалению, закон нарушил. Почему? «Вероятно, по тому подлому правилу, — ответил А., — по которому одна ошибка влечет за собой другую...» В Берлине, пересаживаясь с самолета «Люфганзы» на машину Аэрофлота, Х. принял решение: он уехал с аэродрома прямо в американское посольство, сдался и заплатил за свою жизнь резидентом А., которого через два часа арестовали в злополучном номере «Латама».

К а ч е с т в а. Полковник А. был человеком многогранного таланта: в совершенстве владел шестью языками и специальностью инженера-электронщика, был хорошо знаком с ядерной физикой, химией, математикой; много лет прожив в США, имел в качестве «крыши» фирму, весьма процветающую на приеме заказов на изобретения, причем был и техническим, и научным «мозгом» фирмы. Кроме того, А. замечательно рисовал, что позволило ему открыть в Нью-Йорке художественный салон, был музыкантом и отменным шифровальщиком. «Я хотел бы, — сказал после процесса над А. руководитель ЦРУ Аллен Даллес, — чтобы мы имели в Москве сегодня хотя бы трех-четырех таких агентов, как полковник А., тогда мы взяли бы Россию за сутки и без единого выстрела». В книге «Как работает американская секретная служба...» И. Енсен писал, что процесс против А. интересен и с той точки зрения, что общественное мнение было почти единодушно на стороне А., хотя вина его установлена вне всякого сомнения, а психоз шпионажа был на грани истерии. Вся жизнь А. и все его существование зиждились на твердом фундаменте самодисциплины и самоотречения. Про А. говорили: он работает так, что первая его ошибка, как у минера, могла стать единственной и последней, что, собственно, и случилось.

П о р т р е т. Человек с внешностью А. мог быть по профессии бухгалтером, стоматологом, литератором (причем не поэтом, а именно прозаиком), дамским портным, смотрителем в музее, но никогда — разведчиком! Представьте: венчик седых волос вокруг большой и умной залысины, густые черные (крашенные?) брови, на плечах много перхоти, уныло зависший над губами нос, кожаные налокотники, подчеркивающие «мирный» характер его профессии, глаза как бы задернуты старческой мутной пленочкой-занавеской. И ничего «выдающегося», никаких особых примет. Классический вариант шпиона, незаметного в толпе, если, конечно, подобное тотальное отсутствие примет уже не есть «особая примета»! Но иногда, что-то рассказывая, полковник легким движением руки отодвигал в сторону занавеску, и в его глазах мгновенно появлялась жизнь, а с нею и мысль — яркая, острая, озорная. Глядя на А., я терялся в предположениях: кто он по национальности? Ломать голову не имело смысла, потому что А. мог быть кем угодно, от датчанина до испанца. Не удержав-

шись, я задал ему вопрос о его национальности. Он улыбнулся одними уголками рта: «Мой адвокат считал меня немцем». И поставил очень большую точку, тут же задернув на глазах занавесочку и тем самым лишив меня возможности переспрашивать и уточнять: мол, Донован считал немцем, а вы можете думать как вам угодно, мне это не интересно. Я прикинул, и у меня получилось, что полковника следует относить к числу иудеев: чернота бровей — раз (если они, конечно, не подкрашены), загнутый книзу нос — два, а главное — манера упоминать евреев, если по ходу рассказа появляется надобность перечислить несколько национальностей, что характерно, мне кажется, как раз для комплексующих иудеев (или истинных интернационалистов?). Например: «В ресторане «Ланди» на Шипсхед-бейе в Нью-Йорке, где можно получить ведро моллюсков, приготовленных на пару, и вареного омара, кого только не увидишь в уикэнд: и армян, и французов, и русских, англичан, итальянцев, евреев!» Или: «На «Куин Мэри» был у меня в попутчиках целый «интернационал»: испанцы, турки, шведы, англичане, евреи, один белорус, нигериец, японец и представители еще десятка каких-то национальностей!»

Д Ж Е Й М С Д О Н О В А Н:

Приложение № 5 (из книги «Люди на мосту»). Полковник А. так верил в разведывательную службу своей страны, что не допускал даже мысли о возможной присылке ему столь ненадежного и некомпетентного помощника, как Х. Вот факторы, приведшие Х. к измене: пьянство, блондинка, беззаботное отношение к деньгам, склонность влезать в долги. Известно, что агент, перешедший на сторону противника, может представлять для него гораздо большую ценность, чем агент собственный.

Наблюдение за номером отеля, в котором жил А., велось из окна дома напротив (№ 252 по Фултон-стрит), с пятого этажа, при помощи бинокля (10/50 — дает десятикратное увеличение и имеет линзы диаметром пятьдесят миллиметров).

Номер 839 отеля «Латам», в котором арестовали полковника, был грязным и почему-то имел странную форму: стены его сходились не под прямым углом. Номер имел следующую обстановку: двуспальная кровать, низкий ко-

мод, небольшой письменный стол, складная подставка для чемоданов, стенной шкаф для платья, дверца которого выдавалась в комнату. Размер номера примерно десять футов в ширину и тридцать в длину. Тут же маленькая ванная комната. Это восьмой этаж, цена 29 долларов в неделю.

Как-то полковник сказал: «Меня нельзя считать картежником, ибо все мои познания в этой области начинаются и заканчиваются несколькими вариантами пасьянса». Я представил себе последние перед арестом часы полковника А.: сидя в дешевом номере отеля «Латам», одинокий, несмотря на то что его окружают в том же отеле две тысячи шестьсот человек, шпион раскладывает пасьянс...

При аресте А. в номере были обнаружены следующие вещи, позволяющие оценить «двойную жизнь» шпиона: электрический генератор мощностью в треть лошадиной силы, коротковолновый радиоприемник «Холликрафтер» с наушниками (в чемодане), фотокамера «Спидграфик» с набором фотооборудования, многочисленными кассетами и оберткой от фотопленки, полые болты, запонки и зажимы для галстуков с высверленными в них отверстиями, служившие «контейнерами», блокнот с кодами, зашифрованные тексты, оборудование для изготовления микрофотографий, напечатанные на машинке заметки на тему «Нельзя смешивать искусство и политику», географическая карта США с отмеченными на ней кружочками основных районов обороны страны, карта парка Бэр-Маунтин-Гарриман, планы расположения улиц Куинса, Бруклина, Патанама, планы улиц городов Чикаго, Балтимора и т. д., расписание прибытия и отправления международной почты, блокнот с записями математических формул, ноты, магнитофон с пленками, альбом с эскизами рисунков, научные журналы и брошюры, банковская книжка, гитара, картины, написанные маслом, 20 тысяч долларов, находящиеся по частям в разных местах, в том числе четыре тысячи в папке с застёжкой «молния», и т. д.

Весьма остроумно были высверлены внутри винты. Снаружи они выглядели старыми и ржавыми. Поворачивая их, вы лицезрели настоящее чудо: новенькая модная нарезка находилась полностью в рабочем состоянии, и простой и невинный на вид шуруп являл собой водонепроницаемый «контейнер» для микропленки. У полковника было много инструментов, которыми он пользовался при изготовлении «контейнеров». Была целая фотографическая лаборатория

с химикалиями и дорогостоящей аппаратурой. Сам А. был настолько искусным фотомастером, что мог уменьшить формат письма до размеров булавочной головки. Такие «микроточки» фактически не поддаются визуальному обнаружению (они были изобретены немецкой разведкой в период первой мировой войны).

На выставке доказательств по делу полковника А., организованной ФБР, в длинной хорошо освещенной комнате на двадцати пяти столах были разложены различные предметы, словно гигантский набор закусок, причем некоторые были завернуты в целлофан.

Как профессиональный боец, А. ожидал, что с ним после ареста будут обращаться по-настоящему грубо. Но сотрудники ФБР сразу предложили ему свободу и работу в контрразведке США «с окладом в десять тысяч долларов, с хорошей едой, напитками, с отдельным кабинетом, оборудованным кондиционером», и были уверены, что устоять против такого соблазна трудно. Мне тоже казалось, что полковник А. мог быть ФБР «получен». «Они считают всех нас продажными тварями, которых можно купить», — сказал мне А. Позже он заявил, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает для спасения своей жизни ничего такого, что может нанести ущерб его стране.

А. — культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он был на редкость своеобразной личностью. Его снала постоянная потребность в духовной пище, естественная каждому образованному человеку. Он жаждал общения с людьми и обмена мыслями. Находясь в федеральной тюрьме Нью-Йорка, он даже стал учить французскому языку своего соседа по камере, полуграмотного бандита... Как человека полковника А. просто нельзя не любить.

При расшифровке текста, обнаруженного в блокноте арестованного, получилось следующее: «Поздравляем прибытием. Подтверждаем получение вашего письма по адресу «У», повторяем «У» и прочтение вашего письма Первым. Слишком рано посылать вам гаммы. По вашей просьбе передадим способ приготовления мягкой пленки и отдельно новости вместе с письмом вашей жены». И еще: «Короткие послания зашифровывайте, а длинные делайте со вставками. Вставки передавайте отдельно. Посылка вручена вашей жене. У вас дома все в порядке.

Желаем успеха. Поздравления от товарищей. Третий».

Отрывки из писем жены полковника А.: «Мы получили посылку в мае и очень благодарны тебе за нее. Твои подарки нам очень понравились. Мы высадили уцелевшие гиацинты, и три цветка уже дали ростки». Из другого письма: «Я смотрю на цветы и все жду, жду, жду и верю, что мы будем скоро вместе и что ты больше никогда не захочешь покинуть нас. Мы с дочерью имеем все, кроме тебя. Попытайся сделать так, чтобы не отсрочить нашей встречи. Годы и возраст не ждут». И еще отрывок: «Наша жизнь — постоянное ожидание. Мы отметили день твоего рождения, я испекла пирог с черной смородиной и кремом, который ты любишь...» Еще: «В отношении квартиры еще не ясно. Хотелось бы трехкомнатную, но говорят, больше, чем на две, рассчитывать нельзя». Последнее письмо жены: «Если бы сказали кому-нибудь постороннему, что муж и жена могут жить не вместе так долго, так много лет и все же любить друг друга и ждать встречи, он не поверил бы, такое можно встретить только в романах». Письма жены шли длинным путем. Их переснимали на микро пленку, и, прежде чем они попадали в тайник на Проспект-парке, проходили недели и даже месяцы. Последнее письмо жены нашло адресата уже в тюрьме.

Знаменитый Натан Хейль был казнен в Англии за шпионаж в пользу США, но и англичане уважали его, и американцы до сих пор чтут его память, поставив Хейлю по всей стране множество памятников.

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т (продолжение). В начале пятидесятых США усиливают против нас научно-технический шпионаж с привлечением ученых, туристов и даже спортсменов. Понятное дело, мы не можем закрывать на это глаза. И вот Центр ставит перед вашим героем задачу: установить, откуда «плетутся нити», как написали бы наши журналисты-международники, и собрать затем информацию об основной методике противника. Впрочем, откуда что «плетется», мы и так знаем: из-под Вашингтона, где обосновалось ЦРУ. Проникнуть туда, естественно, трудно: режим строжайшей конспирации, круглосуточная охрана здания, слежка за собственными сотрудниками. Да у Л., собственно, немного другая задача: найти конкретных исполнителей крупномасштабного заговора против СССР. Он настойчиво прокладывает к ним пути — сначала всле-

пую, пытаюсь наладить контакты с учеными, которые могут быть использованы против нас с целью шпионажа; это, разумеется, «невод на авось», который далек от конечной цели.

И вдруг происходит событие, дающее нам в руки «хвостик»: в Дубне под Москвой задерживают с поличным молодого американца-физика и в ходе следствия выясняют, кто его вербовал, инструктировал, какие ставил задачи, какой снабжал разведывательной техникой и, кроме того, где все это делалось. Так Л. «выходит» на двух сотрудников Центрального разведывательного управления, для которых было создано специальное «бюро» при Колумбийском университете, к слову сказать, превращавшегося в основного поставщика научных «кадров» для ЦРУ. География, таким образом, определилась. Л. надлежало теперь подобрать ключи к этому таинственному «бюро» (сначала в переносном смысле, то есть глаза и уши), а затем и в прямом: с настоящими ключами проникнуть в сейфы цереушников.

Прошу вас, Варлам Афанасьевич, дать справочку относительно Колумбийского университета.

П р и л о ж е н и е № 6 (из справки Варлама Афанасьевича). Нью-Йорк был когда-то куплен голландцами у индейских племен, назывался Амстердамом, а уж потом англичане переименовали его в Нью-Йорк. В городе пять районов. На юге — остров Ричмонд. На востоке через проток Атлантического океана — Ллойд-Айленд с двумя районами: Бруклин и Квинс (там много научно-исследовательских и военных учреждений). Остров Манхэттен, на котором находится Колумбийский университет, слегка как бы подрезан с южной стороны.

Улицы Манхэттена узкие, тесные, многолюдные. Огромное количество маленьких ресторанчиков, специализирующихся на какой-то национальной кухне: испанской, китайской, еврейской, греческой, русской с неизменным борщом и бефстрогановом (название, кстати, исконно русское, но об этом мало кто знает), готовят который, к сожалению, не на сметане, как в России, а в томатном соусе — увы! Есть даже одна настоящая русская «забегаловка» на десять столов в полуподвальном помещении на 1-й улице, где старуха повариха подает пожарские котлеты, блины с икрой и селедочкой и тот же бефстроганов — и опять в томате! Много украинцев — их можно увидеть

уже в пять утра в первых поездах метро: торопятся на работу, а работают они уборщиками в конторах и учреждениях, которые оккупированы ими примерно так же, как айсорами во всем мире чистка обуви. Много в Манхэттене магазинов и магазинчиков — торговый центр Нью-Йорка. На «виселице» на колесиках, сделанных из трубчатого железа, болтаются платья — их толкают перед собой негры, перевоза товар по улицам; между прочим, и среди негров тоже существует кастовость: есть негры светлые, есть черные.

Итак, Колумбийский университет: общественные, естественные и точные науки. Целый комплекс зданий, занимающих площадь от Бродвея на север. Протяженность всех улиц университета тринадцать миль (двадцать километров). К университету примыкает Центральный парк Манхэттена (с 58-й улицы до 110-й): озера, пруды, игровые и спортивные площадки. Неподалеку строится католический собор, но очень уж долго. На строительство Нотр-Дам в Париже ушло, как известно, около четырехсот лет, в Нью-Йорке шутят, что рекорд может быть побит. В ученых кругах Колумбийский университет считается весьма ценным своими кадрами и научными достижениями. Чрезвычайно богат, чего не скажешь про другие университеты, по крайней мере Нью-Йорка, например Католический. Колумбийский — учреждение частное, государству не подчиненное; когда-то был лицей, вырос благодаря пожертвованиям разбогатевших выпускников; имеет совет. В распоряжении «колумбийцев» и в их собственности есть земли, акции в различных компаниях, а основной доход университет получает от студентов, поскольку обучение платное, и от правительственных и военных ведомств, заказы которых выполняет по финансовым договорам.

С ю ж е т (продолжение). Ваш герой, получив задание Центра, перебирается из Канады в Нью-Йорк. Визу на въезд дает американское консульство в Торонто, а каким образом дает — вопрос из «другой оперы». Факт тот, что виза есть. Л. проходит таможенный контроль, причем таможенники, не стесняясь, проверяют в открытую: кроме вещей, в которых они роются в надежде найти наркотики (впрочем, теперь они имеют на этот случай специально натасканных собак), еще делают телефонный запрос его родным и знакомым, живущим в Торонто (которых, у него, как вы понимаете, именно в Торонто предостаточно!),

потом запрашивают об Л. иммиграционные власти, но так как все это предусматривалось нашим Центром, через несколько часов Л. свободен. Однако понятие «свобода» для разведчика — понятие относительное. Так, Центром заранее определено, что Л. останавливается в отеле «Нью-Йоркер», а затем, через двое суток, едет в Вашингтон на встречу с резидентом, чтобы обсудить детали предстоящей операции и, как говорят архитекторы, «привязать» ее к месту. Кроме того, просто познакомиться. Причем Л. волнуется, поскольку резидент человек легендарный, ваш герой достаточно наслышан о нем. Пока он «волнуется», попросим вас, Варлам Афанасьевич...

П р и л о ж е н и е № 7 (из справки Варлама Афанасьевича). Отель «Нью-Йоркер»? Сорок этажей, расположен недалеко от Центральной пристани на углу 8-й авеню и 33-й улицы Манхэттена. Здесь обычно останавливаются торговые люди: продавцы и покупатели. Номер стоит от 6 до 50 долларов в сутки. Жить в отеле можно постоянно, только плати, он так и называется: «резиденшел» (для резидентов, шутка). Семидолларовый номер: девять квадратных метров, ванная-уголочек, туалет и того меньше, но телевизор, тумбочка у кровати, стенной шкаф. Если номер девятидолларовый, разница одна: вместо кровати — диван. С незнакомым человеком поселить не могут категорически, «двойные» номера только для супругов. Когда вы подъезжаете к отелю, парень лет восемнадцати («бой») тащит ваш чемодан из автобуса или такси. В вестибюле на ваш вопрос, есть ли номера, администратор вежливо отвечает: вам в какую цену и на какой срок? В карточку заносится ваша фамилия и постоянный адрес (разумеется, со слов). Документов не просят. Паспортной системы в смысле пользования паспортом в США нет, нет и «прописки».

О паспортной системе. Если юноша работает, у него есть страховая карточка и собственноручно написанный отчет в налоговое управление, и это его единственные «официальные» данные, по которым осуществляется учет населения. Есть еще телефонные книжки, избирательные списки. Человек может состоять на учете, если покупает что-то в кредит; удрал, не заплатил, попадает еще в один список — «черный». Смерть и рождение регистрируются в специальном отделе муниципалитета, типа нашего загса, где выдают соответствующее свидетельство, которое необходимо для получения паспорта. Формально пас-

порт действителен два года, потом его продлевают или обменивают на новый. Молодые люди в определенном возрасте сами приходят на призывные пункты (по-нашему, «военкоматы»). На улице полицейский может спросить у вас документ при каком-либо нарушении, но вполне удовлетворится водительскими правами.

Скоростным лифтом можно доехать в отеле до нужного вам этажа без промежуточных остановок. Лифтами управляют девушки в униформе. Никаких дежурных на этажах в «Нью-Йоркере» нет, уходя, вы можете ключ никому не оставлять, но все оставляют (либо у «боев», либо внизу у администратора), потому что владелец отеля остроумно соединил ключи с огромными набалдашниками, которые если и положишь в карман, то не иначе, как средство для самозащиты. При отеле есть врач. Кроме того, «Нью-Йоркер» располагает собственными детективами «от краж», но если детектив связан с мафией, что вполне вероятно, он становится наводчиком на богатых гостей, и тогда правильнее говорить: не «от», а «для» краж.

С ю ж е т (продолжение). Ваш герой выезжает в Вашингтон, где встречается с резидентом, а затем приступает к осуществлению операции. Сначала он знакомится с молодым физиком-испанцем, занимающимся в одной из лабораторий Колумбийского университета, назову его Мигелем. Без особых сложностей Л. удается завербовать Мигеля, который, приехав в Штаты, прошел уничижительную проверку на благонадежность по линии ФБР: родители Мигеля сражались против Франко в Испании в 1935 году, после поражения революции были интернированы во Францию, а уже оттуда попали с сыном в США. С помощью Мигеля, человека общительного, Л. собирает кое-какие сведения о сотрудниках ЦРУ, обосновавшихся в таинственном «бюро» при университете: каковы их привычки, сильные и слабые стороны характера, заработок и т. д. Мигель становится активным помощником Л., но его рвения все же мало для задуманной операции. Нужен человек не только с желаниями, но и с возможностями.

Тогда Л., как и было обусловлено, подключает к делу Ганса, находящегося, как вы знаете, тоже в Америке. Ганс вербует еще одного человека: это крупный биолог, обладающий в США «именем», преподаватель университета, по убеждениям космополит. Назову его Симоном Крафтом

(кстати, он соотечественник Ганса). В ненавязчивой форме доктор Крафт предлагает свои услуги цереушникам из «бюро», они клюют на его удочку, тем более Крафту в скором времени предстоит поездка в Тбилиси на международный форум по молекулярной биологии. Крафт становится частым гостем «бюро», где проходит инструктаж и получает шпионскую экипировку. При этом ему удается незаметно снять слепок с ключей от сейфа, в котором, по-видимому, хранятся важные документы, содержащие сведения о лицах, подготовленных или проходящих подготовку для шпионажа против СССР и стран Варшавского Договора.

В решающий момент у Крафта сдают нервы, но положение спасает страхующий его Ганс, человек, не теряющий самообладания. Операция завершается передачей Центру фотокопий документов, дающих возможность скомпрометировать всю программу американского ЦРУ по использованию ученых в научно-техническом шпионаже. После этого Л. возвращается в Канаду с прицелом на последующий переезд в Англию, а Ганс вскоре командировается «своим» ведомством, то есть ЦРУ, в Японию. Резидент по заданию Центра сохраняет «остатки» группы для выполнения в будущем других операций. Все участники не остаются без поощрений, а Л. получает личную благодарность Председателя.

К О Н О Н Т Р О Ф И М О В И Ч:

Л е г е н д а. В 1927 году в Канаде во время наводнения погибла семья: муж, жена и грудной ребенок. В местной газете по этому печальному поводу было дано объявление, которое и нашли мои коллеги. Факт, кроме того, был проверен в регистрационных документах мэрии, а затем стал основанием для разработки вполне достоверной легенды: родители действительно погибли, а ребенок остался жив! Если учесть, что в Канаде дети официально регистрируются и получают имена лишь по достижении одного года, чем я не тот ребенок? Меня, грудного, подобрала посторонние люди, увезли в Австралию, откуда были родом, там и воспитывали вдали от недобрых глаз до восемнадцати лет, а потом рассказали, что я им чужой, и благородно отпустили на все четыре стороны, дав прилично денег, которые, кстати, и легли в фундамент моей коммерческой деятельности. Назвать имена моих замечательных спасителей нельзя, иначе кто-то разбередит их не-

заживающие раны. Я же, как истинный уроженец Канады, хочу получить официальное признание моего гражданства, жаль только, что мои канадские родственники (дядя по матери и две тети по отцу) не «помнят» меня грудным, а потому не могут официально засвидетельствовать перед лицом закона, что я — это я. Ну, плохо? Всего одно слабое местечко: мои спасители — австралийцы! Но какой разведчик имел когда-нибудь железобетонную легенду? Все мы ходили и ходим по острию ножа...

Р а б о т а. Агенту обычно не говорят, кто его резидент и даже на какую страну он работает: всячески ограждают от «ненужных» сведений. Отношения строятся по принципу обыкновенной купли-продажи, провозглашенному еще в «Двенадцати таблицах» и в Римском праве. Помощник, встречаясь с шефом и передавая ему информацию, должен думать, что имеет дело с таким же рядовым агентом, как и он сам. Но если помощник по каким-то причинам вдруг прекращает работу, такого рода отходы тоже предусматриваются резидентом: требуется «последняя встреча», во время которой бывшему агенту, во избежание худшего, рельефно обрисовывается его перспектива на тот случай, если он выдаст или ненароком проговорится об имевшей место связи. И как бы душа резидента не восстанавливала против угроз и, тем более, их реализации — что поделаешь? Не проваливать же сеть, с таким трудом созданную и так дорого стоящую!

«К р ы ш а». Мы очень близки по специфике к журналистам. Например, может ли журналист без согласования с руководством продлить командировку, изменить ее маршрут или цель? Мы — тоже: разрешения нам, возможно, и не обязательно испрашивать, но информировать Центр мы должны непременно. О задержке с отъездом, о прибытии раньше времени, о передаче и получении информации, о любых изменениях в нашей жизни — о каждом, по сути, шаге! Впрочем, если кто-то приглашает вас на пикник или в театр на премьеру, молниировать об этом в Центр не обязательно. Я к чему? На основании собственного опыта и опыта моих коллег я давно пришел к выводу, что наилучшим прикрытием для разведчика может быть профессия журналиста. Во-первых, журналист — странствующий рыцарь, «свободное копьё»: его передвижения в пространстве не поддаются контролю и не вызывают подозрений, так

как органичны профессии. Во-вторых, трудно, если вообще возможно, учитывать его доходы и их источники. В-третьих, журналист раскован: может обращаться к кому угодно и когда угодно — он «и с угольщиками, и с королями», бывает и в трущобах, и в высшем обществе, при этом способен принимать любую окраску — надевать, как говорится, «шинель» солдата, бизнесмена, шофера такси, чтобы иметь дело с военными, бизнесменами, дипломатами и рабочим классом. Наконец, журналисту ничего не стоит заказать визитные карточки, которые служат ему и удостоверением личности, и пропуском по принципу «Сезам, откройся!». Даже почтовый конверт на имя «корреспондента такой-то газеты» — уже достаточное основание, чтобы получить заказную почту, когда нет при себе других документов. И уходить в случае неприятностей тоже легко: журналист просто растворяется в воздухе, не оставляя после себя следов (уехал в Абиссинию, в действующую армию во Вьетнам, на велосипедные соревнования «Тур де Франс», на корриду в Испанию, в путешествие по Средиземному морю в обществе знакомого миллионера на его же яхте), ищи ветра в поле!

Первой древнейшей профессией была, как известно, проституция. А второй? Вы, конечно, будете утверждать, что журналистика? Допустим. Спорить на стану. Пусть будет так, но если вы сошлетесь в качестве доказательства на Ветхий Завет, я задам вам только один вопрос: а кто написал Ветхий Завет? Отвечаю: разведчик! Да-с. Это было первое донесение разведчика Божественному Центру!

Пр о в а л. Помню весьма неприятную историю, происшедшую на моих глазах. Когда я был в американской школе разведки, в Швейцарии, недалеко от Базеля, мы, небольшая группа курсантов в количестве десяти человек, отправились на пикник. На озеро. Среди нас были три англичанина, два американца, один немец, датчанин, два ирландца и я, «канадец». Постелили на травку покрывало, сделали «стол», выпили и решили искупаться. И вдруг «датчанин», первым раздевшись, с берега кинулся в воду, нырнул, довольно далеко вынырнул и поплыл, представьте себе, размашистыми саженками, хлопая ладонями по воде. Так только в России плавают. И больше нигде в мире, где разные кроли, брассы, баттерфляи и т. д. Мы все стояли на берегу, смотрели, не произносили ни слова — ведь не только я один понял. Больше «датчанина» я ни-

когда в своей жизни не видел и даже здесь, в Центре, спрашивать о его судьбе не хочу. Мы у Центра мало о чем спрашиваем.

«К р ы ш а». Моей «крышей» в прямом и переносном смысле слова были четыре фирмы «по продаже автоматов по продаже...» — такое у них длинное название. Понятно? Мои автоматы торговали тетрадами, водой, вином, фломастерами, бутербродами, аспирином — что только не помещалось в их прожорливом чреве! Могу объяснить устройство и назначение автоматов подробнее и яснее — только зачем вам засорять свои мозги? Важно другое: мои фирмы были рентабельны и давали прибыль, между прочим, задолго до нашего знаменитого правительственного постановления, которым акцентировалось внимание хозяйственников на необходимости добиваться рентабельности. Скажу вам прямо: «акцентировать» мое внимание нужды не было, я бы просто вылетел в трубу, не будь мои фирмы рентабельны. Разумеется, мне в них не принадлежала ни одна гиней: капитал был ровно настолько моим, насколько и вашим, советским. Я трудился в поте лица, потому что знал: доходы идут не гнусному капиталистишке (мне, например), а моему народу. Сказал я эти слова с патетикой, но вы уж простите: когда речь идет о миллионах фунтов стерлингов, можно и подбавить восклицательных знаков; хуже, когда их ставят, а вся, извините, задница голая.

Сначала я в одной из фирм был директором по сбыту готовой продукции, то есть бизнесменом «средней руки»: как и все, получал зарплату раз в неделю, по пятницам. Стенографистки у меня не было: невыгодно. Пользовался телефонами-магнитофонами красного и зеленого цветов: диктовал, они писали на пленку, на следующий день все было расшифровано и отпечатано на машинке. Письма писал размером не больше страницы, в Англии длиннее не пишут; если кто-то и пишет, он либо бездарь, либо ему делать нечего. Уже здесь, в Союзе, на одной из встреч с общественностью меня спросили: почему я был директором по сбыту, а не генеральным или, на худой конец, по производству? Я ответил: сделать каждый дурак сумеет, а чтобы продать, нужна голова!

А дальше! Дальше я стал совладельцем фирмы, потом двух, а потом и полным хозяином, да сразу все четырех фирм: они делились, исходя из четырех типов товаров.

Тем не менее я придерживался общей и очень строгой дисциплины: приходил вместе со всеми, уходил в пять часов. Если нужно было уйти днем, как-то объяснялся с секретаршей: «У меня встреча с клиентом!» — она должна была знать, где хозяин и когда будет. Обедал я с клиентом, можно сказать, всегда: либо он меня приглашал, либо я его, в зависимости от заинтересованности — он во мне или я в нем. Разумеется, кормил клиента за счет «золотого обеспечения», то есть представительских, при этом в кредит, показывая официанту карточку, в которую он писал, что и на сколько нами съедено и выпито, плюс сколько получал «на чай» — и все это впоследствии погашалось фирмами.

Работа. В «Иностранной литературе» за 1958 год были опубликованы «Японские заметки» К. М. Симонова — читали? Там говорилось о главном принципе токийского театра: объективный взгляд на себя самого как бы со стороны. Актер танцует и видит себя глазами зрителей. Симонов вспоминает Миямото (философа, а может, спортсмена?), который в своей книге «Принципы фехтования» написал, что человеку необходим «взгляд на себя», чтобы умело защищаться от неожиданных выпадов противника. Смеем добавить, что если у разведчика есть этот «взгляд», то и он может чувствовать себя в относительной безопасности.

Портрет. Отношу себя к людям везучим, хотя бы потому, что оказался в числе ничтожных процентов, которые уцелели в войну от моего года. Может, по причине этой везучести и в тюрьме я провел не слишком долго, всего пять лет: обменяли. А когда выносили приговор, я почувствовал только, что меня обманули: дали двадцать пять, хотя обвинитель «просил» семнадцать!

Работа. Вербовать агента дело чрезвычайно сложное: надо тщательно обезопаситься. Часто человек, имеющий доступ к закрытой информации, может работать одновременно на несколько разведок, и именно такой «кадр» — лакомый кусочек для разведчика. Но надо перевербовывать, а это лезвие бритвы: в любой момент может «заложить». Я лично предпочитал вербовать на идеологической основе, и таких людей предостаточно, но надо их искать, найдя — изучать (мы говорим: разработа-

тивать), а уж потом и вербовать. К сожалению, основа может быть и другая: меркантильная, любовная (если речь о женщине), националистическая, а от основы, кроме качества работы агента, зависит и его устойчивость, надежность. Бывает, что с болью в сердце приходится отказываться от очень хороших агентов, имеющих доступ к очень важной информации, — почему? Если, например, агент оказывается или становится алкоголиком или если он по природе болтлив, тогда надо делать немедленно «золотое рукопожатие», то есть прощаться. Вообще-то таких агентов другие разведки «убирают»: они либо откровенно продают, либо, бывает, идут на шантаж в надежде заработать еще больше.

ПОЛКОВНИК А.:

В з г л я д. У моего адвоката Донована шестнадцатикомнатный «домик» с собственным лифтом и садом на крыше. Там же и офис, где я впервые в жизни увидел телевизор и телепередачу: великий Дюран смешил публику бруклинским жаргоном, считающимся истинно народным и веселым. Там же, у Донована, с которым я имел деловое знакомство как владелец «Бюро по изобретениям» еще задолго до того, когда ему пришлось стать моим адвокатом на процессе, я познакомился с одним из его клиентов — элитарным членом синдиката мафиози, на чем-то погоревшим, а потому и обратившимся к Доновану за советом. В отличие от рядового члена мафии, у этого в петлице была пуговка (думаю, с бриллиантом), и он назывался «баттменом», то есть «человеком с пуговкой»; не знаю, случайно ли совпадение с «бедменом» — плохим человеком? Кстати, чистокровный белый звучит в США, как если бы сказать «чистый кавказец»: «кокэйжн». «Трактир» и «публичный дом» по-английски тоже однозвучны — боже, какими только знаниями не напичкана голова разведчика!

С у д ь б а. Я знал одного русского, который в силу сложившихся жизненных обстоятельств стал курсантом, а потом и преподавателем американской разведшколы в Швейцарии, в Альпах. Он был из тех, которые мучаются, не могут твердо определиться, то есть лишены убеждений: как правило, это хороший народ, совестливый, но слабый и путанный, точнее сказать, запутавшийся. Нам удалось его перевербовать, предложив ему самое опасное: «двой-

ную игру». Он согласился и вскоре выдал нам группу, которую довольно тщательно готовили для заброски в СССР (из «бывших» русских); он сам с этой группой готовился два долгих года, но уж больно тяготился тем, что предал Родину. Потом он тяготился уже тем, что предал товарищей, с которыми делил тяготы и радости учебы. Такие, как он, я это прекрасно знал, долго не живут. Совесть в нашей работе, конечно, нужна, но какая-нибудь «односторонняя»: либо в ту сторону казись, либо в эту.

Повесился. Хорошо, записки не оставил. Ни нам, ни им.

В з г л я д. Интересно наблюдать, как паркуются и разъезжаются автомобилисты где-нибудь на Бродвее, бамперами слегка подпихивая другие машины, иначе ни въехать, ни выехать. Я лично так не могу из-за плебейской жалости к «дорогим» вещам. Мальчишки, валяя дурака, могут на спор пройти по длинной авеню, ни разу не коснувшись ногами земли: по крышам припаркованных автомашин. Машина без вмятины, что солдат без шрама, боксер без сломанного носа и парикмахер без пробора. (Кстати, американцы, обожающие благозвучия и вообще кр-р-расивости, называют парикмахера «танцором по волосам!»)

О д н а ж д ы. В начале двадцатых годов я оказался в числе тех, из кого состоял первый (мы всегда добавляли: славный и легендарный!) выпуск нашей разведшколы. Не исключаю, что я вообще был первым советским разведчиком, заброшенным за границу. А учили нас, между прочим, четыре года — по полной программе, без торопливости. Что касается заброса, то он осуществлялся в ту пору проще простого: мне сделали документы, посадили в поезд, который шел из Москвы в Польшу, а в Варшаве я, не выходя из здания вокзала, пересел на поезд Варшава — Гамбург, который и был местом моего назначения. Цель — найти в Германии старую русскую агентуру, работавшую еще на царя-батюшку и затаившуюся после революции в ожидании «дальнейших инструкций». Вот я и вез эти «инструкции» в надежде склонить их работать на молодую Советскую республику. Идея была неплохая, но и не легкая, как может показаться кому-нибудь с первого взгляда. У меня было с десяток явок, а остальные пятьсот с лишним адресов мне должны были подослать из Москвы, если я смогу закрепиться на «плацдарме»; пусть

вас не удивляют такие могучие цифры агентуры — русская разведка всегда брала количеством, это общеизвестно. На «качество» мы перешли только после революции и то вынужденно: нужны годы, чтобы готовить разведчиков, поскольку эта работа все-таки «штучная» — стало быть, лучше меньше, да лучше!

Итак, Гамбург. Замечу, что я прекрасно владел немецким языком, даже несколькими его диалектами, отлично знал город с его достопримечательностями и расположением улиц, имел довольно приличную легенду — что еще надо? Был 1924 год. С вокзальной площади, добравшись до нее без приключений, я сразу направился по первому адресу, выбирая кратчайший путь: одной «знакомой» улицей вышел к порту, другой свернул к ратуше, и вот я в тихом и чистеньком переулке, где должен жить мой первый «клиент». Тут-то и произошло то, из-за чего я, собственно, открыл рот.

Представьте: раннее утро. Ни души. Иду по сонному переулку, высматриваю нужный мне номер дома. Навстречу движется издали какой-то человек в кожаной кепке с большим козырьком, эта кепка — единственное, что я запомнил. Вдруг, поравнявшись со мной, он меня спрашивает. «Слушай,— говорит,— ты не знаешь, где тут можно поссать?» — «Чего?!» Он повторил вопрос. «Да зайди,— говорю,— хоть в ту или эту подворотню». Он исчезает в подворотне, и только тогда я понимаю, что он спросил меня по-русски и я по-русски же ему ответил! Ну, думаю, все: провал. И это называется первый советский шпион! Окончил с похвальной грамотой! И — всего полчаса в Гамбурге! Возвращаюсь на вокзальную площадь, сажусь на скамеечку, ставлю у ног чемодан и жду, как вы понимаете, ареста. Пять часов ждал. Не дождался... До сих пор не знаю, кто этот был, в кожаной кепке, и вообще, что случилось: вариантов так много, что ломать голову нет никакого смысла. У меня был знакомый еврей-закройщик, уроженец Западной Белоруссии, я шил у него костюм. Так он, говорит, хотел писать «бумагу в Правительство» по поводу ширины брюк (тогда была мода на матросские клеши), а то, говорит, учат у нас где-нибудь «людей на шпионов», потом отправляют куда-нибудь «у Лондон с парашютом», и через десять минут после приземления их «берут»! «Почему?» — спрашивал и сам отвечал: «Бруки!» Вот и я мучаюсь: вдруг это не случайность, а он по «брукам» узнал во мне русского?

В з г л я д. Во всем мире сейчас распространено стремление к загородному жителству. Помните четыре условия истинного счастья, которые приводит Моруа, цитируя Камю, который в свою очередь процитировал Эдгара По? Возможно, ошибусь в порядке перечисления, но не это важно. Первое: жить на природе! Второе: чтобы тебя любили (не ты, а именно тебя, вот ведь как интересно повернуто)! Третье: заниматься каким-либо творчеством! И четвертое, которое, по-моему, совершенно недостижимо при наличии «третьего»: отказ от честолюбивых помыслов (а зачем тогда заниматься творчеством, позвольте спросить?)! В этом смысле мне больше импонирует интервью князя Голицына (того самого, который безвыездно жил в Крыму). Он наладил, как вы, наверное, знаете или слышали, производство шампанского «Новый свет», регулярно получавшего в Париже на конкурсе вин «гран-при», а сам ходил в простом армяке, подпоясанном веревкой, в сапогах и татарской папахе и поселился в обыкновенном глинобитном домике. Так вот, к нему в Судак однажды явились журналисты брать интервью после очередного «гран-при», и некий иностранец спросил: «Скажите, князь, в каких отношениях вы находитесь с царем?» — на что Голицын будто бы ответил: «Слава богу, царю покуда не удалось унижить меня почестями и наградами!» Каково сказано: унижить, понимаете ли, почестями и наградами!

Д Ж Е Й М С Д О Н О В А Н:

Приложение № 8 (из книги «Люди на мосту», окончание). Полковник А. отверг услуги одного адвоката, потому что ему, с точки зрения полковника, «не хватало профессионального достоинства, он выглядел неряшливо, у него была грязь под ногтями». Вероятно, такой человек больше подходил А. как помощник по работе, но не как защитник в суде.

Легенда полковника была такая: он по профессии учитель, его отец умер, мать родом из Саратова, сам он жил в Москве у Никитских ворот, окончил институт, потом нашел крупную сумму денег в царской валюте — в разрушенном доме где-то в Саратовской губернии, на родине матери. Перебрался в Данию и купил там фальшивый американский паспорт, с которым приехал в США; этот паспорт нашли у него при аресте.

А. так умел слушать, что можно было подумать, будто именно благодаря этому качеству он сделал карьеру. Когда

он расстраивался, он клал сигарету, так как она могла привлечь внимание к его нервному состоянию.

Полковник был увлекательным, будящим мысль собеседника человеком. Он обладал интеллектуальной честностью, с которой подходил к решению любого вопроса, имел весьма широкие знания по проблемам искусства и установившиеся взгляды в этой области.

Из речи обвинителя по делу полковника А.: «Такой была карьера этого человека, мастера шпионажа, настоящего профессионала, что он знал правила игры и их знала его семья: прошу это запомнить. Он не заслуживает снисхождения, как не заслуживает и сочувствия. Ссылка адвоката на французские законы 20-х годов и английские законы 1911 и 1920 годов несостоятельны, поскольку шпионаж сегодня гораздо более серьезное преступление, чем когда-либо раньше. Он связан с угрозой для цивилизации, для всей страны и всего «свободного мира», это преступление против народа, а не против отдельных лиц».

Дисциплина была краеугольным камнем его философии, поэтому А. положительно отзывался о немцах, сторонниках дисциплины. К выполнению своих обязанностей он относился с интересом и упорно старался делать все, за что брался, хорошо. Это, конечно, всегда было сильной его стороной. Кроме того, А. был страстным любителем спорта и «доджеров»: на тюремном дворе, будучи 56-летним человеком, полковник учился играть в «бочки», что свидетельствовало о незатухающей разносторонности его интересов.

А. просил меня, если я все же буду писать о нем книгу, характеризовать его «справедливо, честно и точно» и при этом помнить, что он «простой солдат». «К сожалению, — сказал мне полковник А., — авторы художественных произведений преувеличивают и искажают подлинную роль шпиона в XX веке, который зачастую является всего лишь собирателем фактов. Они рисуют его так, чтобы не вызывать разочарования читающей публики, потому-то в дискуссиях о шпионах и шпионаже в большом количестве присутствует романтический «дух Мата Хари». Между тем основная масса разведывательного материала достается путем упорной, кропотливой работы, тонким исследованием и анализом легкодоступной информации. Вопреки распространенному ошибочному мнению подавляющая масса наиболее важной разведывательной информации добывается не посредством тайной шпионской

деятельности, а открытым путем. Именно поэтому демократическое государство с его свободой слова и печати является наиболее уязвимым объектом».

Из моей речи в Верховном суде: «Прошу вас подумать о том, что такое наша национальная оборона, карту которой нашли при аресте у моего подзащитного, в век континентальных ракет, водородных бомб и искусственных спутников...»

Полковник обладал сверхъестественной способностью примиряться с обстановкой и событиями, а также уделять внимание самым различным мелочам, даже находясь в тюрьме, где он, по-видимому, испытывал ряд существенных неудобств и, кроме того, переживал горечь и разочарование. На что мог рассчитывать А., вернувшись в результате пока очень призрачного обмена в свою страну? Посчитают ли его там благонадежным?

«Я заметил,— сказал мне А.,— что у людей, привыкших действовать методами насилия, эмоциональное возбуждение утоляется при помощи физической нагрузки».

По инструкции заключенным не разрешено читать в тюрьмах литературу, которая может снова толкнуть их на преступную деятельность. Полковнику А. запретили читать шпионские детективы.

Завещание полковника А., составленное до оглашения приговора: «В случае моей смерти в тюрьме тело кремировать, а урну с пеплом и все имущество передать семье».

Вынесение приговора заняло по процедуре всего шестнадцать минут: «Соединенные Штаты Америки против А...» В этот момент холодное самообладание полковника показалось мне невыносимым. Его приговорили к тридцати годам заключения. Для человека, получившего такой срок, А. обладал поразительным спокойствием профессионала. В США он, конечно же, был бы незаурядным политическим деятелем первой величины.

Когда происходил обмен, было раннее утро и улицы Берлина были безлюдны. Глинеке-брюкке: темно-зеленый стальной пролет, уходящий с территории Западного Берлина к Восточному. За озером Потсдам справа на холме вырисовывался в тумане силуэт старинного замка. По обе стороны озера я видел густые лесопарки. Все совершилось на мосту, который в последний год и месяц войны был прозван солдатами «Мостом свободы». Вот уж воистину!

Подполковник Х., предавший своего резидента, через

некоторое время погиб в результате таинственной автомобильной катастрофы на Пенсильванском шоссе.

«Я мог бы много лет быть заключенным, — сказал мне полковник А. после вынесения приговора, — но ни минуты не мог бы работать надзирателем. Нужно быть лишенным воображения человеком, чтобы пасти других людей, как стадо».

К О Н О Н Т Р О Ф И М О В И Ч:

К а ч е с т в а. Наживать личных врагов разведчику никак невозможно: у врага пристальный взгляд. Я только так и оцениваю: друг или враг? Случайное знакомство или не случайное? И даже случайное беру под подозрение, боясь подвоха, а в конечном итоге — провала. И не люблю молчаливых людей, обычно сидящих в углу. Молчаливые наблюдательны; хотя их мало, но уж если человек наблюдателен, он обладает способностью складывать отдельные черточки в картину, а нам, разведчикам, это ни к чему. Как от огня, я всегда бегал от тех, чьи взгляды на жизнь оценивал как близкие моим. Судите сами: если я их «оценил», они могли «оценить» меня. И еще: принципиально ни с кем никогда не ссорился, я имею в виду — там. Уходил в сторону. Если кто-то очень не нравился, кроме «хелло» и «гуд бай», он от меня ничего не слышал, а вместо того, чтобы при случае послать его ко всем чертям, говорил с неизменной улыбкой: «Извините, сэр, я очень тороплюсь!» Думаете, легко давалась такая жизнь да при моем характере?

Б ы т. «Женский вопрос» лишь условно можно отнести к «быту» разведчика: это не быт, а, я бы сказал, условия его деятельности, некоторым образом затрагивающие личную жизнь. Вообще-то дело хоть и щепетильное, но естественное: разведчик живет за границей не один год (я двенадцать прожил) — а если он не старик? Ситуация не из простых, потому что возникают разные «но». Во-первых (если это не «во-вторых»), у многих дома остались жены: вопрос приобретает, таким образом, нравственную окраску. Во-вторых (если это не «во-первых»), Центр очень опасается прочных связей разведчика: любовь, как известно, вытягивает из человека самые страшные тайны, и, если заграничная партнерша разведчика не его жена, дело принимает опасный поворот. Однако, в-третьих, если он, живя в обличье художника, шофера, журналиста,

бизнесмена и так далее, вообще не будет иметь никаких отношений с женщинами, его окружение воспримет этот факт как вызывающий или, по крайней мере, странный: не «голубой» ли и прочие вопросы такого рода. Вот и выделится человек из толпы, чего ему категорически делать нельзя! Стало быть, надо проплыть между Сциллой и Харибдой: и чтобы были «отношения», но такие, будто их нет. А как это осуществить? Хотите знать, какой тут возможен выход из положения?

С у д ь б а. Вот история моего коллеги (назову его Ф.), до меня работавшего в Англии; история связана с пресловутым «женским вопросом», поэтому я о ней и вспомнил. По дороге в Лондон, кажется, из Мадрида, в самолете, какой-то немец-попутчик (Ф., конечно, сразу насторожился, по себе знаю: попутчик ли?) попросил его передать в Лондоне письмо одной женщине, не желая пользоваться почтой, поскольку родители молодой леди проявляли крайнее любопытство к ее переписке с мужчинами. Ну что ж, подумал Ф., отчего не передать? Прилетели, самолет с немцем дальше ушел. Во время первого же сеанса связи Ф. доложил Центру: так, мол, и так, ситуация вроде невинная, а что из нее выйдет, еще надо посмотреть, поскольку леди работает секретарем в Верховном суде — не такой уж плохой источник информации, чтобы с ходу его отвергать. Центр согласился и дал разрешение. И вот мой коллега звонит этой леди по телефону, договаривается о встрече, они встречаются и, представьте, — симпатия! С первого взгляда, причем взаимная! Зашли в кафе, вечером в ресторан, завтра театр, послезавтра ипподром или не знаю что, короче — общение. На ипподроме ставят на цифру «13», тотализатор к ним милостив, и вот уже «общий» капитал в несколько сот фунтов стерлингов...

Через месяц Ф. сообщает в Центр: беда, она меня любит! А на следующий сеанс: еще бóльшая беда — я ее люблю! Центр думает, что делать: любовь разведчику, как и инфекционная болезнь с высокой температурой и бредом, категорически противопоказана. Ему пока добрый совет: попридержи лошадей! Ф. «попридерживает», как может: никаких ей авансов и, разумеется, никаких намеков на свою сущность. При этом Ф. знает: если леди, с которой он находится в нежных отношениях, не задает ему «лишних» вопросов — это весьма подозрительно, а если задает — подозрительно вдвойне! Новая Сцилла и Харибда!

И вот однажды она говорит ему: что будем делать на пасху? (К слову, у меня бабка верующая была, а я ребенком как-то пришел домой с лозунгом на устах, услышанным на улице: «Кулич и пасха — для маленьких детей яд, а не сказка!» — и бабушку мою едва откачали.) Ф. ей отвечает: ничего не будем делать, а что? (А ему как раз на пасху наметили встречу в другом городе с курьером-связником.) Она говорит: я бы хотела съездить с тобой к моему дядюшке на морское побережье, он там держит отель и приглашает молодежь. Ф., конечно, подумал, что дело уже пахнет керосином, но согласие дал. Потом, в первый день пасхи, просто и бездарно смылся — а что ему было делать? Она, как вы понимаете, смертельно обиделась. Недели две не встречались, но это еще не конец истории. Вы мне напомните, в следующий раз доскажу...

Психология. Бич для бизнесмена — налоги, буквально пожирающие прибыль. Особенно противно платить их было мне, имеющему бизнес в виде прикрытия: основной капитал был, как говорится, кровный, рабоче-крестьянский, прибыль делал я, а не какой-то умный «дядя», а налог приходилось платить чужому государству! Спрашивается: где справедливость?

Мой бывший партнер по фирме, с которым, расставшись, мы сохранили хорошие отношения, любил тяжелые и шикарные машины. И вот как-то своим мощным «ягуаром» он покорежил чей-то легонький «фиат», заплатил большой штраф и был лишен водительского удостоверения. Тогда он подал в суд на дорожную полицию (вроде нашей ГАИ), а меня попросил быть в суде свидетелем. Я согласился. Потом произошла такая исполненная для меня двойного смысла процедура. Положив левую (или правую?) руку на Библию, а другую подняв вверх, я торжественно произнес: «Я, Гордон Лонгсдейл, клянусь говорить правду, только правду, одну только правду!», в то время, когда ни Гордоном, ни Лонгсдейлом я в действительности не был, — какую еще «правду» можно было от меня ожидать?

После этого случая я задумался: в каком соотношении находится у разведчика искусство лжи и его интеллектуальная честность? Впрочем, лучше сказать не «ложь», которой меня не обучали, а «легенда» — канва, по которой я построил представление о самом себе: вспоминал детство, что-то в нем переиначивая. Ложь? Да нет,

это работала моя фантазия во имя маскировки. Творческий подход к биографии — который не мешал мне оставаться самим собой, потому что мои вкусы, манеры, характер, психология, моя «личина» вылезали на поверхность, ибо все это оставалось во мне, было ярко выражено и не вытравлялось никакими легендами.

«Крыша». С детства я был приучен: если что-то делать, то «по большому», как озаглавила статью одна московская газета в пору моей комсомольской юности. Бизнес так бизнес. Халтурить я не умел, тем более была мысль: чем больше я разбогатею, тем лучше будет Центру. И я богател. Мои автоматы не были примитивными. В кафе «Литл фиш» («Рыбка»), куда я иногда заходил, чтобы посмотреть автоматы моего конкурента, вы бросали монету в щель и понятия не имели, какая заиграет пластинка. А «мои» автоматы после нажатия соответствующей кнопки давали вам то, за что вы платили, и я, ощутив превосходство над конкурентом, испытывал истинно «акулье» капиталистическое удовлетворение. Кстати, вас не шокирует то обстоятельство, что я употребляю местоимение «мои», говоря о фирмах, автоматах и миллионах фунтов стерлингов? Хотя они такие же «мои», как и «ваши»: советские. Правда, иногда, входя в роль, я ловил себя на том, что фирмы, на которые мне, собственноручно говоря, было плевать, как усыновленные чужие дети, становились мне дороги, и я по-настоящему спорил, торговался, тратил силы, добываясь их благополучия. Эта двойная жизнь «по системе Станиславского» меня самого частенько пугала...

Взгляд. Минимальный капитал, чтобы фирма могла официально существовать, — сто фунтов, которые должны находиться в банке, хотя истинный актив может исчисляться и несколькими миллионами. Но только дураки кладут в банк весь капитал: банкротство оставляет их без штанов. Умные ограничиваются более или менее «приличным» минимумом, от величины которого, правда, зависит солидность фирмы, а от этого и ее доходы, так что палочка о двух концах: хочешь — рискуй, не хочешь — довольствуйся малым. Кстати, есть чудачки, которые возглавляют фирмы сами, а не через подставное лицо; конечно, им и доверия больше, но и горят они целиком, если не успевают заблаговременно перевести имущество и основной капитал на жену или детей. Впрочем, тогда у них возникает шанс

погореть «через жен», алчность которых, я бы сказал, интернациональна (можно понимать и в том смысле, что не имеет границ): уж если жены получают капитал дю-юре, какая из них откажется получить его де-факто? Известен случай с одним крупным бизнесменом, который ценой отсидки спас капитал, причем даже успел перевести его в швейцарский банк «на пароль», но пароль неосторожно сообщил жене, нежно его любящей, а потом вернулся из тюрьмы и не нашел ни жены, ни денег. Нет, не легкое это дело — быть капиталистом!

С у д ь б а (окончание). Хорошо, что напомнили: мы остановились на том, что мой коллега Ф. поссорился со своей милой дамой, и они две недели не встречались. Ф., как и я, бизнесмен, но помельче, коммивояжер — таким было его прикрытие. Одним из его агентов был милейший человек, дядя которого имел доступ к важной военной информации, и его можно отнести к разряду «светлых» помощников, то есть ему было известно, на кого он работает и за какие деньги. А вот леди, работавшая секретарем Верховного суда, использовалась Ф. «втемную»: не знала, кому предоставляет информацию, притом бесплатно, вот уж воистину — за красивые глаза; мой коллега — мужчина импозантный и с глазами действительно красивыми. Ровно за сутки до его провала (его тоже предали, и предал «милейший» агент) она вдруг звонит: хочу тебя видеть, вечером можешь? (Все их разговоры, при которых я не присутствовал, приводятся мною, конечно, не дословно, а так, как я представляю их себе, зная общую ситуацию.) Ф. уже чувствовал вокруг себя некоторое «движение», а потому сказал ей: лучше в следующую субботу. В следующую субботу, когда Ф. уже был в тюрьме, вдруг вызывают его на свидание. Он — ей: «Зачем ты пришла, дорогая? У тебя и так будут неприятности». Она отвечает ему: «Но ведь мы договорились о встрече в эту субботу!» — английский юмор. Удивление и испуг у нее уже прошли, ей было просто жаль Ф.: она его и вправду любила, и в самом деле имела неприятности, но соучастия доказать не удалось — ее просто уволили с работы. Эта леди была хорошим и воистину светлым человеком, а вовсе не тот, хоть и работавший «всветлую», но черный агент-предатель. Ф. сидел до обмена, кажется, года полтора — два, и каждую субботу она навещала его в тюрьме — прямо рождественская получилась история, но «хеппи-энда» не было. Когда моего кол

легу обменяли, она хотела покончить с собой, ее спасли и, как могли, успокоили: не мог же он взять бедняжку в Союз второй женой! Я столь подробно все это знаю не потому, что история случилась со мной, хотя вы именно так и думаете (увы, я решил «женский вопрос» много банальней и проще), а потому, что в связи с Ф. нам было разослано Центром инструктивное письмо, главная мысль которого была предупреждающая: учтите, дорогие товарищи, что прочные отношения с женщинами опасны и для вас, и особенно для них, тем более что они имеют относительно вас одни мысли, а вы относительно их — совершенно другие.

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т. Собственно говоря, сюжетная линия исчерпана: ваш герой попадает по заданию Центра в Англию, становится крупным бизнесменом и резидентом, и начинается «другая жизнь» с другими сюжетными разветвлениями. Здесь следует сделать еще одно (последнее) приложение: дело в том, что Л. на разных этапах своей деятельности мог сталкиваться с американскими разведчиками, имена которых, чаще всего вымышленные, а потому имеющие значение кличек, я сейчас представляю с краткими характеристиками. Это и вам будет бесполезно использовать в повести для большей ее достоверности, и нам, как говорится, не вредно. Начну с сотрудников и преподавателей американской школы разведки в Бадвергсгофене, а затем перейду к резидентуре США с центром в Йокогаме. Надеюсь, вы понимаете, что это «айсберг» — крохотная надводная часть того, что мы хотим предать гласности (говорю не из хвастовства, а для дела).

П р и л о ж е н и е № 9 (из архива Центра).

Бадвергсгофен (ФРГ):

«Андрей» (предположительно майор Гарольд Ирвин Ридлер), 46 лет. Уроженец Нью-Йорка. Выше среднего роста, смуглый, темно-русый, нос прямой, губы толстые. Носит американскую военную форму с несколькими орденскими колодками. По-русски говорит с легким акцентом. Хорошо играет на губной гармошке. Молчалив. Видимых пороков нет. В 1950 году был в Москве (в каком качестве — неизвестно). Начальник разведшколы.

«Всеволод» — русский, 35 лет. Высокий, полный, блондин, в очках, правый глаз стеклянный. Пьет крепко, но сохраняет выдержку. Ходит в гражданской одежде. Хоро-

шо владеет немецким языком, английским хуже. Общителен, однако о себе почти ничего не рассказывает. Преподает все дисциплины, кроме радиодела и физподготовки.

«Саша» (Волошановский Алексей Миронович) — украинец, 33 лет. Высокий, сутуловат и в то же время строен. Склонен к полноте. Лицо бритое, лоб высокий, нос крупный, с горбинкой, брови широкие. Волосы вьющиеся, каштановые, по бокам лба небольшие залысины. Иногда носит очки. Владеет русским, французским, английским, испанским, украинским, польским, немецким языками. Не пьет, не курит. Отец, мать и брат живут в Нью-Йорке, сестра замужем за владельцем текстильной фабрики. Преподает языки, служит переводчиком.

Гленн (настоящее имя) — американец, примерно сорока лет. Высокого роста. Ходит в форме. Женат, переписывается с семьей. Выпивает умеренно. Скрытен. Отличный шофер, преподает вождение машины.

«Алексей» — лейтенант американской армии, 1925 года рождения. Среднего роста, волосы русые, правильные черты лица. Хорошо говорит по-русски (мать русская). Молчалив. Пьет мало. Увлекается женщинами, независимо от их национальной принадлежности, даже немками и еврейками. Преподает гимнастику и дзюдо. Одновременно ведает экипировкой курсантов школы.

«Джонни Муоллер» (он же Антон Алексеевский, он же Аркадий Голубев, он же А. Голуб) — русский, 37 лет. Среднего роста, плечистый, плотный. Лицо круглое. Брюнет. Волосы густые, длинные, зачесаны назад. Глаза карие, нос прямой. Усы коротко подстрижены. По-немецки и по-английски говорит слабо. Движения энергичные. Немного рисует, хотя и дальтоник. Пишет стихи. Откликается на кличку «Лирик». Работает специалистом по русскому быту, преподает взрывное дело и радиотехнику.

«Вано» (Кошелев Иван Васильевич) — русский, 32 лет, бывший офицер авиации. Был в немецком плену, служил в РОА в разведуправлении. С 1945 года на службе в американской армии, был офицером связи в Иране. Тогда же завербован ЦРУ. Высокий, худой. Решительный. Нос перебит. Волосы русые, жидкие, зачесаны на пробор. Три передних зуба с золотыми коронками. Словоохотлив. Пьет. В пьяном виде буянит. Холост. Преподает парашютное дело и владение холодным оружием. Развратник, рассказывает о своих амурных похождениях. Форму не носит. Немецким и английским владеет слабо.

Иокогама (Япония):

Майк Огден (настоящее имя) — майор американской армии, 35 лет. Среднего роста, худощав, волосы светлые, зачесаны назад. Лицо продолговатое. Ровные белые зубы. Хороший музыкант: играет на фортепиано, домре, гитаре и трубе. Спиртное почти не употребляет. Имеет слабость к женскому полу, увлекся киноактрисой-японкой, проживающей в Токио. Холост. Русский знает хорошо, СССР — плохо.

«Сал» — капитан американской армии, 36 лет. Высокого роста, полный, светло-русый. Женат. Частый гость публичных домов. Русским не владеет совсем. Лучший радист резидентуры.

«Джарвис» — американец, 50 лет. Среднего роста, худощавый, подвижный, волосы редкие, с проседью. Не пьет. Носит очки. Раньше был сотрудником американского консульства в Иране (Тегеран).

«Фил» — большой военный чин, не ниже полковника. Возможно, резидент американской разведки в Японии. 40 лет. Высокий, полный. Хорошо владеет японским и русским языками. Постоянно живет в Токио. В Иокогаме — наездами, главным образом непосредственно перед заброской группы на территорию СССР.

Тони (настоящее имя) — американец испанского происхождения, 26—28 лет, полный, мускулистый. Волосы и глаза темные, брови широкие. Среднего роста. Носит очки, курит трубку. Холост, невеста живет в Вашингтоне. В прошлом учился в Калифорнийском университете. Хорошо знает испанский и английский языки, немного русский.

«Билл» — лейтенант американской армии, 28—30 лет. Низкого роста, худощавый, русский. Из-за сильной близорукости носит мощные очки в круглой золотой оправе. Курносый. Во время войны был в Японии и Южной Корее. Немного знает русский, хорошо — японский.

«Том» — 30 лет, высокий, худощавый, светло-русый. Прямой большой нос. Носит военную форму без знаков различия. Хорошо владеет английским и русским языками, немного японским. Имеет конспиративную квартиру в Саппоро.

«Стив» (он же Стивенсон, он же Джим Пеллер, он же Рональд Отто Болленбах) — 1920 года рождения, уроженец штата Оклахома. Несколько лет проработал в Иране под «крышей» корреспондента американской газеты. Ув-

лекается фотографией. Объездил много стран. Высокий, худой, стройный. Ходит наклонив вперед голову. Блондин, волосы пышные, боковой пробор, лицо бритое, продолговатое, глаза серые, нос большой. Флегматичен. В разговоре медлителен. Смеется глухо, отрывисто, словно кашляет. Хорошо говорит по-немецки. Заместитель «Андрея» (Ридлера) по разведшколе в Бадвергсгофене. В Иокогаме руководит «доводкой» агентов, подготовленных в ФРГ. Осуществляет их практическую заброску на территорию СССР.

А В Т О Р:

С у д ь б а (эпизод из беседы). Более всего меня интересовала не «захватывающая дух» детективная сторона деятельности Гордона Лонгсдейла, а его психология, быт, работа, отношения с окружающими людьми. И вот однажды я задал простой, как мне казалось, вопрос: «Конон Трофимович, у вас там были друзья?» — «В каком смысле? Помощники?» — «Нет, — сказал я, — именно друзья, причем иностранцы, в обществе которых вы могли бы расслабиться, забыть, кто вы есть, и позволить себе отдохнуть душой?» (Замечу в скобках, что наши беседы не обязательно строились на вопросах, заранее мною сформулированных, и, стало быть, на ответах, заранее Лонгсдейлом подготовленных, что вообще-то было и разумно, и плодотворно; нам была позволена импровизация, правда, под контролем неизменно вежливого Ведущего, который, как расшалившимся детям, мог нам сказать: «Куда-куда, дорогие мои!» — и погрозить пальцем; все вокруг мило улыбались, так что обид с моей стороны, как и недовольства со стороны Конона Трофимовича, не было.) На сей раз я и спросил о том, что не успел вставить в «вопросник», порциями посылаемый Ведущему для передачи моему герою.

Чуть смутившись, Лонгсдейл переглянулся с шефом, тот подумал и благосклонно кивнул головой. Конон Трофимович начал было: «В Лондоне я искренне, по-сыновьи, привязался к одной пожилой чете...» — но тут его остановил Ведущий, всего лишь приподняв над столом ладонь: «Может, лучше начать не с Ключе, а, например, с канадского деятеля — для более точного фона? А?» Лонгсдейл понимающе улыбнулся и сказал:

«Ну что ж, пусть будет так. По дороге из Парижа в Лондон я встретил в Кале небольшую канадскую проф-

союзную делегацию, направлявшуюся на съезд тред-юнионов. Они затащили меня, пока не было пароходика, в бар; я заплатил за один круг, потом каждый из них за свои круги — так у них принято пить пиво. Впрочем, не «у них», а «у нас», поскольку я ведь тоже «канадец». Я, конечно, на ходу сочинил цифры. Беседуем дальше, и он употребляет несколько специфических выражений типа «американская политика канонерок», «выкручивание рук по-вашингтонски», «наведение против России мостов», что свидетельствует о его левых настроениях или, по крайней мере, о том, что он читает левую прессу. «Ты что,— говорю,— занимаешься политикой?» Он гордо отвечает: «Да, я коммунист!» Наконец-то, думаю, мне встретился истинно порядочный человек, однако номер телефона я все же исправлять не стал...» — «Вот так-то!» — добавил Ведущий, а затем на этом «точном фоне» прозвучал следующий рассказ Лонгсдейла:

«Как я уже сказал, мне посчастливилось подружиться в Лондоне с пожилой четой, немцами по происхождению; их фамилия Ключе, фамилию в вашей повести пока упоминать не стоит, напишите просто «К», — у нас у всех душа болит, когда мы вспоминаем о них... Старики жили в пригороде Лондона на собственной и очаровательной вилле. Я бывал у них обычно в праздники, например, в сочельник, а иногда проводил с ними уик-энд. В эти блаженные часы голова моя совершенно освобождалась от рабочих и тягостных мыслей, а сам я — от напряжения. Не будь у меня милых Ключе, я, наверное, много тяжелее переносил бы стрессы и перегрузки. Одно угнетает меня сегодня... — Лонгсдейл сделал паузу, вновь посмотрел на Ведущего, и тот, подумав, благосклонно опустил веки. — Меня и всех нас угнетает, — продолжил Конон Трофимович, — их нынешнее положение. Дело в том, что однажды, попав в сложную ситуацию, я был вынужден немедленно и надежно спрятать отработанный код. Не уничтожить его, а именно спрятать. Я не придумал ничего иного, как заложить его в ножку торшера, только что купленного мною в подарок мадам Ключе в честь ее семидесятилетия. А когда через неделю меня арестовали, я уже не имел возможности вынуть код из подарка. Между тем о моей привязанности к старикам Ключе «они», вероятно, знали и во время обыска на вилле обнаружили в торшере злополучный код. Ни я, ни все мы уже ничего не могли сделать для моих бедных друзей, хотя я и доказывал всеми

силами их абсолютную непричастность к моим делам. Их все же провели по уголовному делу как соучастников и приговорили каждого к семнадцати годам тюрьмы! До сих пор казню себя за неосторожность, приведшую к столь трагическим последствиям, и успокою свою совесть лишь после того, как невинные старики досрочно окажутся на свободе».

Лонгсдейл умолк, больше мы о Ключе ни разу не говорили, однако печальная их история имеет продолжение. Когда Конона Трофимовича уже не было в живых (он умер через полгода после нашей последней встречи, в возрасте сорока шести лет, в подмосковном лесу, где с женой и дочерью собирал грибы: нагнулся и тут же умер от обширного инфаркта, разорвавшего сердце), я случайно узнал из газет, что молодого английского учителя, осужденного у нас за шпионаж в пользу Англии, обменяли на стариков Ключе, которые признались на суде в том, что были радистами сэра Лонгсдейла весь период его деятельности в Великобритании.

Но это еще не все, круг еще не замкнулся.

В самолете, которым возвращался домой благополучно обмененный на Ключе учитель-шпион, по странному стечению обстоятельств летел командированный в Лондон журналом «Юность» писатель Анатолий Кузнецов. Он попросил в Англии политическое убежище, превратился в «Анатоля» и напечатал «открытое письмо» своим бывшим коллегам-писателям, в котором был изложен такой факт. Сходя в лондонском аэропорту с самолета, Кузнецов увидел вдруг, что к его трапу несется большая группа журналистов с кинокамерами и протянутыми вперед микрофонами. Он похолодел от испуга, решив, что они к нему, хотя о том, что он станет невозвращенцем, Кузнецов даже сам себе боялся признаться раньше времени. Однако, когда он понял, что все взоры, камеры, микрофоны и интерес направлены мимо него — к английскому учителю, об истории которого он вообще ничего не знал, взяло ретивое, и он неосторожно сказал какому-то журналисту, придерживав его за полу пиджака: «Меня, меня фотографируйте! Будете первым! Потом хватитесь, ан поздно!»

Теперь круг замкнулся.

Работа. Поощрения у разведчиков примерно такие же, как у всех советских служащих, — благодарности с занесением в трудовую книжку, грамоты, денежные пре-

мии, ценные подарки, ордена и плюс то, что нам, обыкновенным совслужащим, можно сказать, не снилось: именное оружие, которое, правда, пряталось в бездонный сейф «Пятого». А иногда разведчику сообщали по радио (как замирало его сердце, когда он ночью расшифровывал текст!), что сам Председатель знает, какое он выполняет задание, чем занимается, и его благодарит — выше этой похвалы ничего не было. Однако было и такое, что разведчикам тоже «не снилось»: о них не писали в открытой печати, их имен и фамилий, в отличие от космонавтов и тружеников полей, не знал народ, они «проходили» как «безымянные герои», их иногда даже хоронили под чужими фамилиями. Это про них в пролетарском марше: «Вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...»

А воздавалось им по заслугам на сверхсекретных совещаниях, и то не всегда и не всем, и еще, бывало, в надгробных речах, если они легально уходили в «вечные нелегалы» — туда, откуда обменов нет. Говоря обо всем об этом, положим, мне, они не жаловались, а констатировали факт. «Мне очень хотелось бы, — написал в своей автобиографии полковник А., — чтобы наша молодежь воспитывала в себе высокое чувство собственного достоинства, патриотизма и безграничной веры в правоту того дела, за которое боролись их отцы». А Конона Трофимовича, кстати сказать, во всей этой «закрытости» трогало за живое только одно: дети разведчиков не могли прилюдно гордиться своими отцами. Остальное, сказал он, поверьте, — трава!

Продвигаясь по службе, Лонгсдейл фактически стоял на месте, или, если угодно, стоя на месте, он фактически регулярно получал повышения; все зависело от того, что полагать его «службой» — работу в качестве разведчика или владение сначала одной, а потом и четырьмя фирмами да еще многомиллионным капиталом. Три последних года он имел звание полковника. Форму не надевал никогда в жизни. В сейфе у «Пятого» лежали его боевые ордена. «Я имею право называть их «боевыми»?» — обратился он к Ведущему с легкой усмешкой, и тот молча и серьезно опустил верхние веки: да. Конон Трофимович однажды сказал мне: «Когда я умру, ордена не понесут за мной на подушечках — знаете, почему? Потому, что я такой же «полковник» и «орденоносец», каким «поручиком» был небезызвестный Киж: я есть, но в то же время меня — нет!»

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

Пр о в а л. Самоконтроль у разведчика должен быть все двадцать четыре часа в сутки. Особенно, если живешь в отеле. Я, например, никак не мог привыкнуть мыться «по-английски», я бы даже сказал, пусть англичане на меня не обижаются, а бог меня простит, по-свински, когда пробкой затыкают в раковине слив, наливают воду и плещутся в ней, будто поросята в корыте. Мы, русские, с точки зрения иностранцев, вероятно, слишком щедро, а потому глупо моемся под струей из крана! Но я всегда держал себя под таким контролем, что, даже живя в номере один, заперал все двери, проверял запоры, чтобы, не дай бог, не заглянул случайно служитель гостиницы или посторонний, и лишь тогда пускал со всей российской щедростью роскошную струю и наслаждался.

Р а б о т а. Для получения или передачи сведений резидент, как правило, встречается со своим помощником. Встречи мы делим на очередные (плановые) и экстренные. Встречаться с агентом запросто можно на улице, в кафе, в музее и так далее. И так же просто передавать ему или что-то получать от него. Я уже говорил об этом, не грех повторить: истинная драматургия нашей работы заключена не в таинственной атрибутике, а в чрезвычайно опасной сути всей нашей деятельности за границей, поскольку все мы знаем, что, если провал, пощады нам не будет. Когда ночью, во сне, кто-нибудь обращался ко мне по-русски, я просыпался в холодном поту — это ли не драматургия? Когда же я выходил на связь со своим помощником, то вел себя в его обществе просто и естественно, как только и могут вести самые обыкновенные и нормальные люди. Кажется, Фучику принадлежат слова, которые можно отнести и к людям моей профессии: «Герои пролетариата просты и обычны. Их героизм заключается лишь в том, что они делают все, что нужно делать в решительный момент».

Б ы т. Отпуск я получал, как все английские служащие: на две недели. Но проводил это время не «просто так», а ездил домой, к семье. Да-да, в Москву, что вы на меня смотрите круглыми глазами? Дело, конечно, не простое, но Центр на это шел, прекрасно понимая, что «чувство Родины», «чувство семьи» надо постоянно поддерживать у разведчика — он не может и не должен расставаться с этим чувством надолго. Как Антею, и ему надо было время

от времени прикасаться к источнику своей силы — к родной земле. Скажите: я, будучи миллионером, мог позволить себе на собственной морской яхте «Альбатрос» уйти на пару недель в море с хорошим матросом, который, как вам нетрудно догадаться, был моим верным помощником? Где-то в нейтральных водах я мог пересечь на «попутную» подводную лодку, не имеющую опознавательных знаков? Мог через двое суток вынырнуть (в прямом смысле этого слова) где-то возле Одессы или Ленинграда? И надеюсь, вы не станете отрицать, что оттуда до площади Восстания в Москве рукой подать? И вот я — дома. Не узнаю жену, потому что она перекрасилась, да так, что вся Москва становится рыжей. Мои домашние уверены, что я приезжаю скорым «Россия» прямо из Пекина, а через десять дней обратно в Пекин полечу прямым рейсом на Ил-18 с тремя посадками: в Свердловске, Чите и Хабаровске.

Впрочем, бывали у меня ситуации посложнее. Несколько раз дела фирмы буквально выталкивали меня, как человека предприимчивого, в составе британской торговой делегации на переговоры в Москву. Ночью я позволял себе выйти на полчаса из «Метрополя» и погулять по городу, подойти к своему дому, поглядеть на него, облизываясь, и вдруг схватиться рукой за сердце, когда вспыхивал свет в детской комнате: это Галя высаживала на горшок нашего маленького, названного в честь деда Трофимом и родившегося в мое отсутствие. Только вы не подумайте, что Центр столь всемогущ, что может обеспечить нашим женам непорочное зачатие; потом, когда я вновь побывал дома, Трошка в честь моего приезда «из Пкина» пошел!.. При моей профессии и жена моя — одиночка, и дети — одиночки. Вот и сейчас: она сажает Трофима на горшок, а я снизу смотрю голодными глазами на светящееся окно в «детской» и профессиональным чутьем угадываю — такое вовсе не исключено, давайте будем реалистами — еще одну пару глаз, за мной следящую: они хоть и «свои», эти глаза, но при этом «чужие», и я понимаю, сколько хлопот может доставить владельцу глаз этот странный и непоседливый член торговой делегации.

К а ч е с т в а. Одно дело, если удастся вдруг завербовать известного спортсмена (впрочем, к какой секретной информации по своей профессии он может иметь доступ: к технике прыжка в высоту или к «защите Нимцовича-

Тарраша»?), и другое дело, если сам разведчик неплохой спортсмен. Как ему быть? Дать волю таланту? Я, например, играл в шахматы — средне по нашим масштабам, но очень даже прилично по тогдашним английским. Чесал всех коллег-бизнесменов, и это могло кому-нибудь показаться подозрительным: почему я не играю в клубе и не участвую в соревнованиях? А мне «высовываться» нельзя — разве кому-нибудь объяснишь? Тогда, скрепя сердце, поубавил прыти, стал, как все, «зевать» пешки, хотя душа бунтовала. В конечном итоге перешел от греха подальше на японские шахматы (типа нард), играл с одним японцем-миллионером, обыграл его — он чуть не сделал себе харикири. Есть среди нас, разведчиков, несостоявшиеся теннисисты, хирурги, певцы, танцоры, математики, пианисты, даже один боксер, потенциальный чемпион мира, но не все могут, как литераторы, под псевдонимами реализовывать свои способности. В общем, все это довольно трагично, если учесть, что человек живет не две жизни, а одну, и такую короткую.

Р а б о т а. Когда помощник первый раз несет документ шефу, он очень волнуется, ведь на оригинале стоит штамп: «Сов. секретно», «По списку», «Только офицерам», «Ручкой офицера» и т. д. (я имею в виду, например, сведения военного характера, полученные от агентов, работающих в военных ведомствах). Как они, бедные, трясутся, желая получить оригинал обратно! А шеф, всю ночь переснимая документ на пленку, думает об агенте: черт бы тебя побрал с твоими «секретами»! Возвращение оригинала, как и получение его, осуществляется при личной встрече; идеальный же вариант, когда помощник передает шефу уже готовую микропленку.

П с и х о л о г и я. Цель оправдывает средства — можно подумать, что это главный принцип разведки. Мне он пре-тил, как, к слову сказать, и бизнес, которым я занимался: никак не мог привыкнуть к тому, что подлость во имя денег — норма, что если ты нарушил закон — ты дурак и преступник, а если закон обошел — умный и порядочный человек. Однако, к сожалению, с волками жить... как инфекция, клянусь вам, ничего не стоит заразиться. Чужой стиль жизни в конечном итоге иными принимается не как вынужденная необходимость, а как необходимость приятная. Я тоже чувствовал, что меняюсь, начинаю «заболе-вать», и если бы не провал, а потом сидение в тюрьме и

обмен, не знаю, в кого бы я выродился, несмотря на мою чистую, надеюсь думать, основу, несмотря на мое ясное и четкое мировоззрение. И все же я горжусь хотя бы тем, что подкуп и шантаж, как и прочие аналогичные средства, якобы оправданные святой целью, мною или вовсе не применялись, а если и бывали редкие случаи, то — с отвращением: руки делали, душа протестовала.

Провал. Впервые оказавшись в Ванкувере, я через какое-то время познакомился с милой семей: он, она и девятнадцатилетняя дочь — коренные канадцы, если к канадцам вообще применимо понятие «коренные». Мои знакомые были простыми людьми и добрыми. Как-то утром девушка забежала ко мне (мы соседствовали домами), а я после ночного сеанса связи с Центром еще нежился в постели и только думал: сейчас встану, приготовлю себе яичницу с беконом, чашечку кофе, и тут — она. Будучи человеком весьма раскованным, девушка запросто присела на мою кровать. Я говорил вам, что моя мать — врач? С детства она прививала мне такое же возвышенное отношение к чистоте и гигиене, как в набожных семьях, наверное, к Библии. И я сказал девушке: как ты можешь прямо с улицы, в том же платье, садиться на чужую постель?! По легенде я был в ту пору «потомственным лесорубом». Она посмотрела на меня с большим интересом и с подозрением сказала: «Забавный ты «лесоруб»!» Я тут же прикусил язык. И на всю жизнь понял, что легенда и поведение разведчика должны быть из одной оперы, иначе — провал.

Судьба. Удача сопутствует сильному, а не слабому, смелому, а не трусу, в нашем деле — знающему разведчику, умеющему использовать все возможности, которые предоставляются ему случаем. Это старый закон и не только в разведке — в спорте, искусстве, короче, в жизни. Со мной в камере одно время сидел весьма сообразительный молодой человек с интересной историей. Когда-то он решил стать тюремщиком — хорошенькая мечта, правда? — и, представьте себе, устроился! И вот в тюрьме, где он работал, ему вдруг оказался по душе какой-то бродяга, и он, недолго думая, помог ему бежать. Всего сутки или двое гулял тот на свободе, а когда его поймали, он, тоже недолго думая, заложил своего спасителя. Так молодой человек оказался со мной в одной камере. Вы полагаете, он случайно «загрелся»? Нет! Случайно можно наехать

на гвоздь, но в багажнике должна быть запаска. Кстати, двенадцать лет я не нарывался на гвозди, а нарвался, запаски-то и не оказалось у меня: поэтому и я поселился в одной камере с этим странным мечтателем. По натуре он был шkodливый. Еще в счастливую свою пору тюремщика, тщательно изучив сигнализацию в тюрьме, он давал иногда ложные тревоги или в случае побега заключенного путал карты своим коллегам, указывая неверное направление, в котором якобы тот бежал, и вся орава неслась по невидимым следам за невидимым человеком. Зачем он это делал? Из любви к «искусству». В камере он вдруг решил писать мемуары и, хотя нам давали нормальные чернила в любых количествах, попросил меня, как «бывалого», сделать ему невидимые. Я сказал: «Хорошо, для начала не сливай горшок». — «Что-о-о? — Он не поверил: — И будут невидимые?!» — «Добавь немного соли». Короче, сделал ему чернила. Неделью спустя его от меня переводят, а за мной усиливают наблюдение. Что случилось? Оказывается, он написал моими чернилами письмо в Скотланд-Ярд, будто готовит вместе со мной побег! Больше я никогда не видел этого забавного человека.

Р а б о т а. Для получения в Канаде паспорта, даже при наличии хорошо отработанной легенды и метрик, замечательно изготовленных нашими умельцами, нужен еще «гарант» — человек, подпись которого имеется в мэрии и который может официально заявить, что хорошо знает соискателя не менее двух последних лет. Обычно гарантами выступают уважаемые в городе люди: врачи, бизнесмены, адвокаты, хоккеисты, — ну а как мне заполучить гаранта? Центр предложил однажды испытанный ход: еще в Москве мне высверливают в зубах несколько дырок (процедура, прямо скажу, не из приятных, один бормашинный звук чего стоит!), и вот я в Ванкувере. Начинаю, как и положено разведчику, с изучения обстановки, города, его достопримечательностей, горожан, историй — во-первых, в надежде «легендировать» что-нибудь из увиденного или узнанного, то есть органично включить в мою легенду, и, во-вторых, на случай, если потребуется срочно уходить. Разумеется, изучаю не только по энциклопедии, фотографиям, картам и телефонным справочникам, а еще собственными ногами и в личном общении. Вот так и «выхожу» на доктора Вайсмана — превосходного стоматолога, обаятельного старика и «знающего человека», если

переводить его фамилию на русский язык, не помните: «Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен?», затем предъявляю ему свои «московские» дырки. В итоге: кто из нас более «знающий человек», если на третьей пломбе Вайсман становится моим гарантом, и я получаю настоящий канадский паспорт!

Психология. Иногда, страстно желая попасть хоть на сутки домой, мы придумывали нечто, из-за чего Центр вынужден вызывать нас в Москву, и мы, конечно, летим на всех парусах, рискуя получить от «Первого» нахлобучку. Впрочем, степень доверия Центра разведчику полная и взаимная. Разведчик не может не доверять и не верить своему руководству: психологически и морально это важнее, чем доверие между супругами, без которого «нет жизни». И если, положим, «Первый», провожая разведчика за кордон, обещает ему «в случае чего» похоронить его дома, тот может не сомневаться: как ни трудно, гроб с телом перекочет на Родину и ляжет в землю где-то на Введенском или Ваганьковском кладбище. Но если у Центра появляется крохотное сомнение относительно поведения разведчика, он тут же и «без обид» проверяет его всеми доступными способами и может отозвать домой; но отзывает Центр по-умному, так, чтобы разведчик не заметил, что его подозревают, — на какое-нибудь важное совещание, и не одного, а несколько человек из разных стран, или для вручения награды. Подполковника Х., который был помощником нашего резидента в Америке, как вам известно, отзывали грубо...

Быт. Не помню кто, кажется, Сократ (или Сенека?), на вопрос молодого мужчины, обратившегося к мудрецу за советом, жениться ему или не жениться, ответил: «Как бы вы ни поступили, юноша, вы об этом горько пожалеете!» Моя точка зрения на «женскую проблему» в чем-то схожа: и без женщины разведчику никак нельзя, и с нею тоже невозможно! Один мой коллега, намучившись, поступил так. Во Францию из Англии приезжали по обмену на языковую практику молодые женщины, чаще всего студентки, — это называется, если не ошибаюсь, «опэр» (на пару). Они были, как правило, из обеспеченных семей, а во Франции устраивались на работу в качестве гувернанток, официанток или секретарш в офис. Главное их достоинство, с точки зрения моего коллеги, заключалось в том, что пребывание их в стране ограничивалось трехме-

сячным сроком. С этими молодыми и прекрасными дамами он и появлялся на людях, очень скоро заработав почтенно звучащее в его кругу звание ловеласа, которое ни у кого не вызывало и не могло вызвать подозрений на его счет. Через три месяца: гуд бай, май дия гёл! Адью, сэр! И на память о замечательно проведенном времени невинный презент: то ли шубка, то ли колечко... Возможно, все это выглядит, с точки зрения пуритан, не очень нравственно, а что делать? Избранный моим коллегой вариант, право, наименее травматичен для всех «сторон»: прежде всего для молодой леди, которая за три пролетевших месяца не успевала привыкнуть к «сэру», стало быть, и для Центра, который мог быть спокоен за тайны, находящиеся в прямой зависимости от прочности отношений, и, наконец, для разведчика и его совести, поскольку отношения эти были добрыми, не строились на обмане или авансах, а были премилой «игрой», на которую охотно шли его партнерши и о которой он мог потом дома с улыбкой рассказать родной жене, хотя я не уверен, что жена с улыбкой воспринимала его рассказ... Конечно, бывали случаи, когда разведчик имел разрешение Центра на брак с иностранкой, женился, рожал детей и жил счастливой жизнью, но это было позволено только холостякам, кроме того, жена становилась тогда помощницей разведчика, утвержденной Центром и прошедшей перед утверждением все необходимые формальности.

Работа. Если агент болен или даже при смерти, он все равно приползет на плановую встречу с резидентом, так как знает: в противном случае шеф объявит общую тревогу, смысл которой в консервации всей деятельности резидентуры и в уходе в глубокое подполье, что связано с весьма сложными мерами и бывает только в ситуациях чрезвычайных. Резидент иногда может позвонить помощнику напрямую из уличного автомата, когда это необходимо, но агенты телефона шефа не знают, поэтому и не могут предупредить о неявке: надо — ползи! Если агент ведет себя странно (например, после встречи с шефом какое-то время вдруг идет за ним), его немедленно начинают перепроверять, и, пока Центр занят этим, деятельность резидентуры замирает. Одним из способов перепроверки (далеко не единственным) может быть такой: агента срочно просят достать секретный документ, заполучить который он наверняка может, но который уже есть в Цент-

ре, о чем агент, естественно, не знает, и сверка двух документов «открывает глаза» на агента — чист он или уже перевербован? Впрочем, контрразведка тоже не лыком шита и кое в чем разбирается и, чтобы не провалить своего (бывшего «моего») агента, может дать ему для передачи шефу не «липу», а истинный документ в надежде продлить игру в кошки-мышки. Стало быть, одним каким-нибудь способом перепроверка не делается: для того чтобы исключить сомнения, которые в нашем деле — яд, Центр идет на «перекрестный вариант», о технологии которого говорить нет смысла, скажем, потому, что вам может быть скучно, начнете зевать.

Каждый раз, уходя после плановой встречи, резидент проверяется: следят за ним или нет, не мелькнет ли где-нибудь короткая вспышка блица (нынче, правда, уже без вспышек прекрасно фотографируют даже в темноте); опытный разведчик затылком чувствует слежку, у него чутье, как у собаки, но не идущей по следу, а, наоборот, за которой гонятся. «Ликвидация агента» — пошлый стереотип, навешанный обывателю детективами. Лишать человека жизни, даже если есть уверенность, что его перевербовали, не только нельзя, особенно в мирное время, да и не нужно. Какой смысл? Месть? Всего-то? Уверю вас, низкое это дело и к реальности отношения не имеющее. «Своего» агента (я имею в виду перевербованного) наказывать, конечно, можно, но и без ликвидации вариантов достаточно, но иностранца, который работал, а потом, предположим, «одумался», — зачем? Лучше уйти, тихо свернув деятельность резидентуры, или сделать вид, что перевербовка не распознана, и работать дальше, ведя на этом новую «игру». Правда, если контрразведка тоже начнет «игру» на нашей «игре», разобраться, кто в такой ситуации волки, а кто зайцы, нелегко, как кому-нибудь может сгоряча показаться!

П с и х о л о г и я. Когда идет сложная операция, хирурги, говорят, теряют килограммы. И хоккеисты теряют, и бегуны на длинные дистанции, и актеры за спектакль... У нас тоже потери, но не в килограммах, а чаще душевные, психологические. Делаешь дело и внутренним взором видишь тонко очерченный меловой круг, переступать который по чисто нравственным причинам нельзя и не переступать — тоже нельзя! А вот как показать в кинофильме эту меловую черточку? Куда проще: бам-трах, та-та-та-та!

После войны я больше ни разу не стрелял, не бил ножом, не бегал ни от кого и ни за кем, не скрежетали тормоза моей машины на крутых виражах, не приходилось мне ходить по карнизу на высоте тринадцатого этажа или прыгать на полном ходу с поезда, а неисправимые кинодеятели упорно «жалеют» романтики и погонь! У нас же, пока не арестуют, пока не наденут наручники — какая «романтика»? Весь период моего пребывания за границей, кроме бритвы (безопасной!), другого оружия у меня не было. Ни пистолетов, ни ядов, ни каких-то невероятных приемов дзюдо или каратэ, а самое главное — никакой во всем этом надобности!

В з г л я д. Вот ситуация. Там все платят чеками, которые учитываются банками. Чековая система для контроля, поскольку банк, открывая бизнесмену счет, как бы контролирует (то есть дает возможность налоговым организациям проверять) все финансовые операции вкладчиков. Но иногда клиенты по каким-то «своим» причинам платят за покупку наличными, и вот тут-то и появляется возможность для разного рода комбинаций. Например, я, будучи полновластным хозяином фирмы, могу взять сам у себя через подставное лицо партию автоматов (положим, полсотни штук), а затем через то же лицо продать их за наличные деньги, которые банком не учитываются и не подлежат налогообложению. Покупателю я, разумеется, дам скидку, но это все же выгодней, чем платить с прибыли налог. Я внятно объяснил? В данной операции я действую как «чистый» бизнесмен, естественно стремящийся любыми способами обойти банк и на этом заработать. Но ведь лично я не просто бизнесмен, а еще разведчик. Мое положение много сложнее, поскольку я нахожусь как бы под двойным «гнетом»: со стороны банка и финансовых ведомств Англии и, кроме того, со стороны бухгалтерии собственного родного Центра. Всю документацию мои клерки вели в двух экземплярах: один за моей подписью получали правительственные учреждения, а второй я тоже за своей подписью, но с переводом на микро пленку, направлял в Центр. В одном месте по этой документации определялась сумма налога, и я был заинтересован в «плохом» отчете, чтобы уменьшить налог, а в другом месте судили о качестве моей работы, и тут я хотел отчитаться как можно лучше, чтобы не сказали: какой же ты бизнесмен, если даешь мало прибыли, улицы тебе подметать, а не

владеть фирмами! Так вот, заверяю вас: если налоговое управление Англии я еще мог с большим трудом, но все же обдурить, то своего «министра финансов» — фигушки, извините, с маслом!

Л е г е н д а. Рассказывая кому-нибудь о своем «сиротстве» и о том, как утонули мои бедные папа и мама, я совершенно искренне думал, на кого вы меня, несчастного, бросили! И «непрощеная» слеза выкатывалась из моего глаза.

П с и х о л о г и я. Считаю, что ни один человек не мыслит на иностранном языке, как бы совершенно им не владел, а на родном и тут же сам себе переводит. Больше того, мне кажется, что люди вообще мыслят не словами, а образами: видят внутренним взором какой-нибудь стол и лишь тогда называют его «столом» или вообще не формулируют, а просто знают, что это стол. Ошибочное мнение? Возможно. Другой бы спорил... Приехав домой после обмена, я первое время говорил по-английски: не мог привыкнуть к безопасности. А потом, когда перешел на родной язык, в моей речи невольно проскакивали английские слова и обороты, и я очень пугался: получалась какая-то невероятно сложная в психологическом отношении «конспирация наоборот»! Великая Отечественная длилась долгих четыре года, столько же я просидел в тюрьме в ожидании обмена, не очень-то на него надеясь. Четыре года, и ни слова по-русски, потому что официально меня принимали за поляка, хотя прекрасно знали, кто я на самом деле, но формальных доказательств у них не было. Поэтому я, «проходя» как польский разведчик, и обменивался через социалистическую Польшу: английского бизнесмена-шпиона Гревилла Винна наши отдали полякам, а уже те меняли его на «своего» разведчика, то есть на меня. Между прочим, полковника А. тоже меняли через ГДР.

О д н а ж д ы. Мне передали отлично сделанный паспорт, и я отправился за билетом на самолет, чтобы лететь из Англии в другую страну под другой фамилией; так было нужно. Иду совершенно спокойно, так как документ воистину безупречный. Но кто может заранее сказать, где и какая опасность подстерегает разведчика? Скажу несколько слов, чтобы дальнейшее было понятно: авиакассы во всех странах мира — единственное место, где спрашивают фамилию будущего пассажира и сверяют его физио-

номию с фотографией на документе. Итак, я подхожу к кассиру-таможеннику, протягиваю ему паспорт и деньги за билет и — молчу! Представьте себе, забыл фамилию, которая значится на сделанном документе! А паспорт-то не у меня, подсмотреть невозможно... Ситуация... Что делать? Он ждет. Я молчу. У меня уже начинает болеть копчик. Наконец, помолчав еще немного... — а что бы вы предприняли? Ну, подумайте!.. — спокойно ему говорю: фамилию поставьте ту, которая в паспорте. Он ошалело посмотрел на меня, а потом так смеялся, будто его щекотали.

Бы т. Зарплату я получал в соответствии со своим званием и должностью; фактически ее получала жена, причем во Внешторге, за которым я для нее значился. Мне же давали так называемое «валютное обеспечение», присылая его с курьером. Как вы понимаете, это «обеспечение» с лихвой покрывалось доходами фирм, и я, таким образом, не был Центру в убыток. Что же касается «фирменных» заработков, то они были, по сути дела, не мои. А к прибыли я и вовсе не имел никакого отношения. Личные траты позволялись мне только для прикрытия и никогда для удовольствия. Все, что я тратил «на себя», затем шло в финансовый отчет Центру, и, если там полагали траты лишними, их элементарно вычитали из моего заработка. Даже на такой рискованной работе нам не разрешали отождествлять карман собственный с государственным. Напомню: весь оборотный капитал и прибыль моих четырех фирм (миллионы фунтов стерлингов!), умножаемые каждый год не без моей помощи, были «социалистическим имуществом». Парадоксально, но факт.

Расходы из «валютного обеспечения» тоже согласовывались мною по сумме с Центром. Агенту-министру я платил иначе, чем агенту-клерку — это понятно. Впрочем, не только от должности помощников зависели мои траты, а в первую очередь от ценности поставляемой ими информации. Кроме того, я всегда боялся, как бы «озолоченный» мною агент не спился, да и денег, откровенно говоря, было жалко. Поэтому, передавая помощнику сумму, предположим, на покупку автомашины, я часть ее временно удерживал, говоря: вот вам столько-то от договоренного, остальное потом, а машину покупайте в рассрочку! — ни физически, ни морально не мог доставить агенту, мною завербованному, такого удовольствия, чтобы он сел за руль

собственной машины, полностью выкупленной! Тут во мне, вероятно, поднималось и клекотало классовое сознание.

Если я узнавал, что агент мой по натуре игрок, к тому же азартный, я во избежание его перекупки немедленно начинал процесс «принижения», а лучше сказать, перевоспитания. Если не получалось, дело заканчивалось «золотым рукопожатием»: с глаз долой, из сердца вон — снимал с довольствия.

АВТОР:

С ю ж е т. Уточняя предложенную мне Ведущим сюжетную схему повести о Лонгсдейле, я узнал такую любопытную историю. В начале войны семнадцатилетний Конон Молодой был определен в диверсионную группу. Немецкий он знал, а парашютному и взрывному делу его научили за полторы недели. Осенью сорок первого года он уже закапывал парашют в землю где-то недалеко от города Гродно. Во время прыжка группа рассеялась и собраться не смогла. Оставшись один, Конон, ничего не успев взорвать, попал в облаву и, как личность подозрительная, был доставлен в городскую комендатуру. Аусвайс, наскоро сделанный на втором этаже знаменитого здания на Маросейке, где формировались «летучие» диверсионные группы, был столь откровенно липовым, что юноша понимал: это конец. Но случилось невероятное.

Его ввели в кабинет, в котором под портретом фюрера за огромным столом сидел в массивном кресле немецкий полковник-абверовец и поглаживал овчарку, коротким поводком привязанную к ручке кресла. При появлении арестованного полковник встал, бросил короткий взгляд на аусвайс (хорошо еще, что на удостоверении была фотография именно Конона Молодого, а не кого-то другого, что в спешке было возможно) и сказал: «Партизан?» Конон мотнул головой, как ученик в классе: «Не!» Он был в рваном ватнике и мям в руках шапку. Полковник очень внимательно посмотрел на юношу, будто желая запомнить на всю жизнь (этот невинный домысел я делаю, исходя из того, что мне известно о дальнейших событиях). Затем встал, подошел близко к Конону, взял его рукой за плечо, вывел на высокое крыльцо комендатуры, повернул к себе спиной и тяжелым кованым сапогом дал парню в зад, после чего брезгливо кинул упавшему его липовый документ и, круто повернувшись, ушел. Жизнь Конона Мо-

лодыя была неожиданно спасена, правда, ценой сломанного копчика, который часто болел, даже в тот день, наверное, когда Конон Трофимович, гуляя с женой в подмосковном лесу, нагнулся за последним в своей жизни грибом.

Сюжет, однако, на этом не кончается — это всего лишь его начало. Много лет спустя, уже после войны, превратившись в Гордона Лонгсдейла и получив в Ванкувере канадский паспорт, Конон Трофимович по заданию Центра выехал в Вашингтон для встречи со своим резидентом по США и Северной Америке, чтобы с ним, во-первых, познакомиться и, во-вторых, согласовать детали первой совместной операции. Встреча должна была состояться в парке для верховых прогулок, и вид прекрасно экипированных мужчин и женщин, элегантно восседавших на сказочно красивых лошадях, был таким безмятежным и мирным, что никак не способствовал воспоминаниям об ужасах минувшей войны и о давнишней истории в белорусском городе Гродно.

Итак, слегка постукивая по сапогу стеком, Лонгсдейл свернул в боковую аллею и двинулся навстречу джентльмену, показавшемуся с другой ее стороны. Было точно указанное время. Несмотря на то, что наш век не каменный, а кибернетически-атомный, и людей, которым нужно обнаружить друг друга в толпе, могут снабдить, я думаю, какими-нибудь локаторами на компьютерной основе, техника взаимного обнаружения осталась у разведчиков на примитивном, но, как говорят, весьма гарантированном уровне минувших столетий. Так, сэр Гордон Лонгсдейл зажал сигарету в правом углу рта, а резидент, наоборот, в левом, и оба они, как было условлено, постукивали стеками свои левые сапоги, а в петлицы смокингов воткнули булавки — один с красной, другой с зеленой головками. Ко всему прочему визуальные признаки «своего среди чужих» должны страховаться паролем, который состоит из довольно глупого вопроса и не менее идиотского ответа. Зато, если компьютеры могут сломаться и подвести, тут риск ошибиться практически исключен. Еще издали Лонгсдейл приподнял котелок, приветствуя приближающегося джентльмена, затем поднял глаза на его лицо и замер с окаменевшей физиономией: перед ним был немецкий полковник-абверовец, и как бы в доказательство того, что это был именно он, у Конона Молодыя занял копчик. А «абверовец», поняв, что его узнали, сосредоточился и, представьте, тоже открыл рот и временно его не закрывал

(не зря он тогда в Гродно так внимательно вглядывался в лицо юного террориста!), а потом, явно в нарушение конспирации и вопреки оговоренным условиям, воскликнул: «Партизан?! Не может быть!» Лонгсдейл первым взял себя в руки и с философическим выражением на лице произнес слова пароля: «Вам нравятся лошади-тяжеловозы, сэр?» — на что резидент почему-то с вызовом ответил: «Особенно к о б ы л ы, а вам? — Но тут же дисциплинированно исправился: — У меня на ферме два отличных тяжеловоза, сэр!»

Мне остается добавить к сказанному, что абверовцем в Гродно и одновременно резидентом по США и Северной Америке был не кто иной, как уже знакомый нам советский полковник А., он же «Варлам Афанасьевич» из свиты Лонгсдейла и, наконец, — да, вы совершенно правы, читатель, — Рудольф Иванович Абель; неисповедимы пути Господни...

Вот и теперь круг замкнулся.

К а ч е с т в а. Начинать эту историю надо издалека. В институте у Конона Молодые был товарищ, которого просто однокашником не назовешь: мало того, что они пять лет вместе проучились на китайском отделении, Жора (так звали товарища) был женат на лучшей подруге жены Конона Трофимовича, он, собственно, и познакомился с ней в доме у Молодыев. Короче говоря, золотая студенческая пора молодых людей прошла в одной компании, знали они друг друга как облупленные, но после института пути их разошлись. Жора действительно работал во Внешторге, а где трудился Конон, он не догадывался, а думал, как и все другие, что тот командирован на несколько лет тем же Внешторгом в Китай.

Теперь перенесемся в Лондон, в тот туманный день, когда произошла история, о которой я хочу рассказать. В маленьком телемагазинчике на знаменитой Бейкер-стрит тихо переговаривался с продавцом чопорный англичанин средних лет, рядом с которым стояла, держа его под руку и мило к нему прильнув, молодая и красивая леди, явно иностранка: они выбирали телевизор, и леди сдержанно восклицала с акцентом, указывая пальчиком то на одну, то на другую модель: «Хи из уандефул, май лав!»

Интриговать дальше нет никакого смысла. Конечно, это был Гордон Лонгсдейл со своей деловой партнершей-француженкой, в подарок которой и делалась покупка. В

тот момент, когда телевизор был выбран и оставалось только сказать продавцу, чтобы его, как говорится, завернули и доставили к вечеру на пароходик, пересекающий Ла-Манш в направлении из Лондона в Кале, и покупатель уже принимал от продавца копию чека, зачем-то ему понадобившегося, вдруг раздался громкий и радостный по тональности крик: «Конон!»

Вот уж воистину, как пишут в детективных романах, «ни один мускул не дрогнул на его лице», имеется в виду лицо Лонгсдейла, который, чуть скосив глаза, увидел в дверях магазинчика Жору. Раскинув в стороны руки и счастливо улыбаясь во все свои тридцать два зуба (зуба мудрости у него, надо полагать, еще не было), Жора уже готов был заключить «Конона» в свои могучие объятия и троекратно по-русски, смачно расцеловать, но что-то его все же сдерживало. «Что-то»! Конон Трофимович не только «не видел» своего бывшего однокашника, но сделал вид, что даже не слышит его! Тогда Жора, приблизившись, заорал еще громче и радостней: «Конон, черт тебя побери!» — и, поскольку реакция была той же, положил свою лапищу на плечо Молодья. Правда, на всякий случай положил осторожно, не треснул и уже совершенно нормальным голосом сконфуженно произнес: «Оглох, что ли?» Лонгсдейл снова не шевельнул мускулами лица, а плечом немного повел, будто ему жал пиджак в том самом месте, где лежала рука «незнакомца», и вынул плечо из-под его руки. Жора отважился еще на одну фразу. «Да это я, Жора!» — сказал он даже с некоторым возмущением в голосе. И тогда Молодой произнес на чистом английском: «Экскьюз ми, ай доунд ноу ю!» Жора попятился к выходу, не спуская с Конона Молодья глаз и недоуменно бормоча: «Вот номер, ничего себе...» — а молодая французенка, не выдержав, звонко расхохоталась.

И вот, представьте, прошли годы, в том числе и те четыре, которые Лонгсдейл провел в тюрьме. Конон Трофимович уже дома, в квартире на площади Восстания, и приближается первый на воле Новый год, и жена решает устроить «великий сбор». Приходит народ, и с ее лучшей подругой, как вы понимаете, Жора. Как ты? А как ты? Потом все садятся за стол провожать старый год, принесший в семью Молодыев такую радость: возвращение домой «блудного сына». Потом поднимается для тоста Жора и начинает с того, что сейчас расскажет забавную историю: был, мол, в трехдневной командировке в Англии, дело было

лет пять назад, и вот в Лондоне пошел — куда ж еще! — на Бейкер-стрит, конечно, где жил знаменитый Шерлок Холмс, и там в каком-то маленьком магазине вдруг увидел, понимаешь, Конон, совершенно абсолютного твоего двойника, как в кошмарном сне, ну просто один к одному! Редчайший случай, товарищи! Даже «мушка» на правой щеке с такими же двумя (или тремя?) волосками! Я ему: Конон, черт тебя подери! А он мне: экскюз ми, я вас, извините, не знаю... Так вот, мой тост в честь необъятных возможностей природы! За столом все внимательно и с интересом выслушали, поцокали языками, поудивлялись, одна Галя промолчала. Потом выпили за природу и ее возможности, а Конон Трофимович вдруг спросил Жору: «Этот мой двойник был один?» — «Нет, — сказал Жора, — с какой-то цыпочкой, такой, знаешь, красивой девицей, а что?» — «А если бы, — продолжил при полном внимании стола Конон Трофимович, — ты шел бы в Москве по улице Горького и вдруг увидел меня с незнакомой тебе женщиной, тоже заорал бы: «Конон!»?» — «Нет, конечно», — сказал Жора. «А ты такое отчудил в Лондоне, хотя считаешься воспитанным человеком!» Жора смутился, все засмеялись, одна Галя не улыбнулась. Жора, возможно, до сих пор не понимает, кто был в Лондоне «двойником» Молодая, но сатисфакцию Конон Трофимович получил.

В Е Д У Щ И Й:

С ю ж е т (продолжение). Ничего, что я вас задержал? Хочу сказать пару слов по секрету от вашего героя, — хотя какие могут быть от него секреты? — лучше выразиться: вам как бы для сведения. Дело в том, что так уж случилось в его жизни, что после обмена и возвращения домой Конон Трофимович был сначала допущен к преподавательской работе, которая, как вы можете догадываться, удел большинства скомпрометировавших себя за границей разведчиков, но чуть позже отстранен от нее и вообще от всех дел в нашем ведомстве. Нет, причиной был не провал, в котором Лонгсдейл не был повинен, а, по всей вероятности, он сам, как личность. Двенадцать лет, проведенных там, да еще в роли миллионера-промышленника, не могли, по-видимому, не отразиться на его характере, я уж не говорю об остроте мысли и языка Конона Трофимовича, в чем вы сами изволили убедиться, за что тоже приходится платить.

— Мне будет разрешено назвать в повести его подлинное имя?

— Этот вопрос решится несколько позже и на более высоком уровне, вы пока работайте.

Ему очень многие в Комитете симпатизируют, ценя его профессиональный и человеческий талант. Какое-то время его, как и Рудольфа Ивановича Абея, мы возили на встречи с разными коллективами. Я, например, даже был на двух таких встречах — в ЦК ВЛКСМ и на ЗИЛе. Потом и они прекратились, так что «пенсионный покой» Конона Трофимовича уже ничто не нарушало, он мог отдыхать, живя на даче и собирая, положим, грибы.

Почему так случилось? Вот пример. На автозаводе ему показали сначала производство — водили по службам и цехам, а потом пригласили в зал, битком набитый молодыми рабочими. Конечно, бурные аплодисменты — авансом. А он, откровенно сказать вам, буквально потрясенный хаосом и низкой производительностью труда (конец шестидесятых годов, чем еще ЗИЛ мог перед ним похвастать?), вышел на трибуну и прямо так и сказал: какой же у вас, дорогие товарищи, бардак на заводе! Я бы такое, извините за выражение, и дня не потерпел на моей фирме! Вот дайте мне ваш завод на один только год, я из него конфетку сделаю, наведу порядок и дисциплину, и рублем никого не обижу! Тут уж аплодисменты были не из вежливости, а по существу, честно им заработанные.

После этого случая тогдашний «Первый» сказал Конону Трофимовичу так: пора бы вам, коммунисту, избавляться от мелкособственнических замашек, а Конон возьми и перебей: почему «мелко»? «Крупно» собственных! Мне, мол, нет нужды, как Леонидову, игравшему Отелло, настраиваться в антракте ревностью к Яго, чтобы потом получилось на сцене как «взаправду»: я действительно ревную! Я, как истинный коммунист, хочу, чтобы наша промышленность и экономика... Но «Первый» такие речи не любил, а потому, прервав его, сказал: и все же надо вам, Конон Трофимович, обойтись без чуждой нам психологии! А он: чуждой? Меня всю жизнь, как зайца учат зажигать спички, учили делать так, чтобы моему народу жилось хорошо, и вот теперь, когда я спички зажигать научился и кое в чем стал разбираться, вы говорите: чуждая психология, надо от нее избавляться!

КОНОН ТРОФИМОВИЧ:

ПРОВАЛ. В случае опасности надо искать спасение в уходе, а для бегства необходимы документы. Теперь на

учились делать лучше настоящих: не придерешься. Но прежде... Мой коллега, который старше и опытнее меня, как-то рассказывал нам, молодым разведчикам, что, работая в начале тридцатых годов в Испании, он почувствовал опасность и решил срочно уходить. Ему сделали паспорт, он сел в автобус, и вот на границе с Францией — контроль. Таможенник-француз взял документ, посмотрел на штамп и вдруг говорит: у вас нет штампа на въезд из Франции в Испанию, как вы туда попали, интересно? Оказывается, все сделали, а этот дурацкий штампик впопыхах забыли! Тогда мой коллега собрался с мыслями и ответил с претензией в голосе: что вы меня спрашиваете, не я же ставлю штампы на въезд и выезд, а вы! Таможенник почесал затылок, вздохнул и поставил этот недостающий штамп. Проскочил.

Р а б о т а. Связь между группами, работающими в одной стране, дело не простое. Во время войны, например, четыреста англичан, составляющих семь групп, действовали на территории Франции, оккупированной немцами. К несчастью, они знали друг друга, и стоило группе Проспера влипнуть, как провалилась вся агентура. Но обычно так: в случае беды сам погибай, а коллегу не подставляй! Надумал бежать, то даже это следует делать без помощи коллег, и выходить с ними на связь, чтобы просить совета, агент не имеет ни морального, ни какого-либо другого права. А уж укрываться в своем посольстве — и глупо, и подло. Идут по пятам — уходи, но вход в посольство оставь нетронутым. Вы слышали скандальную историю одного разведчика, который до конца своих дней прожил в родном посольстве в столице чужого государства? Незавидная судьба.

О д н а ж д ы. Иду в Лондоне по улице. Киоск, и на видном месте «Правда»: портрет руководителя на всю страницу в траурной рамке. Взял газету. Не удержался, хотя это было грубейшим нарушением дисциплины; надеюсь, за давностью лет и в связи с добровольным признанием руководство меня ругать не будет. Зато в другой раз было иначе: дисциплина восторжествовала, и кажется, вопреки логике. Дело было так. Я выехал в Цюрих на встречу с курьером-связником. Ехал через Париж (там у меня тоже было маленькое дельце) и был рад, что хоть на три дня вырвался из Лондона. Чувствовал себя отврати-

тельно. В Англии в период туманов многие так себя чувствуют: простужаются, чихают, кашляют, почему-то глотают таблетки рыбьего жира. Я вообще плохо привыкал к тяжелому лондонскому климату, годы проходили — так и не привык, и в этот раз чихал, температура была не меньше 38°, всю грудь заложило, ел антибиотики... Ладно.

И вот, наконец, шагаю вечером по Парижу где-то в районе бульвара Капуцинов и — дышу! Вижу — кинотеатр, на афише «Падение Берлина» (производство «Мосфильм»). Тоска взяла: острое желание посмотреть — но разве можно? Иду дальше в отель и вдруг вижу: господа — Джони! Топают мимо кинотеатра, тоже поглядывают на афишу мой связник, с которым завтра у меня в шестнадцать часов встреча в Цюрихе! Ну, мы, конечно, остановились. «Когда из дома?» — «Ты осунулся». — «Небось уже тает?» — «Весна! Что ж ты осенью в самые туманы будешь делать в этом Альбионе, так его эдак!» — «Перебьюсь. О моих ничего не слышал?» — «Вроде нормально». — «Это видел? В главной роли Борис Андреев, который, помнишь, с Ваней Курским?..» Короче, сплошной «вечер вопросов и ответов». А закончили так: «Ну, завтра увидимся!» И распрощались до Цюриха. Я подумал было, зачем этот формализм: ехать в Цюрих, брать в левую руку «Плейбой», надевать синий галстук в белый горошек, если можно все сделать сейчас, как говорится, не отходя от кассы (кинотеатра), тем более он знает меня, я знаю его, он специально едет ко мне из Москвы, я специально еду к нему из Лондона, и уж если случилось, что мы встретились в Париже, почему бы не так: я — ему контейнер с информацией, он — мне контейнер с инструкциями Центра, всего одно рукопожатие? Но нет, мы распрощались и разошлись: он — не знаю куда, я — в гостиницу, чтобы следующим утром выехать на встречу со связным в Цюрих: дисциплина!

Работа. Если моему агенту зачем-либо необходима экстренная встреча, он должен дать объявление в газете, заранее нами обусловленной, например в «Дейли мейл» Это делается в Англии просто. Поднимаешь телефонную трубку и говоришь: «Будьте любезны, дайте в завтрашнем номере вашей газеты такое объявление: «Утерян щенок колли по кличке «Бальзам» с белым пятном на груди, нашедшего прошу звонить...» или «Куплю старинную кол-

лекцию курительных трубок, предложения принимаются с такого-то по такое-то число по телефону...» Потом называешь редакционному работнику свой домашний адрес, а лучше сразу номер счета в банке, и редакция, напечатав объявление, высылает (правильнее сказать: выставляет) документ для оплаты. И все дела. А я, будучи резидентом, обязан регулярно просматривать «Дейли мейл», особенно отдел объявлений; собственно, с процедуры просмотра газеты начинается утро каждого англичанина, резидента — тем более. У меня нет «выходных» за границей, кроме официально положенных двух недель отпуска ежегодно. Перед отпуском я тоже через газету оповещаю своих помощников, что меня не будет, а то вдруг им экстренно понадобится встреча, а я в это время в Москве, и если они не предупреждены о моем отъезде, начнется волнение: почему не выхожу на связь?! Слабые духом, чего доброго, еще побегут «сдаваться», опережая арест. Поэтому я даю объявление: «Сниму на две недели, начиная с такого-то числа, прогулочную яхту типа «Альбатрос»...» Когда по делам выезжаю на несколько дней из Лондона в Париж или, положим, в Брюссель, со мной «выезжает» и газета, в которой мы печатаем объявления. Это тоже нетрудно устроить: по тому же телефонному звонку в редакцию переводишь доставку газеты по любому адресу в любой город мира.

П р о в а л. Был у меня в Лондоне знакомый художник-модернист, который, как он сам говорил, «марал холсты» и при этом очень бедствовал. Его истинным несчастьем были скверные зубы: просто не на что было лечить. И я однажды по простоте душевной сунул ему в карман пятнадцать фунтов (всего-то!), чтобы он пошел к стоматологу и вылечил особенно болевший зуб. Я сделал явное «не то»: поступил как «простой советский человек», а этого допускать не следовало, потому что он не столько был мне благодарен, сколько удивлен — вот такие глаза! Если бы, предложив ему пятнадцать фунтов стерлингов, я взял с него расписку и еще проценты, он бы ничего не заподозрил, а тут спросил: ты действительно канадец?

О д н а ж д ы. Мне дают явку в одном европейском городе, я приезжаю туда, ищу нужное кафе, сажусь за столик, за которым уже сидит связник, и говорю пароль: «Самсон не такой плохой писатель, вы не находите?» Он лупит

на меня глаза, произносит ответ, затем передает то, во имя чего мы встречаемся, и уходит. Через год, увидев меня в Москве, говорит: «Ты хоть помнишь, какой пароль сказал в том городе, в кафе? При чем тут «Самсон»? Сименон, мать твою!» Мы знали друг друга в лицо, это меня выручило — другой бы ни за что не передал мне контейнер. Кроме прочего, связник был порядочным человеком, не доложил об инциденте Центру, хотя обязан был это сделать; так я избежал хорошей головомойки.

Л е г е н д а. Незадолго перед провалом отец сотрудника моей фирмы придумал интересную конструкцию автомата против автомобильных и квартирных воров и предложил фирме. Я тут же купил у него конструкцию, но не о ней речь — о старике изобретателе. Он работал на военном заводе и был для своего сына хорошим источником секретной информации, а этого сына, давно мною завербованного, я держал клерком на фирме, откровенно сказать, только из-за папаши: бездарный был тип. Так вот, однажды мне стало известно, что старикан жил когда-то в Канаде. И он узнал, что я канадец. При встрече он как-то меня спрашивает. «Кто был твой отец в Канаде?» — «Механик», — отвечаю. «Уж не в Ванкувере ли?» — «В Ванкувере». — «И как его звали?» Я мгновенно отвечаю: «Тэд, но я не помню отца, ведь он и мама утонули, когда мне не было и года!» И на моих глазах, как обычно, когда я рассказывал эту историю, выступили слезы. Старик говорит: «Тэд Лонгсдейл. Погоди-ка, кажется, я его знал! Да, точно знал твоего отца. Тэд — верно?» Позже из-за склероза, наверное, он стал рассказывать окружающим, что знал не только моего отца, но и мою покойную матушку и даже помнит меня, годовалого: орал сильно. Добрый был старик и весьма полезный для моей легенды. Я говорю «был», потому что вскоре он умер. Я пошел на его похороны, стоял в числе почетных гостей с котелком в руках и даже выступил на панихиде, причем сказал об умершем искренне, от всего сердца: он был первым и единственным человеком, который знал меня во младенчестве...

О д н а ж д ы. В Лондоне, на улице, я нос к носу сталкиваюсь с директором моего института, а я был там членом парткома, мы часто ссорились, он вечно стучался об меня, как о камень. Кстати, узнал я директора в Лондоне, как и всех русских узнавал за границей, по заду, прошу простить за натурализм, но, как говорится, из песни слова

не выбросишь. Он, между прочим, видит, что я одет не как посольские работники, и, умница, отвернулся! Впрочем, может, ему просто противно было со мной разговаривать, если он вспомнил, как мы ругались: еще не хватает, мол, в Лондоне об этого типа (об меня, значит) стукаться! И так случилось, что буквально месяца через два встречаемся уже в Москве и вновь на улице, и опять нос к носу — надо же! Я был в Москве в составе британской торговой делегации. Говорю директору: «Здравствуйте!» Нет, не так говорю, а так: «Здра-а-а-а-вствуйте!» И он мне в той же развязной тональности: «Здра-а-а-вствуйте! Ну-с, где работаем?» — «Во Вьетнаме», — отвечаю я, не моргнув глазом. «Что-то слабо загорели, а там солнце». — «У меня, — говорю, — гипертония, загорать врачи не рекомендуют, я больше в тени». — «Оно и видно, — говорит директор. — Ну-ну!»

АВТОР:

С ю ж е т (окончание). Его ордена, вопреки предсказанию, не остались в сейфе у «Пятого» — их несли на подушечках друзья и боевые товарищи Конона Трофимовича, хотя факт этот мало что меняет в печальной сути дела. На похоронах было много народа, гроб с телом выставили в фойе клуба Дзержинского. За несколько дней до смерти, словно чувствуя ее приближение, Конон сказал жене в минуту редкого для разведчика откровения: «Знаешь, Галя, если бы мне сейчас дали задание и документы, я, несмотря на все пережитое, опять поехал бы в какую-нибудь страну, но с моих пальцев, Галя, т а м уже взяли отпечатки...»

Он был долгом и сердцем прикован к делу, которому отдал сначала здоровье, а потом жизнь. Осталась память. И скромная могила на небольшом крематорском кладбище при Донском монастыре — это для тех, кто вдруг захочет положить на серую плиту букет полевых цветов, которые так любил мой герой.

...Если вы читаете эти строки, значит, мне разрешили публиковать повесть о Кононе Трофимовиче Молодом, а если не читаете, значит, пока не разрешили: не пришло еще время. Но придет?

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий КУВАРЗИН, Валентина ГАЙДАЕНКО. По следам «Волка»	3
Александр АФАНАСЬЕВ. Тупик с незапертой дверью	30
Теодор ГЛАДКОВ, Василий ТИМОФЕЕВ. Невозвращенец...	147
Валерий АГРАНОВСКИЙ. Профессия: иностранец (повесть издается в авторской редакции)	249

Составитель
Владимир Дмитриевич Листов

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Редактор Г. В. Иванова
Художественный редактор Е. Н. Заломнова
Технический редактор И. И. Павлова
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 5607

Сд. в набор 18.10.89. Подп. в печать 15.06.90. Формат 84×108/32.
Бум. № 2 тип. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 20,11. Тираж
50 000 экз. Зак. 436. Цена 3 р. Иад. инд. ХД-298.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министер-
ства печати и массовой информации РСФСР, 103012, Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информа-
ции РСФСР, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевно-
яна, 25.

